

Проповеди и молитвы митрополит Трифон (Туркестанов)

Земной ангел и небесный человек (предисловие)

ЗЕМНОЙ АНГЕЛ И НЕБЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК (Предисловие)

В наш рационалистический век всё чаще приходится слышать о соединении христианства с общегуманистическими идеями: мира между народами, прогресса, цивилизации, материального благосостояния; говорится о том, что христианство должно эволюционировать, идти в ногу с веком, что означает на деле (хотят или не хотят этого сторонники таких идей) подчинение духу века, духу мира сего и попытку (увы, уже столько раз не удававшуюся) достигнуть царства Божия на земле чисто человеческими средствами.

Сущность этих идей в более обнажённом виде, не прикрытом всяческими софизмами, можно выразить так: из христианского учения выбирается то, что современно, модно, прогрессивно, или, проще говоря, то, что устраивает, и замалчивается или даже совсем отбрасывается то, что не устраивает. К сожалению, модернизация христианства, открыто принятая частью протестантских богословов, в более или менее завуалированной форме начинает всё сильнее проникать не только в католические, но даже и в православные круги.

Другая тенденция, прямо противоположная модернизации, остается верной словам Христа: «Царство Моё не от мира сего» (Ин. 18, 36). Признавая ценность науки, техники, светского образования и искусства, социально-экономической деятельности, она в то же время сознает относительность, подчиненность, вто-

ростепенность всего этого как временных средств, которые православный христианин должен немедленно отбрасывать, как только они становятся препятствием для его вечного спасения. Представителем этой второй тенденции, выражающей твердость Православия, и был митрополит Трифон (Туркестанов).

Православие можно понять, изучая Священное Писание, творения святых отцов, историю Церкви, богословие. Ведь духовная семинария и академия не для всех возможны, а чтение Священного Писания (с проникновением в смысл его, вдумчивое) для желающего быть православным не по имени, а по жизни необходимо, без него нет спасения и, конечно, нет и Православия. Но самостоятельное изучение этих источников может привести к неправильному пониманию христианства и даже к ереси. Необходима благодатная помощь Церкви, выражающаяся в руководстве духовного отца. Но где ее взять? Надо всем молиться, чтобы Господь выслал деятелей на жатву свою. Православие можно познать еще и другим путем, более доступным человеку, не имеющему богословских знаний, из жизни такого человека, каким был митрополит Трифон.

Знакомство с проповедями, поэтическими произведениями, отдельными высказываниями, поступками митрополита Трифона, с его отношением к тем или иным проблемам и течениям современной ему жизни может оказаться полезным для понимания Православия светскими читателями, пришедшими от неверия к вере. К ним в первую очередь и обращена эта книга. Изучение биографии Владыки прямо вводит в современные проблемы (хотя его творчество обнимает в основном конец XIX и начало XX века), показывая, как должен православный христианин вести себя в той или иной ситуации, относиться к тому или иному явлению частной или общественной жизни.

Кратко и всеобъемлюще Православие заключается в том, чтобы мыслить так, как мыслят все истинно верующие, и веровать так, как учили святые отцы всех предшествовавших веков, представлять совершенство христианского благочестия не в том, чтобы углубляться в непостижимое, но чтобы верно исполнять познанное и ценить веру не по словам, а по делам, – вот тот спасительный путь, по которому шли святые отцы, по которому и нам должно идти. В этом отношении Православие раскрывает и разъясняет догматы Церкви и учение святых отцов в современных понятиях, в некотором смысле переводит старое на язык современной исторической эпохи, показывает

неизменное через изменчивое, вечное через преходящее. Поскольку его принципы переданы нам Самим Господом и конкретизированы апостолами и святыми отцами, вдохновляемыми Духом Святым, оно не допускает никакого развития или перестройки по чисто человеческой инициативе, называемой на церковном языке самочинием, независимо от того, исходит ли она от отдельной личности или от целой группировки или течения.

Доказательством истинности Православия и постоянной поддержки его Господом является тот факт, что оно сохранило свои принципы на протяжении двадцати веков, и если за этот период оно и претерпевало некоторые изменения, то они касались лишь внешней формы, а не содержания. Истинность Православия подтверждается еще и тем, что Господь постоянно прославляет святых угодников Божиих, на земле поживших, послуживших и угодивших Ему.

Но при всех своих неизменных, вечных истинах, от Вечной Истины Христа Спасителя дошедших до нас, достигших нас через девятнадцать с лишком веков, Православие не убивает, не порабощает человеческую индивидуальность, а создает самые благоприятные условия для ее развития и самовыражения. Это также можно видеть на примере митрополита Трифона. Твердый последователь Православия, непримиримый противник всяческих компромиссов между верой и неверием, между возрожденным, облагодатствованным и греховным человеком, горячий проповедник, неутомимый служитель Церкви, разоблачитель ложных богов интеллигенции, он обладал в то же время ярким, самобытным характером с тонким поэтическим восприятием внешнего и внутреннего мира, даром любви прежде всего к недугующим и страждущим, простым умом и сердцем людям и даром непрестанной сердечной молитвы.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). Господь создает чистое сердце. «Сердце чисто созижди во мне, Боже »(Пс. 50, 12), а человек трудится при послушании и смирении, в живом уповании, что Господь очистит его сердце. Смирение и послушание успешнее всего приобретаются

монашеским путем, а лучшей школой монашества была в то время знаменитая Оптиная пустынь, где процветало старчество в лице такого замечательного его представителя, как иеросхимонах Амвросий, старец духоносный, благодатный, но не менее славны и его предшественники и последователи – Леонид, Макарий, Варсонофий и иные прочие, удостоенные от Бога дара прозорливости, исцеления душ человеческих.

Пройдя такую школу, Владыка требовал послушания и от своей паствы, не считая его присущим исключительно монашеству. Монашество отличается от мирских только тем, что оно дает обет безбрачия и нестяжательности. Но как монахи, так и мирские всем существом своим, душою и телом всю свою жизнь должны ревностно стремиться к спасению в Христе Иисусе. Послушание необходимо всем – и монахам, и мирским, – без него нет спасения. «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет» (Евр. 13, 17).

Правда, это требование было чисто нравственным, как требование долга, требование совести, в котором совершенно отсутствовало давление личного авторитета или внешнее принуждение. Послушание принимается человеком свободно, по внутреннему побуждению, в результате внимательного чтения слова Божия, постоянного размышления над ним и всегдашней теплой молитвы: «С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6, 66–68). Человек должен отдать свою внешнюю свободу, понимаемую как возможность поступать по своей воле, для приобретения тех качеств, которые необходимы, чтобы надеяться получить от Господа свободу от греха: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34). Внешняя свобода призрачна: человек думает, что, поступая по своей воле, он поступает свободно, но на самом деле находится в плену у своего тела, у своих греховных страстей и привычек. Человек не знает себя, иногда побуждение, кажущееся ему добрым и

чистым, в действительности может вызываться скрытыми греховными причинами, такими, как тщеславие, гордость, желание насладиться собственной добротой. И когда человек осознает совершенную неспособность руководить самим собой, он приходит к идее послушания. Кроме того, духовный отец является не просто более опытным человеком, а в своих советах руководствуется благодатью. Когда одна женщина постриглась в монахини вопреки указанию Владыки, он отказывался признать ее пострижение, называя ее прежним мирским именем. В настоящее время послушание духовному отцу почти отсутствует среди большинства мирян, посещающих церковь. Священник для них – только человек, совершающий службы, требы и проч., и становится как бы принадлежностью храма, а не отец и не пастырь. Это было замечено еще в 20-е годы Г.Уэллсом («Россия во мгле»). Такое отношение к пастырю, происходящее от отсутствия простоты и незлобия, как и вообще большинство недостатков нашей церковной жизни, является всего лишь последствием «отхода, отступления от Церкви и бунта против нее образованной части нашего общества, за которой последовала и часть простого народа. Это началось еще при Петре I, а особенно усилилось в конце XIX и в начале XX века.

Митрополит Трифон, начиная свою деятельность как раз в это время, понимал пагубность такого отхода, обличал его, боролся с ним, как и другие лучшие представители русского духовенства, но не мог предотвратить его. Отвечая на критику в адрес монахов, он писал о том, что не монастыри ушли от мира, а мир ушел от монастырей, то есть стал менее духовным, более преданным земным интересам. Деятельный путь Владыки был необыкновенно разнообразен и многотруден: епископское служение, поездки в отдаленные храмы и монастыри, такие, как Соловецкий или Печенгский, проповедническая деятельность, заботы о приютах для слепых и сирот, служение на фронте (на линии огня) во время первой мировой войны, бесконечные ранние литургии в различных храмах Москвы, духовничество, в некотором смысле старческое окормление, начиная с 20-х годов – скитание по чужим квартирам, под угрозой вообще лишиться

права жительства в Москве, – вот в самых общих чертах то, чем была заполнена его жизнь.

Наша задача заключается не в том, чтобы проследить весь жизненный путь митрополита Трифона (для этого у нас слишком мало данных), а в раскрытии всеми имеющимися у нас средствами религиозного и нравственного значения его личности. Поэтому мы будем приводить обширные выдержки из различных материалов, с той или иной стороны освещающих его жизнь и деятельность. Нам хотелось бы привести возможно большее количество собственных высказываний Владыки, отражающих его мировоззрение и характер. Наша книга могла бы носить название «Митрополит Трифон сам о себе», но наряду с его собственными произведениями мы широко использовали рассказы его духовных детей, краткие биографии, составленные некоторыми близкими к нему лицами, а также брошюры, описывающие такие события, как хиротония Владыки и его посещения некоторых монастырей, храмов и приютов. Заранее предупреждаем о возможных неточностях и пропусках в его биографии, связанных с тем, что об отдельных периодах его жизни, продолжавшихся по несколько лет, мы не имеем никаких или почти никаких сведений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1861–1913)

Жизнь христианина управляется законами, противоположными тем, которые управляют жизнью мирского человека. *«Они не от мира, как и Я не от мира»* (Ин.17:14). Если сопоставить христианский мир с нашим современным миром, который можно назвать безбожным, или, лучше, языческим (так как в нем всегда поклоняются чему-нибудь, только не истинному Богу: материальному благу, науке, искусству, прогрессу, какой-нибудь философской или социальной идее, гениальной или популярной личности), то можно уподобить его антимиру, или, наоборот, наш мир с его идолами и иллюзиями так же относится к высшему миру, как антимир к реальному миру. Наш мир с его законами (имеем в виду социальные законы, обычаи и отношения) не истинен, хотя большинству из нас он кажется единственно реальным, ощутимым, осязаемым и, следовательно, истинным миром. Вспомним его неписаный закон: человек стремится к счастью, к удовлетворению своих интересов, и если они не совпадают с интересами ближнего, то он часто жертвует последними в пользу первых; он считает, что он сам – кузнец своего счастья и ведет себя так, как будто он в состоянии предвидеть будущее. Это по отношению к внешнему миру, а как обстоит дело по отношению к внутреннему? Человек старается оправдать себя в собственных глазах и обвинить других. Он живет по своей воле, то есть стремится делать то, что он сам хочет, а не то, чего от него хотят другие. Теперь сравним с этим отношением к миру и к самому себе учение Христа. *«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»* (Мф.24:35). *«Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф.6:31–33). *«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих*

вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф.5:43–44). «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени» (Лк.12:15). «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк.18:14). «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф.5:4). «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф.5:11–12).

Если мир живет для этой жизни, то христиане живут для будущей. Но желание наследовать Царство Божие нужно понимать не в грубо материалистическом смысле («Царствие Божие внутри вас»), а как постоянное самосовершенствование и любовь к Богу (см.: Лк.17:21). Божий человек получает удовольствие оттого, что живет не для себя, а для другого, для других, но только не для тех, к кому он привязан узами родства или симпатии, а для всех, для Бога. Это – главное различие между истинным христианином и идолопоклонником, между небесным и земным человеком. Из этой основной цели или направленности всей его жизни вытекают и другие различия: различия в интересах, в привязанностях, в поведении, во внешнем виде.

Взгляните на наиболее типичных представителей небесного мира на земле – священников и монахов (конечно, я имею в виду лучших из них). Обратите внимание на их внешний вид, не касаясь пока внутреннего. Сколько им приходилось и приходится терпеть от земных людей, которые видят их внешнее, но не знают, не понимают и не хотят понимать их внутреннего. В самом деле, если смотреть на все с чисто земной точки зрения, то зачем молиться, бить поклоны, читать неестественным голосом, петь никому не понятные церковные песни? Зачем носить странную несовременную одежду? Зачем отказываться от наслаждений? Это скучно, это неинтересно. Если отказывать себе в пище, в телесном покое, в оживленных светских разговорах с друзьями, наконец, в чтении романов и в других так называемых эстетических удовольствиях, то зачем жить? Вот рассуждение обывателя, как бы высоко он ни был

образован. Но этими вопросами не ограничиваются, стараются высмеять священнослужителей, представить их глупыми, жадными, необразованными, обжорами, пьяницами. Раздувают до невероятных размеров малейшие их недостатки, прибавляя к этому разные небылицы, пошлые шутки и стишки.

А про кого слагаете
Вы шутки непристойные
И песни балагурные
И всякую хулу?
(Некрасов)

И самое обидное, что на основании этих выдумок, понаслышке, не имея ни малейшего представления о их духовной жизни, составляют предвзятое мнение об этих людях, меряют их на свой аршин, не желая слушать никаких аргументов против.

А священнослужители не только молча сносят все это, но и еще молятся Богу за своих недоброжелателей, как молился Христос за распинавших Его. Вспоминается стихотворение Бодлера «Альбатрос», посвященное поэту, но оно как нельзя лучше подходит и к духовенству:

Временами хандра одолеет матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.
Грубо кинут на палубу, жертва насилия,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжело влачит за собой.
Так, поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

Но ведь невозможно любить врагов, возразят неверующие, человек не может заставить себя любить кого-нибудь, тем более того, кто делает нам зло. Ответим словами Священного Писания: *«Человекам это невозможно, Богу же всё возможно»* (Мф.19:26). Наконец, это противостоит естеству, воскликнут

неверующие. Это возражение не ново, современники Христа, фарисеи, говорили, что Он одержим нечистым духом. Однако Его проповедь прошла по всему земному шару, покорила себе дикие народы, воздвигла прекрасные храмы, дала начало новому образу жизни, о котором только мечтали социальные реформаторы. Лучшей апологией христианства является его история.

Жизнь митрополита Трифона раскрывает внутреннюю, непонятную для поверхностного взгляда, сторону христианства и еще раз убеждает, что христианские идеи – не выдумка, не мечта или красивая сказка, а реальность.

Митрополит Трифон (бывший епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, в миру князь Борис Петрович Туркестанов) родился 29 ноября 1861 года.

О его отце П. Н. Туркестанове (1830–1891) мы знаем только то, что он был человек умный, серьезный, благородный, глубоко религиозный, обладал мягким сердцем и изысканно-утонченной деликатностью. Он был идеалист, и практическая сторона жизни его мало интересовала.

О его матери имеются более подробные сведения. Сохранились воспоминания людей, лично знавших ее.

По рождению своему она принадлежала к высшему аристократическому кругу из семьи Нарышкиных и была родной племянницей декабриста Михаила Михайловича Нарышкина.

В раннем детстве лишившись родителей, она осталась на попечении любившей ее тетки княгини Евдокии Михайловны Нарышкиной.

Воспитывавшая ее тетка привезла ее однажды, вскоре после смерти матери, к митрополиту Филарету¹ на благословение. Утешая малютку, митрополит сказал между прочим: «Твоя мать была святая, она теперь в раю». Живой ум ребенка сейчас же потребовал объяснения. «А что делают в раю?» – спросила девочка митрополита. «В раю молятся Богу», – отвечал ей серьезно святитель. Разочарованная таким ответом, малютка с живостью произнесла: «Только молятся, как это скучно!» Зорко взглянув в ее детские глазки, великий святитель положил ей на голову руку и серьезно, проникновенно

произнес: «Дай Бог тебе, дитя, впоследствии познать сладость молитвы».

И пожелание Владыки исполнилось. Разными обстоятельствами жизни Господь Промыслитель привел ее впоследствии к познанию сладости молитвы, которая стала жизненной стихией ее души.

Выйдя замуж за князя П.Н. Туркестанова, человека как нельзя более соответствовавшего ее настроению, Варвара Александровна имела шесть человек детей и потом более 20 лет вдовела. Но ни замужество, ни вдовство, ни молодость, ни старость, ни требования света – ничто не отвлекало ее от любимого занятия – молитвы.

Слушать Божественную литургию было для нее живой потребностью, и она не пропускала ни одного дня, не быв у обедни. Ни погода, ни утомление – ничто не удерживало ее. Особенно любила она присутствовать на престольных праздниках, узнавала о них из газет и непременно ехала в ту церковь, где было торжество. В самых отдаленных уголках Москвы можно было встретить богомольную княгиню. Особенно часто и подолгу любила она бывать в Троице-Сергиевой Лавре и ее окрестностях.

Варвара Александровна с удивительным умением и тактом умела поддерживать отношения со светом, не нарушая важнейших христианских обязанностей. Если, например, в обществе назначался вечер и это совпадало с праздничной всенощной, то она, не задумываясь, отклоняла приглашение; если ей случалось быть на чьем-либо семейном празднестве и оно приходилось на постный день, то она ограничивалась чашкой чая, фруктами, но никогда не позволяла себе нарушить поста. Но это не делало ее обособленной, угрюмой, замкнутой. Умная, веселая, общительная княгиня везде была желанной гостьей, душой общества, в ее гостиной всегда можно было встретить самых разнообразных людей, она обладала удивительным умением каждому сказать или сделать что-нибудь приятное; она помнила дни рождения и именины не только своих многочисленных родных, но и буквально всех знакомых. И прежде всего поминала их в церкви, а затем ехала или

посылала поздравлять, не забывала она и умерших своих друзей и отдельно молилась за каждого в дни их памяти.

Но было бы ошибочно думать, что княгиня относилась так только к лицам своего круга. Посещая постоянно монастыри и церкви, она знакомилась там с людьми среднего класса и даже совсем простыми и своей приветливостью привлекала их, участливо выслушивала их печали и невзгоды и, чем могла, помогала им. Случалось, что, едучи по Москве, она встречала какую-нибудь «церковную» знакомую, плетущуюся по улице, останавливала экипаж, сажала ее с собою и подвозила, хотя бы это было и не по дороге. Когда эти знакомые приходили зачехлило к ней в дом, она так же приветливо принимала их, угощала и никому не позволяла обижать их холодным приемом. Вероятно, она и привила своему сыну Борису ту любовь и участливость к простым людям, которые он сохранил на всю жизнь.

Глубокая и искренняя религиозность не только не мешала, но и помогала Варваре Александровне выполнять ее семейные обязанности. Сколько было у нее детей и внуков! Всех она стремилась воспитать, приготовить не для одной земной жизни, а и для неба; пристроить, согреть, утешить. Но, несмотря на множество забот и скорбей, никто не слышал от нее жалоб или малодушного ропота. И обычными словами, произносимыми ею при воспоминании о скорби, были: нужно терпеть. Следует отметить также, что в ее живом, светском разговоре никогда не было злоречия, она никого не осуждала и умела отыскать в каждом что-нибудь хорошее, чем-либо возвысить его в общественном мнении.

Подводя итог, можно сказать, что лучшие черты ее характера нашли свое отражение и развитие в характере ее сына, который с младенчества был посвящен Богу. Об этом посвящении рассказывает сама Варвара Александровна: «Мой Боря, будучи младенцем, был очень слаб и часто прихварывал. Одно время он так расхворался, что врачи не надеялись на его выздоровление; и тогда я прибегла к Врачу Небесному. Особенно я любила молиться в церкви мученика Трифона, находящейся на окраине Москвы, церковь эта в то время не

отличалась ни богатством, ни обширностью. Молилась я святому мученику Трифону за своего малютку Борю, слезно просила святого мученика ходатайства его перед Богом за больного сына, обещая, если он выздоровеет, посвятить его на служение Богу, и, если суждено будет ему отречься от мира, назвать его при пострижении в монашество Трифоном. После этого Боря стал быстро поправляться, скоро он совсем выздоровел, окреп, и, как видите, обещание выполнено». Как сообщает биограф митрополита Трифона иподиакон Феофан, Владыка не знал об этом до своего пострижения.

Примечателен и другой случай. Варвара Александровна ездила с маленьким Борей в Оптину пустынь к о. Амвросию. Неожиданно старец сказал стоявшему перед ним народу: «Дайте дорогу, архиерей идет!» Расступившаяся толпа с удивлением увидела вместо архиерея приближавшуюся женщину с ребенком. Этот ребенок и был будущий архиерей Трифон.

Раннее детство Владыки протекало то в Москве, то в подмосковном имении Нарышкиных – Говорове (недалеко от теперешнего Востряковского кладбища). Одноэтажный дом с террасой в большом старинном парке, с двумя прудами, каменная церковь Рождества Богородицы – все это кануло в вечность. Говорят, что остались только пруды... И еще кусочки воспоминаний самого Владыки и его духовных детей:

«Тут были и картины раннего детства, елка, освещенная восковыми свечами, запах хвои, радостные лица детей, и одновременно – темный иконостас полуосвещенного деревенского храма, красный штофный занавес алтаря, рождественские песни: «Христос рождается, славьте, Дева днесь Пресущественного рождает...». Праздничное настроение в доме среди слуг и родных. Священник пришел с крестом, звучит песнь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума...».

В детстве Владыка жил в Говорове. Его помнил крестьянин этого села Добряк. Он говорил: «А какой он озорник был в детстве! Бывало, по всем огородам кто морковь-то выдергал? Борька Туркестанов».

«В детстве Владыка с братом Александром Петровичем вырезали из газет облачение, служили и пели...» (из воспоминаний племянницы митрополита Трифона).

«...Когда я был маленьким мальчиком, одна знакомая моей матери, особа образованная, в высшей степени религиозная, говорила моей матери: «Наступил пост, вот надо говеть, готовлюсь, размышляю и не вижу никаких грехов...» Тогда я, будучи мальчиком, удивился, мне это показалось очень странным, и я не мог ничего ответить...» (из проповеди Владыки Трифона).

Здесь переплетаются два мира – светский и духовный, внешний и внутренний, игра и серьезное, но преобладает не по-детски вдумчивое отношение к религиозным вопросам и давнишнее, с детских лет, желание посвятить себя служению Церкви, о чем он со слезами молился Богу. Брал уроки церковного пения у настоятеля храма Иоанна Воина, прислуживал в алтаре...

Годы юности. Учеба сначала в классической гимназии Л.П. Поливанова, одной из лучших в Москве (окончил ее в 1883 году), затем – в Московском университете. Увлечение театром, участие в любительских спектаклях. О таких спектаклях (в Немчиновском театре) Владыка вспоминает в письме к жене артиста А.И. Южина: «Вероятно, вы помните этот театр, хотя, я думаю, никогда не имели несчастья бывать в нем, я говорю несчастья, потому что эти спектакли были в громадном большинстве ниже всякой критики, давали там большей частью комедии Крылова, самого популярного драматурга 70-х годов, любители ролей не учили, шли по суфлеру, иногда бывали даже нетрезвы, и на сцене получалась невообразимая чепуха, в которой даже разобраться было невозможно невзыскательным тогдашним зрителям. Главный гвоздь, говоря теперешним языком, были танцы после спектаклей, и иногда, воодушевленные винными парами бойко торговавшего буфета, артисты и зрители от танцев переходили к рукопашным упражнениям, так что часто приходилось приглашать полицию. Впрочем, в этом печальной памяти театре, давались иногда и серьезные представления шекспировским кружком,

учрежденным педагогом Л.П. Поливановым и известным знатоком Шекспира С.А. Юрьевым, ставились шекспировские трагедии. Тогда и исполнение было другое, да и состав зрителей был другой, бывали на этих спектаклях и Аксаков, и Тургенев, и Федотова, и Ленский, и многие другие представители интеллигентной Москвы. Буфет, правда, торговал плохо, но зато капельдинеры театра нас одобряли: «Очень солидные господа, ни разу не надо было полицию призывать...»

Но и в этот период религиозный элемент преобладает над светским и как бы вытесняет его. Этому способствуют и промыслительные встречи с людьми, близкими по духу. Среди таких людей особенно выделяется старец Гефсиманского скита (недалеко от Троице-Сергиевой Лавры) иеромонах о. Варнава, который произвел на юного богомольца, посетившего скит, неизгладимое впечатление своей высокой, подвижнической жизнью. «...Что меня особенно в нем пленяло, – вспоминал Владыка, – это то, что удовлетворение телесных потребностей для него никогда не было каким-то делом, к которому надо было особенно готовиться. Никаких поблажек себе, никакой даже самой невинной прихоти: он вовсе не пил чая, носил самую простую одежду, вкушал самую грубую пищу... никогда как следует не обедал, а так, перехватит что-нибудь, и опять за дело. Он никогда как следует не спал, а так, «прикурнет», как говорится, во всей одежде на своем деревянном ложе, с подушкой, набитой чуть ли не булыжником, и снова встает на молитву...

...Не могу выразить словами, но до сих пор помню то необыкновенно светлое чувство какого-то духовного восторга, какой-то неземной радости, с которыми я возвратился от о. Варнавы. С этого времени начинается мое с ним духовное знакомство, продолжавшееся в течение всей его жизни. Во всяком своем деле я советовался с ним, получал от него добрый совет и благословение...

...Мое знакомство с ним началось с конца семидесятых годов, когда еще гимназистом я посетил для говенья Петровским постом скитские пещеры. Мне давно хотелось с ним познакомиться, ибо я много слышал раньше о его

подвижнической жизни, о тех мудрых советах, которые он дает целым тысячам людей, к нему ежедневно приходящих, но долго не решался это сделать, и это потому, что у многих людей светского общества существует совершенно неправильный взгляд на подвижников, то есть на людей высокой созерцательной жизни, особенно же на тех, которые, по общему мнению, отличаются даром прозорливости, то есть предвидением будущего.

Им все кажется, что все такие люди отличаются крайнею суровостью к приходящим к ним грешникам. Они боятся даже, что те поразят их каким-нибудь суровым наказанием или смутят душу страшным пророчеством.

Сознаюсь, что и я не был лишен в годы моей юности этого предрассудка. То было еще до знакомства с о. Амвросием, Оптиной пустыней и вообще русским православным монашеством.

Но вот я решился повидаться с о. Варнавой. Сначала поговев в продолжение недели, усердно помолившись в маленьком пещерном храме Черниговской Божией Матери, на месте которого теперь воздвигнут громадный собор, я, со страхом и трепетом, чудным июльским вечером постучался в дверь маленького деревянного домика, в котором обитал о. Варнава.

Долго он мне не отворял, наконец послышались шаги, щелкнула задвижка и на пороге появился седой монах небольшого роста, с мягкой, доброю улыбкой на устах, с проницательным взором темных очей. Вглядевшись в меня, он произнес тем радостным, ласковым тоном, который так памятен всем, близко его знавшим: «А! Милый барин! Ну, рад тебя видеть, мы тебя все здесь полюбили», – и с этими словами он меня благословил, обнял одною рукою и чрез темные сенцы ввел меня в свою келью, освещенную одною восковой свечой.

...Несколько простых икон в переднем углу, перед ними на аналое медный крест и Евангелие, рядом деревянный стол с несколькими книжками и брошюрами духовно-нравственного содержания, в углу деревянная кровать, покрытая одним войлоком. Вот и всё. Но сколько великих дел совершилось в

этой убогой обстановке! Сколько изнемогавших в борьбе с самими собой и житейскими невзгодами душ получили здесь себе облегчение и помощь! Сколько людей, дошедших до полного отчаяния, выходили отсюда бодрыми и готовыми на всякий подвиг!

Да, много великих тайн хранит эта бедная келья, поистине она неизмеримо выше и драгоценнее роскошных чертогов земных богачей». Интересна и другая встреча – с артистом Малого театра Михаилом Аркадьевичем Решимовым, совершенно противоположным о. Варнаве по внешнему положению, но близким к нему своей чуткой душой и по-детски не мудрствующей верой.

Об этой встрече рассказывается в уже цитированном нами письме к вдове артиста А.И. Южина:

«В ранней моей молодости, так приблизительно до 20-летнего возраста, я очень увлекался театром и в домашних спектаклях несколько раз пробовал свои силы, пробы эти были по большей части неудачны... и потому, что амплуа я выбирал крайне неподходящие, ничего общего не могло быть между мною, маленьким, худеньким, сутуловатым юношей, с очень неловкими манерами, и всегда крайне плохо одетым... и ролями блестящих красавцев.

Восторгаясь Михаилом Аркадьевичем на сцене, я, по своей застенчивости, даже дикости, никогда не мечтал познакомиться с ним лично, но совершенно неожиданно для себя... получил эту великую тогда для меня радость: то было в Крыму, в Ялте, где он, уже безнадежно больной, лечился от чахотки; там же находился и мой больной астмой отец, а с ним в качестве спутника я.

Мой отец представил меня Михаилу Аркадьевичу, а я, дрожащим от робости голосом, просил позволения посетить его, на что тот очень любезно дал свое согласие...

Я, как очень многие застенчивые люди, робею малознакомого лица до тех пор, пока не уверюсь, что оно ко мне хорошо относится, когда же я приду к этому убеждению, я делаюсь вполне откровенным и открываю все, что у меня на душе; так и в моих отношениях с покойным, когда я увидел его

сердечное расположение ко мне, я, не без страха и трепета, все-таки на его вопрос, какую я думаю избрать карьеру в жизни, открыл ему... что я избрал... иноческий путь и предполагаю в скором времени поступить послушником в Оптину пустынь, где в то время подвизался иеросхимонах Амвросий... Мне бы хотелось, говорил я, приняв пострижение и пробыв под руководством этого великого христианского психолога несколько лет, потом выйти, если Господу будет угодно, на служение братьям нашим, особенно всем скорбным, страдающим, нуждающимся в духовной поддержке. Я, не без основания, заметил, что открыл ему это не без страха и трепета, потому что до этого времени все, кому открывал свое заветное желание, за исключением моей матери, отнеслись к этому крайне неодобрительно; много всякого рода возражений, а иногда и укоризны и насмешек услышал я от моих товарищей, и от родных, и от того интеллигентного слоя общества, среди которого я находился. Не так отнесся ко мне мой дорогой Михаил Аркадьевич: своей чуткой артистической душой он понял искренность моего призвания служить Господу, и, когда его супруга Вера Дмитриевна заметила, что она не понимает, как можно в такие молодые годы обрекать себя на такую безотрадную жизнь, он ей на это возразил: «Как ты не понимаешь, Вера Дмитриевна, что у князя горячее желание принять глубокое пострижение (надо бы сказать «великое» пострижение, но в терминологии церковной он был весьма слаб), он хочет служить Богу и ближним, это высокое дело». Это было мое последнее свидание с ним, через несколько дней я уехал в Москву, а затем скоро поступил в монастырь».

Один из биографов митрополита Трифона, иподиакон Феофан, сообщает аналогичный эпизод, указывая, однако, другое имя – М.М. Макшеева (тоже артиста Малого театра):

«Приехав в Москву из-за тяжелой болезни своего отца, он пошел к своим друзьям Лопатиным, с сыном которых он учился, и в разговоре за столом высказал мысль о том, что он останется послушником в Оптиной пустыни. Семейство Лопатиных, наружно благочестивое, встретило его намерение насмешками. Не дождавшись ужина, он ушел, и, выйдя из их дома, заплакал,

сказав себе: «Что я им сделал?», и решил, что этот дом, когда-то близкий ему, навсегда потерян.

Приехав с больным отцом в Крым, он, хотя и не участвовал, но посещал репетиции, которые вел известный артист Малого театра Михаил Михайлович Макшеев. Однажды на прогулке он был приглашен к М.М. Макшееву, и тот задал ему вопрос, что он намерен делать по окончании гимназии, на что будущий Владыка с опаской отвечал, что он решил в Оптиной пустыни принять постриг. Тогда М.М. Макшеев позвал свою жену и сказал ей: «Вот Борис Петрович, молодой, богатый, красивый, отказывается от светской жизни ради Христа Спасителя. Мы должны этого человека уважать». Владыка понял, что Макшеев – артист, которого многие «благочестивые» семейства сторонились, – имел Дух Христов и, после этого, он стал Владыке необыкновенно близок».

Сейчас трудно сказать, имел место первый вариант или последний, но в этой истории важна не фамилия артиста, а описанные события, характеризующие настроение Владыки в то время. Этот эпизод важен еще и тем, что, зная о нем, можно понять, почему митрополит Трифон всю жизнь с такой любовью и теплотой относился к артистам, которые отвечали ему тем же. Юношеское увлечение театром не изгладилось полностью, он понимал и ценил ту роль, которую может играть искусство и, в частности – театральное, в духовной жизни человека, и не осуждал посещения театра своими духовными детьми, сознавая, что греховен и безнравствен не театр вообще, а отдельные пьесы, которые ставятся на сцене. Мы подробно рассмотрим его взгляды на театр и увидим, что в них нет противоречия со взглядами святых отцов (например, Иоанна Златоуста), осуждавших зрелища.

* * *

Оптина пустынь открывает новый период в жизни молодого князя Бориса. С 1887 года он поселяется в ней послушником, а в 1889 году принимает пострижение. Он уходит туда в лучшую пору цветущей молодости, когда жизнь бьет ключом, он оставляет всю прелесть мира и, забывая свое аристократическое происхождение и блестящее образование,

наравне с простыми послушниками несет различные монастырские послушания, подчас довольно тяжелые.

Об Оптиной пустыни мы знаем прежде всего из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Но Достоевский при описании этой обители и ее старца дает волю творческой фантазии и влагает в уста старца соловьевские идеи о теократии, под влиянием которых он в то время находился. Поэтому описание, верное в деталях, не везде отражает истинный дух этой обители и старчества.

Послушаем лучше самого Владыку, бывшего ее послушника, а впоследствии монаха.

«Древняя Оптина пустынь находится в Калужской губернии, недалеко от г. Козельска, и, по преданию, основана неким отшельником Оптой. В древности она процветала, но, с течением времени, стала хиреть и едва не была закрыта. Восстановителем ее явился в начале XIX столетия некто игумен Моисей. Человек глубокого внутреннего опыта, он понял, что монастырь без духовного руководителя не может процветать; для того, чтобы научить братию молиться, бороться со страстями, совершенствоваться духовно, необходим опытный духовный руководитель. Вот почему он постарался отыскать такого руководителя и нашел его в лице некоего иеросхимонаха Леонида, ученика знаменитого Паисия Величковского. Учеником о. Леонида был иеросхимонах Макарий, а учеником о. Макария – батюшка о. Амвросий.

В чем же заключается старчество? Оно заключается в духовном руководстве старцем ученика: ученик всецело подчиняется воле старца. Он каждодневно открывает ему все, что он делал за весь день: все свои мысли, чувства, недоразумения, и на все получает надлежащий ответ. Это – отношение любящего мудрого отца к своему сыну. Старец может не иметь никакого иерархического положения в монастыре, но он за свою духовную мудрость пользуется глубоким авторитетом, перед ним преклоняется даже и сам настоятель.

Старческое влияние стало благотворно действовать на дух оптинской братии; она стала процветать и в то же время, благодаря этому, стала делаться все более и более известной и

среди мирян. Кого только не перевидала Оптиная пустынь в своих стенах! Киреевские, Хомяков, Гоголь, Достоевский, Леонтьев, Толстой и множество многих людей всяких возрастов и состояний приходили к старцам, раскрывая им свою душу, получая мудрый совет и духовные исцеления». («Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий»: Чтение еп. Трифона в пользу бесплатной глазной лечебницы. – Сергиев Посад: Тип. Св.Троице-Сергиевой Лавры).

«Посмотри на эту обитель. Здесь не рассуждали, может ли всех принятых прокормить и содержать монастырь. Нет. Здесь не было места этим малодушным рассуждениям. Здесь твердо верили словам Христа. *«Если и птиц Бог греет и питает, если и траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, как и Соломон не одевался в своей славе, то коль ми паче вас... – Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам...»* (ср. Лк.12:24–31).

Какие же были наиболее яркие впечатления?

«Монастырь – ночная, величавая, долгая служба, девяностолетний Оптинский архимандрит в тяжелой, шитой золотом ризе и митре, древние иконы, древние напевы, батюшка старец Амвросий в своей маленькой келье, его светлое личико, его дрожащая благословляющая ручка, запах росного ладана, иконы по стенам...».

Личность Амвросия, конечно, занимала центральное место среди переживаний молодого послушника.

«Мне вспоминается, как в первый раз я, еще юношей, со страхом стоял перед ним... Как сумел он утешить меня и успокоить, с каким восторгом я возвратился к себе. Вспоминается, как в своей маленькой скитской келье он благословил меня облечься в иноческую одежду, с каким благодушием он тогда смотрел на меня, какие наставления давал мне... Вспоминается, как ровно год тому назад прибыл я сюда, волнуемый различными сомнениями; с какой лаской, с какой любовью он разрешил все сомнения, не дававшие мне покоя».

Но вот и другой образ – настоятеля Оптиной пустыни архимандрита о. Исаакия:

«...Навеки не изгладится в нашей памяти трогательное зрелище, которое представлял маститый старец сей, уже при самом закате дней своих, лежащий под развесистым деревом на одре своем, окруженный плачущими детьми обители своей и слабым голосом дающий им последние наставления: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите утешения в печали, наипаче всего храните совесть свою, очищайте ее всегдашним покаянием, не ищите благ земных, а небесных: здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои». И каким величавым спокойствием дышали его слова, ибо они исходили из сердца человека, глубоко убежденного в их правоте, всю жизнь свою посвятившего их исполнению. Да, он любил Бога, ибо всю жизнь нелицемерно служил Ему! Да, он любил службу Божию, ибо за день кончины коснеющим уже языком благословлял Господа, призывая чтеца к начатию утреннего богослужения: не желая лежать выслушивать Божественные словеса евангельские, а сиюсь встать, дабы стоя их слушать!»

В церкви к утрени и ко всем службам он всегда являлся первым и исходил последним, и это не только тогда, когда он был крепок и здоров, а и болен и слаб, когда ноги его покрылись ранами, когда от слабости он стоять почти не мог – никакого послабления плоти! А дома, в келье, когда он давал себе покой? Всегда – и утром, и вечером – двери его были открыты для братии и убогих: всякого грядущего к нему не изгонял вон, а, напротив, исполнял по силе возможности нужды всех. Тяжело было подчас для немощного, слабого духом инок это постоянное побуждение к молитве и подвигу, и, может быть, иногда слово ропота на излишнюю строгость, казалось, вырывалось у иного из братии, но теперь поистине многие благодарны ему за то, что эта строгость удержала их на пути подвижничества, не дала образоваться навыку к лености и самооправданиям. И вот почему он с такой неохотой отпускал брата куда-либо из обители, особенно в большие города. «Ты

уже не вернешься оттуда таким, каким вышел от нас», – говорил он. И с какой радостью встречал он возвращающегося брата. И тогда можно было видеть всю любвеобильность его сердца, которая, так сказать, проступала сквозь его обычный, суровый подвижнический образ».

«...Учил ты великим началам, на которых зиждется духовная жизнь обители Оптинской: глубокому, всецелому повиновению старцу и твердому неустанному подвижничеству. И вот настоятель одной из славных обителей русских, всеми глубоко уважаемый, как дитя покорно склоняется пред волей старца, с самого поступления своего сюда, в обитель, послушником и до последнего вздоха ничего не делает без его совета и благословения... Смирясь пред старцем, покойный о. архимандрит и в личной своей жизни, и в пище, и в одежде, и в убранстве кельи наблюдал полную простоту древних подвижников».

Мы привели столь обширные выдержки не только для того, чтобы дать представление о личности о.Исаакия. Из них можно узнать о порядках, существовавших в Оптиной, об отношениях между братьями, а самое главное, о внутренней, духовной стороне монашеской жизни, без которой бессмысленны и неисполнимы все внешние ограничения. Оптина пустынь составляла одну большую семью, где, как и во всякой семье, возможны недоразумения, ссоры и даже порой вражда, но тот дух, которым жила обитель, рано или поздно касался сердца каждого брата и производил в нем благотворные изменения, которые не изглаживались ни временем, ни переменой обстановки. Многие воспитанники Оптиной были разбросаны впоследствии по всей России и оказались в самых различных, и чаще всего тяжелых, жизненных ситуациях, но везде можно было узнать их, везде они сохраняли дух своей обители, который передавался и их духовным детям. Люди же, чуждые этому духу, не уживались долго в стенах ее, волей или неволей они подобно оторванным листьям уносились прочь.

«Многие настоятели, – замечает Владыка, – похваляются за великолепные здания и храмы, воздвигаемые ими, но в сотни и

тысячи раз труднее не умалить, а возвысить дух братии, сохранив в ней непоколебимое подвижничество».

В том же слове об о. Исаакии он рассказывает о том, какой ценой достигалось это подвижничество:

«Мы, братие иноки, знаем из нашего слабого, несовершенного опыта, как трудно телесному человеку оторваться от земли, мудрствовать не дольняя, а горняя. Бывают минуты и часы, особенно ночные часы, когда, как призраки убитых пред убийцей, восстанут пред тобой все соделанные грехи или зовут и манят к себе, обещая утехи и усладу чувственные, или, наоборот, нашептывают зловещие речи, вселяя в душу ужас уныния и отчаяния. И усопший испытывал эти минуты и часы и с обычной простотой и смирением рассказывал, как в первые годы поступления в обитель тесны становились ему стены скита и коварный обольститель рода человеческого нашептывал ему коварные, язвительные речи: «Беги чрез эти стены, скройся, пока никто не видит, удались в мир». Но он проганял лукавого демона тем, что ему особенно тяжело и невыносимо: исповеданием помыслов старцу, бдением, постом и молитвами...» Подобные искушения знакомы всем, вступающим на иноческий путь, не миновали они и инока Трифона. «Духи злобы не без борьбы выпускают из рук свою жертву. Обратившийся к спасению грешник пусть знает, что ему предлежит тяжкая борьба с самим собой. Ему постоянно придется бороться с восстающими греховными помыслами, особенно с помыслами злобы, блуда, осуждения, уныния...»

В 1889 году, 31 декабря, накануне Нового года, князь-послушник Борис принимает монашество с именем Трифона, а через семь дней, в январе 1890 года, рукополагается в иеромонахи, его заветная мечта наконец сбылась. Когда он сказал о намерении принять монашество своей матери, она не стала отговаривать сына, помня свое давнее обещание посвятить его Богу, и благословила его на этот подвиг. Исполнилось и другое обещание матери – назвать его при пострижении в монашество Трифоном.

В том же 1890 году иеромонаху предложили занять место учителя и надзирателя в миссионерском осетинском училище. О. Трифон с любовью соглашается, его не страшат ни отдаленность места, ни учительский труд. Здесь, на новом месте, о. Трифон насаждает в сердцах своих учеников любовь к Богу и ближнему. А все свободное от занятий время он посвящает чтению трудов святых отцов Церкви. В дальнейшем мы увидим из его проповедей, какую пользу принесло ему это чтение. Обращаясь к своим современникам, говоря образным, доступным им языком, затрагивая волнующие их вопросы, он, в то же время, умел вставить в свое слово наиболее подходящую, нужную, яркую цитату из произведений отцов Церкви, вспомнить соответствующий душевному состоянию кающихся эпизод из жизни святого, – отцы Церкви помогали ему говорить с людьми и укрепляли его самого. Он как будто видел их перед собой, общался с ними. Это были не сухие теоретические знания, а живая поддержка. И именно отцы Церкви помогали ему отражать все «теоретические» атаки на Церковь – неверия, новоявленного реформаторства и вообще плотского мудрования всяческих видов и оттенков.

В октябре 1890 года иеромонах Трифон возвращается в Оптину к о. Амвросию, «волнуемый различными сомнениями», которые, вероятно, относились и к его будущей деятельности. Старец с любовью и лаской разрешил эти сомнения. И в час кончины своей (1891) старец сумел утешить своего бывшего послушника, сказав ему, что «смерть посылается Милосердным Господом в самое лучшее время для человека, когда его душа наиболее к ней приуготовлена». О. Амвросий благословил его учиться в Московской Духовной академии, куда он поступает в 1891 году. 10 октября того же года старец скончался в основанной им Шамординской женской обители, в нескольких километрах от Оптинского скита.

Множество духовных лиц во главе с архиереем, множество народа, иноков, инокинь собрались на его отпевание. Торжественно, великолепно было совершено отпевание многочисленным духовенством во главе с епископом Виталием. Особенно разителен контраст между скромным гробом и

убогими, скромными одеждами смиренного старца и блестящим облачением и пением соединенных хоров – иноческого и архиерейского, множеством свечей, множеством высокопоставленных лиц, толпами богомольцев. Всех объединяло одно чувство – любовь и благодарность. Торжественны были проводы о. Амвросия в темный осенний вечер: дождь, свечи у богомольцев не угасали, гроб все время несли на руках его почитатели, и трогательна была минута, когда гроб, высоко поднятый, как плывущий по воздуху, был встречен сонмом иноков в серебряных облачениях во главе с настоятелем – архимандритом Исаакием. Поистине казалось, что это – перенесение мощей, а не простое погребение.

Так вспоминает об этом событии сам Владыка, присутствовавший на погребении старца. И, как бы подводя итог жизни и деятельности своего наставника, он приводит слова апостола Павла, начертанные на мраморном надгробии могилы: *«Я был для всех всем, чтобы спасти хотя некоторых (Всем бых вся, да всяко некия спасу)»* (1Кор.9:22).

Находясь в Троице-Сергиевой Лавре, студент академии выбрал себе самое тяжелое послушание: он был назначен священником в пересыльную тюрьму. Причетниками к нему назначались монахи, которые уговаривали его отказаться от этого служения, сказав, что преступники сумеют с ним расправиться. Но он продолжал служить; и Великим постом, когда он произносил молитву Ефрема Сирина и арестанты, закованные по рукам и ногам, клали поклоны, то, как он потом говорил, ни одна служба не производила на него такого впечатления. Он говорил не раз: «Дай Бог, чтобы православные христиане так каялись, как эти преступники».

Вот отрывок из его Слова, произнесенного в тюремном Сергиево-посадском храме 25 января 1894 года:

«Особенно вы, возлюбленные чада мои духовные, заключенные здесь, в часы скорби вспоминайте жизнь Пресвятой Девы и почерпайте от Нее себе силы для борьбы со своими страстями и пороками. Вы временно удалены от людей: друзей, родных и знакомых, от своих обычных занятий. Вы, по великой к вам милости Божией, как бы заключены в затвор,

подобно схимнику, для обозрения своей предыдущей греховной жизни. Пусть не пропадет для вас это дорогое время в нетерпеливом ропоте и сетованиях на свою долю или праздных мечтаниях. К Ней несите ваши скорби и вздыхания».

Посмотрите, как осторожно сумел он подойти к больным душам преступников. Не закрывая глаза на их пороки, он, в то же время, не стал выделять этих людей как особо грешных и виновных перед Богом, не стал подчеркивать их преступлений, а, наоборот, уподобил заключенных высокому званию схимника и тем самым заставил их по-новому взглянуть на свое положение.

В то время вызвал его к себе Московский митрополит Сергей, и, когда скромный иеромонах поклонился ему, митрополит сказал: «Отец Трифон, вы награждаетесь высокой наградой – золотым наперстным крестом, но это не я вас награждаю и не Святейший Синод... Это преступники вас награждают, которых вы утешили. Так носите этот крест с честью!»

После смерти о. Амвросия иеромонах Трифон перешел под духовное руководство старца Гефсиманского скита (близ Троице-Сергиевой Лавры) о. Варнавы, того самого, к которому он приезжал еще в юности и который вызвал в нем тогда «необыкновенно светлое чувство духовного восторга».

С этим старцем он советовался во всяком своем деле и получал от него благословение. Это продолжалось до самой кончины старца. «Последний раз, – вспоминает Владыка, – я вместе с ним совершил Божественную литургию в четверг на первой Неделе Великого поста и навеки простился с ним. Последние слова его были: «Прежде я иногда при моих приездах в Москву объезжал тебя, ну а теперь я часто, очень часто буду тебя навещать». С этими словами он пожал мне руку, и уже более живым его я не видел»². Он скончался в пятницу вечером.

Подвижник высокой жизни, о. Варнава имел в виду, конечно, духовное общение после своей смерти. Не случайно в приведенном отрывке сказано: «...и уже более Живым его я не видел». Такое общение с духовным миром, к которому

принадлежат души умерших праведников и святых, дается по благодати Божией далеко не каждому человеку и не может быть достигнуто собственными силами.

Епископ Игнатий Брянчанинов признает возможным и различает двоякое видение духов: есть чувственное видение духов, когда видим их чувственными, телесными очами, и есть духовное видение духов, когда видим их душевными очами, умом и сердцем, очищенными Божиею благодатью.

«В обыкновенном состоянии падения, в котором находится все человечество, мы не видим духов ни чувственно, ни духовно, мы поражены сугубою слепотою». Мы не имеем свидетельств самого Владыки о том, что он обладал чувственным видением духов, что и не удивительно, потому что если таковое и имело место, то он по примеру других христианских подвижников не склонен был рассказывать о нем, чтобы не ввести в соблазн людей, не обладающих таким видением. О том, что он обладал духовным видением, мы имеем некоторые свидетельства, о которых скажем позже.

О. Варнава «умер, как и жил, – на службе Богу и ближнему. Совершив Таинство Исповеди над начальницей дома призрения, он в поручах и епитрахили склонился до земли пред Престолом Божиим в алтаре и уже более не встал. Так умирает воин на поле брани, с оружием в руках...

Прощаясь с ним, я дерзнул поднять монашеское покрывало и взгляделся в его лицо. Оно было вовсе не тронуто тлением и дивно хорошо! Такое выражение бывает у маленького невинного ребенка, который среди игры внезапно засыпает. Лицо принимает при этом выражение какого-то ангельского спокойствия и чистоты; такое же выражение лица было и у почившего старца».

Мы забежали значительно вперед (о. Варнава умер в 1906 году), но нам кажется, что знакомство с ним тематически будет относиться к троице-сергиевскому периоду жизни Владыки Трифона, и нам хотелось представить этот период как единое целое.

Варвара Александровна Туркестанова нередко приезжала в Лавру навестить своего сына-священника, и там ее хорошо

знали и любили.

В августе 1894 года она еще раз посещает Оптину пустынь в 9-й день по кончине ее настоятеля о. Исаакия. Иеромонах Трифон произносит в соборном храме пустыни Слово, посвященное его памяти. В этом Слове, между прочим, он говорит о начавшемся упадке монастырей, о смутном времени, «когда дрогнули и пошатнулись многие обители иноческие, ибо дух времени, противный иночеству, с неумолимой силой ворвался в ограды монастырские и многих поколебал. Ослабели силы духовные в человеке, ослабела и жизнь иноческая. Желание мантии, стихаря, фелони, начальства, денег многих из нас гонит вон из строгих обителей в тиши, где жизнь широка и привольна для ветхого человека, и из светочей мира делает простыми черноризцами – соблазном для мирян».

Упадок монашеской жизни, о котором говорит Владыка, отмечал еще епископ Игнатий Брянчанинов в 60-е годы и считал его предвестником общего духовного упадка и расстройств. В конце XIX века события развивались еще быстрее. Началось брожение в духовных академиях и семинариях. Все сильнее распространялось толстовство, против которого епископ Антоний (Храповицкий) писал свои блестящие по уму и эрудиции статьи. Но к нему не прислушивались, не хотели прислушиваться. Среди интеллигенции началось увлечение спиритизмом, теософией и другими, совсем уже безбожными, учениями. Но одновременно, как отмечает тот же епископ Антоний (Храповицкий), в Духовной академии появляется противоположное веяние, если можно так выразиться – «течение против течения», привлекающее к себе благоразумное меньшинство. Некоторые из студентов академии (такие, как Грибановский, впоследствии епископ Михаил) выражали желание идти в монастыри и тем самым противостоять волне обмирщения и упадка. Твердой духовной крепостью стояла Оптина пустынь.

9 августа 1895 года иеромонах Трифон оканчивает Московскую Духовную академию. О его блестящем богословском образовании и общей эрудиции можно судить по его проповедям, беседам и Словам, сказанным в разное время,

а также по некоторым выдержкам из его записных книжек. Эту часть его наследия мы подробно рассмотрим в специальных разделах. Сейчас упомянем только, что он знал древнегреческий, латинский, французский, немецкий и английский языки.

Сразу же по окончании академии его назначают смотрителем Московского Духовного училища. В этой должности он пробыл два года. 14 июня 1897 года Московский митрополит Сергей, ценя труд и заслуги о. Трифона, назначает его ректором Вифанской семинарии (недалеко от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры) и возводит его в сан архимандрита. Почти одновременно архимандрит Трифон был назначен цензором всех изданий Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Об этом периоде его жизни нет больше никаких достоверных сведений. Известно только, что 8 июля 1898 года он посетил Иверский Выксунский женский монастырь (Нижегородской губернии, Ардатовского уезда), основанный уже известным нам старцем о. Варнавой.

Сохранилась его проповедь, произнесенная за литургией в этом монастыре, и прощальное Слово к монахиням. 8 июля (по старому стилю) – день явления иконы Казанской Богоматери и, кроме того, день преобразования бывшей женской общины в Иверский монастырь, поэтому он праздновался с особым торжеством и с крестным ходом вокруг обители. Архимандрит Трифон совершил литургию в сослужении старца о. Варнавы.

Проповедь, сказанная 8 июля, многотемна. В ней говорится и о русском народе, и о неверии, и о страданиях Богородицы, и о скорбях человеческих, и о терпении. Но что особенно характерно для нее (как, впрочем, и для остальных проповедей Владыки, и это отличает его от многих других проповедников) – это то, что она представляет собой не только поучение, связанное с определенными событиями, но также поднимает проблему. И не одну проблему.

Рассматривая современную ему историческую эпоху, соответствующее ей духовное и нравственное состояние общества, о. Трифон в то же время выходит за эти рамки и касается не только временного, но и вечного. На первый взгляд

проповедь может показаться непоследовательной, разбросанной. Но если взять ее первую половину, то в ней легко выделяются как бы два полюса, на каждом из которых внимание сосредоточивается попеременно: полюс веры и полюс неверия. Чтобы лучше прочувствовать это, расположим выдержки из нее друг против друга, в виде тезисов и антитезисов.

Полюс веры

«Благо вам, что вы стеклись сюда, оставив ваши домашние дела и работы, дабы вместе едиными устами и единым сердцем прославить Заступницу Усердную Деву Пресвятую».

«Русский народ силен своей верой».

«Цель жизни христианской: усвоение себе Божественных качеств Спасителя путем тяжелой борьбы с самим собой».

«Жизнь есть подвиг, где в терпении стяживаются души».

«Терпя, потерпех Господа и вняй ми и дает тебе тех радостей, услыши молитву мою, – говорит которых ты желаешь, христианин». ищи забвения в вине и разврате или прекращай ее».

«Терпением только испытывается истинное величие духа.

Полюс неверия

«Но горе тем, кто не хочет во святых храмах искать облегчений скорбей своих в молитвах и горделиво удаляется от сего правила христианского».

«Слабеет вера в нем, слабеют в нем и все духовные силы».

«Как лживые призраки ночью, блуждают призрачные, лживые цели, стремления».

«В ней (жизни) видят лишь наслаждение и покой».

«А неверие говорит иначе: если жизнь не иначе: если жизнь не ищи забвения в вине и разврате или прекращай ее».

«С трепетом сердечным читаешь чуть ли не ежедневно о

совершающихся
убийствах,

Еще скорее найдутся люди, готовые наНо неверие не кратковременный блестящий подвиг, ноумолкает и берется за терпеть ежедневно все житейскиепоследнее оружие: дразги, мелкие неприятности и уколы«Терпение, какая самолюбия и не роптать, не выходить избудничная неблестящая себя, всегда иметь в душе одно лишьдобродетель! Это удел стремление к Богу, и в Нем Одномслабых существ, а не искать себе облегчения – как малоисполненных мужества, найдется таких». благородных душ».

Эта двуполюсность, контрастность, противоположность двух начал выражается еще и стилистически, с помощью следующего развернутого сравнения: «Подобно тому как во время солнечного затмения прекрасное летнее утро превращается в мрачную ночь, так и в душе человека омрачается все доброе, когда облаками страстей заволакивается от него лучезарное солнце Христос – свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир».

Обратите внимание на противопоставление образов: «летнее утро» – «мрачная ночь», «облака страстей» – «лучезарное солнце». Это поистине «умозрение в красках», опоэтизированная философия. Такой прием перекликается со стилем церковных песнопений, которые он прекрасно знал и любил. Сравните: «Сладчайший Иисусе, Егоже в мале солнце на кресте висима узревшее мраком облачашеся и земля страхом колеблешеся». (Едва увидело Тебя солнце... висящим на кресте, облеклось тьмою, а земля от страха поколебалась).

Но вернемся к содержанию проповеди. Выражаясь современным языком, эта проповедь носит ключевой, программный характер. В ней заложены те идеи, которые будут повторяться и развиваться в позднейших проповедях. Одну группу идей условно можно объединить как противопоставление духовного и плотского мудрования, а другую – как противопоставление простого народа и интеллигенции, понимаемых как носители этих двух образов мыслей. Не

следует, конечно, думать, что митрополит Трифон против интеллигенции вообще. Будучи искренним христианином, он не мог обличать или восхвалять ту или иную социальную группу. Он имеет в виду только отступивших от Бога и Его заповедей, и не его вина, если во главе отступников стояли в основном ученые люди. Далее мы увидим, с какою любовью он относился к верующим артистам, врачам, писателям. «...Среди богатых да ученых гораздо сложнее и запутаннее, гораздо тоньше и ядовитее скорби, может быть, там чаще овладевает адское отчаяние человеком, чем среди бедных, неученых, простых сердцем и умом людей». «Блажени нищие духом: яко тех есть Царствие Небесное» (Мф.5:3).

Интересно, что его обличения «ученых» атеистов не менее актуальны и в наше время, когда самовозвышение и самолюбование прикрывается модными словами: «научно-техническая революция», «технократия», «техническая элита», а иногда не стесняется высказываться откровенно («однообразна русская толпа»). И хотя сейчас заметно стремление некоторой части образованной молодежи вернуться в лоно Православной Церкви или, по крайней мере, понять ее, все же большинство верующих, заполняющих храмы и оказывающих им наиболее существенную материальную поддержку, принадлежит к простому народу. Это заставляет признать справедливость высказываний Владыки об интеллигенции.

Мировоззрения двух верующих экзистенциалистов – Г. Марселя и К. Ясперса – были названы философией тайны и философией парадокса. Эти слова в полной мере можно отнести и к мировоззрению митрополита Трифона. Разве не парадокс, что те, кто считались богоискателями и властителями дум, оказались на деле бесконечно далеки от Бога и от народа. И разве не тайна, что сотни тысяч «простых сердцем и умом» людей не оставляли и не оставляют Церковь в наиболее тяжелые для нее времена.

Но неужели полюс неверия все же должен рано или поздно притянуть к себе всех людей?

Вторая часть проповеди отвечает на этот вопрос. Она напоминает о скорбях Богородицы, переносимых Ею с глубокой покорностью Богу, «без малодушного страха и слабости воли», и содержит призыв «взывать к Ней и терпеть, зная и веруя, что придет час избавления».

Непрестанной молитвой и упованием на волю Божию жил сам Владыка, к этому он звал и всех верующих.

В прощальном Слове, обращенном к сестрам монастыря и произнесенном в тот же день, он так говорит о молитве: «И для вас, возлюбленные сестры, святая молитва должна быть главным делом вашей жизни... Преподобный Пимен утверждает, что человек всегда должен молиться Богу и просить Его помочь ему, напутствовать ему во всяком деле, ибо человек не может приобрести никакой добродетели без помощи Божией. Молитвы ждут от нас и наши братья-миряне. «Батюшка! Питай нас молитвами», – недавно сказал мне один простой человек, и горе нам, если мы вместо этого хлеба духовного подадим камень алчущему брату. Ищите молитвенного Царства Небесного, все остальное приложится к вам».

22 сентября 1899 года архимандрит Трифон, пробыв ректором Вифанской семинарии два года, переводится на ту же должность в Московскую Духовную семинарию. Об этом периоде иподиакон Феофан сообщает следующее: «В семинарии было неспокойно. Владыка Трифон решил отказаться от этого назначения, поехал в Петербург к митрополиту и хотел просить назначить его настоятелем в один из небольших монастырей. Там он встретил своего сверстника и приятеля детских лет, который в это время был иподиаконом у митрополита и которому он рассказал о том, что решил отказаться от назначения. Тогда о. Савелий бросился перед ним на колени: «Не отказывайся. Уж если тебе будет очень тяжело, распрости руки – «Господи, Ты сам был на кресте, помоги мне». Владыка заплакал, разорвал прошение и поехал в семинарию. Тут он призвал всех семинаристов и предложил тем, кто тяготится семинарским образованием, уйти».

Этот эпизод не подтверждается другими биографами. Кроме того, неправдоподобно, чтобы в таком важном деле, как

отказ от должности, бывший воспитанник Оптиной пустыни стал слушать своего приятеля, а не посоветовался бы со старцем о. Варнавой, который в то время был жив и к которому о. Трифон не раз приезжал. В рассказе есть еще одна неточность. Там указывается, что Владыка был назначен ректором Московской семинарии по окончании Московской Духовной академии, и ни слова не говорится ни о Вифанской семинарии, ни о назначении его архимандритом. Таким образом, рассказанный иподиаконом эпизод можно считать сомнительным.

Когда архимандрит Трифон уходил из семинарии, семинаристы преподнесли ему икону святителя Иоанна Богослова, которую они купили на свои скудные средства.

Имеется замечательное описание хиротонии епископа Трифона, оставленное Д.С. Дмитриевым, которое мы приводим здесь с небольшими сокращениями: "Было 28 июня 1901 года. В сей день назначено в синодальной конторе наречение ректора Московской Духовной семинарии архимандрита Трифона во епископа Дмитровского, второго викария города Москвы. Это редкое духовное событие привлекло немало народа в синодальную контору.

Около одиннадцати часов утра прибыли туда Высокопреосвященный митрополит Владимир, Преосвященный Парфений, епископ Можайский и члены синодальной конторы Преосвященные епископы Нестор, Григорий и архимандрит Симонова монастыря о. Никон.

За большим столом, где стояло зеркало, восседали святители и архимандрит. Они облечены в мантии, а на митрополите были епитрахиль, поручи и омофор. Направо, за столом, находился прокурор синодальной конторы А.А. Ширинский-Шихматов и секретарь Дорофеев В.П. В правом углу стояли синодальные певчие в парадных кафтанах.

Синодальный ризничий, архимандрит Палладий и Златоустова монастыря архимандрит Исидор облачились в мантии и вместе с протопресвитером Успенского собора В.С. Марковым, а также и старшим сакелларием о. Пшеничниковым, испросив благословения у Владыки митрополита, направились в алтарь синодальной Двенадцати апостолов церкви, где

находился облаченный в мантию о. архимандрит Трифон. О. протопресвитер, о. сакелларий и о. протодиакон надели облачение из золотого глазета; о. протопресвитер взял на блюде святой крест, о. сакелларий – сосуд со святой водой и кропило, оо. архимандриты под руки вывели о. Трифона из царских дверей, и шествие направилось в зал заседания синодальной конторы.

Глаза всех, находившихся в палате, устремлены были на священноархимандрита Трифона, нарицаемого во архиереи. Истово помолился о. архимандрит Трифон на святые иконы, поклонился святителям, принял от них благословение и встал перед зеркалом.

Секретарь конторы громогласно прочитал Высочайший указ в таких словах: «Всечестный о. архимандрит Трифон! Всепресветлейший, Вседержавнейший, Великий Государь Император Николай Александрович, Самодержец Всероссийский именным Своего Величества Высочайшим указом Всемиловитейше повелевает и Святейший Правительствующий Синод благословляет вашу святыню быть епископом богоспасаемого града Дмитрова».

На сие священноархимандрит Трифон громким и звучным голосом отвечал: «Понеже Всепресветлейший и Самодержавнейший Великий Государь Николай Александрович, Самодержец Всероссийский, повелел привести, и Святейший Правительствующий Синод судили мне достойна быти в таковую службу, благодарю и приемлю и нимало вопреки глаголю».

После сего Владыка митрополит Владимир совершил краткое молебствие Святой Троице, во время которого пели одни только архиереи. Владыка митрополит на ектении вознес моление: «О всечестном архимандрите Трифоне, новоизбранном во епископы богоспасаемого града Дмитрова». По окончании молебствия о. протодиакон Шехавцев громогласно провозгласил многолетие Царской Фамилии, Синоду и нареченному во епископы богоспасаемого града Дмитрова священноархимандриту Трифону.

Затем о. архимандрит Трифон, поклонившись архиереям и присутствовавшим, с обычным своим красноречием произнес речь. В ней он вспомнил о своей привязанности с юных лет к Божественной службе и о времени, проведенном в Оптиной пустыни: «Недолго я там пробыл, но много полезного вынес. Там я укрепился в сознании, что только в подвиге самоусовершенствования, постоянной молитве, усиленной работе над собой при благодатной помощи Божией и непрестанной проверке своих мыслей и чувств Священным Писанием, творениями отцов-подвижников и заключается истинный смысл жизни христианина, а основание ее – отсечение своей воли и смиренное послушание воле духовных руководителей, чрез которых Сам Господь вещает волю Свою. Из послушания им поступил я в обитель высшего духовного просвещения. Иноку тяжело жить среди мирян, не напрасно святые отцы говорят, что, как засыпает рыба, выброшенная на берег, так может умереть духовной смертью монах, находящийся среди мирян, вне обители. И для меня это время было бы весьма тяжело, если бы и здесь не хранила меня и не укрепляла благостная десница Божия. А по окончании курса наук, когда я уже надеялся снова возвратиться в другую мне обитель иноческую, я, против желания, становлюсь последовательно во главе нескольких духовных вертоградов, и в этом назначении, которому я подчинился с трудом, единственно лишь из послушания, вижу я теперь особый Промысл Божий над собой, ибо только на этом поприще я мог на опыте познакомиться с ходом учебно-воспитательного дела в духовно-учебных заведениях – этих рассадниках будущих пастырей Церкви Христовой».

В числе многих присутствовавших в синодальной палате во время наречения о. архимандрита Трифона находилась его матушка, уважаемая княгиня Варвара Александровна Туркестанова.

С благоговейнейшим чувством вступил я (было воскресенье, 1 июля 1901 года) в собор Пречистой Ее славного Успения, в эту святая святых не только города Москвы, но и всей православной Руси. В сей знаменательный день должно

было состояться редкое и светлое духовное торжество: «Боголюбнейший избранный и утвержденный священноархимандрит Трифон приведен быть хиротонисаться во епископы богоспасаемого града Дмитрова». Ровно в девять часов утра с колокольни Ивана Великого раздался обычный при посвящении в архиерейство перезвон; стало собираться духовенство: Преосвященные епископы, архимандриты и т.д. В десятом часу прибыл Высокопреосвященный митрополит Владимир. Вместе с хиротонисуемым архиереем он при пении «Достойно есть» прикладывается к мощам и чудотворным иконам, а затем стал, по обычаю, облачаться посреди собора. О. архимандрит Трифон облачился в священническую ризу в алтаре. По прочтении часов начался торжественный звон, отворились царские врата и на средину собора из алтаря вышли и стали по сторонам Владыки митрополита на амвоне: Преосвященный Полиевкт, епископ Рязанский и Зарайский, Преосвященный Парфений, епископ Можайский, Преосвященный Арсений, ректор Духовной академии, епископ Волоколамский, члены московской Святейшего Синода конторы, Преосвященные Нестор, Григорий и управляющий Спасо-Андрониевым монастырем Преосвященный Нафанаил. От амвона и до царских врат по обеим сторонам поместилось в богатых облачениях из золотого глазета прочее духовенство.

О. протопресвитер Успенского собора В. С. Марков и протодиакон Шехавцев, получив от Владыки митрополита благословение, вывели из алтаря чрез царские врата архимандрита Трифона в полном облачении. Хиротонисуемый во епископы Трифон, сойдя с амвона, стал на краю «орла», изображенного на ковре. О. протодиакон громогласно провозгласил:

– Приводится боголюбнейший избранный и утвержденный архимандрит Трифон хиротонисаться во епископы богоспасаемого града Дмитрова.

Владыка митрополит звучным голосом проговорил, обращаясь к хиротонисуемому:

– Чего ради пришел еси и от нашея мерности чего просиши?

– Хиротонии архиерейской благодати, Преосвященные, – громко и внятно ответил о. архимандрит Трифон.

– Како веруеши? – спросил у него Владыка митрополит.

С особым умилением, с благоговейным трепетом и с непоколебимую верою в Бога хиротонисуемый стал громогласно читать Символ веры.

Владыка митрополит благословил его:

– Благодать Бога и Отца и Господа нашего Иисуса Христа и Святого Духа да будет с тобою.

Затем о. архимандрит Трифон стал на средину «орла».

– Яви нам еще пространнее, како исповедуеши о свойствах трех Ипостасей Непостижимого Божества, – проговорил ему Владыка митрополит.

Хиротонисуемый внятно прочитал изложение веры об Ипостасях.

– Благодать Святого Духа да будет с тобою, просвещающая и вразумляющая тя во все дни жизни твоей, – такими великими словами вновь благословляет его Первосвятитель Церкви Московской.

Далее новопоставляемый во епископы о. архимандрит Трифон произносит установленную присягу, скрепив ее своей подписью, которую и вручил Владыке митрополиту, приняв от него благословение.

Потом хиротонисуемый во епископы Трифон поклонился Владыке митрополиту и другим архиереям, подходя к каждому из них под благословение, и стал посредине «орла», обратясь к алтарю.

О. протодиакон после обычного многолетия Государю Императору и его Августейшему Семейству и Святейшему Синоду также провозглашает многолетие и утвержденному во епископы богоспасаемого града Дмитрова священноархимандриту Трифону.

Новопоставляемый во епископы Трифон после сего кланяется архиереям и народу и удаляется в алтарь, где и становится у святого престола на правой стороне. Началась Божественная литургия, которую совершал соборне Высокопреосвященнейший митрополит Владимир.

Перед чтением Апостола хиротонисуемый во епископы Трифон был выведен о. протопресвитером и протодиаконом из алтаря через северные двери и подведен к царским вратам. Преосвященный Полиевкт ввел его в царские врата ко святому престолу. Хиротонисуемый архимандрит Трифон после троекратного преклонения пред святым престолом стал на колени, преклонив свою главу к престолу. Первосвяtitель Церкви Московской с прочими святителями возложил на главу его разогнутое Святое Евангелие, Владыка митрополит прочел установленную молитву, по окончании которой Преосвященные архиереи возложили на главу хиротонисуемого правые руки. Преосвященный Полиевкт в это время вполголоса читал особую ектению, вознося моление «о рабе Божиим архимандрите Трифоне, ныне епископе». После этого иподиаконы сняли с хиротонисуемого ризу и поднесли ему из серебряного глазета омофор, саккос и митру. Преосвященный Трифон, принимая сии святительские облачения, целовал их и подносил к каждому из архиереев и, получая от них благословения, надевал при провозглашении «аскиос». По облачении нового епископа митрополит и архиереи поздравляли его братским поцелуем. Этим и закончился торжественный обряд хиротонии.

Во время чтения Апостола Преосвященный Трифон сидел на горнем месте рядом с Владыкой митрополитом. Во время великого выхода своим прекрасным звучным голосом поминал Святейший Синод, правительствующий Синклит, военачальников, градоначальников и всех православных христиан.

После великого выхода вновь рукоположенный епископ Трифон посвятил в сан священника кандидата Духовной академии Стеблева.

Литургия окончилась. Преосвященный Трифон, разоблачившись, подошел к Владыке митрополиту, который и возложил на него: архиерейскую рясу, панагию, мантию с источниками, клобук, а также вручил и четки. По окончании сего Владыка митрополит с Преосвященными епископами Полиевктом, Парфением, Нестором, Арсением и Нафанаилом, – все они были в мантиях и с посохами, – вышли из алтаря на

середину собора, туда же вышел в святительской мантии Преосвященный Трифон в сопровождении оо. протопресвитера и протодиакона и стал у архиерейского амвона.

Высокопреосвященный митрополит Владимир, вручая посох вновь рукоположенному святителю Трифону, обратился к нему с прочувствованным словом, в котором он уделил большое внимание духовной атмосфере того времени и трудностям епископского служения:

– ...Есть, действительно, в этом служении нечто такое, что может встревожить и самую неробкую душу. Правда, ты идешь на проповедь Евангелия не в языческий город, как апостол Павел, но в город христианский, издревле известный своим благочестием, но при настоящем брожении умов и религиозном разномыслии мало ли в христианстве людей, мыслящих не по-христиански, людей, которые премудрость Божию, в тайне сокровенную, почитают за глупость и безумие.

И кто не знает, какое тяжелое, какое смутное время переживает сейчас наша Церковь! Никогда на ниве Христовой не было столько плевел, как ныне. Никогда враг человеческого спасения – диавол – не употреблял столько усилий к разрушению Царства Божия на земле, как теперь. Никогда враги Церкви не ополчались на нее с таким ожесточением, как сейчас. Ратуюя против нее опаснейшим из оружий, оружием развитой мысли и соответственного ей слова, они по всем направлениям изрыли область христианской веры, не оставив нетронутой ни одной из ее истин. Теперь разом мы имеем пред собою все заблуждения, какие когда-либо существовали, и несколько таких, которые, по крайней мере в настоящем своем развитии, никогда еще не существовали. И этот всеотрицающий, всеколеблющий, всеразрушающий дух неверия и вольномыслия, как язва, как смерть, – скажем словами пророка, – усиливается проникнуть не только сквозь наши двери, но и сквозь окна и щели, и хочет во что бы то ни стало все у нас переделать по-своему. Много труда, самоотвержения и умственного напряжения нужно поэтому тому, кто правит словом истины; ему поистине нужно иметь тот ум Христов, которым обладали апостолы, пред словом которых

преклонялись мудрость философов и легкомыслие толпы. Все это, конечно, не может утратить человека мыслящего, вместе с именем епископа принимающего на себя обязанность проповедовать Евангелие, обличать и отражать ложь, защищать и охранять истину, ратоборствовать против сильных врагов и многочисленных опасностей и затруднений...

...Но послушай, что говорит Господь апостолу, а в лице его и тебе: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла... Зорко следи за вопросами времени, касающимися веры и Церкви, и, не оставляя их на произвол мира, старайся в своем слове освещать их светом церковной идеи и науки. Не оставляй вне своего пастырского воздействия и те передовые наши сословия, к которым ты так близко стоишь по своему происхождению, будучи костью от костей их и плотью от плоти их. Устремившись с жаром к научному образованию и уклонившись в направлении ума и жизни от света веры и спасительного руководства Церкви, они довольно вкусили горьких плодов от древа познания добра и зла и в лучшей своей части ищут врачевания. Имея постоянное общение с этим сословием, не упускай случая указывать им на возможность совмещения здравых научных познаний с искренней верой, современных открытий и усовершенствований с вечными началами духовной жизни, удовольствий и наслаждений с добродетелью труда и борьбы с миром и спокойствием сердца...

По окончании речи митрополита вновь рукоположенный святитель Трифон стал благословлять многочисленных богомольцев, наполнявших собор.

В числе других я удостоился принять его святительское благословение.

В храме при хиротонии находилось немало лиц высшего общества (из того общества вышел и Преосвященный Трифон), профессоров Духовной академии, преподавателей семинарии, студентов Духовной академии и воспитанников семинарии.

На исходе первого часа дня окончилось это редкое духовное торжество, собравшее такое множество народа, что не только собор, но и вся обширная площадь в Кремле за решеткой была переполнена народом. Преосвященный Трифон

при колокольном звоне отбыл из Кремля в Богоявленский монастырь.

Сия древняя обитель торжественно встретила своего вновь назначенного настоятеля. Во святых вратах Преосвященный Трифон был встречен о. наместником обители с животворящим крестом, со святыми иконами, хоругвями и всею братиею.

Преосвященный Трифон, приложившись ко кресту, последовал в соборный храм и после краткого молитвословия с многолетием со своим обычным ораторским красноречием произнес, обращаясь к братии обители, глубокопрочувственное Слово.

Благословив братию и многочисленных богомольцев, наполнявших обширный храм Богоявленского монастыря (на Никольской ул. – Ред.), Преосвященный Трифон удалился в настоятельские кельи...».

Добавим к этому описанию выдержку из письма митрополиту Трифону Анны Головиной, ранее духовной дочери протоиерея о. Валентина Амфитеатрова, известного своими духовными дарами. В этом письме сообщаются слова о. Валентина, сказанные в день хиротонии Владыки. «Уважаемый старец с кафедры Архангельского собора, вознося молитву о Вас, сказал: «В этот час совершается хиротония князя Туркестанова, сына моей духовной дочери княгини Варвары Александровны Туркестановой. Возблагодарим Господа, что к нам с неба спала еще одна светлая звездочка, которая будет светить не только нам, но и всему миру». Эти слова, как эхо, слышатся в моих ушах и до сего времени, несмотря на то, что это было сказано 20 лет тому назад» (письмо датировано 1 июля 1921 года).

Слово митрополита Владимира, произнесённое по окончании хиротонии, важно тем, что оно дает направление будущей деятельности вновь рукоположенного епископа. Этому направлению Владыка следовал всю жизнь. Мы уже видели, что острие его проповедей направлено против неверия и вытекающего из него, как следствие, порочного образа жизни. Особенно важен призыв «зорко следить за вопросами времени, не оставляя их на произвол мира» и «указывать на возможность

совмещения здравых научных познаний с искренней верой, современных открытий и усовершенствований с вечными началами духовной жизни». Эти слова архипастыря были сказаны на рубеже двух величайших в истории веков науки, незадолго до открытий Эйнштейна, Планка, Гейзенберга, в корне изменивших физическую картину мира, а также целого ряда технических изобретений, показавших как созидательную, так и разрушительную силу науки. Они еще раз подтверждают, что вражда между наукой и религией – выдумка атеистов, рассчитанная на людей, не знающих как следует ни ту, ни другую. В дальнейшем мы увидим, что Владыке Трифону были известны современные ему научные открытия, новые философские и психологические теории. В качестве примера мы укажем на незаконченную запись о прагматизме из его записной книжки, где упоминается о поле сознания, о подсознании. В другом месте он упоминает об электронах. Таким образом, завет митрополита Владимира не остался неисполненным.

Хиротония и последующее пребывание в Богоявленском монастыре произвели на Владыку неизгладимое впечатление. Через 13 лет он так отзывается об этих событиях: «Как-то особенно ярко вспоминаются мне незабвенные дни моего наречения, когда я стоял пред сонмом архиереев, прося их молитв словами Иоанна Златоуста... Как-то необыкновенно представляется мне наш древний Успенский собор, в этот день 1 июля – день моей хиротонии, – и я как бы сейчас вижу себя стоящим среди сонма священнослужителей, дающего обет, исповедующего веру, а затем преклоняющего голову пред Святым Евангелием... А затем, дальше вспоминается мне вся прошедшая жизнь моя в этой обители: как постепенно устраивалось богослужение, как постепенно усовершенствовался церковный строй, как благоукрашивались наши храмы, которые я застал закопченными, забытыми, как постепенно собралось здесь стадо овец Христовых и как прекрасны и торжественны были здесь службы, и некоторые праздники казались особенно для меня выделяющимися, как, например, праздники Рождества Христова, навечерие Богоявления, освящение воды... молебны с общим пением,

возжигание свечей, дни Великого поста и в особенности первая седмица и дивные службы Страстной и Светлой седмиц; вспоминаются и отдельные эпизоды из моей жизни: как всегда светло и радостно праздновали день моего Ангела и многие другие... вспоминается, как светло и радостно праздновали мы день прославления преподобного Серафима, который поистине как бы обрел себе жилищем наш монастырь, может быть, потому, что он видел, как искренне мы его почитаем».

Богоявленский монастырь, где Владыка Трифон совершал богослужения, привлекал всю культурную Москву. Служба в монастыре была уставная и высокохудожественная. Пели монахи и мальчики, ученики Марфинского училища, находившегося в ведении Богоявленского монастыря. Знатоки церковной службы называли Владыку «московским Златоустом». Любя простой народ, он совершал для него ранние службы (в шесть часов утра), и поэтому его в шутку называли «кухаркиным архиереем». Постепенно рос круг его почитателей. Они приходили часа за два до службы (за час уже обязательно), чтобы занять место поближе, и терпеливо ждали у закрытых еще монастырских ворот. Как только ворота открывались, люди, обгоняя друг друга, устремлялись в храм.

В Богоявленском монастыре Владыка прослужил до первой мировой войны. За это время он построил два придела: один – святителю Феодосию Черниговскому и второй – Иоанну Крестителю (в память о церкви скита Оптиной пустыни, носившей это имя), отремонтировал храмы и привел в порядок церковную утварь, провел везде электричество.

В монастыре его часто посещали о. Иоанн Кронштадтский, старцы о. Варсонофий Оптинский и о. Варнава. Во время служения о. Иоанна и о. Варсонофия Владыка не служил, а только присутствовал в алтаре, выражая таким образом свое особое уважение этим духоносным пастырям.

В Слове, сказанном 18 мая 1903 года о. наместнику Богоявленского монастыря игумену Ионе при посвящении его в сан, Владыка рассказывает о монастыре следующими словами:

«Наша обитель занимает особое положение сравнительно со многими другими; она находится не где-нибудь в пустыне, а среди многошумного, многомятежного столичного города, и это самое ее положение налагает на нее особенные обязанности. Именно: она существует не только для иноков, а, отчасти, и для мирян. Смотри, какое великое множество народа собралось сегодня в храм Божий! И ты знаешь, что в праздники храмы наши всегда полны молящимися, а бывают дни, когда наш обширный собор не в состоянии вместить всех богомольцев.

Почему же русский православный народ по преимуществу любит молиться в святых обителях?

В ответ на этот вопрос сделаю такое сравнение.

Подобно тому, как среди бурных, бездонных, готовых каждую минуту поглотить путника морей и океанов, там и сям разбросаны острова, на которых спокойно и привольно чувствует себя достигший их путник, наслаждаясь сознанием, что он наконец на твердой суше и не подвергается опасности быть поглощенным морскою бездною, точно так же, думаю, чувствует себя мирянин в благоустроенной обители.

Твердый чин церковный, во всей целости и во всем благолепии сохраняющийся с древних времен по преимуществу в святых обителях; истовое осмысленное чтение, воодушевленное пение древних церковных напевов, убежденная проповедь слова Божия, основанная на (учении) святых (отцов и учителей) Церкви, – вот что, с одной стороны, привлекает к нам богомольцев. А с другой стороны, каждый из них сознает, что все это общество иноков, каковы бы ни были их личные недостатки, соединено одним духом любви к Господу Богу, одушевлено твердою верою в истинность и непоколебимость Святой Церкви, зиждется на твердых началах иноческой жизни, на каких основано было первоначальное православное монашество.

Вот что привлекает в святые обители народ православный, вот почему ныне приходят туда издалека с некоторым даже принуждением себя».

Интересно также впечатление о Богоявленской обители и о служении Владыки поэта Сергея Соловьева, описанное им в

стихотворении «Епископу Трифону»:

Июльским утром завернул случайно
Я в древний монастырь Богоявления,
И в храм вошел, и сквозь толпу густую
Едва достиг до середины храма,
Тогда был час великий возношенья
Святых Даров. От множества людей
Весь воздух застлан был как бы туманом,
И было тяжело дышать от жара
Толпы бесчисленной и благовонья
Пред алтарем курящихся кадил.
И сквозь туман увидел я тебя:
Перед потиром с кровию Христовой
Ты предстоял в одеждах голубых,
И, обратясь от царских врат к толпе,
С властительно подъятою десницей,
Благословлял склонившийся народ
И возносил дикирий и трикирий...
И мне казалось, что давно-давно
Тебя уж видел я пред алтарем,
Что это дивный сон, который вновь
Ко мне вернулся после долгих лет...
Когда же совершилась литургия,
Ты в клобуке и в мантии смиренной
Сошел к толпе и, опершись на посох,
Разверз уста для слова золотого:
Ты говорил о Лестнице Небесной,
Явившейся Иакову в Вефиле,
Ты воспевал духовную хвалу
Заступнице Нескверной и Неблазной, —
Зане Ее был праздник в этот день —
Казанская. Окончив поученье,
Из храма ты пошел в свой тихий дом,
И видел я, как меж деревьев зеленых
Неслышно плыл твой ангельский клобук,
И легкая рука не уставала
Благословлять теснящийся народ,

Пока не скрылся ты за дверью кельи.
Ведь плакал весь народ, тебе внимая,
Когда ты в день обретенья Креста
Нам говорил о бремени Христовом
И бичевал преступные сердца,
Раскрывши язвы совестей греховных,
Ты грозен был, как древний Моисей,
Во гневе разбивающий скрижали
На празднике кошунственном Тельца,
Зато какая радость и услада,
Какая неземная тишина
Сходила в душу нам, когда вещал
Ты нам и о затворнике Сарова,
И повторял за ним: «Христос Воскрес»,
Будя надежду радости пасхальной».

Владыка не ограничивался служением в Богоявленском монастыре. Его не раз назначали служить и в другие храмы Москвы, вместе с митрополитом Владимиром и одного. Он присутствовал на праздниках, торжествах, посвященных знаменательным событиям в истории храма, монастыря, а иногда и светского учреждения. Так, например, 13 января 1903 года в день годового акта Императорского лицея и 24 февраля 1903 года в день открытия Московского промышленного училища им были произнесены Поучения о святом храме и о воспитании детей, изданные впоследствии отдельной брошюрой³.

В Поучении о святом храме им были сказаны знаменитые слова: «Храм Божий – это земное небо», начертанные теперь на его надгробном кресте.

«Случалось ли вам заблуждаться в мрачную осеннюю ночь в темном лесу? Не правда ли, вы чувствовали себя одинокими, жалкими, беспомощными и отдыхали только тогда, когда достигали родного дома, где близкие, дорогие вам люди с любовью встречали вас, отогревали ваше измокшее тело, предлагали вам радушное гостеприимство? Так же тяжело и неприятно чувствует себя человек-христианин вне храма Божия и находит отдохновение лишь во время богослужения».

В другом Поучении он поднимает вопрос о том, может ли светская школа со светскими преподавателями светских наук содействовать христианскому воспитанию, и отвечает на него следующими словами: «О, конечно, возлюбленные братия, может и должна». Он выражает глубокую веру, что тот дух, которым движется сам воспитатель, незаметно, без слов, таинственным образом передается всем учащимся. «...Никакие науки, никакие книги, никакие наши старания не принесут пользы в воспитательном деле, если мы прежде не будем показывать примера своею собственною жизнью», – и приводит слова одного схимника, сказанные молодому монаху, назначенному воспитателем духовного заведения: «Поверь, сын мой, что ты можешь сделать истинного добра лишь постольку, поскольку его заключается в твоей душе, ни больше, ни меньше».

В этих словах содержится ответ некоторым маловерам или просто неопытным воспитателям, считающим, что религиозное мировоззрение можно сформировать при помощи логического убеждения или чисто педагогического воздействия и что этому воздействию можно научиться. Здесь к духовному миру, живущему по своим особым законам, прилагают человеческую мерку, игнорируя таинственную сторону передачи религиозных истин. Самые стройные доказательства, самые яркие примеры разбиваются о стену скептицизма, если они не опираются на благодатную помощь, на добрую волю ученика и на личный пример наставника. Но эти условия нисколько не отрицают пользы науки в деле религиозного воспитания. Научные знания являются, как мы уже видели ранее, обоюдоострым оружием, которое может служить как добру, так и злу, и не пользоваться этим оружием – значит отдавать его в руки врагам.

«Разве классическая древность, например, – говорит Владыка, – не рассказывает нам много назидательного о стремлениях древних людей, хотя бы ощупью, познать истину? Не рассказывает ли она, как и тогда теплилась искра правды Божией среди суеверий, как языческие философы сознавали великую истину – познания самого себя, и в правилах нравственности, заповеданных ими, уже чувствуется

приближение христианства, и как все-таки идеалы их добра и любви мелки и ничтожны пред образом Вечного Добра и Любви, пригвожденной ко кресту, поруганной, облитой кровью, с него молящейся за Своих злодеев: «*Отче, отпусти им; не ведают бо что творят*» (Лк. 23:34).

А литература светская разве не изображает нам погоню человека за призрачным земным счастьем и неудачные попытки достигнуть его? Не изображает ли она с полной очевидностью, как ложь человеческая падает пред правдою Божией и как бедный, слабый человек, крепкими цепями прикованный к земле, плачет и тоскует о потерянном рае?

А в науке земли и небоописания не раскрывается ли чрез рассматривание сотворенного Богом Его вечная сила и Божество?»

Здесь содержится очень важная, и в наше время, мысль о том, что религиозное образование не должно ограничиваться уроками Закона Божиего, а должно проникать все изучаемые в школе предметы. Конечно, это предполагает искреннюю религиозность преподавателей. Таким образом, светская школа, являясь орудием не только образования, но и воспитания, не может быть безразличной к религии. Она насаждает или религиозное или атеистическое мировоззрение. В самом деле, если на уровне Закона Божиего детям будут рассказывать о сотворении мира в семь дней, а на уроках естествознания происхождение видов будут объяснять случайными мутациями и естественным отбором, то такая «религиозная терпимость», признаваемая прогрессивной в XIX веке и окончательно узаконенная теперь, не может не привести еще не окрепший детский ум к тяжелым конфликтам, которые он не в состоянии разрешить самостоятельно. Да и атеисты в наше время вовсе не соглашались на сосуществование науки и религии в школе... Высказывания митрополита Трифона и сегодня нисколько не теряют своей актуальности.

За время своего епископского служения Владыка Трифон неоднократно совершал поездки в храмы и монастыри, разбросанные по разным уголкам России. В их числе и Саровская пустынь, затерянная в лесах Средней полосы, и

далекие Соловки, и расположенный на западной окраине Яблочинский монастырь. Описания этих поездок издавались отдельными брошюрами, выдержки из которых мы приведем.

«Было 7 июля – канун праздника в честь святой иконы Богоматери Казанской.

Это – знаменательный день в жизни Иверского Выксунского женского монастыря, и особо торжественно празднуется он в обители с 1887 года, когда она из общины возведена была в степень монастыря.

В настоящем 1903 году праздник обещал быть вдвойне радостным для обители по случаю ожидаемого посещения ее некоторыми из высокопоставленных лиц. Вот почему еще с утра 7 июля в ней начались приготовления к достойной встрече дорогих гостей.

Около двух часов пополудни торжественный трезвон колоколов возвестил прибытие Преосвященного Трифона, епископа Дмитровского; сенатора В.К. Саблера и других высокопоставленных духовных и светских особ.

Преподав общее благословение настоятельнице и сестрам, встречавшим его у святых врат, Владыка облачился в мантию, омофор и митру и здесь же в святых вратах, пред иконой Иверской Богоматери – Вратарницы, начал чтение акафиста, которое продолжали затем прибывшие с ним о. архимандрит Анастасий и прочее духовенство.

Какой это прекрасный образец благоговения пред Царицей Небесной, с коим должно всякому вступать во врата Ее земной обители!

Затем Владыка и все прибывшие с ним последовали в соборный Иверский храм, где Его Преосвященство обратился к сестрам монастыря с задушевным словом, проникнутым истинно монашеским смирением, которое так назидательно и вместе утешительно было слышать из уст подвижника-архиерея, постриженника и ученика двух богомудрых старцев.

Приводим его здесь, насколько, разумеется, могли сохранить его в своей памяти:

«Возлюбленные сестры!

Вот уже пять лет прошло, как я не был здесь. Малое время провел я тогда среди вас, но многому научился, – ваша простота, ваша строгая подвижническая жизнь, взаимная любовь друг к другу и к вашему старцу, дорогому батюшке о. Варнаве, ваша заботливость о ближних, о заблудшихся от правой веры братьях, попечительность о болящих, – все это произвело тогда отрадное впечатление на меня. Когда меня спрашивали: где можно научиться истинно христианской жизни? – я всегда указывал на вашу обитель, я говорил: в Иверском монастыре.

Давно мое сердце стремилось к вам, но за моими многосложными обязанностями служебными я не мог доселе посетить вас. Волею Божиею настал наконец этот желанный час, и я опять среди вас, возлюбленные сестры, и чувствую себя здесь так же хорошо, как в семье, горячо любимой и любящей меня. Как отрадно было мне слышать от вашего батюшки, что я любим вами, что вы помните меня и молитесь за меня! Дорогие сестры! И тогда, когда я был простым человеком, я нуждался в ваших молитвах обо мне; а теперь, когда я выведен на средину, мне особенная надлежит нужда в вашей молитвенной помощи.

Стою я теперь пред вами, украшенный святительским саном, во всем благолепии первосвященника... А в сердце своем, в глубоких тайниках души моей, я сознаю, что за эти пять лет разлуки с вами я ничего не приобрел для души моей, ничем не могу похвалиться, как только немощами своими. Потому паки и паки снова взываю к вашей любви, прося молитвенной поддержки вашей моему убожеству. Не своими словами, но гласом златословесного святителя обращаюсь к вам, возлюбленные сестры: о, помолитесь обо мне, чтобы Господь не лишил меня хотя самого малого снисхождения во Царствии Своем, Ему же с Пречистою Его Матерью да будет честь и слава во веки. Аминь».

Такое поистине трогательное смирение, еще более придававшее духовного величия святителю Божию, невольно преклоняло пред ним всех, и все спешили принять его архипастырское благословение.

Из собора Владыка и прочие гости отбыли в келию настоятельницы. В четыре часа дня было совершено повечерие с параклисисом; служил о. архимандрит Анастасий соборно с прибывшим и монастырским духовенством.

В семь часов вечера началось всенощное бдение; при сем достойна замечания та особенность его, что лития совершена вне храма при обхождении вокруг него крестным ходом. Пред началом чтения кафизм о. иеромонахом Т. было произнесено слово в похвалу Матери Божией – Заступнице рода христианского. Около одиннадцати часов ночи окончилась церковная служба, и Владыка, преподав всем общее благословение, со славой проследовал в свои покои.

Утро 8 июля. Погода чудесная. Толпы богомольцев из окрестных сел в своих праздничных, до чрезвычайности пестрых костюмах быстро наполняли монастырскую ограду. В ожидании продолжительной праздничной службы народ располагался везде, где только находил удобным, там и тут на площадке и дорожках виднелись живописные группы богомольцев.

В восемь часов начался благовест к поздней обедне, и вскоре затем из покоев настоятельских открылось величественное шествие архипастыря в Иверский храм, Владыка со «славой» шествовал по «святой» дорожке, устланной пышным ковром из свежей зелени и цветов.

Архиерейское служение Божественной литургии совершалось обычным порядком.

Владыке сослужили: архимандрит, два иеромонаха, три священника и два диакона. Пел стройный хор инокинь на обоих клиросах.

После пения причастного стиха досточтимый о. архимандрит Анастасий произнес к народу глубоконазидательное, прочувствованное Слово. Свою простую, но прекрасную речь он заключил приглашением слушателей возможно чаще посещать храм Божий и всегда хранить в сердце благодарную память о бесчисленных благодеяниях Матери Божией всем, кто с верою и любовью притекает к Ней.

По окончании литургии из собора вокруг ограды внутри обители совершен крестный ход при неумолкаемом

колокольном звоне.

Праздничное торжество закончилось в соборном храме провозглашением многолетия, архипастырским благословением богомольцев и монахинь и раздачею всем брошюр различного духовно-нравственного содержания. Была половина второго часа пополудни, когда Владыка, благословив праздничную трапезу сестер, отбыл в покои настоятельницы, где дорогим гостям была предложена обильная трапеза.

Недолго отдыхали в своих покоях досточтимый архипастырь и Его Высокопревосходительство В.К. Саблер. Глубоко заинтересованные деятельностью местного миссионерства среди раскольников, они посетили село Песочное, где Его Преосвященство изволил сказать народу приличествующее обстоятельствам Слово. Не без плода был труд Владыки, видно, горяча и убедительна была речь его, когда несколько закоснелых раскольников торжественно пред всем обществом односельчан заявили о своем намерении перейти в Православие.

Уже вечером возвратились высокие гости в обитель и в восемь часов присутствовали в храме за богослужением полунощницы, к которой обычно присоединяются 12 избранных псалмов и час первый. Владыка изволил читать первые три псалма на солее, облаченный в мантию и клобук.

Служба кончилась в десять часов, и Преосвященный труженик изволил преподать назидание сестрам обители в беседе к ним.

И затем, благословив всех, Преосвященный отбыл в свои покои.

9 июля – последний день пребывания в обители ее дорогих гостей и вместе день особого духовного веселия ее по случаю увеличения ее духовного воинства еще новыми четырьмя избранницами.

Около шести часов утра из покоев настоятельницы были торжественно приведены в Иверский собор назначенные к пострижению послушницы.

Любопытное и вместе с тем трогательное зрелище представилось тогда глазам толпившегося по пути следования

их народа.

В трепете, крепко прижав к груди образ Матери Божией, как не имеющие надежды на иную помощь в предстоящем жизненном подвиге, с распущенными волосами, в одних только хитонах и без обуви, кротко следуя за своим старцем – отцом духовным, шли эти невесты Христовы, чтобы дать обещание пред всею небесною и земною Церковью Его вечно служить Ему в чине ангельском.

А ликующая обитель торжественным трезвоном провожала этих избранных дочерей в дом Божий...

Ровно в шесть часов утра началось служение Божественной литургии, которую совершал Преосвященный Трифон с сослужащим ему духовенством.

Пред чтением Апостола Владыка и весь сонм священнослужителей в полном облачении вышли на солею, где на аналое возложены были крест и Святое Евангелие. В то же время постригаемые, предшествуемые духовником со святым крестом, приближались от западных дверей, где они доселе оставались за ширмами, к солее, три раза по пути распростираясь крестообразно на полу церковном при умиленном пении стихир: «Объятия Отча отверзти ми...»

Потрясающее действие производила эта картина на сердца всех присутствующих. Глубокое покаянное смирение распростертых по земле инокинь и славный сонм священнослужителей со святителем во главе были как бы живою иллюстрацией милосердия Божия к кающимся грешникам и всегдашней готовности принять их в свои объятия.

Терпеливо ждал Владыка, когда постригаемые достигнут солеи и объявят нужду, с какою пришли к нему, неоднократно испытывал твердость их произволения служить Богу в чине ангельском, не скрыл от них всю тесноту и скорбь, ожидающие их в иночестве, и уже после всего этого постриг и облек их в чин ангельский. Облеченные во всеоружие борьбы противу духов злобы, с крестом и возженной свечой в руках, новопостриженные инокини встали пред иконостасом правого придела храма, где и оставались до конца службы.

По окончании литургии Владыка, вручив их руководству духовной матери – схимонахини, произнес прекрасное Слово назидания и утешения им.

Благословивши затем новопостриженных инокинь образом Богоматери, Владыка отбыл в покои настоятельницы.

Отсюда, уже готовый к отъезду, Преосвященный зашел в Успенскую больничную церковь и здесь, прощаясь с сестрами обители, преподал им благословение и мир с апостольским увещанием любить друг друга. Поручая всех покрову Царицы Небесной, Владыка благословил всех маленькими металлическими образами Ее.

Затем Его Преосвященство и все высокопоставленные спутники его отбыли из обители в сопровождении старца – строителя ее, о. Варнавы.

Низким поклоном и молитвенными благожеланиями изъявляли свою глубокую признательность отъезжающим за милостивое посещение счастливые сестры. Так полны были светлой радости дни монастырского праздника: для мирян-богомольцев – по своей внешней торжественной обстановке, для инокинь – по своему внутреннему содержанию и значению»⁴.

Через год после посещения Выксунской обители Владыка едет в Саров поклониться мощам преподобного Серафима. Описание этой поездки составил уже известный нам Д.С. Дмитриев, журналист, а впоследствии священник:

«...Владыка уговорился со мною о времени отъезда из Москвы.

И вот 12 июля прошлого года, вечером, на скором поезде Нижегородской железной дороги мы выехали в Саров; с Преосвященным ехало несколько монашествующих из Богоявленской обители, а также и родной брат Владыки князь Д.П. Туркестанов.

Поезд мчался на всех парах.

В девять часов утра мы прибыли в Нижний Новгород. Времени до отхода поезда в Арзамас было достаточно, и мы успели побывать в вековом кремле Нижнего Новгорода и поклониться его святыне; спускались в величавом

Преображенском соборе в склеп, где покоится великий гражданин земли Русской – Кузьма Минин.

Любовались с высокой горы на панораму красивого и чистого города, на Волгу-красавицу, реку царственную.

Поезд в Арзамас отходит в двенадцатом часу дня и несколько верст идет тихо, по откосу берега реки Оки.

Местность эта очень живописная.

Я, сидя у окна, любовался на величавую реку, с плавающими на ней пароходами, барками, яликами, и на крутые берега, покрытые красивою растительностью.

В пятом часу дня мы приехали в Арзамас.

Городок небольшой, чистенький, много церквей, два женских монастыря и один мужской.

Преосвященный Владыка для отдыха часа на два – на три остановился в гостинице при женском Алексеевском монастыре.

Мать игуменья Евгения приняла нас с чисто русским радушием и показала нам свой монастырь, довольно обширный, с несколькими церквами, которые содержатся в образцовом порядке.

Особенно красив и оригинален главный храм во имя святого Алексия, человека Божия, с хорами, помещающими на себе три престола; в храме есть две иконы, жалованные в монастырь царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем.

Живопись и иконы – копии с киевского храма святого Владимира.

В сопровождении игуменья Преосвященный Трифон отправился в трапезную, где благословил трапезу и вкушал хлеб, очень приятный на вкус.

По выходе из трапезной Владыку окружила толпа богомольцев, направляющихся в Саров.

Преосвященный всех их благословил с пожеланием счастливого пути.

Я остался на несколько минут с богомольцами; мне хотелось с ними поговорить.

Один из богомольцев, высокий, плечистый старик, с длинными белыми, как лен, волосами, с такой же бородой,

привлек мое внимание.

Поверх белой рубахи на нем был надет суконный кафтан, в руках – суковатая палка.

– Откуда, дед? – спросил я.

– С Вологды, – было мне ответом.

– Неужели пешком?

– Где пешком, а где и по чугунке.

– А лет тебе сколько?

– Восьмой десяток на исходе.

«Укрепи тебя Бог так же, как крепка в тебе вера», – подумал я.

А вот молодая мать с больным ребенком на руках; она тоже спешит в Саров к мощам новоявленного угодника, преподобного Серафима; святитель Трифон благословил скорбную мать и ее больного ребенка-мальчика.

– Чем болен? – спросил я у матери, показывая на ребенка.

– Ослеп, бельма; на обоих глазках... – слезливо ответила та.

– Ты откуда?

– Из-под Смоленска, барин. Наша деревня верстах в десяти от города. Все оставила: дом, мужа и деток... у меня еще дома двое ребятишек... собралась и пошла к угодничку. Помолюсь преподобному Серафиму, он и даст глазки моему Иванушке.

О, какая глубокая в тебе вера, простая русская женщина!

От Арзамаса до Сарова, считай, 65 верст.

Преосвященный Владыка решил выехать вечером, чтобы утром быть в Сарове.

Нам рекомендовали содержательницу экипажей Беляеву, у которой и лошади и экипажи лучшие во всем городе.

Она уверила нас, что в дороге мы будем не более шести-семи часов, но, как оказалось, мы ехали чуть не полсутки.

Мы выехали в двух парных, небольших колясках: в одной ехал Преосвященный со своим келейником, в другой – я с князем Д.П. Туркестановым.

Совсем стемнело, когда мы выехали из Алексеевского монастыря.

Мать игумения Евгения и старицы-инокини проводили нас с добрыми пожеланиями счастливого пути. Скоро тихая ночь спустила свой покров на заснувшую землю, и величавая луна выплыла из-за облаков и осветила нам путь.

Лошади везли нас медленно, а дорогу особенно дурной назвать нельзя: очевидно, наши возницы не торопились; спать дорогою и думать было нечего: коляски, или, скорее, пролетки, были узки и коротки, вообще ни лошадьми, ни экипажами похвалиться было нельзя, хотя и взяли с нас за лошадей довольно изрядную плату.

На наше счастье, была прекрасная, теплая лунная ночь, и медленная езда не так была утомительна, время бежало в разговоре незаметно; князь Д.П. оказался прекрасным спутником и прекрасным собеседником.

Пробыв в дороге часов пять-шесть, въехали на постоянный двор; он находился на половине пути.

Мы вошли в низкую, душную избу, разделенную перегородкой на две половины.

Постояльцев – как сельдей в бочке. Не только горница, но и грязные сени были ими переполнены.

Кто ехал в Саров, кто – из Сарова.

На Владыке была простая суконная ряса, и, вероятно, постояльцы приняли его за простого священника или монаха, чем Владыка был очень доволен.

Мало-помалу горница опросталась, богомольцы направились далее; подали огромных размеров самовар, и мы принялись за чаепитие.

Преосвященный Трифон, несмотря на нездоровье и на ночь, проведенную без сна, чувствовал какую-то особую бодрость и подъем духа.

Стало рассветать.

Мы вышли из горницы. На нас пахло здоровым утренним воздухом.

Раннее утро. Тихо-тихо кругом. Небо чистое, бирюзовое, день обещал быть ясным, хорошим.

Преосвященный Владыка с обычной своей занимательностью стал говорить со мною о подвижничестве

святых отцов нашей Православной Русской Церкви и о преподобном Серафиме.

В занимательной беседе я и не заметил, как прошло часа три нашей остановки на постоялом дворе.

Когда мы выехали, уже появились первые лучи восходящего солнца.

Владыка решил ехать прямо в Саров, а в Дивеев монастырь заехать на обратном пути.

Наши лошади ехали теперь быстрее.

Вот и вековые Саровские леса. Мы едем по лесу: направо и налево стоят гиганты-сосны. Воздух чудный, смолистый, дышать легко...

В этом вековом лесу стоит тишина, только пернатые жители своим щебетаньем и пением нарушают лесное безмолвие.

И вот в этом вековом Саровском лесу мне живо представился дивный старец Серафим: в белом балахоне, в потертой камилавке на голове, в бахилах на ногах, с сумочкою за плечами, согбенный, идет он по этой пустыни, опираясь на моталыгу. Святой старец ищет безмолвия, уединения. Но скорбные, обездоленные, болящие душою и телом идут к нему в пустыньку, несут ему свою печаль-тоску, свою скорбь-болезнь. Они окружают старца Божия, который врачует их недуги душевные и телесные...

Идут к нему и бедняк-горемыка в сермяге, и богатый и важный вельможа, и из простых уст дивного старца сладкой струей бегут слова любви, веры, надежды и утешения.

Не стало старца-подвижника, но земля скрыла его от нас только на время.

«Когда я умру, приходите ко мне, на гробик ходите! Все, что у вас есть на душе, какие скорби ни постигли бы вас – поведайте мне, как живому, – и я вас услышу, и я облегчу вашу печаль...»

Так заповедал преподобный Серафим за несколько дней до своей праведной кончины. Народ русский, православный, памятуя эти дивные слова, шел в Саровскую обитель на могилу почившего подвижника; шел, как к живому, со своим горем, со

своими скорбями и нуждами и припадал к дорогой могилке – и получал утешение и исцеление.

Бог, дивный в святых Своих, прославил даром чудотворения преподобного Серафима, и рака с его святыми мощами находится теперь воочию...

Версты за три показались нам позлащенные главы Саровской обители, а скоро и во всей красе появился Саров с величавыми храмами, большими зданиями и другими постройками. Белела ограда со своими грандиозными башнями, а внизу прозрачной лентой тянулась река Саровка; кругом леса и леса нескончаемые.

Для Преосвященного Трифона приготовлены были в Саровской пустыни архиерейские кельи, а мы с князем поместились в номере одной из многочисленных гостиниц, переполненных богомольцами.

Оставалось только пять дней до праздника 19 июля, то есть годовщины с того дня, как прославлены и торжественно открыты были мощи преподобного Серафима, поэтому богомольцев и было так много.

Нам едва удалось достать себе номер.

Несколько отдохнув с дороги и приведя себя в порядок, я отправился в Успенский собор, чтобы поклониться мощам преподобного Серафима.

Шла обедня, и огромный храм был переполнен молящимися.

Добраться до раки было невозможно; я отправился к Преосвященному и застал там старца – игумена Саровской обители Иерофея; ему было 76 лет, на взгляд не более 60; необычайно подвижный, энергичный, истый монах и прекрасный хозяин, который, несмотря на свои почтенные лета, управляет огромной обителью, имеющей 400 монашествующих, и ведет огромное хозяйство с различными мастерствами. В Сарове громадный скотный двор, конный завод, лесопильня, мельницы, слесарные и кузнечные мастерские, столярные, портновские и сапожные и т.д. Во главе всего этого стоит и руководит старец игумен, с которым Преосвященный Трифон меня и познакомил.

В сопровождении о. игумена мы отправились на монастырских лошадях в «ближнюю» и «дальнюю» пустыньки.

Мы ехали по лесному песчаному кособокому, поросшему высокими соснами и другими деревьями. Воздух чистый, смолистый... Вправо виднеется извилистая речка Саровка, на другом берегу чернеется густой вековой лес.

По дороге нам попадалось много богомольцев, идущих на источник, которые низким поклоном приветствовали Преосвященного Трифона.

Мы скоро приехали в ближнюю пустыньку преподобного Серафима, отстоящую от монастыря в двух с половиною верстах.

Здесь находится главный источник преподобного Серафима, ископанный его трудами.

По молитвам святого старца и по вере болящих вода в этом источнике имеет целебное свойство. Над источником устроена большая часовня, расписанная прекрасною живописью.

Какая чудная вода, чистая, как стекло, очень приятная на вкус и холодная!

У этого источника всегда можно встретить толпу больных всевозможными болезнями, они спешат сюда в надежде получить облегчение.

Наш Преосвященный отчасти сам испытал целебное свойство воды из источника преподобного Серафима.

Зубная боль сильно беспокоила Владыку.

– Когда я пустил на себя струю ледяной воды, то тело мое как бы обожгло, но это все было одно мгновение; я почувствовал необычайную бодрость, свежесть, болезнь моя успокоилась. Я чувствую себя теперь очень, очень хорошо! – сказал мне Преосвященный.

Мне пришлось наблюдать за многими больными, которые с высокой верой пускали на себя струю холодной воды; они благодарили Бога, что сподобились обители новоявленного угодника Божия, по молитвам которого они надеются получить облегчение болезни.

Игумен Иерофей показывал нам вновь строящийся резервуар источников, выложенный камнем. В него будет

проведена вода из источника преподобного Серафима.

Рядом с источником, на горке, стоит небольшой домик, подобие того, в котором жил преподобный Серафим.

Нам сказывали, что здесь он кормил из своих рук медведя и других зверей.

Мы отправились в дальнюю пустыньку. Дорога шла в гору, направо и налево стоят сосны; тишина могильная. Эта тишина нарушается только тихой беседою богомольцев, направляющихся в дальнюю пустыньку.

Вот небольшая часовня, открытая со всех сторон. Мы вошли в нее и увидели большой камень, на котором преподобный Серафим молился 1000 ночей с воздетыми руками.

Мы преклонились и поцеловали этот камень.

Рядом с часовнею стоит высокая сосна с иконою Святой Троицы; по преданию, здесь святой старец молился.

Разумеется, камни, на которых молился дивный старец, стали теперь предметом благоговейного почитания.

Вот наконец и дальняя пустынька. Мы подъехали к небольшому деревянному домику с небольшими сенцами, находящемуся в чаще леса, – это келья преподобного Серафима.

Нас встретил монах; он земно поклонился Владыке, приняв благословение. По стенам кельи находятся большие изображения из событий жизни старца Серафима.

Мы встретили здесь какого-то священника-богомольца; испросив благословения у Преосвященного Трифона, он стал совершать молебен преподобному Серафиму.

Иеродиакон о. Гавриил и о. Алексей и келейник Преосвященного Александр стали петь. Умилительно и трогательно было это молитвословие.

Убогая келья. Тишина дремучего леса прерывалась пением: «Преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас!»

Монах предложил Преосвященному спуститься в подземную келью, куда удалялся преподобный Серафим, когда народ слишком тяготил его.

Владыка и мы спустились по узенькой лестнице. Мы увидели большой ящик, наполненный до половины песком и камнями: на него становился подвижник на колени для молитвы.

Когда мы вернулись в монастырь, то услышали, что туда ожидают Высокопреосвященного митрополита Московского Владимира, который возымел благое желание провести день своих именин в обители преподобного Серафима.

– В котором часу ожидают Владыку митрополита? – спросил я.

– В шесть часов, – ответили мне.

В шесть часов раздался звон в большой колокол, который возвестил, что Владыка митрополит находится недалеко от монастыря.

Навстречу ему, к святым воротам, тронулся крестный ход; во главе многочисленного монастырского духовенства находился старец игумен Иерофей.

Но Высокопреосвященный митрополит отклонил от себя эту встречу и скромно, в простом рессорном тарантасе, подъехал к архиерейским кельям в сопровождении своего родного брата, о. протоиерея Иоанна.

Оправившись несколько с дороги, Владыка митрополит направился в Успенский храм и, облачившись в мантию и омофор, совершил краткое молитвословие преподобному Серафиму и приложился к святым мощам.

В семь часов началось торжественное всенощное бдение.

Литию, благословение хлебов, а также и величание равноапостольному князю Владимиру было совершено Высокопреосвященным митрополитом в сослужении Преосвященного Трифона, игумена Иерофея, о. протоиереев и многочисленного монастырского духовенства; на духовенстве было золотое облачение, в котором совершалось открытие мощей преподобного Серафима.

В семь часов утра звон в большой колокол возвестил время литургии, которую торжественно совершал Первосвяtitель Церкви Московский митрополит Владимир с Преосвященным епископом Трифоном, игуменом Иерофеем и прочим

многочисленным духовенством, при столбовом пении хора монашествующих.

По окончании литургии был отслужен молебен святому князю Владимиру и преподобному Серафиму, после которого Владыка митрополит, разоблачившись, с Преосвященным Трифоном направился в архиерейские кельи, где сервирован был чай, к которому я имел честь быть приглашенным.

Владыка митрополит спешил в свое родное село Тамбовской епархии, где его трудами сооружается величественный храм, и часов в одиннадцать утра он простился с обителью, с ее радушным настоятелем и отбыл при звоне во все колокола.

Преосвященный Трифон, князь Д.П. Туркестанов и я выехали из Сарова ровно в час дня. Владыку Трифона провожала обитель тоже с трезвоном во все колокола.

Проехав часа два, мы остановились около гостиницы женского Дивеева монастыря, отстоящего от Сарова верстах в двенадцати.

Нас встретила казначея монастыря (игуменья хворала) и радушно предложила осмотреть довольно пространный монастырь, окруженный высокой оградой.

Для Владыки и для нас поданы были монастырские лошади.

Меня поразила в Дивееве своей величиной и красотой отделки храм-собор, где находится келейная икона Божией Матери, именуемая «Умиление», пред которою скончался преподобный Серафим.

В этой величавой обители все напоминает дивного старца-подвижника. Здесь находится его пустынная келья; она обнесена бревенчатыми стенами и, таким образом, находится как бы в футляре.

В Дивееве имеется часть камня, на котором преподобный Серафим молился 1000 ночей, большая часть этого камня находится, как мы уже знаем, в Сарове, в дальней пустыни.

В Дивееве хранится медный крест, которым благословила мать преподобного Серафима на монашество, Евангелие, с которым старец никогда не расставался, его четки, мантия,

балахон, бахилы, очки, топорик, скребок и другие вещи, принадлежавшие преподобному Серафиму. Все эти святыни трогательно сохраняются дивеевскими сестрами.

А с каким благоговением они показывают эти святыни богомольцам, с какою духовной радостью рассказывают о дивном старце, о заботах его о Дивееве!

Поблагодарив за радушный прием дивеевских инокинь, мы тронулись далее и, после остановки ночью на постоялом дворе, на том же, на котором останавливались проездом в Саров, в четыре часа утра приехали в Арзамас. Преосвященный Трифон пожелал, чтобы до десяти часов утра – времени отхода поезда из Арзамаса в Нижний – остановиться для отдыха в гостинице при Алексеевском монастыре.

Гостиница была переполнена, и Преосвященному с братом, а также и мне пришлось ютиться в небольшой келейке монахини, заведующей гостиницей, которая ее радушно нам предложила.

В десятом часу утра мать игуменья Евгения и некоторые сестры пришли в гостиницу принять благословение Преосвященного Трифона и проститься с ним.

Наш путь из Арзамаса в Москву через город Нижний совершился благополучно, и утром 17 июля мы прибыли в Москву». (Дмитриев Д.С. Паломничество в обитель прп. Серафима. – М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1905).

* * *

Наступил 1905 год и всем известные события. Как относился к ним Владыка? Мы не имеем в нашем распоряжении его высказываний, касающихся политики. Нам известно его отношение к простому народу, известно, что он не раз служил молебны на московских фабриках, что среди его духовных детей было немало фабричных. Некоторым из них он оказывал существенную помощь. Так, например, одной вдове, работавшей на фабрике, матери пятерых детей, он помог устроить детей в приют. Но мы знаем также и то, что его взгляды не могли противоречить словам Евангелия: «Все,

взявшие меч, мечом погибнут» (Мф.26:52). Вот как вспоминает Владыка об этом времени:

«Вспоминаются мне и ужасы 1905 года, и этот молебен на Красной площади на день святителя Николая, когда все вы и еще многие другие, не боясь великих угроз, не уstraшились и пошли все за вашим грешным пастырем, готовые даже принять смерть. Вспоминается мне, как в эти страшные дни Москва казалась как бы осиротелою, когда гремели всюду выстрелы и когда на каждом шагу грозила смерть... Вспоминается, как вы каждый вечер приходили сюда молиться, говеть, исповедоваться и причащаться; и на все были готовы.

...Прошли годы войны и последовавших за нею событий 1905–1906 годов. Измученный тем, что пришлось пережить за это время, я уехал в Оптинский скит на отдых – и здесь снова встретился с тобой. .

Сколько чудных вечеров провели мы в беседах! Какие ценные наставления ты мне делал, какие возвышенные речи вел!»

Эти слова обращены к старцу Варсонофию.

Быстро пролетело время в Оптиной. И снова Богоявленский монастырь, снова ранние обедни, проповеди, работа в Синоде...

Декабрь 1906 года. Владыка – опять в дороге. 9 декабря, в субботу, с утренним поездом Преосвященный Трифон, епископ Дмитровский, викарий Московский, прибыл в Яблочинский монастырь. Добрый, религиозный, можно сказать, святой страдалец народ наш оставил в первое посещение Яблочинского монастыря и во дни Холмских торжеств (в августе и в сентябре) в душе епископа Трифона самое светлое впечатление.

Душа Преосвященного сроднилась с душою нашего народа. Теперь Преосвященный приехал снова в Яблочинский монастырь, и душа его искала молитвы с народом-страстотерпцем, который в настоящий, ужасный, кровавый век, несмотря на то, что почти всюду расшатались даже самые основы религиозно-христианской жизни, сумел выставить из своей среды целые сонмы мучеников и исповедников.

Торжество перенесения иконы преподобного Сергия должно было привлечь массу богомольцев.

Преосвященный был встречен в монастыре торжественным колокольным звоном. В храме, который был скромно, но красиво освещен лампадами, собралась братия монастыря. Певчие пропели тропарь преподобному Онуфрию. Началось краткое молебствие. После молебна Преосвященный обратился к братии. Преосвященный говорил о своей радости видеть тех, кого он успел полюбить, рассказывал о своем путешествии в течение отпуска по российским святыням, когда он часто молитвенно вспоминал Яблочинскую обитель, просил и братию молиться за него, слабого труженика великого дела управления Церковью Христовою.

Народ, заслышав о приезде епископа, спешил в монастырь. Монастырский храм был полон молящихся. В ночном мраке красиво светились на паникадилах разнообразными огоньками лампы; в подсвечниках ярко горели свечи. Путь от настоятельских келий до церкви был освещен разноцветными фонариками. Воскресная служба шла обычным порядком.

Слышалось и столбовое пение «Блажен муж», и пение стихир с канонархом и пр.; на шестопсалмии, по уставу, свечи все были погашены, несмотря на торжество. Этот переход от света к полумраку, при монотонном монашеском чтении шестопсалмия, как-то особенно успокоительно действует на душу, и так тогда хотелось глубоко заглянуть в свою душу и со дна вымести весь тот сор, который нанесен туда бурным потоком, именуемым жизнью. Кроме монастырских певчих пели ученики Яблочинской второклассной школы, которые прекрасно исполнили начало шестопсалмия: «Слава в вышних Богу» и другие песнопения. Детские голоса будили уснувшую во грехах душу... На кафизмах Преосвященный Трифон обратился к собравшемуся народу с приветственным Словом. Много и долго говорил Преосвященный к народу: видно было, что Преосвященный хотел передать народу всю свою душу, все, что для него дорого и чем он сам живет. Преосвященный говорил о монастырских подвижниках, которые своею молитвою и верою поддерживают и облегчают нашу тяжелую участь. В

преподобном Сергии и преподобном Серафиме он указывал народу идеал совершенства веры и молитвы. Много говорил Преосвященный и об Оптином старце Амвросии, имя которого тем более должно быть дорого для нас, что он – сын нашего века и почти наш современник. На величание всем молящимся были розданы свечи. Ярко осветился весь храм даже в последних уголках. Величание торжественно пелось на сходе духовенством и певчими. Кроме Преосвященного, соседнего духовенства и братии монастыря в богослужении принимал участие прибывший с Преосвященным архимандрит Кирилл, бывший ректор Киевской Духовной семинарии. Преосвященный помазывал освященным елеем всех богомольцев, к великой радости последних. Богомольцы не скрывали своей радости и старались видимо выразить Преосвященному свою благодарность: они целовали ему и края облачения, и руки, кланялись и пр.

На первом часе Преосвященный торжественно в мантии вышел из алтаря вместе со всеми священнослужителями. Певчие запели «Под кров Твой, Владычице» старинным лаврским напевом. Преосвященный пал на колени, а за ним и все священнослужители, и весь народ. Далеко-далеко к небу неслись звуки Божественной песни. Казалось, сама Богородица нисходит к этому коленопреклоненному народу и вместе с ним молит Своего возлюбленного Сына, Спасителя нашего, за многострадальную землю нашу, за Святую Христову Русь. Под звон всех монастырских колоколов Преосвященный, сопровождаемый духовенством и народом, с пением прошел к себе в покои. Так кончился канун торжества перенесения иконы преподобного Сергия. Народ долго толпился вокруг храма. Горели фонарики, заботливо приготовленные учениками причетнической школы, которые вообще в торжестве принимали самое живое участие. Пелись песни из Богогласника. В половине одиннадцатого утра в воскресенье 10 декабря начали на монастырской колокольне благовест, который разнес по всей окрестности, что приближается час торжества. Скоро показался на соседнем с монастырем валу, по которому проходит дорога в село Яблочное, крестный ход. Это – яблочинские прихожане,

предводительствуемые своим пастырем, шли навстречу иконы преподобного. День стоял ясный, солнечный. Спал и мороз. Преподобный Сергей не хотел, чтобы ради него морозились те, которые встречают его святую икону со всею горячностью своей веры. Он не хотел остужать их рвения. Ярко блестели на солнце хоругви. Издалека слышалось пение. Могучие сильные голоса крестьян сливались с голосами учеников Яблочинской второклассной школы. Навстречу приходскому крестному ходу вышел крестный ход из монастыря. Он теперь уже не так убог, как раньше. В последнее время, благодаря усердным жертвователям, монастырь украсился ценными металлическими хоругвями с прекрасными живописными изображениями. Во главе монастырского крестного хода шел о. архимандрит Кирилл. У вала за монастырем произошла встреча крестных ходов, и затем шествие двинулось по направлению к монастырю, привлекая со всех концов все новые и новые толпы народа. Громкое одушевленное пение несло к небесам. В храме – обычное пение коленопреклоненным народом песни «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево...». Сколько здесь слышалось рыданий, сколько вздохов и молитвенных воплей! Пресвятая Дева, воззри на молитву сынов Твоих!

К одиннадцати часам, к приходу поезда из Бреста, Преосвященный Трифон пришел в храм и, облачившись в мантию, во главе соединенных крестных ходов отправился к реке Буг, где должна была произойти встреча иконы. Толпы народа сопровождали крестный ход. Зрелище на солнце получалось необыкновенно величественное. Впереди шли хоругвеносцы, далее стройными рядами – певчие монастырские и ученики школы, которые в течение всего хода пели то тропарь преподобному Сергию: «Иже добродетелей подвижник», то тропарь преподобному Онуфрию, то песнопения в честь Богоматери. За певчими несли большую икону преподобного Серафима, недавно торжественно перенесенную в монастырь. По краям иконы в стихарях послушники монастыря несли дикирий и трикирий; тут же шли послушники с рипидами. Далее следовало духовенство. Трогательно было видеть это шествие.

Как-то необыкновенно красиво выделялись на фоне и сами деревья, покрытые толстым слоем инея.

Когда шествие приближалось к реке Буг, на противоположном берегу показался другой крестный ход. То несли икону преподобного Сергия, прибывшую с поездом. Три иеромонаха сопровождали икону преподобного. Снова и здесь было немало богомольцев. Параллельно по обоим берегам Буга теперь шли крестные ходы: один – возглавляемый земным архиереем, другой предводительствовался небесным вождем – великим чудотворцем Сергием, который ради одного угнетенного народа ныне шел в святую обитель Яблочинскую, чтоб облегчить нужды обездоленных, подкрепить немощных, обрадовать печальных, утешить скорбных. Взоры молящихся невольно приковались к иконе преподобного.

Буг с вечера покрылся льдом, но идти по льду было опасно. Поэтому условлено было перевезти икону на лодке. Лодка с раннего утра уже стояла на монастырском берегу, вся убранная деревьями. К месту переправы одновременно подошли оба хода. Преосвященный с двумя иподиаконами взшел в лодку и отправился на противоположный берег принять икону преподобного, чтобы затем передать ее инокам Яблочинского монастыря и народу, которые в благоговейном молчании ожидали святыни. В руках народа были свечи, которые, пока Преосвященный переправлялся на берег, успели зажечь, и с горящими светильниками в руках предстали пред образом преподобного.

Картина переправы иконы через реку Буг была необыкновенно величественна! Лодка, украшенная елью и соснами, Преосвященный в голубой мантии и золотой митре, иподиаконы в блестящих стихарях, со светильниками, в глубине – икона преподобного Сергия, поддерживаемая иеромонахами, яркий, солнечный день, река Буг, толпы народа и с той, и с другой стороны – все это переносило мысль далеко-далеко, будило самые светлые воспоминания... И вспоминалась тогда другая картина из далекого прошлого, когда из далеких Мир Ликийских по морю везли в Бар-град святые мощи чудотворца Николая. Прошлое воскресло в настоящем.

Владыка с лодки ступил на паром, с помощью священнослужителей осенил иконой преподобного народ на три стороны. Слезы радости и умиления невольно текли из глаз. Тот, кто считается отцом монашества, явился ныне «посетить чад своих», пришел благословить тот народ, который изнемогает под тяжелым бременем жизни среди иноверных соседей. По осенении иконой Преосвященный с коленопреклонением прочитал молитву преподобному Сергию. Трудно описать охватившее всех чувство. Казалось, встречаешь не икону, а самого преподобного Сергия, и горячая мольба невольно вырывалась из уст. «Преподобие отче Сергие, прииди и посети чад своих!» В ярких лучах зимнего солнца так и чувствовалось веяние живительных лучей благодати Божией.

На руках священнослужителей икона была вынесена на берег. Народ бросился к иконе и принял ее из рук священников, и шествие двинулось к монастырю. Воодушевление росло: далеко-далеко по окрестности неслись звуки священных песен. Пели всё, что подходило к случаю: и песни Богогласника, и тропари, и величания. Народ шел с зажженными свечами. Погода была такая тихая, что почти ни одна свеча не погасла на пути. У ворот монастырских шествие остановилось. Диакон возгласил ектению о здравии всех предстоящих и молящихся, и затем икона была внесена в монастырский храм, где и поставлена на уготованном месте посредине храма, пред архиерейскою кафедрой.

После перенесения иконы началась литургия при стройном пении учеников Яблочинской второклассной школы и монастырского хора. Во время малого входа икона преподобного Сергия была на руках священнослужителей перенесена в алтарь и поставлена на горнем месте, и притом так, что она почти вся была видна богомольцам, во множестве наполнявшим храм. Народа было так много, что нельзя было и думать о том, чтобы маленький монастырский храм мог вместить всех молящихся. Народ наполнял все малейшие уголки храма и от тесноты так близко подошел к иконостасу, что стоял почти в царских вратах. Во время причастного стиха говорил Слово священник села Яблочна о. Владимир Голынец,

а по окончании литургии говорил Преосвященный. Последний в своей речи раскрыл мысль о подражании жизни преподобного.

Крестный ход вокруг храма закончил торжество. Разоблачившись, Преосвященный долго благословлял народ и раздавал всем привезенные с собою образки. Народ же по просьбе Преосвященного все время пел свои любимые песнопения из Богогласника. Только в половине пятого дня Преосвященный вышел из храма.

Народ долго не расходился из монастыря, и только когда стемнело, монастырь опустел от богомольцев. Преосвященный пробыл в монастыре еще один день и в понедельник 11-го с вечерним поездом отбыл в Москву.

В понедельник же, как продолжение торжества, в Яблочинской второклассной школе были устроены туманные картины и чтение для народа. Преосвященный Трифон и здесь пришел на помощь бедному Яблочинскому монастырю, пожертвовав от себя волшебный фонарь. (Торжество иконы прп. Сергия и пребывание еп. Трифона в Яблочинском монастыре. – М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1907).

* * *

На второй день Рождества и на второй день Пасхи Владыке в Богоявленский монастырь привозили детей из московского приюта Братства святой царицы Александры. Послушаем трогательную историю этого Братства, рассказанную самим Владыкой:

«Братство святой царицы Александры посвящено воспитанию слабых детей, эпилептиков, расслабленных, брошенных, никому не нужных, лишенных родителей, крова, подвергавшихся оскорблениям, истязаниям.

Вам известна история того чуда, которое совершилось во время грозы с иконою «Всех Скорбящих Радость», которая находилась в часовне, за Петербургом. Во время грозы ударил гром, и молния попала в часовню... все расщеплено было... уцелел только один лик Богоматери с прилипшими к Нему медными монетами.

Вот однажды было видение болящему отроку Николаю.

Этот отрок с пяти лет был подвержен падучей болезни: до пяти-шести раз в день возобновлялись эти припадки, кроме того, он страдал виттовой пляской, то есть его всего передергивало. Кроме того, впоследствии его разбил паралич, он не мог двигать ни руками, ни ногами. Конечно, все врачи потеряли надежду вылечить его.

Но вот Владычица наша Небесная взяла его под Свой кров и исцелила его. «Я видел, – говорил больной, – явилась ко мне Дева Мария с Николаем Чудотворцем и двумя апостолами и сказала: «Иди в часовню, соверши молебен пред иконою Моею». И когда его везли, то дорогою с ним сделался страшнейший припадок. А когда его привезли и положили в часовне, то припадок возобновился с еще большей силой. Но вот начали совершать молебен, прочитали Евангелие. Когда пропели «Не имамы иныя помощи», этот отрок встал совершенно здоровым.

Ныне он – монах и состоит духовником сестер этого Братства... Он живет в Троицкой обители, имя ему Игнатий, он состоит настоятелем Сергиевой пустыни, человек он благочестивый и добрый. Радуюсь, я лично знал его и пользовался его расположением.

Вот он решил устроить хоть маленький приют для обездоленных детей в память этого чуда. И вот с помощью добрых людей этот приют расширен и имеет отделения в других городах.

И здесь в Москве есть отделение для таковых детей, и всякий собственными глазами может видеть, что делается для этих бедных детей.

Поистине – это бедные дети, неповинные страдальцы... Одни из них – расслабленные идиоты, калеки, а другие измучены калечеством; невообразимо искалечены. Так, мне вспоминается одна девочка, ныне умершая, без глаз, дурочка, идиотка, ее отняли у нищего, просящего милостыню, ей, вероятно, вырезали глаза. Это дитя содрогалось от мужских шагов и с трудом и отвращением могло пить что-нибудь, очевидно, ей давали что-нибудь выпить перед совершением этого злодеяния. И вот эта бедная девочка томилась. Однажды

сестра ушла, девочка заплакала. Подходит сестра, видит, девочка плачет, и говорит ей ласково: «Не плачь, ведь я твоя мама». И девочка бросилась к ней со словами: «Мама, мама!» Очевидно, эти слова напомнили ей ее дорогое прошлое. Недолго прожила эта девочка, окончились ее мучения – она умерла...

«Замечательно, – сказала мне начальница приюта. – Дети – полуидиоты, не способные ни к выражению своих чувств, ни к пониманию отношений, их окружающих, – когда умирали, то на лице их появлялась улыбка, в их глазах появлялось изумление, выражение душевного настроения, им как бы открывались тайны... и из идиотского выражения их лицо делалось вдумчивым, они уносились далеко в тайники своей души, которая видела то, что сокрыто от других».

Нет, велик подвиг тех, которые взяли на себя этот труд воспитания детей, ведь эти дети неповинны ни в чем, они страдают часто за грехи своих отцов; за их грехи терпят и являются нам уроком; они как бы говорят, что жизнь – не шутка и не пир; жизнь – это тяжелый подвиг, кто бессмысленно проводит свою жизнь, тот в детях понесет наказание Божие. А затем, многие дети составляют тягость для своих семейных; как тяжело иметь в семье ребенка слабого, больного, особенно в бедной семье... куда его девать, убогого? Родители его часто заняты работою, матери приходится с утра до вечера трудиться, отцу – добывать кусок хлеба для пропитания.

Вот для таких-то несчастных детей и открыт приют. Часто туда приходят матери, потерявшие всякое терпение, дошедшие до крайности: «Возьмите, ради Бога, моего ребенка!» Посторонние люди воспитывают его с величайшим усилием, потому что он с трудом поддается воспитанию. Разве это не доброе дело? Разве не видно благословения над ним Владычицы нашей Небесной, которая именуется Матерью скорбящих, больных, обремененных, Радостью скорбящих и трудящихся?»

После обедни сестры, служившие в приюте, подводили детей Владыке под благословение. Он давал им всем целовать панагию, гладил по голове. Умственно отсталые дети, казалось,

узнавали его, улыбались, хохотали, не отворачивались и вели себя спокойно. Владыка уделял приюту большое внимание, участвовал в управлении им, устраивал сборы, упоминал о нем в своих проповедях, призывал помогать ему, распространять о нем сведения через родных и знакомых, раздавал брошюры с описанием и фотографиями приюта и его воспитанников. Вот описание Московского отделения приюта, взятое из такой брошюры:

«В 1904 году известная благотворительница Ю.М. Карзинкина пожертвовала Братству 80 000 руб. и землю около Рублевского водопровода, а сын ее – 10 000 руб. для постройки приюта в память усопшего Пантелеймона. Братство приобрело дом на Полянке, 61. В приюте в настоящее время призревается 70 детей живущих и приходящих, которые, как и в Петербурге, разделяются на несколько отделений. Войдем в класс: перед нами 22 ученика, тупые лица, неправильные черепа сразу напоминают нам о том, что находимся мы среди ненормальных, больных. Особенно выделяются двое – Соня, с большой головой и параличом ног, и Федя – он зажал уши, что-то бормочет. Когда-то он был здоров и хорошо учился в школе, приготовился к экзамену для поступления в среднее учебное заведение. Он, идя из школы, попал в толпу во время беспорядков: это так повлияло на бедного мальчика, что дороги домой он уже не нашел. Прошло более двух лет, а Федя все еще по временам слышит выстрелы, вздрагивает, испуганно озирается по сторонам, порою хочет бежать... Молодая, чрезвычайно симпатичная учительница очень интересно рассказывала детям о кошке, модель которой стояла на столе. С каким интересом дети слушали ее рассказ, но зато с каким трудом отвечали даже на самые простые и легкие вопросы! В комнате рядом находится детский сад. Здесь лица детей смотрят уже более осмысленно, некоторые дают совершенно правильные ответы на вопросы сестры, которая занимается под руководством учительницы. Здесь рахитики, взрослые (от 10–16 лет), отстающие девочки и одна калека: без рук, на плечах по одному пальчику, правая сторона развита более левой, кушает и одевается сама, иногда при помощи губ и зубов. С 11 часов 30

минут дети занимаются в классе и в детской по составленному расписанию, а с 2–4 часов с перерывами – ручным трудом. В следующей комнате помещается слабое отделение; здесь на креслах особого устройства сидят дети-калеки. Неприятное уродство многих из них не производит удручающего впечатления, так как все дети веселы и довольны – видно, что они привыкли к ласке и любви. Совершенно на противоположном конце дома помещается класс для нормальных калек, там занимается сестра-монахиня, бывшая учительница. На утреннюю и вечернюю молитву дети собираются вместе и поют хором, а также на гимнастику и подвижные игры. Беспокойные дети помещаются на нижнем этаже и производят удручающее впечатление: это дети, которые совсем не могут развиваться: с большим трудом их можно приучить самих есть и пить, а некоторых и одеваться. Игрушки для них не существуют, их моментально ломают, начинают жевать и бросать во все стороны, что, конечно, опасно для окружающих. Единственное их удовольствие – это музыка; во время игры они оживляются и радуются, а другие, наоборот, совершенно притихают. За всеми этими детьми ухаживают сестры-послушницы. Заведует приютом монахиня Санкт-Петербургского Новодевичьего монастыря мать Ангелина».

В проповедях Владыки, посвященных Братству, есть мысль о том, что дети страдают за грехи своих родителей. Эта мысль не является его частным мнением, а имеет основание в Священном Писании и не раз высказывалась святыми отцами. Они содержат ответ на вопрос, или, скорее, на упрек, христианству со стороны людей неверующих или маловеров. А поскольку больные и несчастные дети существуют и будут существовать, пока не прекратится земная жизнь человечества, то этот вопрос и ответ на него будут вечно новыми. Страдания детей говорят не о «жестокости и несправедливости» Бога, на которую так любят указывать мнимые защитники гуманизма и справедливости, а о Его бесконечном нам милосердии, так как часто личные несчастья не отвращают людей от их греховной жизни, и лишь страдания детей заставляют заблудших родителей искать помощи у Бога. Вообще же страдания и

болезни учат нас, что цель нашей жизни не земное счастье, а богообщение. *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его»* (Мф.6:33).

* * *

В 1907 году Владыка посылает в Оптину пустынь к о. Варсонофию двух юношей – Николая и Ивана – братьев Беляевых, предупредив их, что в монастыре составила партия противников о. Варсонофия и, если монахи будут наговаривать на него, не слушать их. Николай стал впоследствии иеромонахом, прожил в Оптиной до ее последних дней и кончил свою жизнь стойким подвижником. Он оставил после себя дневник, содержащий высказывания о. Варсонофия и ценные материалы для его биографии. Жизнь Николая Беляева (в монашестве – Никона)⁵ показывает нам, насколько далеко во времени и пространстве распространялись невидимые духовные связи между старцами и воспитанниками Оптиной пустыни о. Амвросием, о. Варсонофием, митрополитом Трифоном, иеромонахом Никоном и многими другими, как охватывали они все новых верующих, как сохранялись они уже в то время, когда сам монастырь прекратил свое существование. И наша книга тоже является скромной попыткой поддержать эти связи в настоящее время, когда между оптинцами и новым поколением христиан может сохраниться молитвенное общение. Мы видим, что жизнь митрополита Трифона протекала не изолированно, а органически связана с жизнью многих других духовных светил, которые, появляясь на страницах нашей книги, как бы приходят на некоторое время из тумана неизвестности и опять скрываются в нем. И если читатель пожелает узнать о них более подробно, то он должен будет обратиться к другим источникам, малая часть которых указана нами в сносках.

Мы глубоко верим, что, искренне помолившись, он обязательно получит необходимые пособия, рассказывающие о других наших подвижниках, имена которых в той или иной мере связаны с жизнью митрополита Трифона.

К таким светилам относится русский чудотворец о. Иоанн Кронштадтский (1829–1908), имя которого известно не только у

нас, но и во многих странах Европы и в Америке. Мы уже упоминали, что во время своих поездок в Москву о. Иоанн останавливался у Владыки в Богоявленском монастыре и не раз служил у него в храме. Владыка вспоминает об этом, об этих служениях, в Слове, произнесенном на девятый день кончины о. Иоанна, и в других проповедях.

«...Не только русским, но и иноплеменным, – всем был близок и дорог батюшка о. Иоанн.

И мне, созерцающему это многолюдное собрание, видящему вашу молитвенную настроенность, мне особенно вспоминается, как батюшка молился не раз в моем крестовом храме; не правда ли, многие, присутствовавшие при этом, вероятно, испытали какую-то светлую радость, бодрость духовную? Я уверен, все мы это испытывали, когда он молился вместе с нами. Нет горя, которого он не снял бы, нет тягости душевной, которой он не облегчил бы одним прикосновением к голове...

Батюшка говорит: что значит любить Господа? За любовь Божию человек должен всецело отдать всего себя Богу, все свои чувства, в глубине души он должен просить Господа и восклицать Ему: «Ты – моя крепость, Господи! Ты – моя слава! Ты – мое радование! Вечный покой! В тебе – моя жизнь! После смерти – моя надежда! Ты – моя помощь на суде». Так восклицает о. Иоанн.

Такие чувства действительно имел о. Иоанн. Для него Господь Бог был всем: Ему он поклонялся всю жизнь, Его он всегда чувствовал, для него эта любовь была не только пустым звуком, он всем сердцем любил Господа. И мы, священнослужители, которые не раз присутствовали при богослужении вместе с ним, можем подтвердить, что, действительно, никто, как он, не чувствовал так ясно присутствие Господа Бога; видно было, как он молился Ему, он как бы беседовал с Ним, он изливал пред Ним всю свою душу... и не только свою, но молился он Ему за всех скорбящих, больных, неверующих... «Сыне, дай мне сердце твое, необходимо, чтобы сердце наше было чистое, светлое, чтобы оно светило духовным светом». Батюшка о. Иоанн имел,

действительно, такое сердце, исполненное чистоты духовной, я не обинуясь скажу, что он не только был чист сердцем, но еще более – это был дитя, которое всех любило, всем верило. Люди добрые, хорошие преклонялись пред ним, а люди фальшивые – что делать? – пользовались им для своей выгоды и чернили всячески о. Иоанна».

Далее батюшка говорит: «Человек, который любит Бога, должен стараться с помощью Божией усвоить посредством молитвы все хорошее, утверждать в себе смирение, чистоту сердечную, любовь, кротость». И все это батюшка исполнял в своей жизни, а в особенности венец всех добродетелей – любовь – всегда он имел в своем сердце; что же касается до молитвы, то он с раннего утра пребывал в молитве; никому в ней не отказывал, душу свою полагал в молитве и за себя, и за других...

Дальше батюшка говорит: «Надо иметь любовь к ближним, а любовь к ближним выражается в дарах духовных и вещественных, например, подать милостыню, облегчить где-либо горе, помочь чем-нибудь, поухаживать за больным, утешить скорбящего. И здесь батюшка являл всегда пример такой любви; в самом деле, сколько тысяч человек облегчил он; избавил от всяких мук, сколько любви оказал страждущим, скольких исцелил, направил на истинный путь, скольким дал возможность облегчить свое положение, скольким трудящимся приходил на помощь, сколько людей благодаря ему стали приносить пользу ближним и себе.

...И верим, и молимся, и надеемся, что дорогой батюшка помолится за нас и духом будет пребывать со всеми нами».

Мы привели здесь значительную часть проповеди, чтобы показать ту духовную связь, которая существовала между Владыкой и великим нашим молитвенником и чудотворцем: эта связь, или, даже больше, сродство душ, сохранилась и после перехода о. Иоанна в другой мир и живо ощущалась Владыкой. То, что особенно роднило эти две личности, – это присущий им обоим дар горячей, сердечной молитвы. Ощущение реальности Бога, Его присутствия, постоянное к Нему обращение, как к самому близкому, дорогому существу, которое все знает, все

может понять и никогда не оставит в одиночестве в самую трудную, скорбную минуту, – это чувствовалось в проповедях двух пастырей и замечалось их современниками.

«Молитва есть дыхание души, молитва есть духовная пища и питье», – говорил о. Иоанн.

И Владыка как бы вторит ему: «Молитва сохранит вас от всякого зла, утешит вас во дни скорби и печали, даст вам силы на все добрые дела. Верьте, что я говорю вам истинно жизненным опытом».

Если мы попытаемся в нескольких словах изобразить жизнь о. Иоанна и Владыки Трифона, то можно сказать, что она складывалась из трех элементов: молитвы, проповеди и добрых дел.

Этим можно объяснить, что, несмотря на различие в происхождении, в воспитании и даже в духовном пути (монах и белый священник), в их биографиях есть так много общего. Например, забота о приютах, поездки по России с целью утешения и оказания духовной и материальной помощи. Вспомните также служение Владыки в пересыльной тюрьме и особое внимание о. Иоанна к порочным, высланным административным порядком в Кронштадт «посадским людям». Можно было бы отыскать немало еще других параллелей как во внешней, так и во внутренней их жизни, а также в их высказываниях, и это могло бы составить тему интересного исследования, но размеры и характер нашей работы не позволяют этого сделать.

Другой звездой, сопровождавшей Владыку на этом отрезке его жизненного пути, был Оптинский старец о. Варсонофий. Это был не менее, а, может быть, даже и более близкий Владыке человек. Он происходил из потомственных дворян, окончил Полоцкий кадетский корпус, затем поступил на военную службу и дослужился до чина полковника, но духовное направление, привитое ему еще в детстве, получило перевес над другими интересами, и он решил посвятить себя Богу. Старец Амвросий благословил его в обитель, и он был принят в число Братства Предтеченского скита в декабре 1891 года. После смерти о. Амвросия в течение трех лет он каждый вечер ходил для долгих

бесед к старцам о. Анатолию и о. Иосифу. Первые 12 лет он занимался в уединенной келье под руководством старцев изучением церковно-аскетической литературы, а затем, в 1903 году, будучи уже в сане иеромонаха, назначен помощником старца и духовником Амвросиевской женской пустыни и богомольцев.

Владыка познакомился с ним в Оптиномском скиту, будучи еще иеромонахом. В Слове, сказанном на отпевании старца, Владыка так вспоминает о нем:

«Помню я, дорогой брат, батюшка, как вошел я в твою убогую келью в скиту. Вся обстановка ее состояла из деревянного стола, деревянного ложа, без всякой подстилки, иконы и книги составляли единственное ее украшение.

Помню, как смиренно склонился передо мною на колени этот почтенный, седовласый послушник, принимая мое благословение, я тогда был иеромонахом. Помню, с какой радостью говорил ты о ските: «Мне здесь так нравится, так здесь хорошо, и одного бы я желал, чтобы никогда отсюда меня никуда не переводили...»

Прошли годы, и вот тебя посылают на японскую войну священником, при отряде Красного Креста. Проездом через Москву ты был у меня в Богоявленском монастыре и просил благословить тебя иконой святого великомученика Пантелеймона. И снова склонил ты передо мной свою седую голову, принимая благословение».

После окончания войны Владыка снова встретился с о. Варсонофием и с любовью вспоминает о чудных вечерах, проведенных в беседе с ним. В 1912 году в Богоявленском монастыре состоялось возведение о. Варсонофия в сан архимандрита перед отъездом его в Старо-Голутвинский монастырь, куда он был назначен настоятелем за год до смерти. 3 апреля утром, выйдя из вагона, батюшка прямо направился в Богоявленский монастырь к Преосвященному Трифону, у которого встретил сердечно-радушный прием...

4 апреля митрополит Владимир поручил Преосвященному Трифону возвести о. Варсонофия в сан архимандрита, что Владыка Трифон и исполнил на следующий же день.

В девять утра 5 апреля раздался обычный благовест с колокольни Богоявленского монастыря. Храм был переполнен богомольцами, что и было подчеркнуто в речи Преосвященного Трифона, сказавшего: «Вижу в этом многолюдстве залог успеха твоей деятельности на новом месте». Сам Владыка Трифон не служил, он, облачившись в мантию, омофор и митру, стоял на кафедре лишь до малого входа, за которым и возложил архимандричий крест и митру на батюшку. В храме воцарилась мертвая тишина, и лишь торжественно звучали слова молитв возведения, в ответ которым гремело с клироса: «Аксиос». Далее Божественная литургия следовала обычно, совершаемая батюшкой соборне. После отпуска Владыка Трифон вышел на амвон, держа в руке свой посох, но без сулка. Благословив батюшку облечься в архимандричью мантию, Владыка начал речь. Указав на то, что ему в первый раз приходится быть совершителем такого необычного чинопоследования, необычного не по существу, а потому, что лицо, над которым оно совершено, слишком из ряда вон выходящее, Владыка сказал: «Я привык окормлять приходящих в сей храм лишь словесным млеком, но ты требуешь твердой пищи, которой я не имею, потому не слово назидания намереваюсь я сказать тебе, но только хочу выразить свои чувства, которыми переполняется душа моя в эту священную минуту...» Затем Преосвященный вспомнил свое первое знакомство с батюшкой, свои беседы с ним, кратко раскрыл, насколько знал, всю батюшкину жизнь в скиту, помянул о скорбях его, особенно за последнее время, кончил последнею великою скорбью – разлукою с блаженным, благоухающим, раеподобным скитом и переходом на страну далече, в чуждый, неведомый Голутвин. Но что делать? «От Господа стопы человека исправляются». Этот текст Владыка много раз повторял в своей речи. Выразив в заключение уверенность, что на новом месте служение батюшки будет еще плодотворнее, Владыка вручил батюшке посох, произнося при этом слова вручения: «Прими сей жезл, им же паси словесные овцы...»

Речь неоднократно прерывалась плачем присутствующих. Тут же Владыка благословил нового священноархимандрита

двумя иконами Спасителя (одною – от себя лично, другою – от лица духовных чад батюшки) и просил благословить собравшийся народ общим и отдельным благословением каждого...

1 апреля 1918 года старец скончался в Голутвине, а заупокойную литургию над ним совершал Владыка Трифон вместе с игуменом Ново-Голутвинского монастыря Измарагдом, игуменом Бобренева монастыря Филаретом, протоиереем Коломенского кафедрального собора о. Николаем Вележневым, местными иеромонахами и коломенским духовенством. Обширный храм был полон молящимися. Народ стоял на лавках вдоль всех стен и колонн собора.

За литургией Преосвященный Трифон совершил посвящение иеродиакона Иннокентия в иеромонаха. По окончании службы Преосвященный Трифон, обратившись к лежащему во гробе старцу, сказал прощальное Слово.

«В последний раз, – так приблизительно говорил Владыка, – вижу я твой гроб, дорогой друг и единомышленник. В последний раз собрались мы помолиться около тебя, дорогой брат и батюшка». Владыка указал, «на какой замечательный день пришлось отпевание старца: на день, когда Господь Иисус Христос воскресил Лазаря, подавая и нам всем надежду воскресения. Тогда же Господь дал нам разрешение плакать над усопшими, сам прослезившись над Лазарем, хотя и знал, что воскресит его. Так и мы плачем и, как Елисей, видя возносящегося на небо Илию, вопиет: «Отче, отче! Колесница Израилеева и конница его!» – и мы восклицаем: «Отче, отче! Зачем ты ушел от нас, на кого ты нас покинул?» Только слезы наши не должны быть слезами уныния и отчаяния: будем утешать себя тем, что дорогой брат наш и батюшка ушел от мирской маяты в вечную жизнь и покой, и что придет время, когда и мы уйдем за ним. Мы все были связаны с ним узами любви, а любовь не умирает. Или мы думаем, что батюшка нас теперь не видит и не любит? Он любит, и теперь ему еще виднее и понятнее наши нужды, и он всегда будет с нами, всегда будет помогать нам».

Потом Владыка перешел к воспоминаниям из жизни почившего старца. Он вспомнил то время, когда старец, тогда еще недавно оставивший свой полковничий чин и удалившийся в Оптинский скит, проводил там строго подвижническую жизнь.

В глубоком молчании, стараясь не проронить ни одного слова, слушали все речь Владыки. Но когда он перешел к воспоминанию последнего времени жизни старца, рыдания потрясли церковь. Все плакали, вспоминая тяжелые события, которые все так живо помнили и переживали вместе со старцем. Да и сам Владыка не мог удержаться от слез и так продолжал говорить со слезами:

«Ты умел только любить, только творить добро, и какое море злобы и клеветы вылилось на тебя! Ты все принимал с покорностью, как многострадальный Иов, говоря: *»Господь даде, Господь отъят«* (Иов.1:21). Я свидетель, что ни одного слова осуждения кому бы то ни было я не слышал от тебя. С покорностью подчинившись воле Божией, старец покинул тихий Оптинский скит и на новом месте со всем усердием отдался трудам по благоустройству обители. Если вы, братие, – обратился к голутвинским инокам Владыка, – когда-нибудь видели суровым его взор, то, верьте мне, я знаю, что он любил всех вас. Но слабое тело не выдержало непосильных трудов, силы надорвались, и батюшка отошел от нас. И вот мы в последний раз собрались около него».

Обратившись, как к живому, к своему почившему другу, Владыка благодарил его за те советы и утешения, которые он черпал в беседах с ним, и низко поклонился ему.

«Еще приношу тебе земной поклон от твоих детей духовных, – и Владыка положил земной поклон перед гробом. – Я, как пастырь, – продолжал Владыка, – знаю, что в наше время значат такие старцы.

Его наставления тем были ценны, что с образованием он соединял высоту иноческой жизни. Как пастырь, я знаю все море горя и скорби, в котором мучатся теперь все люди, теряя веру в Бога, доходя до самоубийства. Бывают моменты, когда кажется, что жизнь теряет всякий смысл, когда нет сил бороться, нет ниоткуда поддержки и когда человек стоит на пороге

отчаяния. Тогда является старец, говорит ему: «Не бойся, ты не один, обопрись только на меня: я тебя выведу на дорогу». И вот человек, казалось, погибавший, постепенно выходит на истинный путь, находит силы для борьбы, воскресает для жизни. И много таких стоят теперь здесь между нами.

Как наседка собирает птенцов своих под крылья, так батюшка собирал вокруг себя чад своих, и теперь они, оставив все свои дела и занятия, собрались вокруг него в последний раз.

Помолимся же об упокоении его души».

Началось отпевание по иноческому чину, которое совершал Преосвященный Трифон соборне с сослужащим духовенством. Потом весь собравшийся в храме народ прощался в последний раз со старцем. Гроб закрыли, с крестным ходом обнесли вокруг церкви и поставили в подвезенный к монастырю траурный вагон. Проводив гроб, Преосвященный Трифон отбыл в Москву, а над гробом снова началось служение панихид⁶.

Скажем теперь несколько слов и об истории Богоявленского монастыря, которым Владыка управлял около 15 лет. Это один из древнейших в Москве монастырей, основанный более пяти столетий тому назад. Основание его приписывают великому князю Даниилу Александровичу, сыну Александра Невского. В Новгородских летописях об основании этой обители написано следующее: «От 1296 года до 1304 года бысть обитель чуднаго Богоявления, да в приделе Благовещения Пречистыя Богородицы на Москве за торгом, Божиим благословением и строением благовернаго и благочестиваго великаго князя Даниила Александровича Владимирскаго и Новгородскаго и Московскаго и всея Руси, сия пречестная обитель Богоявления во дни государства его сделана...».

Первым игуменом Богоявленского монастыря был преподобный Стефан, старший брат подвижника земли Русской, преподобного Сергия. Благочестивый инок Алексей, будущий митрополит Московский, подвизался в Богоявленской обители в посте и молитве... За свое пятивековое существование Богоявленская обитель не раз подвергалась страшному опустошению от пришлых врагов. В особенности же страдала

она от татар. Хан Тохтамыш, взяв Москву, отдал приказ выжигать все церкви, но на сей раз, как мы читаем в летописи, Богоявленский монастырь Божественною невидимою силою сохранен. Впоследствии обитель неоднократно страдала от пожаров, но в 1812 году осталась невредима. В 1788 году монастырь стал местопребыванием викарного епископа Московской епархии.

С 1865 года им управляют епископы – викарии Московской митрополии. Особенно же стал процветать монастырь с 1866 года, когда с Афонской горы были привезены и поставлены в соборном храме частицы святых мощей мучеников: Пантелеймона, Трифона и других, а также и чудотворная икона Божией Матери, именуемая «Скоропослушница». Епископ Трифон был предпоследним настоятелем монастыря⁷.

Относясь с большой любовью и участием к простому народу, Владыка часто служил и в подмосковных сельских церквях. Сохранилось интересное Поучение о значении колокольного звона, произнесенное им в подмосковном селе Горбунове 31 октября 1910 года в связи с торжеством поднятия нового колокола. И, как всегда в подобных случаях, Владыка не отделялся общими фразами, а умел сказать что-нибудь особенное, подходящее, такое, что заставляло задуматься и надолго оставалось в памяти. Вот его слова о колокольном звоне в деревне: «В городах много храмов, в которых служба совершается ежедневно и в разные часы, так что, не застав службы в одной церкви, найдешь ее в другой. Не так в деревне, где храмов мало, они удалены друг от друга на большое расстояние, служба в них – по необходимости лишь в воскресные и праздничные дни. Поэтому там особенно дорог громогласный колокольный звон, который заблаговременно возвещал бы всем православным, что настало время, отложив всякие заботы о земном, соединиться в храме Божиим – этом земном Небе, дабы, подобно Ангелам на небесах, воспеть Животворящей Троице трисвятую песнь: «Аллилуиа».

Да и, кроме указанной причины, вообще колокольный звон имеет большое значение для церковной жизни: с ним соединяется многое полезное для нашей души, и подающее

спасительную печаль о грехах ее, и возвеселяющее ее духовной радостью. Вот, например, наступает Великий пост. Прошла масляная неделя – время, когда человек забывает часто, что он христианин, проводит дни свои в излишнем употреблении яств и питий, в пустых забавах, песнях, плясках, а иногда в сквернословии и буйстве.

Раздается унылый, редкий великопостный звон колокола. Этот звон как бы так взывает к нам: христианин, встань, пробудись от твоего греховного сна, чтобы не постигла тебя вечная смерть! Вглядишься в себя, в свою душу, спроси себя внимательно: как провел ты не только прошлую седмицу, но и все время твоей жизни? Восплачь о своих грехах, которыми ты осквернил свою душу, омой ее слезами и молись, молись, христианин, своему Владыке и Господу, дабы наставил Он тебя на путь покаяния...

Но кроме великого церковного значения колоколов: пробуждать молитвенное чувство христиан, призывая их в храмы – колокольный звон имеет значение и в нашей обыкновенной жизни, хотя второстепенное, но все-таки довольно важное. Так, например, ночью, когда все население деревни спит глубоким сном, утомленное тяжелым дневным трудом, колокол один не спит и своими медленными ударами как бы так говорит: «Спите спокойно, православные, отдыхайте, труженики, собирайтесь с силами для новых трудов! Я не сплю за вас, я охраняю вас и ваше имущество от злых людей, я на далекое пространство им говорю, что здесь есть страж неусыпный, который предупредит об опасности жителей и пробудит от сна спящих». А во время пожара колокол своими частыми и беспокойными ударами возвещает жителям о пламени и собирает их всех для охраны своего имущества, а иногда и для спасения малолетних детей. В некоторых местах есть прекрасный обычай: в зимнее время, когда разбушует метель и вьюга, звонить в колокол и тем самым предупреждать заблудившегося в пути и изнемогающего в борьбе с непогодой путника, что вблизи есть селение, где ему готовы оказать помощь, дать приют и согреть его оледеневшее тело...

Да, братие, велико значение колокола в нашей жизни, и благо тем людям, которые украшают храмы благозвучными колоколами».

26 июля 1911 года в другом подмосковном селе, Алексеевском (теперь оно находится в пределах Москвы), в старинном храме святого Алексия, человека Божия, Владыка сказал Слово по случаю престольного праздника Тихвинской иконы Богородицы. В этом Слове, как бы отвечая на мысли некоторых желающих «узнать о таком чуде от Божией Матери, которое свершилось бы в наши дни, потому что такое чудо укрепило бы в нас веру», он рассказал о совершившемся в 1910 году исцелении десятилетней Елизаветы, дочери извозчика. Девочка, страдавшая припадками и безуспешно лечившаяся у опытных ростовских докторов, после горячей молитвы отца сподобилась увидеть в храме Божию Матерь и рассказала об этом видении следующими словами: «Да разве вы не видели, как из этого угла вышла Царица Небесная? Она была в огненном платье и в голубом покрывале на голове. Когда Она шла мимо меня, то благословила меня, но ничего не говорила. А я все-таки удостоилась поцеловать Ее ножку».

«Тогда священник, к которому еще ранее, дня за два, обращались родители, – говорил Владыка, – зная, что за престолом находится икона Божией Матери, в красном платье, посоветовал совершить молебен перед этой иконой.

И вот перед этою иконою совершили молебен, и когда окропили девочку святой водою, то голос сказал: «Вот Моя икона...» А когда прочитали Евангелие, то припадки стали ослабевать, и с тех пор девочка совершенно здорова, и радуется, и трудится.

Так вот, дорогие братие, видите, что в наши дни Царица Небесная никогда нас не забывает, наоборот, чем больше в нас веры, молитвы и любви к Ней, тем чаще и чаще Она является к нам в Своем чудотворном образе. Не будем забывать одного условия, при котором мы можем надеяться на Ее помощь: Она сказала апостолам, а в лице их и всем нам, что Она будет помогать тем, кто будет веровать в Ее Сына. А затем – Она, Смиренная, ищет добродетелей наших... Ей нужно сердце

кроткое, смиренное, любящее. Кто с чистым сердцем обратится к Ней, того молитву Она приемлет, и, верьте, он непременно получит Ее помощь, ибо Ее называют Предстательством нашим, Утешительницею, Помощницею нашею».

Так простыми словами, обращенными к простым людям, Владыка умел говорить о великом и вечном.

В июле 1911 года Владыка уезжает на Север. По назначению Синодальной конторы он должен был рукоположить свыше 20 монахов в Соловецкой обители, а затем освятить храм в Печенгском Трифоновом монастыре. Прощаясь с монахами Богоявленского монастыря, а также со старцем Аристоклием и братией Афонского подворья, пришедшими поздравить его по случаю 10-летней годовщины епископского служения, он сказал несколько слов о предстоящей поездке: «Путешествие мое будет продолжительное, продолжится месяц, а может быть, и больше, и не лишено оно своего рода трудностей, придется путешествовать не только по Белому морю, но и по Ледовитому океану, и в продолжение нескольких суток. Кто не путешествовал по морю, тот не знает, как тяжело такого рода путешествие, а затем придется священнодействовать, служить в продолжение двух недель, тоже довольно трудно. Конечно, все возможно с помощью Божию: благодать приобретается молитвою. Вот почему прошу вас молиться за меня и моих спутников, чтобы это путешествие было на благо мне и насельникам тех мест и чтобы Господь Бог Милосердный, Человеколюбивый соблюдал нас при этом пути молитвами святого мученика Трифона и святых бессребреников Космы и Дамиана».

Вернувшись из этой поездки, Владыка на следующий же день, 27 июля 1911 года, говорит проповедь, в которой делится впечатлениями со своей паствой:

«Был я в Соловецкой обители, поклонился мощам святых угодников – ее основателей, возрадовался духом, видя ее чудное процветание, видя высокую, благочестивую жизнь ее иноков, а затем я отправился далее, более чем за 1000 верст, на далекий берег мурманский, где находится монастырь, основанный святым Трифоном Печенгским, просветителем

лопарей. Благодарение Богу – этот путь прошел совершенно благополучно молитвами преподобного Трифона, только туда, когда ехали по Ледовитому океану, была небольшая качка, а оттуда – море было совершенно гладко, как зеркальная поверхность какого-нибудь озера. В этих странах в летнее время солнце совсем не заходит, а зимою совсем не восходит, где летом бывает постоянно светло, а зимою и днем темно; здесь летом поражаешься скудностью природы: одни голые скалы, лепятся всюду мхи и лишай, кое-где вьется не имеющая сил подняться к небу наша березка.

В Трифоновской обители видно трудолюбие иноков, создавших уютный уголок, там с великим трудом они достигли того, что стали произрастать растения и даже овощи. Совершенно было мною 13 литургий, возведено 23 монаха в священные степени, и в Печенгском монастыре освящен мною храм во имя Рождества Христова, построенный на том месте, где было убито 116 монахов во время совершения богослужения, когда шведы напали на монастырь и уничтожили всех живших в обители, а самую обитель разграбили.

И вот, когда я возвращался назад, в моих мыслях представлялась картина, близкая моему сердцу. В самом деле, тихо море, и тих океан в тихую погоду и ласкает взор своею поверхностью... Но вот поднимается ветер – ревут, шумят и вздымаются его волны выше многоэтажных домов, жалкими и ничтожными представляются на этом корабле люди... И вот леденящий ужас охватывает душу человека: в самом деле, вот-вот сейчас волна захлестнет корабль, и пойдет он навстречу морским чудовищам. Вот тогда-то единственным утешением ему может служить только молитва. Недаром говорится: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». И вот, видя этот океан-море, я представил себе другое море, не менее опасное, не менее бурное, по которому все мы плаваем на утлой лодке, и каждую минуту ожидают нас зловещие опасности... и здесь вздымаются волны... и здесь они готовы поглотить путника каждую минуту, и вот мы погибнем.

Единственно, что может нас сдержать, что может нас привести к тихой пристани, – это вера; эта вера должна быть

несомненно твердая, истинная...»

Эта проповедь может служить примером того, как Владыка переосмысливал виденное и пережитое им, придавая внешним впечатлениям религиозное и нравственное значение.

Немало теплых и проникновенных слов было сказано Владыкой по случаю смерти близких ему по духу людей. Так, например, при отпевании редактора «Московского листка» Н.И. Пастухова 31 июля 1911 года он упомянул о том, что было наиболее характерно для покойного, как личности и как общественного деятеля. «Поистине, он может сказать словами церковной песни: «Господи, если я согрешил, но как христианин, я несомненно веровал в Тебя и исповедовал Отца и Сына и Святого Духа». Как общественный деятель он громко исповедовал свою веру: в своей газете он держался нелицемерно, неуклонно церковного направления; церковный отдел ее всегда отличался полнотою, разнообразием и точностью сообщаемых сведений».

В этом же году при отпевании Н.С. Перлова Владыка вспоминает «о добрых качествах почившего, о его милосердии, о его радушии, которое соединяло вокруг него его друзей». Но что было особенно близко и дорого Владыке – это опять-таки живая вера в Бога:

«Да, дорогие братие, я сам был свидетелем этой живой его веры. Я по собственному желанию и по приглашению его друзей был у него за несколько дней до его смерти, беседовал с ним, причастил его Святых Тайн и никогда не забуду, с какою верою, с какою духовною радостью он согласился причаститься, а надо сказать, у многих больных это причащение смущает душу, а затем – как он горячо молился во время причастных и после причастных молитв! Скажу откровенно, я не мог удержаться от слез... Я тогда сказал ему: «Знаете ли, Николай Семенович, я вас всегда любил, а теперь еще больше полюбил вас, видя вашу глубочайшую веру, смирение, покорность воле Божией. И вот последним утешением может быть для вас то, что для любящего сердца нет смерти, что любовь не умирает, что ее нельзя заключить во гробе, что для глаз только человек умирает

и разрушается, а для сердца верующего он не умирает и будет жить, пока бьется сердце».

В приведенном отрывке мы замечаем характерную для мировосприятия Владыки особенность: отсутствие непреодолимой преграды между прошлым и настоящим, между этим и тем светом. Люди высокой духовной жизни на опыте познают смысл слов Священного Писания: *«Бог не есть Бог мертвых, но живых»* (Мф.22:32). Немецкий поэт Рильке, почти повторяя Симеона Нового Богослова, пишет: «Ангелы, слышал я, часто не знают и вовсе, где живые, где мертвые». Как уже видели раньше и увидим еще не раз, Владыка частью своего существа жил в духовном мире, где жизнь и смерть, прошлое и настоящее – понятия относительные, и поэтому в своих произведениях он так легко переносится мысленным взором от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, от жизни к смерти и от смерти к жизни.

Любовь к бедным, «недугующим и страждущим» была неотъемлемой чертой характера Владыки. Он был членом нескольких благотворительных обществ и братств, в том числе председателем Московского отделения попечительства о слепых, членом Серафимовского комитета, Братства Царицы Небесной, о котором мы уже рассказывали. К благотворительности у нас относятся почему-то недоверчиво, видя в ней холодное, формальное и, как правило, не слишком обременительное исполнение христианского долга по отношению к ближнему, а не выражение искренней братской любви и сострадания. Жизнь Владыки как нельзя лучше опровергает такой взгляд, показывая, что такое настоящая благотворительность. Это было и служение в больничном храме, и слово утешения, и публичная лекция в пользу больных или голодающих, и устройство в приют детей бедных и многодетных матерей, и денежная помощь нуждающимся.

Чтобы полнее рассказать о деятельности Владыки в этом направлении, нам придется вернуться немного назад. 14 июня 1907 года в Москве состоялось открытие приюта для слепых ремесленников, на котором торжественное молебствие совершил председатель Совета московского отделения

Попечительства о слепых Преосвященный Трифон, епископ Дмитровский. Один из воспитанников Московского училища для слепых, окончивших курс и поступающих во вновь открытый приют, обратился к членам Совета, и в их числе к Владыке, со следующими словами: «Дорогие делатели, в каких словах выразим мы вам нашу благодарность и глубокую признательность за те результаты ваших дел, которые, как живые образы, стоят перед нами? Какие дары принесем мы вам за вашу глубокую преданность благому делу? Чем воздадим мы за вашу человечность и чисто родственную любовь к нам? Честное исполнение священного долга, внушенного вами, докажет вам глубокую благодарность, горячие молитвы о вашем благоденствии будут посильными дарами нашими перед вами; добрая память о вас, запечатленная в наших душах, будет вам малым воздаянием нашим за ваши попечения о нас. Благодарим вас, Ваше Преосвященство. Вы были главным вдохновителем и руководителем всего этого доброго дела...»

В ответном Слове Владыка сказал: «Усердно помолился я о том сейчас, чтобы благополучно было дальнейшее направление вашей жизни. Сегодня вы выходите из уютного и тихого училища вашего, где каждый шаг вашей жизни направляется опытной рукой ваших воспитателей, и пускаетесь в самостоятельное плавание по бурному житейскому морю. А каково будет это плавание, благополучно для вас или нет, каков будет его конец и скоро ли он наступит? Все это никому неизвестно, кроме Всеведущего Бога. Понятно поэтому, что в эти торжественные минуты вашего расставания с прежней жизнью и началом новой, свободной жизни вы испытываете душевное волнение. Испытываем и мы его за вас, дорогие дети! И вот, снаряжая вас в это опасное плавание по житейскому морю, мы желали бы снабдить вас всем необходимым для более или менее безопасного путешествия. Духовный груз или багаж, которым бы мы желали вас снабдить, заключается в тех качествах духа, которые особенно необходимы для человека-христианина... Эти качества духа все сосредоточены в одной главной христианской добродетели – любви: любите всех, и вам будет легко жить на свете, любите прежде всего Церковь

Православную, к которой принадлежите, любите родной вам народ русский. Никогда не забывайте, что вы получили воспитание и все знания, необходимые вам для существования, на народные и церковные средства. Церковь пришла вам, бесприютным, обездоленным, на помощь, она собрала народные трудовые гроши, которые с любовью вынимал простой человек из своей убогой кошницы для вас. Любите же Церковь Христову, как вашу Небесную Мать, любите народ православный русский и, чем возможно, старайтесь ему помочь; не отказывайте в помощи бедняку, если он, в свою очередь, протянет вам руку, ища в вас духовной или вещественной поддержки...

Теперь, в начале вашего самостоятельного пути, вы особенно нуждаетесь в помощи Божией, усердно же молитесь за себя и друг за друга, и мы будем горячо молиться за вас. В залог нашего молитвенного общения примите от меня по святому образу нашей Небесной Матери Пречистой Девы.

Да охраняет Она Своим Покровом всех нас – и воспитателей, и воспитанников. Аминь».

Именно такой, идущей от сердца и соединенной с горячими молитвами была благотворительность Владыки, к такой благотворительности призывал он и других.

Чтобы лучше представить себе результаты этой деятельности, приведем краткое описание приюта, взятое из этого же журнала «Слепец» (1907. № 3): «Вновь открытый приют для слепых ремесленников имени А.Г. Тряпкиной помещается в одном из флигелей перешедшего ныне по завещанию попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых. Он состоит из пяти комнат в 1-м этаже, четырех маленьких комнат в мезонине и кухни, находящейся в подвальном этаже. Вышедшие воспитанники помещены на 1-м этаже, где одна комната, самая большая, – общая зала. Она меблирована на средства попечителя училища И.И. Кустова, которым, кроме того, пожертвован для приюта еще большой портрет А.Г. Тряпкиной и шкаф для белья живущих в приюте слепцов. Последние, в числе семи человек, занимают еще три комнаты, и одна остается свободной. Всего

же можно поместить в этом приюте до 20 человек. Четыре комнаты мезонина заняты двумя мастерами: щеточным и корзиночным. Все помещение очень светлое, высокое, с паркетными полами и производит на посетителей весьма благоприятное впечатление. Живущие в приюте слепцы ежедневно ходят на работу в специально оборудованные для них при училище мастерские. Плата за работу установлена сдельная. Столом пользуются от училища за плату от 5 до 6 руб. в месяц.

Кроме того, они не лишены возможности участвовать в хорах училища, за что будут получать соответствующее вознаграждение. Все живущие снабжены в достаточной мере одеждой, обувью и носильным и постельным бельем, которое составляет их собственность и которое они должны будут возобновлять впоследствии на свои средства».

Еще раньше, в декабре 1902 года, Владыка освящал храм во имя преподобного Симеона Столпника при больнице-приюте для монашествующих в Даниловом монастыре. Митрополит Владимир вскоре по прибытии на Московскую кафедру решил устроить для монашествующих больницу-приют. В Даниловом монастыре был свободен братский корпус, лет 20 никем и ничем не занятый. Этот корпус был отделан заново и приспособлен для помещения больницы-приюта, а на содержание его испрошено разрешение Святейшего Синода отпускать из доходов московских монастырей известный процент. Приготовлено помещение, выработан и утвержден устав больницы, собрана нужная сумма, и 30 августа 1902 года в день празднования 250-летия открытия мощей святого благоверного князя Даниила митрополит Владимир торжественно освятил здание больницы-приюта, а 30 января 1903 года был освящен надвратный храм Симеона Столпника, предварительно соединенный с монастырской больницей. Храм был холодный и бедно обставленный; необходимо было сделать его теплым и весь обновить, на что требовалась значительная сумма. Денег не было, и при всем желании и возможности соединить больницу с храмом больница оставалась бы без храма, если бы не пришла на помощь больным и престарелым известная

благотворительница Елисавета Семеновна Лямина. Все расходы по устройству и отделке храма она приняла на себя. Было испрошено на это дело благословение Владыки митрополита, и храм стал неузнаваем. Устроены в нем новые колоды, рамы, двери, паркетный дубовый пол, духовая печь, лестница из тарусского мрамора, иконостас перезолочен, утварь поновлена и пополнена, одним словом, все сделано заново. Митрополит Владимир поручил освящение храма Преосвященному Трифону, епископу Дмитровскому... Преосвященный Трифон день освящения назначил на 30 января, к этому дню и было приготовлено все необходимое для освящения. Накануне настоятелем с братией была совершена малая вечерня и молебен преподобному Симеону Столпнику. 30-го – чин освящения храма и литургию совершал Преосвященный Трифон в сослужении благочинного монастыря архимандрита Товия и других иерархов. В Слове, произнесенном в конце литургии, Владыка сказал, между прочим, следующее: «Ваш храм имеет особенное значение – он предназначается для иноков больных, старых, немощных, покончивших уже все расчеты с земною жизнью и ищущих лишь христианской кончины живота своего и доброго ответа на Страшном судилище Христовом.

Для человека молодого, хотя бы даже инока, жизнь представляется бесконечно длиною – ему все кажется, что он успеет исправиться, одуматься, отрешиться от пустой, суетной жизни и «собрать себя», по выражению святых отцов: и его годы, и крепость сил – все обещает ему долголетие, отвлекая его от единого на потребу, то есть от «спасения души своей». Для вас, дорогие друзья, уже не может быть этого самообольщения! Вы уже приблизились к пределу жизни человеческой, и ваши немощи, и болезни, и согбенный стан, и седые волосы – все громче слов вещает вам: «Будьте готовы! Се час близок, когда голос грозного Судии призовет вас к окончательному ответу!..» О поверьте мне, что многие знатные и богатые люди, обуреваемые заботами житейскими, готовы вам позавидовать, вам, бедным и немощным!

Возблагодарим же Господа Бога за Его милость и вознесем молитвы за нашего благоднейшего архипастыря, Высокопреосвященнейшего митрополита Московского Владимира, усердием и мыслью которого воздвигнуто это прекрасное больничное здание и обновлен этот чудный храм. Вознесем также молитву за всех благоукрасивших его. Да возлюбит Господь возлюбивших благолепие Дома Своего. Аминь».

Находящиеся в приюте престарелые монашествующие стояли у самого амвона и со слезами выслушали Поучение святителя.

После литургии Преосвященный Трифон перешел из храма в больницу, обошел все комнаты, благословил всех больных, сказав им слово утешения. Затем в присутствии Его Преосвященства и настоятелей монастырей состоялось заседание, на котором был прочтен отчет о состоянии больницы-приюта за сентябрьскую треть 1902 года и избраны члены ревизионной комиссии и члены совета больницы-приюта. В два часа дня Преосвященный Трифон, посетив настоятеля в келиях его, отбыл в Богоявленский монастырь⁸.

Нельзя не упомянуть также и о Марфо-Мариинской обители милосердия, начавшей свою деятельность 10 февраля 1909 года. В этой обители Владыка освящал больничный храм во имя святых жен Марфы и Марии, небесных покровительниц обители, 9 сентября 1909 года, и сослужил вместе с епископом Анастасием при освящении митрополитом Московским Владимиром соборного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы 8 апреля 1912 года. Храм этот примечателен, между прочим, и тем, что построен по плану академика А.В. Щусева, а живопись исполнена академиком М.В. Нестеровым. Здание этого храма на Ордынке сохранилось, существует и аптека недалеко от него, принадлежавшая ранее обители. 9 апреля 1910 года Преосвященным Трифоном в домовый церкви обители были посвящены по утвержденному Святейшим Синодом чину 17 сестер. В сестры обители принимались вдовы и девицы православного вероисповедания не моложе 21 года и не старше 40, желающие посвятить свою жизнь на служение

Богу и ближним. Все сестры без исключения должны были посещать бедных, так как главная цель обители была – приносить помощь бедным на местах, посещая их жилища и разделяя их скорби. При обители были устроены приют для девочек – круглых сирот, воскресная школа, библиотека и столовая для бедных.

9 апреля 1914 года в среду Святой Пасхи Владыка произнес в Марфо-Мариинской обители проповедь, из которой мы приведем следующий отрывок:

«Но вот людям доносится весть о воскресении Спасителя. Вот Он Сам является апостолам и уверяет в Своем воскресении. Какой восторг! Какая радость! Дух окрыляется надеждою, теперешняя жизнь есть сон, сознаешь, что там наступит вечное блаженство, откроется Царство Небесное. Теперь вся жизнь получает другой смысл: теперь всякий скорбящий, страдающий, обиженный может уповать, что там живет вечная правда; все воскреснем, не умрем, об этом уверяют апостолы, которые видели собственными глазами воскресшего Господа, которые слышали Его собственными ушами, которые руками осязали Его раны, которые видели Его возносящимся на небо и слышали отрадное утешение, что Он снова придет на землю».

Мы расскажем позже об одной из воспитанниц этого приюта, впоследствии его духовной дочери, которая не оставляла Владыку до самой его кончины.

Владыка не раз устраивал чтения в благотворительных целях. Так, например, 4 марта 1912 года в Большом зале Московского епархиального дома состоялось одно из таких чтений в пользу бесплатной глазной лечебницы в Сергиевом Посаде. Оно было посвящено Шамординской Казанской Амвросиевской пустыни и ее основателю старцу иеросхимонаху Амвросию. В конце чтения Владыка рассказал о судьбе Шамордина после смерти старца:

«Средств в монастыре – никаких, расход громадный, около 1000 сестер надо накормить, обуть, одеть – такое громадное количество народа! Казалось, по человеческим соображениям, Шамордину грозило окончательное закрытие, а между тем оно

не только не закрылось, а больше процветало, чем при жизни батюшки. Достаточно сказать, что за это время построено множество прекрасных каменных строений, как, например, трапезная, колокольня, построен и освящен великолепный собор в самом Шамордине, каких мало в столице...

Кто же взял на попечение осиротевшую обитель? Это были преданные духовные дети старца – наши дорогие москвичи: достопочтенный, в Бозе почивающий, Сергей Васильевич Перлов и ныне здравствующая его супруга Анна Яковлевна...

Конечно, в Шамордине и теперь много недостатков, но мы веруем, что Господь Бог, по молитвам старца, не оставит ее без добрых людей, как не оставлял до сих пор. Я верю также, дорогие братья и сестры, что духом старец среди нас сегодня. В самом деле, во имя чего собрались мы сегодня сюда? Во имя любви к ближнему».

Затем Владыка перешел к цели устроенного им чтения:

«Не скромный наш вечер сегодня, но его цель привлекла вас и ваши лепты сюда. Цель его – устройство глазной больницы в Сергиевом Посаде, куда собираются десятки тысяч богомольцев. В летнюю пору, когда их бывает большой наплыв, когда колосится рожь, от нее попадает пыль в глаза, раздражающая их и приводящая к глазной болезни.

При недостатке лечения болезнь эта может породить слепоту. А что ужаснее слепоты? Не видеть этой чудной природы, не видеть человека, быть погруженным в ночную тьму. Какое несчастье может сравниться с этим!? Вот почему наше Общество имеет целью предупредить слепоту и вернуть зрение, пока это возможно.

К сожалению, средства наши скудны, и мы должны были бы закрыть лечебницу, если бы не помощь добрых людей. Да благословит вас Господь! Бог да будет с вами и за вас молитва батюшки старца о. Амвросия».

Во время чтения Преосвященного хор Богоявленского монастыря исполнил древним распевом Оптиной пустыни некоторые духовные песнопения и среди них, в заключение чтения, стихотворение «Странник», посвященное памяти Оптинского старца о. Амвросия.

В том же году Владыка ездил с чтением об о. Амвросии в Ниццу. В этой поездке его сопровождал хор Богоявленского монастыря. Сохранилась одна из нескольких пластинок с записью исполнявшихся там песнопений: «Покаяния отверзи ми двери» и «Ангельская».

26 марта 1914 года в епархиальном доме состоялось еще одно чтение в пользу глазной лечебницы, на тему «Новопрославляемый святитель-миссионер Питирим Тамбовский». Лектором был действительный член Московского общества народных чтений А. Г. Сунбуров, а Владыка сказал вступительное Слово. Чтение было иллюстрировано световыми картинками, затем хор Богоявленского монастыря исполнил духовные песнопения при участии о. диакона Холмогорова.

В своей вступительной речи Владыка рассказал о деятельности Попечительства о слепых:

«...Больным, обладающим средствами и имеющим возможности вовремя прибегнуть к врачебной помощи, менее угрожает это несчастье, чем беднякам. И вот на помощь-то им и приходит наше Общество, устраивая в течение нескольких летних месяцев больницу в Сергиевом Посаде. Главным образом она имеет в виду богомольцев, которые в это время года, стекаясь в большом количестве для поклонения мощам преподобного Сергия, подвергаются засорению глаз особого рода пылью, выходящей из колосющейся ржи. Кроме богомольцев больница лечит и вообще бедных больных, и с каждым годом число ее посетителей более и более увеличивается. За 17 лет ее существования больных перебывало 17 600 человек, операций было совершено 9750. Конечно, по-настоящему следовало бы иметь круглый год там больницу, и, скажем откровенно, наше тайное горячее желание, что, может быть, Господь Бог положит на сердце какого-нибудь доброго человека пожертвовать на это дело деньги, а пока мы, к великому нашему сожалению, едва-едва, с помощью добрых людей и благотворительных вечеров, можем собрать необходимые средства для ее временного существования.

И здесь прежде всего с глубокой благодарностью надо вспомнить имя В.Ф. Перлова, который в продолжение многих

лет собирает значительную сумму для этой цели. Благодарностью надо вспомнить и врача нашей больницы П.М. Галли, к сожалению, покинувшего нас, с назначением на другое место. Он своим талантом и знаниями целым тысячам бедняков возвратил зрение.

А какое счастье – вылечиться! Какая радость – снова видеть. Ясно представляю себе. Вот приходит больной: глаза распухли, затекли гноем, почти не видят... Начинается лечение: ему надевают плотную повязку на глаза, удаляют в совершенно темную комнату; видимый мир временно скрывается от него, наступает тьма. Но вот ему разрешают снять повязку и открыть глаза. Сердце заколотилось в груди... «А ну если я не вижу! Господи, Господи, помоги!» – шепчет даже неверующий эту молитву. Робко, едва дыша, понемногу открывает он глаза...

Слава Богу, он видит... восторженный, радостный крик вырывается из сердца... кровь бросается в голову... он дрожит всем телом, и плачет, и смеется, и благодарит Бога: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!...»

...Позволю себе прибавить несколько слов о задачах нашего Общества. Главное его дело – это школа для слепых детей, и воспитать их – очень мудреная задача, так как среди нормальных детей, потерявших зрение в самом раннем, младенческом возрасте, иногда почти тотчас после рождения, вследствие антигигиенических условий деревенской обстановки и нечистоплотности повивальных бабок, есть много детей-дегенератов, тупых, с сильно развитыми чувственными наклонностями, с дурною наследственностью. Надо много педагогического опыта, таланта, твердости, воли и в то же время нежной любви к этим детям и самого деликатного внимания, чтобы достигнуть хороших результатов: сделать их не только развитыми в умственном отношении, но и духовно воспитанными, дать им возможность взрослыми честно добывать себе кусок хлеба, вдохнуть в них бодрость и, как это ни странно покажется, до известной степени – радость жизни... Слепые дети обидчивы, болезненно чувствительны и крайне не любят, когда им напоминают о их несчастье, называют их несчастненькими, жалкенькими; их надо вести, как здоровых

детей, и в то же время надо иметь в виду их недостаток – слепоту.

Задача очень трудная, но в нашем училище она разрешается очень удачно благодаря неутомимому и талантливому труженику, инспектору училища А.Е. Назарову и его сотрудникам и сотрудницам, а затем горячему участию его попечителя Н.П. Шустова, который помогает всеми средствами – не только денежной помощью, но, что гораздо важнее, теплым, сердечным участием, входя в его малейшие нужды, а к детям нашим он относится не только с любовью отца, но, смело скажу, с нежностью матери, и бедные, обездоленные детки платят ему взаимной нежной любовью. Да благословит его Господь Бог в лице близких! Кого заинтересовало наше дело, тот пусть побывает в училище и посмотрит на наших детей: как они здоровы, бодры, в меру резвы, веселы, как прекрасно поют, играют на разных инструментах и даже очень изящно лепят из глины различные предметы. Летом благодаря тому же Н.П. Шустову они имеют возможность насладиться деревенской жизнью: переселяются на дачу, гуляют, купаются, набираются сил для зимних трудов...

...Христос заповедал нам, христианам, подражать Ему в наших делах. Мы не можем исцелять слепых, но мы можем в известной степени предупреждать слепоту, а затем – облегчать жизнь уже ослепшим – это в нашей силе. А что мы сделаем одному из наших братьев, то сделаем Самому Христу, по Его Собственным словам»⁹.

Владыкой было предложено чтение также в пользу голодающих. Это чтение носило название «Святитель Иоанн Златоуст – страдалец и друг страждущих» и состоялось в Московском епархиальном доме в 1912 году. В нем Владыка с присущей ему живостью и образностью изложения рассказал о жизни этого великого святого, являющейся ярким примером деятельного служения Богу и ближним. В заключение он обратился к присутствующим с горячим призывом помочь голодающим:

«Дорогие братья и сестры! Вспоминая сегодня друга бедных, великого страдальца Иоанна Златоуста, я невольно

переношусь воображением из нашего шумного столичного города, из этой ярко освещенной залы, туда, далеко, в бедную деревушку, и видится мне полуразрушенная изба, в ней голодные люди – ваши братья о Господе!.. Видится мне малютка, одетый в грязные лохмотья, он протягивает свои исхудалые руки к своей матери и жалобно просит у нее хоть кусочек хлеба для утоления голода. А за ним, за этим страдающим ребенком, протягивает к нам руки святитель Иоанн Златоуст и взывает: «Вы пресыщены, а несчастное дитя голодно, вы имеете всего в достатке или изобилии, а здесь ваши братья, или, вернее, Сам Христос в образе меньших братьев, всего лишен: и алчет, и жаждет, и негодует! Пожалейте же их и отрите их слезы, помните: кто делает для бедных и нищих – делает для Самого Христа Спасителя!»

Благо же всем тем, кто помнит завет Христа и приходит на помощь голодным и сирым! Благо и вам, что вы принесли им свою лепту! Благословение святителя Иоанна Златоуста да будет с вами во всем! Аминь».

В результате чтения было собрано несколько сот рублей на святое дело милосердия. Затем труд Владыки был издан отдельной брошюрой (1913) с примечанием редакции, в котором говорилось следующее: «В настоящие дни там, на Балканах, льется христианская кровь наших братьев по вере в отчаянной борьбе с турками за свободу и благоденствие страждущих от турецкого засилья единоплеменников. Вместе с потоками крови убитых и раненых льются слезы их осиротевших и обездоленных семейств; нужда в крове, пище, одежде – крайняя, и многие добрые русские люди давно уже отзываются на эту нужду своими посильными пожертвованиями.

С благословения Преосвященного автора, предлагая труд его читателям «Душеполезного чтения», и именно в настоящие дни – дни горя и нужды наших славянских братьев, мы имеем в виду словом и примером святительским воздействовать на сурдобольные сердца читателей в пользу славян.

Да почиет на предлагаемом чтении Преосвященного Трифона и ныне такое же благословение, какое было на нем и при произнесении его Владыкою в прошедшем году!

Посредничество в передаче пожертвований по назначению принимает на себя Московский Славянский комитет»¹⁰.

Из приведенных немногих примеров видно, что представляла собой благотворительность, в которой принимал участие Владыка. Но таких, как он, – искренних, преданных этому делу людей, – было, конечно, мало, и если даже те страстные, горячие слова увещевания и обличения, которые мы привели выше, не тронули сердца многих верующих, то можно ли удивляться справедливому Божию наказанию, которое постигло богатых и пресыщенных через несколько лет после описанного выше.

Примечателен и тот факт, что во время своих приемов в Богоявленском монастыре Владыка отдавал предпочтение посетителям из простого народа, а не людям того круга, из которого он сам происходил.

В 1913 году вышла брошюра Владыки под названием «Печное действо», результат серьезной работы по воссозданию старинного обряда, изображавшего историю ввержения в раскаленную печь трех еврейских отроков, о котором рассказывается в книге пророка Даниила. Ранее этот труд был напечатан в «Душеполезном чтении» как стенограмма лекции, прочитанной Владыкой. Обряд печного действа был показан в Успенском соборе Кремля и в Богоявленском монастыре во внебогослужебное время. Во введении к своей лекции Владыка рассказал о том, как возникла идея изобразить забытое священнодействие: «Несколько лет тому назад, по инициативе Московского археологического института, в его открытом заседании исполнялись полным синодальным хором песнопения из печного действа. Пению предшествовал подробный реферат священника о. Метиллова о происхождении и исполнении в древности печного действа. Было показано несколько картин, изображавших различные его моменты. Вечер этот привлек многочисленных слушателей, весьма заинтересовавшихся: и пение, и чтение были выслушаны с глубоким вниманием, но тогда же было выражено желание видеть печное действо не на картинах, а воочию совершающимся. Г-н директор Археологического института

предложил мне, как действительному члену Археологического института, исполнить эту задачу: со всеми подробностями изобразить печное действо, по возможности так, как оно совершалось в древности. Признаюсь, с большим смущением я взял на себя это поручение. Причин этого очень много. Первое – новизна дела. Как воссоздать то священнодействие, которое давно уже забыто, и притом не в храме, не за богослужением, не пред благоговейно настроенными богомольцами, а пред обыкновенными слушателями в зале, при обыкновенной обстановке духовных концертов. Невольно является опасение: не показался бы этот церковный обряд театральным зрелищем, никогда не виданным нами, и притом зрелищем простым, быть может, грубым, смешным и наивным для теперешнего зрителя, избалованного блестящей обстановкой театров. С другой стороны, удобно ли духовному лицу браться за такое дело? Не лучше ли было бы, если бы это исполнил светский человек, гораздо более знакомый с подобного рода постановками? На первый вопрос я ответил себе: для людей, любящих церковную старину (а таковых очень много), всегда приятно и утешительно созерцать какой-либо церковный обряд. Доказательством этого служит множество богомольцев в нашем Успенском соборе, когда там совершается в Великий четверг обряд омовения ног, заключающий в себе тоже некоторый драматический элемент. Полагаю, что таковых слушателей много в этом зале и что они отнесутся без предубеждения и со вниманием к тому обряду, который будет совершаться перед нами. На второй вопрос я ответил себе, что я не сам на себя взял это дело, а оно мне поручено моим сочленом. А нас, монахов, учат, что послушание – выше поста и молитвы.

...Есть и еще одна причина, по которой я не отказался от этого поручения, – это моя глубокая и искренняя любовь ко Святой Церкви и ко всем малейшим ее обрядам; отсюда истекает моя любовь и к церковной археологии. Когда я читаю описание различных древних обрядов, священнодействий, когда я вижу старинные облачения, утварь, когда я присутствую при богослужении в древних храмах, когда я молюсь пред древними иконами, пред которыми изливали

свои мольбы целые сотни тысяч людей, то невольно моя душа переносится в то далекое время, когда на Святой Руси так глубоко верили и так пламенно молились, когда среди русских была такая любовь к храму, что, казалось, они готовы провести в нем целые сутки. Эта любовь и благочестие поражали иностранцев. Один из них даже заметил, что недаром Россия называется Святой Русью, что если Христос родился в Вифлееме, то духом пребывает в России». (Печное действо. – Сергиев Посад, 1913).

Затем Владыка изложил библейскую историю, символическое значение обряда и археологические заметки, о которых мы скажем в другом месте. А сейчас нам хотелось бы привести из этой лекции высокохудожественное описание Москвы XVII века и приготовления к празднику Рождества, свидетельствующее о том, с какой живостью представлял себе Владыка отдаленную историческую эпоху, и как он умел передать это представление своим слушателям:

«Длинный Рождественский, или Филипповский, пост приходит к концу: остается всего только две с небольшим недели до радостного праздника. Наступает суббота недели святых праотцев. Побывали мы у вечерни в Успенском соборе, видели мы торжественный выход Патриарха, сопровождаемого многочисленной свитой духовных и светских лиц, а среди них отроков и халдеев, в Успенский собор. И в самом соборе сделаны особые приготовления к печному чину. Разобрано и снято большое паникадило посредине собора для спуска Ангелов в печь, вместо диаконского амвона поставлен особенный амвон, именуемый печью и украшенный изображением святых пророков, предвозвестивших рождество Спасителя (наша печь – снимок с Новгородской печи, хранящейся в музее Императора Александра III в Петербурге). Помолились мы вместе с прочими, вернулись к себе домой – куда-нибудь на Ордынку, Полянку, поужинали постными яствами без рыбы, щей похлебали, каши гречневой, после ужина молитвы прочли на сон грядущий пред старинными иконами со многими возженными лампадками и пораньше, часов в восемь-девять вечера, легли спать. Вставать надо рано. Благовест к

утрени начинался в час ночи, а надо прийти в собор раньше, а то места себе не достанешь. За множеством народа не увидишь, как Ангелы Божии станут спускаться в печь, как юные отроки будут умильно поклоняться им, а злые халдеи напрасно метать плавун-траву, чтобы печь разжечь огнем нестерпимым. В то время когда у нас только что вечер начинается, то есть часов в одиннадцать с половиной, мы уже проснулись, прочли утренние молитвы, надели свои кафтаны или полушубки и отправились в путь. Тихо все вокруг. Луна тускло светит. Мороз пощипывает щеки; снег хрустит под ногами. Зимний холод пробирает тело, а на душе тихо, светло и спокойно, как на небе. Вот впереди узкой, кривой улицы с маленькими домиками, с окнами, закрытыми ставнями, сквозь которые светится свет лампадки, скрипя полозьями по снегу, тащится возок с каким-нибудь важным боярином, тоже направляющимся к Успенскому собору.

Приходилось ли вам, дорогие братья, поздней ночью или ранним утром идти в храм на молитву? Если вам приходилось, хотя бы в пору вашей юности, в страстную субботу, например, идти также в Успенский собор к утрени, то вы, несомненно, испытывали чувство душевной легкости, какого-то восторженного желания всех любить, всем делать добро и за всех молиться; и как больно за тех из наших братьев, которые воспитаны вдали от Церкви, никогда не испытывали этих дивных чувств.

Но вот понемногу приближаемся мы и к Кремлю. Вот и Спасские ворота с едва мерцающей, как звездочка, лампадкой перед высоко висящей на них иконой. Слышен уже мощный звон большого колокола Ивановской колокольни. Кто из нас, москвичей, не любит этого звона?! В ком эта, по выражению одного писателя, медная буря воздушных голосов не вызывает иногда забытой любви к своей Родине, к своей Церкви, к своему народу?! С этим звоном соединяется у нас воспоминание о всех торжественных событиях нашей многострадальной Родины, о всех великих праздниках христианских и особенно о празднике из праздников – Святой Пасхе! В эту священную ночь даже иностранцы собираются к нам на Кремлевскую площадь, чтобы

вместе с нами воскресить в своей душе Воскресшего Христа Спасителя.

Сняв шапку, осенив себя крестным знамением, вошли мы в Спасские ворота, подходим к Успенскому собору: множество народа собралось вокруг. Не слышно смеха, споров и криков, таких обычных для толпы, – молчит народ, молчат люди, перекидываясь лишь краткими замечаниями. Ведь они пришли не на мирской праздник или гульбище, а собрались они праздновать честное Христово рождение. С шумом распахнулись наконец тяжелые, железные соборные двери, входит народ в церковь, творит уставные поклоны: семипоклонный начал – и в молчании, сосредоточившись в себе, ждет начала службы церковной».

В заключение лекции Владыка сказал о ее цели и, как бы предвидя надвигающуюся катастрофу, выразил глубокую тревогу о будущем России: «Не знаю, удалось ли мне выполнить крайне трудную задачу: заставить вас хотя короткое время пожить жизнью ваших предков».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (1914–1934)

Работа над этой, заключительной частью жизнеописания Владыки весьма затянулась. Если раньше мы имели в своем распоряжении большое количество печатных материалов, содержащих как проповеди и высказывания Владыки, так и описание некоторых моментов его жизненного пути, то теперь приходилось использовать в основном устные рассказы немногих оставшихся в живых его духовных детей; о пребывании Владыки на фронте во время первой мировой войны можно было судить лишь по его дневниковым записям. Большинство этих записей сделано карандашом и настолько неразборчиво, что во многих случаях удавалось расшифровать лишь отдельные фразы или куски фраз. Дневник, относящийся к румынскому фронту, не сохранился. Кроме дневниковых записей имеется несколько кратких газетных сообщений и стихи, посвященные Владыке его фронтовыми товарищами. На фронте Владыка был два раза: в 1914– 1915 годах (на польском и на румынском фронтах). Вот что мы узнали из газет о его служении:

«Добрый пастырь

Второй викарий Московской митрополии, бывший ректор Московской Духовной семинарии епископ Трифон Дмитровский (в миру – князь Туркестанов) самоотверженно работает на передовых позициях в качестве полкового священника. Государь Император по всеподданнейшему докладу обер-прокурора Св. Синода 26 февраля сего года Всемилоостивейше соизволил на пожалование за отличие во время военных действий исполняющего должность полкового священника 163-го пехотного Миргородского полка, исполняющего обязанности благочинного 42-й пехотной дивизии, епископа Дмитровского Трифона, викария Московской епархии, панагией на Георгиевской ленте из кабинета Его Императорского Величества».

Иерей Виктор (Колумбский) посвятил Его Преосвященству Преосвященному епископу Трифону стихи:

Я видел дивную картину:
Смиренный русский архиерей
Вел в бой родимую дружину,
За Русь страдать готовый с ней.
Пешком шел старец быстро-быстро
В одежде странника с мольбой,
В уме и сердце он свободно
Скрывал высокий жребий свой.
Я видел, в храмах он молился,
Лилась рекою речь его,
Народ вокруг него толпился,
Сковало всех любви звено.
Как вдохновенно, умиленно
Он поучал тогда всех нас,
Был потрясен дух, и невольно
Слеза катилась из глаз.
И, закаленные в боях,
Вожди и воины рыдали.
Надежду, веру и любовь
Они в них укрепляли,
И с окрыленною душою
Шли в бой и подвиг совершали
За веру, Русь... Геройски души полагали.
25 ноября 1914 г.

42-я артбригада. Точная дата первого отъезда Владыки на фронт неизвестна. Но, судя по дневниковым записям, можно установить, что он прибыл на фронт между 1 и 14 сентября 1914 года.

Фронтовой дневник Владыки Трифона представляет собой интереснейший документ, ценный не только в биографическом, но и в историческом отношении как характеризующий настроение в русской армии, а также положение на фронте в конце 1914 – начале 1915 годов.

Правда, отрывочность и немногословность записей не дает подробной, законченной картины того периода, это, скорее, ряд набросков, отдельных сцен или штрихов, по которым все же можно составить довольно яркое представление о том, что

происходило вокруг. С одной стороны, Владыку с полным правом можно считать участником описываемых событий, поскольку он жил в той же обстановке, что и окружающие его военные, переносил те же невзгоды фронтовой жизни, временами попадая в положение, мало чем отличавшееся от положения простого солдата. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что он был духовным лицом, монахом по призванию, которого не коснулась общая нравственная распущенность (пьянство, мародерство, грубость и т. п.), обычно появляющаяся у фронтовиков перед лицом постоянной угрозы смерти, и это позволяло ему делать свои заметки как бы со стороны, выступая в роли объективного наблюдателя.

Владыка находился в лучших условиях по сравнению с другими (дальше от линии огня, ночлег преимущественно в домах священников или в гостиницах), но из некоторых записей мы увидим, что он не раз добровольно отказывался от этих преимуществ (совершил пешком переход в 200 верст, когда можно было ехать). Кроме того, ему трудно было переносить некоторые вещи, которые для других в этой обстановке казались обычными (например, площадная ругань солдат, грубость хозяев, у которых он останавливался). Кроме того, у него была возможность под предлогом плохого состояния здоровья покинуть фронт, а другие такой возможности не имели. Все это увеличивало значение его подвига.

В той же книжке, где начинается дневник, имеется следующая запись на французском языке:

«Мои вопросы.

1. Можно ли надеяться, что после лечения у меня восстановится чистота и сила моего голоса, чтобы я мог читать, петь и говорить свободно и в течение довольно долгого времени, не уставая?..

2. В каком состоянии после лечения останется моя носоглотка?

3. Будет ли продолжаться лечение еще некоторое время?

4. Могу ли я немедленно после моего теперешнего лечения вернуться в Москву, или для моего здоровья более благоприятно побыть некоторое время на Юге Европы?

5. Что делать, если кровь будет течь?

6. Я очень подозрителен, как нервный человек, в отношении своего здоровья, и у меня всегда мучительный страх заболеть какой-нибудь заразной болезнью, а заразиться неудивительно, когда работают, как в Лозанне, без необходимых предосторожностей. Можете ли вы уверить меня, что эта рана не подозрительна?»

Далее идут вопросы о лекарствах. Видимо, это предполагаемые вопросы врачу во время его лечения за границей. Однако болезнь не помешала ему добровольно отправиться на фронт.

Судя по дневниковым записям Владыки, состояние нашей армии было далеко не блестящее. Первое, что бросается в глаза, это какая-то общая бестолковость, путаница и неразбериха. Полк останавливается в каком-нибудь городе или селении. Люди спешат кое-как пристроиться, хлопоты, беготня, живут там иногда несколько дней. Нередко приходится слышать о случаях кражи и мародерства. Туманные и противоречивые сообщения о передвижении наших войск и войск противника. Вдруг приказ выступить, и скопление людей, лошадей, повозок приходит в движение, поспешно, кое-как укладываются и с руганью, криком, а иногда и с мордобоем трогаются в путь, смутно представляя, куда и зачем.

Население тех мест, где проходит фронт, тоже являет жалкое зрелище. Люди напуганы, пытаются прятать вещи, оставшиеся от грабежей русских и австрийцев. Среди общей бедности и разрухи мелькают иногда роскошные дворцы каких-то польских аристократов, костелы с ксендзами и скорбные женщины со слезами, возносящие молитвы о своих близких. Записи Владыки очень кратки. О духовной жизни говорится предельно мало, больше о материальных трудностях. Много приходится домысливать, довоображать. Но постоянная молитва, постоянное обращение к Богу как-то сами собой разумеются. Служатся обедни, всенощные, молебны, панихиды. Иногда среди самых прозаических слов: «Встал в 8 1/2 часов, пил кофе», – прорываются слова молитвы, идущей из глубины души. Молится сам Владыка, молятся вокруг него офицеры,

солдаты, простой народ. Это видно из лаконичных заметок: «Сегодня было много солдат».

Именно молитва сплачивает людей в такое время. Она помогает сохранить человеческий облик и не дает полностью превратиться в ожесточенных эгоистов. Но предоставим слово самому Владыке. Мы приведем без комментариев отрывки из дневника, которые показались нам наиболее интересными. Они относятся к периоду с 14 сентября и до конца 1914 года.

14. Служба в штабе корпуса.

17. Отъезд и ночевка в штабе дивизии.

18 и 19. Путешествие...

20, суббота. Поход в Чудовицу, утром рано. Один наш полк, чай в хате благодаря любезности доктора и Парфенова.

21. Остановка в Альбигове у ксендза (очень хороший дом).

Утром 22. Осмотр костела: прекрасный, поют после службы бабы, ксендз молодой, красивый, любезный. Едем в 11.30 утра в С. Приехал в 2 часа дня. Купил лошадь пристяжную.

24, среда. Ночевал в С. Неизвестно, когда выступаем. Командир уехал в штаб дивизии (г. Ланцут).

Начинает тяготить неопределенность, особенно невозможность совершать богослужение. Думаю отслужить дома в субботу всенощную преподобному Сергию. Изба, где я поместился, довольно чистая, выбеленная известью, много картин духовного содержания, особенно Матка Божия. Хозяева – крестьяне-поляки, довольно любезные. Положение их тяжелое, отовсюду грабят солдаты, сначала австрийцы, а потом русские. Служил у себя в комнате всенощную преподобному Сергию. Присутствовала жена хозяина и ее семейство (поляки).

25, четверг. Служил обедню утром рано. Выступаем. Австрийцы недалеко, скоро сражение. Господи, помоги!

Остановились в экономии графов Потоцких. В деревне Вислока, около реки Вислока, неожиданно приказ выступать. Отступаем. Ночь. Отвратительная дорога. Неизвестно, куда идем. Похоже на бегство. Настроение тяжелое. Дошли до какого-то костела. Разбудили ксендза. У него ночевали все вместе: доктора наши, один раненый, и солдаты, и больные дизентерией.

26, пятница. Рано тронулись до дер. Д. – поспешное отступление. Отдыхаем – 2 часа (...) Всю ночь

(В дальнейшем фамилии и названия населенных пунктов, которые нам не удалось разобрать, будут обозначены инициалами. – Прим. авт.) – Сост. поход (...) Холод ужасный. Оказалось, что пришлось остаться до 2 1/2 часа дня (...) Сильные боли в желудке. Почти не обедал. Тронулись опять в путь. Приехали в 4 1/2 часа в деревню Розбуш, недалеко от Ярославля (Ярослава. – Ред.): крохотная, очень бедная изба, но гостеприимные и очень ласковые русины-крестьяне. Старуха, вероятно бабушка, мало того что поцеловала мне обе руки (это их обычай), но даже взяла мое лицо обеими руками и, что-то жалостно приговаривая вроде: ах ты поп, старый, да дурной, – и прочие нелестные для меня эпитеты, – прижала к груди: ощущение не из приятных. Местные дети очень ласковые. Не знаю – придется ли ночевать?! Хотя готовились к ночлегу, но очень может быть, потревожат. Отступление идет поспешное, австрийцы близко. Не знаю, какая причина отступления, но полагаю (...) – желание дать сражение в Ярославле, где укрепился неприятель. Жалко население: наши хозяева (русины) жаловались: всё солдаты, солдаты... всё забрали: корову, сено, кур, масло; а теперь придут австрийцы и спалят дом; где будем жить тогда? Зима, холод, дети малые, муж умер. Собрал детей, дал по прянику, поцеловали руку. Ложусь отдыхать. В 10 часов вечера проснулся, почти не спал от геморроя и блох. В окошко постоянно стучались солдаты разных полков, ища ночлега. В 4 часа разбудили: едем. Простился с гостеприимной хозяйкой, дал один рубль.

27 сентября, суббота. Путь был невероятно трудный. Трудно себе вообразить эту картину. Ночь, темнота, глубокая, по колено, грязь, дорога совершенно разбитая тяжелой артиллерией и обозами. По ней тянутся, иногда в два или три ряда, длиннейшие обозы со всеми прочими вещами, измученные, исхудалые лошади еле тянут, постоянно останавливаются, везде крики: сукины дети, мерзавцы и пр.; вопли помогающих; везде лошади: но-но, родная, цоб-цобе; матерная ругань, перебранка: «Держи вправо, дай проехать...».

Моросит мелкий холодный дождик...Остановились в Ярославле, где пили чай в цукерне. Прекрасный живописный городок.

Прождали 10 часов в поле, под вечер поехали к Ярославу и недалеко от города в доме, занимаемом одним фельдфебелем, пили чай с сардинками и с домашними кренделями. Милый и очень храбрый воин, наш хозяин, носит медаль на Георгиевской ленте за храбрость и крест Георгиевский.

А. И. П. поехал узнавать в город, где же нам, наконец, остановиться на ночлег. А я остался его ждать у фельдфебеля. Уже вечером в 8 часов узнал, что бой начался, первые удары выдерживает наш Миргородский полк. Есть раненые. Спать не пришлось.

28. Спали 1 час (с 5 до 6 утра) в холерной избе, поехали дальше рано утром.

29. В деревне С. остановились в избе, где двое сыновей получают высшее образование, один юрист, другой богослов (в сутане, готовится в священники). Неприятно мне было, что он арестован. Очень порядочные люди.

30 сентября. Переехали к церкви. Служил торжественную всенощную с участием двух священников Н-ского полка и артиллерии. Кошубский – храбрец. Все было освещено, много народу, хор из солдат под управлением главного врача.

1 октября. Обедал. Проповедь. Раздавал крестики. Выстрелы. Церковь пробита. Разрыв шрапнели в нескольких шагах. Опасность. Ушли из дома священника.

2 октября. Ездил в штаб. Слухи о наступлении австрийцев. Вернулся ночью. Сведения: это отступление имело причиной лишь опасение перевода каких-то шести корпусов австрийских. Командир думает, что это вздор. Вероятно, противник взял три дороги в Перемышль, потом отступление, 3/4 батальона убито.

3 октября. Опять переезжаем. Страшная стрельба. Что-то готовится. Переходим в дер. Моковиску. Переехали в половину у погорельцев, хозяина зовут Иван Хомыга.

4 октября, суббота. Проснулся в 2 часа. Ожесточенный бой. Австрийцы прорвались через реку Сан. Н-ский полк прозевал и за это наказан: много убитых и очень много раненых. У нас тоже есть раненые и один убитый, которого отпевал в

поле. На смену островцам идет сегодня наш полк: служил всенощную в униатском храме, много было народу, исповедовал многих солдат и нескольких офицеров. Очень тронул один полковник (Галицкого полка): плакал во время исповеди.

Говорил речь о спасительном значении псалма «Живый в помощи Вышняго...».

5 октября. Служил обедню и молебен при участии священников Островского полка, Луч...кого полка и артиллерийской бригады: последний говорил речь в стихах. Много народу приобщалось. Вернулся домой и причащал старуху-хозяйку, разбитую параличом. Вся семья усердно молилась на коленях. В 2 1/2 часа ушел в церковь, служил молебен с водосвятием. Прошел слух об отступлении австрийцев.

6 октября. Слава Богу, ночью отступили. Идет последняя переброска. Погода чудная, летняя. Настроение духа тоже изменилось: все ободрились – и пора. Трудно представить себе, какое подавленное было состояние духа у всех, начиная с офицера и кончая солдатом, какие нелепые сплетни о подкупках(!): австрийские генералы ходили в некоторой части в войска. А сколько было жертв, и командир Островского полка убит. Много взято в плен. Третье – нынешняя и вчерашняя артиллерийская перестрелка – какой-то ад кромешный. Думаем переехать опять в Су...во. 7 часов вечера. Вернулся из Су...во старший врач, говорит, что (...) обстрел деревни идет вовсю, на его глазах убит солдат и 6 лошадей, сам он спрятался за церковь и тем избежал, может быть, смерти. Трогательно умирала лошадь, зашаталась, упала, потом поднялась на задние ноги и застонала как человек, потом опять поднялась, пошла к лошадям, упала на бок и захрипела.

7 октября, вторник. Перестрелка опять продолжалась с той же силой. Враг как будто отступает, но это не то почти бегство, к которому привыкло войско, нет, если он и отступает, то по всем правилам искусства, очевидно, у него артиллерия, а может быть, и командиры – немцы.

8 октября, среда. Утром был у командира полка. Бой продолжается. Успеха особенного пока нет. Понемногу переправляются на другой берег Сана. Когда же это кончится?

9 октября, четверг. Побранился с солдатом-артиллеристом, забирающим скот, из-за коровы, будто бы забранной у бедной женщины. Гулял, заходил в хижины, встретил солдата, спасающегося, должно быть, от позиций. Сегодня переправа в Су...во. На душе тяжело. У нас никаких перемен. Неприятель держится твердо.

10 октября, пятница. Появились холерные признаки. Отпевал холерного в поле. Переехал в Су...во в избу. Предполагается атака.

11 октября, суббота. Атаку отложили, и напрасно, так как, по разведкам одного молодого офицера, два батальона австрийцев спали крепким сном. Вообще положение по-прежнему неопределенное; ходят слухи, что дивизия обходит врага с тыла; но правда ли это? Когда все кончится – неизвестно. По-видимому, вопреки всем предположениям, враг, заняв выгодные позиции, держится крепко. Я перехожу на квартиру к церкви и думаю служить всенощную, а завтра обедню – в 6 1/2 часа вечера. Переехал – и сам не рад, несмотря на чистоту и убранство, комнату шрапнелями закидали. Все-таки служил всенощную. Устал страшно. Бросаюсь на постель.

12 октября. 12 часов дня. Ночью перебралась наша тяжелая артиллерия и так стучала, что комната трещала от ударов. Желудок продолжает болеть. Служил сегодня обедню. Народу собралось порядочно. Говорил проповедь. Вспомним, что сегодня крестный ход в Москве по случаю изгнания французов.

Евангелие о воскрешении сына вдовы Наинской.

(...) Раздавал памятки. Объяснял псалом 90-й. После обедни народ пел свои духовные псалмы. Пока тихо. Новостей никаких нет...

13 октября, понедельник. Вчера служил вечерню и молебен с акафистом Сладчайшему Иисусу. Пели очень хорошо... Прекрасные у них напевы. Народу собралось очень

много. Бойкая племянница нашей хозяйки, которая была господней, то есть экономкой соседних богатых помещиков, – тип русинки очень набожной (всегда с молитвенником), но очень веселой, разбитной; работает на немецких фабриках. Разумеется, кучер Захар не ударил лицом в грязь и разошелся вовсю. Хохот слышался весь вечер (тип для повести).

Ночь была адская, не заснул ни на одну минуту: пальба, канонада, пулеметы; казалось, ад разверзся! Какие результаты, пока еще неизвестно! Иду в церковь давать молитву, а затем в поле отпевать убитого солдата.

После обеда поехал в штаб корпуса в деревню Запалово. Там видел 600 пленных австрийцев с несколькими офицерами; старший лет 40 – чех, нервно возбужден, губы дрожат: «Семь дней не ели – я и мои люди. Русские неожиданно напали с правого фланга, не было сил удержаться». Г. объясняет нашу долговременную и пока неудачную осаду Ярослава тем, что австрийцы здесь соединили лучшие свои силы, сообразив, что русские отступили по своей слабости, они (австрийцы) не послали своих войск в подкрепление германцам, а поэтому у русских на северном фронте победы, но зато все австрийские силы остались у нас, и мы на себя притянули всю тяжесть войны. Генерал думает, что больше недели это не продолжится и мы победим. Виновником проекта отступления считают Драгомирова(?): второй Седан нас ждет.

14 октября, вторник. 10 часов утра. Полк наш получил дневку, и мы уходим отдыхать в дер. Бобровку, за 6 верст. Давно пора! Люди утомились, обессилели, обовшивели. Всю ночь опять продолжалась канонада, почти не спал. Собираю вещи. 9 часов вечера. Я остался в Су...ве в избе вдовы. Служил вечером всенощную в Бобровке в походном храме, который поставил в униатском костеле. Много было солдат, исповедовал. Конец всенощной служил на улице, где было очень много солдат, не попавших в церковь за теснотою. Церковь очень бедная.

15 октября, среда. Служил обедню, а затем передал привет от Великого князя Миргородскому полку. Знакомился с полком.

16 октября, четверг. Поехал служить обедню в Бобровку. Передал там антиминос иеромонаху госпиталя Феодосию (из Киевской Лавры) и несколько святого мира (это уже 4-й антиминос: 2 – иеромонаху Почаевской Лавры во Львове, 1 – священнику Луцкого полка во Львове и здесь 1). Служба была очень теплая. Много солдат, был и плач.

17 октября, пятница. Холера... Служил молебен и отпевал двух холерных. Переезжаем.

18 октября, суббота. Не переехали. Думаю сегодня переезжать в М. Хозяйка здесь невозможная, кричит, что от нас ей (...) «зимно с детьми». Пришел вчера маленький, 6-летний мальчик, весь оборванный, сирота, отец умер, мать в Германии. Вечером много все пьют. (Мальчик) по имени Казя (Казимир), оставил ночевать на печке. Переехал к врачам в то же С.

19, воскресенье. Служил обедню в М. Много народу. Вечером беседовал с врачами. Очень симпатичный врач Острожского полка, Добровольский. Лесюков, подпоручик, взял 500 австрийцев в плен.

20, понедельник. Ничего интересного. По-прежнему сидим в С. Была атака, но неудачно для нас. Убит храбрый подпрапорщик. Крайне неприятно, что множество симуляций ран.

21, вторник. Еду в штаб корпуса служить на Казанскую. Служил всенощную. Храм беден, но опрятен. Жалкое впечатление производил священник униатский. Очевидно, напуган войной. Я его обласкал. Кажется, скоро австрийцы отступают. Бой был сегодня вовсю.

22, среда. Ночевал у командира. Иду служить обедню. Служил при громадном количестве солдат и народу. Раздавал крестики. После обедни и молебна на открытом воздухе униатский священник (ничтоже сумняшеся) служит обедню на том же престоле. Началась страшная пальба: австрийцы напрягают все силы, чтобы приостановить 5-ю дивизию. Что-то будет? Положение тяжелое ввиду малочисленности наших войск. Теперь решительный момент. Между прочим, рассказывал один наш подпоручик: несколько наших солдат взяли в плен спящих 20 австрийских солдат возрастом не

старше 18 или 17 лет. «В таких-то и стрелять-то грех, ваше благородие», – докладывал солдат, и сам-то не старше 21 года.

Служба униатская – не то греческая, не то католическая. Поют все хорошо и твердо. Звонков не было, проскомидия очень сокращенная: кусочек просфоры и 2 частицы, немного было вина в чаше. Униатские напевы красивы, напоминают народные песни. Возвращение домой ночью: чудесная ночь, луна и... зарево пожаров, гром пушек.

25, четверг. Ночью австрийцы отступили. Слава Богу. Перешли в Ветлин. Прекрасный храм. Служил всенощную. Народу множество (...). Общее пение. Руководила молодая баба с приятным голосом. Народ был в восторге. Изголодались духовно. Село все обстреляно. Колокольня сожжена. Плакали все от умиления. Храм великолепный, очень похож на православный. Австрийцы деятельно преследуются, взято 66 орудий. Ночевали в доме священника.

24, пятница. Едем через Ярослав в дер. Павласюк или Павлошев. Радостно опять возвращаться туда, откуда отступали. Теперь 8 часов утра.

Дорогу до Павлошева шел пешком. Тяжелая картина, трупы солдат австрийцев и лошадей, снаряды, окопы, сожженные дома, укрепления и пр. В дер. Павлошев мы прибыли в 1 час дня. Остановились там же, где и раньше: маленький каменный дом, хозяева – поляки-католики.

25, суббота. 8 часов утра. Сейчас получено известие, что полк делает дневку (...). В три часа получили приказ двинуться за 7 верст в дер. Роженицу. Шел пешком с капитаном С. Остановились у управляющего. Хорошая обстановка, но хозяева (молодые поляки) совершенно обобраны нашими казаками.

26, воскресенье. Утром неприятное пробуждение. Оказалось, что один из наших людей украл белье у хозяйки. Завтрак был с граммофоном австрийским, взятым из окон, и в присутствии хозяек-барышень. Вечером ходил к С. Беседовал с капитаном К. Чудо: не был ранен, находясь под дождем пуль, идя по полю утром в 10 часов, медленно (...).

28, вторник. В 11 часов утра ходил в Пельнятичи в 5 верстах, служил всенощную. Храм, хотя униатский, но похож на католический. Остановился в доме священника, который уведен в плен. Жена его – забитое существо.

29, среда. Служил обедню и панихиду по павшим воинам. Народнонаселения почти не было, оно очень ополчено. Сегодня в 6 часов вечера служил всенощную с артиллерийским священником. Много было солдат и офицеров. Завтра выступаем куда-то.

30, четверг. 8 часов утра. Уходим в Хуциско-Нерадовския. Путешествие невозможное. 25 верст шли до 7 вечера. Дорога ужасная. Остановился в маленькой хате. Хозяева, муж и жена, – добродушные люди. Завалился спать на их постели, так как полк застрял.

31, пятница. Телегу сломали. Кое-как устроил постель. Выпил коньяку, для того чтобы согреться. Половину дороги ведь шел пешком, вспотел, затем сел в коляску, страшно продуло, опять слез и по страшной грязи, по канавам, наполненным водой (...), пробирался за солдатами: вздумал было перейти дорогу на одном месте: чуть-чуть не наехал артиллерист с пушкой, а то погиб бы бесславной смертью, на артиллериста налетел офицер, исколотил его, но от этого не легче: упал в канаву и весь выпачкался. Хозяин маленький, хворенький, хотя молодой, а потому и не взят в солдаты. По дороге удостоился «комплимента» тоже от артиллериста: вот (...) жидовский поп ползет.

Едем в Бахурин (...). Видны горы, леса, большой гарнизон.

1 ноября, суббота. Идем в Неселое, в 20 верстах отсюда. Погода дивная, морозная, виды горные очаровательные. Шел все пешком. Остановился у ксендза.

Пан пробошч (настоятель. – Ред.) (...) уехал. Остался молодой викарий. По дороге эпизод с мальчиком: шел пешком, набрели на хату, там нашли мальчика, очень жалкого, который оказался шпионом австрийцев.

2 ноября, воскресенье. Встал в 8 часов, пошел к обедне в католический храм: полуосвещен, играет орган, поет один голос, молодой ксендз вроде аббата Мюре. Вернулся из костела; по

дороге солдат, вероятно, социал-демократ: «...Прежде на войну ходили, а теперь кто ходит, а кто ездит», – и долго распространялся насчет духовенства.

Пошел пешком по дороге, корова чуть не столкнула в ров, а солдат, здоровенный, румяный, черный, развалился на телеге и хохочет во все горло. Остановился в великолепном коттедже, принадлежащем англичанину, село богатое, называется Венглювка (...), проезжали села, где вырабатывается шерсть, тоже богатые. Что за великолепная здесь природа: горы, деревни, хаты, покрытые зеленым дерном, зеленый плющ, все стены в елочках. Служил всю ночь по желанию, раздавал крестики и образки народу и Георгиевским кавалерам. Народ пел. Женщины, разукрашенные по случаю воскресенья и нарумяненные, особенно одна, стоявшая впереди, красивая, гордая, чему-то смеявшаяся и не пожелавшая взять образка.

3 ноября, понедельник. Шесть часов утра. Идем в В. Очень тяжелый переход. Пришли в 9 1/2 часа в город, маленький, зашли в ресторан, выпили чай, послушали орган. Ночевали в больнице, где католические сестры милосердия, холод в палате страшный. Спал не раздеваясь. Здесь была перепалка картечью с австрийцами: ранили и убили одного казака. Ругался со своими слугами: никуда не годятся.

4 ноября, вторник. Встал в 8 часов утра, не умывался, ибо не имею своих вещей. Осматривал город. Вернули вещи в 5 часов. Оказывается, что лошади стали, и казаки взяли австрийских из экономии. Пьянство и мародерство в городе страшное, был случай изнасилования. Отпевал убитого казака в перестрелке с австрийцами, очень близко жил у немки, в хорошем домике. Встретил пленного русина, говорит: не хотел воевать.

5 ноября, среда. Выступаем. Говорят, противник обходит с юга: прозевали разведчики (казаки), которые пьянствовали в городе вместо разведки. Прошли 1 версту и остановились в деревне Жолково, я поселился с командиром. Остаемся здесь до завтра.

6 ноября, четверг. Выступаем в 7 часов утра за 20 верст в Клечанах. Благоприятные слухи: противник оттеснен и уходит за

Карпаты. Пришли в 8 часов. Переправлялись 2 раза через брод, ибо австрийцы сожгли мост. Остановились в экономии, маленькая комната и довольно уютная, хозяева, должно быть, арендаторы. В этом месте вырабатывают керосин. Огромные заводы.

7 ноября, пятница. Проснулся в 7 1/2 часа утра. Выпал снег, настоящая зима. Сегодня предполагается праздновать канун именин трех именинников: Михаила (...) – капитана, Михаила П. Павлушенко – адъютанта и Михаила С. К. – врача. Готовился обед с музыкой, возлияниями и пр., но вместо этого после разных колебаний мы выступили в 5 часов вечера в Седличко, за 20 верст, куда и приехали в 12 ночи. После ужина стало холодно. Кучер Захарий деликатен: укутал мне ноги теплым одеялом. В экономии против костела лег спать в 2 1/2 часа ночи, не раздеваясь.

8 ноября, суббота. Грустно! Праздник без службы и молитвы. Встал в 9 часов утра. (...) Выступаем в 11 часов в Турско за 15 верст. Иду пешком. Вспомнилось: вчера Захар заехал за казакон, а за ним обоз. Н. П. выпивши, его усовещали. Он же: «Какое такое ваше отношение, или, так сказать, какая ваша роля: ничего путем не расскажете, а командир ругается».

9 ноября, воскресенье. Иду пешком 25 верст до Завады. Зима, пробираемся по горам. Устал, сел верхом, ноги и спина болят невыносимо. Остановились у графа Потоцкого, небогатого помещика. Обстановка сохранилась, видно, собиралась годами. Жалуется на казаков, на их мародерство. Вообще воинство худо себя ведет в этом отношении. Пьянство и грабежи, был даже случай вымогательства денег под угрозой пистолета, даже насилие женщин.

10 ноября, понедельник. Встал в 7 часов утра. Идем: теперь уже недалеко от Кракова. Едет солдат. «Куда ты?» – «С искренним (то есть с экстренным) донесением». Остановились в трех верстах. Близко позиции. Слышны выстрелы.

11 ноября, вторник. Изба хорошая, поэтому обтирался одеколоном. Встал в 9 часов утра. Кажется, стоим. Вчера слышались выстрелы. Противник близко, но, по слухам,

отходит. Много является пленных. Еще выражение: «Связь, что вы топчетесь на месте, сукины дети». Ходили на большую гору, где много убитых и раненых австрийцев. Наши обошли их, ужасно! Разбиты черепа, у одного пули во лбу сделали два правильных отверстия, у одного разворочен желудок, не предоохранила его и стальная пластинка, закрывающая сердце и надетая на грудь. У некоторых заготовлены письма к родителям. В 12 часов – приказ трогаться за 25 верст в местечко Лопях, там укрепился противник. Поехали только в 4 1/2 часа после долгих и нудных передвижений в темноте, среди обозов, под отчаянную ругань солдат и офицеров. Прибыли в Лопницу-Маровинку, в 19 километрах от места назначения, ибо по ошибке разведки там не усмотрели неприятеля. Спали все вповалку, где придется. Со старшим врачом нашли себе приличную хату. Заснули в 2 1/2 часа ночи.

12 ноября, среда. Вчера были разноречивые слухи: кто говорит, что мы обошли неприятеля на германском фронте, а кто говорит, что неприятель нас теснит и положение серьезное. Будто мы на подкрепление против немцев послали 10-й корпус. Пленных продолжают приводить партиями. Прекрасная была ночь, лунная, горы, чудный воздух – и несметное количество войск, огнестрельных орудий, крик, шум и пр. Контраст. Ездил в дивизионный лазарет. Служил молебен о здравии с водосвятием, раздавал листки, причащал. Много раненых. Один без памяти, корчится, ловит воздух руками.

Хоронил одного убитого: умер в пути. Слышал, что германцы отступают. У нас неудача: послали кавалерию, а неприятель и не думал отступать, поэтому много раненых.

13 ноября, четверг. Продолжается пальба. Я перебрался на другую квартиру. Обстановка очень приличная, видно, жили люди образованные, хотя небогатые. Неожиданно приказали идти вперед. Ужасная ночь! Всю ночь ехали, дорога безобразная, линейка останавливается, вдали стрельба, пропускаем опять множество пленных, кажется, остановка. Приехали в 8 часа утра.

14 ноября, пятница. События. Приехал к командиру полка, который остановился у старшего ксендза. Обстановка старая,

но приличная... Пошли пешком с полком пять верст до В. Остановился в бедной хате. Разругал солдата за то, что просил продать что-нибудь у хозяев. Стыдно за вспыльчивость...

15 ноября, суббота. Пошли за 12 верст в Лопановку. Шел пешком. Хорошее местечко. Опять эпизод с моим плащом. Шел дождь, С. послал за плащом. Солдат стал отказываться: далеко. Затем пошел и не пришел. В душе я обиделся. Видно, положение священника стало плохо. Командир говорил две речи солдатам: 1) у кого в голове не (...), а мозг, тот не станет бросать оружие по требованию неприятельского начальника; 2) кто из врагов прежде сдачи стреляет, того добивать. Остановился у ксендза. Очень хорошо, фарфоровый умывальник. Вечером пошел к врачам, встретил интендантского офицера, говорит: «Сапоги мы выдаем хорошие, конечно, не идеальные, но идеал вообще не осуществим; достаточно, если они функционально исправны». Хозяйский сын, мальчик четырех лет, очень понятно нам объяснил, что мама велела ему молиться: «Избавь нас, Матка Боска, от москалей и казаков».

Исповедовал утром раненых. Тяжело ранен прапорщик Потапенко – прекрасный юноша и очень бедный и семейный. Победы наши громкие, особенно Миргородского полка. Кажется, пойдем в обход, за Краков, для того чтобы препятствовать австрийцам уйти на Вену. Говорят, что в Кракове они долго не задержатся.

16 ноября, воскресенье. Остаемся на дневку. Заходил в католический храм на обедни: раннюю и позднюю. Пели плохо, а орган не играл, так как органист взят в войско. Служил панихиду и молебен благодарственный по случаю победы. Было знамя, оркестр, играли «Боже, Царя храни» и пр. Вечером пели духовные песни с хором певчих.

18 ноября, вторник. Утром рано тронулись вперед. Прошли 15 верст – остановки часов по пять. Оказывается, неприятель очень сильный вблизи той деревни, где предполагается остаться. Окружил нас тремя полками, устроил окопы очень сильные и ждет. Остановился в холодной избе и, не раздеваясь, ложусь спать.

19 ноября, среда. Встал в 7 часов утра. Надо отсюда уезжать: обстреливают. Собрался, проехал 1 1/2 версты и остановился в деревне (Вязы), где первый перевязочный пункт. Ночью и его обстреливали, так что доктора переехали дальше, остался один лишь старший врач. Переехал 1 1/2 (версты) и остановился в деревне Рачеговице. У ксендза: 70-летний старик, похожий больше на немецкого пастора, чем на священника (я таким представлял Лемма-музыканта из «Дворянского гнезда»). Остановились врачи. Двое из них уехали на позиции и, возвратившись, говорят, что наши берут город и уже половину взяли. Опять спор из-за квартиры с осторожным поляком.

20 ноября, четверг. Пока ничего нового. Иду в дивизионный лазарет, который помещается неподалеку. Служил всеобщую, причащал раненых. Узнал, что дела наши неважные: неприятель обходит с левого фланга и взял в плен три взвода Луцкого полка.

21 ноября, пятница. Всю ночь беспокоили солдаты: то пришел Луцкий полк, то пулеметы. Лазарет отъехал на север, поэтому не придется служить обедни. Врач Плигер сегодня уезжает в Киев, а мы переезжаем в другую деревню, а куда – неизвестно. 10 часов утра. Страшный случай: враг прорвался на левый фланг. Общая паника. Переезжаем. Один час дня. Слава Богу, все уладилось. На помощь идут новая, 74-я дивизия и 8-й корпус. Мы переехали недалеко. Но успокоились, даже штаб дивизии вернулся на прежнее место, а то было удрал дальше... Переехали за 1 1/2 версты.

22 ноября, суббота. Часловица. Вчера гулял с доктором Г. Окрестности замечательные. Раненых мало. Посылал Преображенского в штаб дивизии узнавать расположение штаба корпуса: оказывается, он в 26 верстах. Чудный ксендз был в прежней деревне: старый, 72 лет, хитрый... «Вы, Попове, пиво любите? А у меня ниц нима». Один час ночи. Опять говорят, что штаб дивизии обстреливают, немцы все-таки обошли нас. Появились немецкие аэропланы – положение тяжелое. Велено всем отступать. Опять тяжелая бессонная ночь, ночь страха, тоски, волнений, нервного расстройства. Как всегда, никто

ничего не знает, не понимает, нервничают. Штаб дивизии сообщает, что штаб армии телеграммой приказал отступать по изменившимся основаниям. И вот опять в 11 часов ночи поехали; прощай, сон, тихий покой в теплом углу. Едем, едем, переезжаем брод (австрийцы испортили мост), промачиваем ноги. Идем, идем пешком, чтобы согреться, изредка доносятся орудийные выстрелы, сердце сжимается.

23 ноября, воскресенье. Красное взято австрийцами. 74-я дивизия отступила. А еще вчера штабной адъютант Петров с торжеством сообщал, что австрийцы прогнаны. Оказывается, что все время штаб дивизии сообщал неверные слухи о наших победах. Не спавши, пошли в экономию, командир имеет вид утомленный. Хозяйка избы не хотела пускать и вышла с топором, но дело уладилось, и я лег отдохнуть в маленькой бедной и вонючей хате, не спавши всю ночь. Командир говорит, и поручик подтверждает, что наше положение было тяжелое, ибо австрийцы нас обошли.

Теперь фронт выровняли, и ждут 8-ю армию Брусилова. 4 часа дня. Пообедали. Легли отдохнуть, полные радужных надежд. Увы! Какое печальное пробуждение! В 11 часов наше войско отступает. Кое-как собрались. Ночь была лунная.

24 ноября, понедельник. Доехали до (...) верстах в трех. И было пора: австрийцы, оказывается, были в одной версте от нас, и мы лишь случайно или по милости Божией не попали в плен. Остановились, ждем нашего полка. Дождались и поехали дальше. Доехали, остановились в еврейской хате. Положение очень тяжелое. Повсюду отступают, множество солдат забрали в плен. (...) полк почти уничтожен. Вероятно, еще переждем. Кое-как расположились. Старший врач остался в экономии. На смену ему пойдет скоро другой. Вторая ночь без сна. Отдохнул, напился чаю. День провел спокойно. Спал со старшим врачом (против своего желания) в грязной халупе, где лежала больная женщина с язвой на щеке... Вечером – приказ: тронуться назад в экономию утром рано.

25 ноября, вторник. Отменен приказ, собрались и тронулись опять в путь. Пью чай с врачом: многое выяснилось

относительно жизни старшего врача и его отношений к товарищам и офицерам.

10 часов утра. Сейчас вернулся из штаба старший врач, говорит, положение очень тяжелое. Сердце готово разорваться, с позиций бегут. Штаб дивизии делает глупости, приказали ночью переменить позиции, разумеется, сегодня. Равнины, горы страшны, а тут темная ночь, вот и разбежались, батальонов не найдут.

Теперь начался сильный артиллерийский обстрел.

Два часа дня. Приказано отступать. Уехал в штаб дивизии и встретил командира... И штаб переехал, и уже обоз 2-го разряда уехал в Ржешов.

26 ноября, среда. Слава Богу... Части укрепились и успокоились, штаб остается. Я служу молебен святому Георгию по приезде капитана Бартоломея и остаюсь еще на один день в корпусе.

Батальон Луцкого полка взят в плен целиком.

28 ноября, пятница. Все сравнительно благополучно. Я говорю: сравнительно, ибо не верится в будущее. Надо бы дать отдохнуть солдатам, а там уже воевать, а теперь нельзя с одного вола драть две шкуры.

29 ноября, суббота. День моего рождения. Печальный день. Тяжело, мучительно. Учишь, а когда смерть грозит, цепляешься за постылую жизнь. А уж, кажется, чего ждать. Положение внешнее то же самое. Был опять в костеле. Слышал, что здешние поляки желают окончания войны и надеются, что ей конец в день Ангела Государя. Австрийский Император очень болеет сердцем. Его наследник приехал в Россию, к сыну своего крестного отца – Императора Александра III.

1 декабря, понедельник. Узнал печальную новость: отступаем на два перехода; сегодня в (...), а там далеко за Дунаец, причина: новые и свежие германские силы наступают на 8-ю армию. Нам необходимо соединиться, дабы дать решительный отпор врагам. Дай Бог. А очень тяжело на душе, и знаю по опыту, как тяжело действует отступление на войне. Поехали в шесть часов. Доехали. Остановились в (...). От

холода не могу спать. Завтра в семь часов надо трогаться далее. Сопровождала нас обычная паника отступления: обозы, подводы...

2 декабря, вторник. Кое-как напился чаю и после безумной ночи поехал дальше, переход в 36 верст, за г. Тарнов, в имение какой-то графини. Роскошный дворец, старинное барское жилище, гравюры, старинная дубовая мебель, паркет, не все загажено, поручено наблюдение ксендзу.

15 декабря, понедельник. Встал в шесть часов. Напился чаю. Дорога очень испортилась. Снег идет крупный, ветер, мгла и мороз, слава Богу, без приключений доехали до Ланнута, где не особенно любезно был встречен управляющим замка Потоцких, где нам отвели холодную и старую комнату... На всякий случай записал маршрут: Тарнов, Дембица, Ржешов, Ланцут, Пшеворск, Ярослав, Олесница, Цешанов...Замостье... Впечатления у главнокомандующего: дела по германскому фронту идут слабо, нерешительно... Великий князь Николай Николаевич утверждает, что до февраля не будет дел, так как нет готовых снарядов, хотя работают на заводах спешно...

19 декабря, пятница. Поехал служить в 8 часов утра; приехал и исповедовал до 9 1/2 часа, затем совершал проскомидию и сделал общую исповедь. Причащал... Я сказал Слово о том, что в этом сарае я служу с большим умилением, чем в великолепных храмах, ибо и Христос родился в сарае, а не в чертогах. Холод был страшный, ноги заоченели. Затем был парад и раздача Георгиевских крестов... Присутствовал уполномоченный с подарками, простой мужик, но умный, говорил, что много пожертвовали дети на свои копейки, данные на завтрак. Вернулся усталый, но радостный духом.

20 декабря, суббота. Плохо спал от волнений. Встал в 7 часов. Служил всенощную в театре. Прекрасно убрали зеленью.

25 декабря, четверг. Служил обедню и протодиакон, б. иеромонах Флавиан Киевской Лавры, обладающий великолепным басом, говорил проповедь. Народу было очень много. В девять часов служил молебен и говорил речь... Пил чай с пряниками их приготовления. Затем был торжественный

обед в корпусе, вечер, где я говорил речь... А пушки гремят. А солдаты сидят в холодных окопах!!!

29 декабря, понедельник. Надоела эта жизнь. Скучно, а главное, нет свободы, точно в клетке. Опять то же утром, что вечером. Вообще настроение плохое...

31 декабря, среда. В 12 часов утра служил молебен в 5-й дивизии. Очень было торжественно, всё устлали елками и цветами.

Вернувшись с войны с расстроенным здоровьем, епископ Тихон ушел на покой в Новый Иерусалим. Владыка занимал это место с 1916 по 1918 год (до закрытия монастыря). Там он служил во всех приделах, которые знаменовали земную жизнь Спасителя, и вкладывал свои средства в ремонт этого замечательного памятника русской старины.

«Монастырь был основан еще в XVII веке Патриархом Никоном, получившим позволение на это от Царя Алексея Михайловича. Земляные работы начались в 1656 году; вся гористая местность была выравнена и окружена оградой с башнями, а внутри была выстроена деревянная церковь во имя Живоносного Воскресения Христова. Собрано было братство, и во главе его был поставлен игумен Стефан. На освящение новой церкви был приглашен Никоном Государь со всем своим Домом и боярами. Освящение совершал сам Патриарх Никон 18 октября 1657 года. После освящения Государь, обойдя монастырь, взошел на гору, которая теперь называется Елеоном, и в душевном восторге при виде новосозданного монастыря и живописных окрестностей воскликнул: «Воистину благоволил Бог устройству в этом месте монастыря! Оно прекрасно, подобно Иерусалиму». С тех пор по повелению Государя монастырь стал называться Новым Иерусалимом.

В начале XX века монастырь имел при себе монастырскую гостиницу на 50 номеров и странноприимный дом, в котором странники и богомольцы получали бесплатный приют и пищу от одних до трех суток»¹¹.

Будучи настоятелем Новоиерусалимского монастыря, Владыка построил вблизи от него на свои средства женскую

гимназию, где читал лекции с показом диапозитивов (об Оптинском старце о. Амвросии и др.).

В 1917 году, когда открылся Поместный Собор Русской Церкви, который должен был избрать Патриарха, Владыке предложили выставить свою кандидатуру, но он отказался, так как митрополит Макарий, этот апостол Алтая, был обойден и насильственно устранен от Московской митрополии; с этого времени он ограничивает свою деятельность служением в храме, проповедями и духовничеством и не принимает участия в управлении Русской Церковью.

В Новый Иерусалим приезжало множество богомольцев из Москвы, в их числе были и духовные дети Владыки. Они останавливались в монастырской гостинице и иногда гостили у Владыки по несколько дней. Владыка Трифон требовал сосредоточенного, серьезного отношения к богослужению не только от монахов, но и от всех молящихся. Он даже предупреждал, чтобы перед началом службы к нему не подходили под благословение, чтобы не рассеиваться. В Новоиерусалимском храме одна дама в декольте имела обыкновение становиться около клироса. Один раз Владыка строго заметил ей: «В таком туалете никогда не стойте впереди, а стойте на паперти».

Когда монастырь был закрыт (в начале 1918 года), Владыка переехал в Москву и жил около шести месяцев у брата Александра Петровича, на Поварской улице. Неподалеку находился храм святого Симеона Столпника, куда Владыку приглашали служить. Этот храм сохранился и даже реставрирован. Впоследствии, когда улица была переименована (ул. Воровского), Владыка говорил в шутку: «Я служил на Поварской, а теперь на Воровской».

Затем он переезжает на Знаменку к своей сестре Екатерине Петровне Бутурлиной. Сестра с мужем занимали второй этаж, где у Владыки была комната и походная церковь, которой он пользовался еще на фронте. Затем он переселился вниз, в швейцарскую. С этого времени начался новый, наиболее тяжелый период жизни митрополита Трифона, продолжавшийся до самой его смерти. Чтобы лучше понять теперешнее

положение Владыки, нужно воскресить в памяти его торжественную хиротонию в Кремле, службы в Богоявленском монастыре, лекции в Епархиальном доме и сравнить все это с голодной и дрожащей от холода и страха Москвой 20-х годов, с ее поредевшими и как бы притаившимися храмами, где и в колокола-то часто стеснялись звонить. Теперь ему приходилось неоднократно менять место жительства, вместо монашеской кельи жить в коммунальных квартирах, причем даже в этих условиях он не мог быть спокоен за свое будущее, так как государство не прописывало и некоторое время лишало его продовольственных карточек. Хотя Владыка ни разу не был ни арестован, ни даже выслан из Москвы, его неоднократно вызывали в ГПУ по поводу прописки. В последние годы своей жизни он жил только в домах, принадлежавших частным лицам.

Владыка служил теперь в разных храмах: то на Знаменке, то в Никитском монастыре (здание не сохранилось), то на Афонском подворье (Полянский переулок). Но, несмотря на то, что в эти тяжелые годы прихожан в храмах поубавилось, Владыка не чувствовал себя одиноким, так как наиболее преданная часть паствы еще теснее сплотилась вокруг него. Теперь, когда многие *«страха ради иудейска»* (Ин.20:19) совсем отшатнулись от церкви, любая помощь, услуга или просто знакомство с духовным лицом приобретают особую ценность. А услуг Владыке делалось немало. Помогали чем и как могли, не жалея своих скудных средств и сил. Мы приведем здесь лишь немногие, но трогательные примеры. Человеческая память сохранила нам их отрывочно, может быть, исказив кое-какие детали, но главное остается нам близким и понятным – это те чувства, которые двигали людьми, окружавшими Владыку. Этих людей условно можно разделить на три категории: ближайшие – те, кто постоянно помогал, готовил, стирал, чинил одежду, ограждал от слишком большого притока посетителей; близкие – те, которые регулярно ходили к Владыке исповедоваться, пели на клиросе, бегали за извозчиком после службы, провожали домой; и, наконец, простой народ – те, которые знали и любили Владыку по его службам, но лично не были с ним знакомы и

старались ходить в те храмы, где он служил. Известны лишь некоторые имена наиболее близких к Владыке людей.

Александра Мироновна – маленькая, худенькая женщина, но живая, энергичная. В 1903 году работала где-то портнихой. Услышала от знакомых, что появился новый епископ Трифон и блестяще служит. Первая встреча с этим епископом состоялась в храме Христа Спасителя. Александра Мироновна стояла у стены. Владыка совершал каждение, а она осталась стоять на своем месте. Владыка покадил икону и покадил ее. Потом после службы она летела домой как на крыльях, и целый день на работе прошел в ожидании службы Владыки.

Врачи еще в детстве приговорили ее к смерти: дети с таким сердцем доживают лишь до юности. Отец носил ее на руках в Кремль в Успенский собор. И вот однажды дома за перегородкой она слышит разговор: «Ну что она, жива? Хоть бы померла». Но она не умерла, выросла, устроилась портнихой. На работе было много соблазнов. Портнихи пили, гуляли. Но благодаря влиянию Владыки она не поддавалась этим соблазнам, хотя ее отец и мать были пьяницами. Однажды после болезни Александра Мироновна пришла к епископу Трифону. У него сидел епископ Серафим. Владыка Трифон беседовал с епископом, а потом обратился к ней: «Ну как, ты здорова?» – «Да что, Владыка, – отвечала она, – умирать собираюсь». Владыка, помолчав, возразил ей: «Как же ты умрешь, а я-то? Кто же будет за меня молиться?» Она отвечала: «Владыка, за вас молитвенников много, а за меня некому». Владыка сказал: «Нет, нет, будешь жить и будешь за меня молиться». Его предсказание исполнилось, и Александра Мироновна жила после смерти Владыки еще 15 лет. Врачи говорили: «Мы и сердца не слышим. Даже удивительно, как ты можешь жить». Но она жила вопреки всем их прогнозам. Однажды Владыку вызвали в ГПУ. Александра Мироновна молилась Богу: «Пусть Владыку отпустят, а если надо, пусть заберут меня вместо него». После смерти Владыки Александру Мироновну выслали в Малый Ярославец, обвинив, что она монашка, хотя она не принимала пострига. Верующий человек отказывается признать подобные случаи простым совпадением. Но мы постарались

довести их до сведения читателя, который сам должен решить, как к ним относиться.

Иногда бывали трения и даже ревность между духовными детьми. Те, кто постарше или дольше знали Владыку, пытались поучать остальных. Е. И., молодая девушка, приехав из деревни в Москву после революции, увлеклась театром. На нее пожаловались Владыке, но он останавливал таких: не ругайте ее, пусть ходит, пока молодая, потом у нее еще будет время ходить в церковь. И действительно, она на всю жизнь осталась ревностной христианкой.

Сохранился разговор между Владыкой и его духовными детьми о том, что важнее: молиться или помогать ближнему. Приводим пример: если нужно сделать два дела в один день – пойти в храм и посетить больного, но не хватает времени на то и на другое, чему следует отдать предпочтение? Владыка сначала не ответил, а спросил своих собеседников: а как вы думаете? Мнения разделились, каждый приводил свои аргументы. Потом Владыка заключил: а я думаю, что нужно и то, и другое успеть – и в храм сходить, и к больному.

Можно сказать, что существовало никем не установленное распределение обязанностей между духовными детьми Владыки. Одни шили, другие стирали. К некоторым он особенно часто приезжал. К таким относилась семья бывшего торговца Федулова. После службы Владыка приезжал к ним завтракать, иногда не один, а с сослужащими ему. В.Т. Федулова ходила на службу Владыки в Богоявленский монастырь и брала с собой маленькую сестренку. Сначала носила ее на руках: положит на окно, а сама молится. Потом, когда младшая сестренка подросла, вместе стояли в первых рядах во время службы. Когда Владыка был на фронте, старшая сестра посылала ему подарки (какао, сухое молоко), которые он раздавал солдатам. Младшая сестра делала свою приписку: «От девочки Мани, которая стоит наперед». Однажды, когда младшая сестра пришла в церковь, им сказали: «Идите за свечный ящик». Там иеродиакон Филипп сказал: «А вот она, Маня, которая посылала посылки. Иди к о. Митрофану (секретарь Владыки). Владыка велел тебя разыскать». Когда Маня пришла к о.

Митрофану, тот сказал: «Владыка велел тебе за посылки подарить иконочку святого Иосифа». С фронта Владыка приехал после Пасхи на Фомино воскресенье (Антипасха) и служил раннюю обедню. Обе сестры были на службе вместе со всем семейством. Когда они подходили под благословение, он попросил Варвару Тимофеевну: «Можно, я вашу сестру возьму к себе на чашку чая?» – «Владыка, пожалуйста». – «Так вот, передайте ее Евдокии Ивановне (Лажечниковой – жене писателя, которая находилась тут же, в церкви, и была приглашена на чай), а сами ждите ее в церкви и стойте позднюю обедню».

На чай были приглашены протодиакон Холмогоров, военный врач Всеволод Николаевич Штурм (отец Михаила Всеволодовича Штурма – иеродиакона Феофана), архимандрит и какие-то барыни в шляпах. Когда раздался перезвон, возвещающий крестный ход, Владыка позвал Маню в другую комнату. Там они встали у окна и смотрели, как крестный ход двигался вокруг собора. Владыка смотрел в бинокль и давал посмотреть Мане. Затем он сел, обнял девочку и стал дарить ей подарки. Он подарил ей большое пасхальное яйцо с изображением святителя Питирима и карточку с фронта, где он заснят с денщиком и видны были солдаты в окопах. На обороте карточки было написано: «Благочестивой Мане в благодарность за подарок, присланный мне на позиции. Епископ Трифон, 1916 г. 16 апреля». Впоследствии, когда случилось пригласить ее на чай, Владыка представил ее всем гостям, говоря: «Эта девочка мне на позицию присылала подарки и посылки». А потом добавил: «Когда я умру, ты меня вспоминай и молись. Будешь молиться?» Маня отвечала: «А вы не умирайте, поживите еще». Впоследствии Владыка не раз вспоминал этот разговор: «Мария, а помнишь, ты меня просила еще пожить, и вот я все еще живу». В последний раз он вспомнил об этом месяца за два до своей смерти. Отец Марии сильно пил. Ее сестра пошла к Владыке за советом и сказала, что мать хочет бросить мужа. Владыка удивился: «Как это – бросить? Это что, вещь какая-нибудь? Надо жить и терпеть».

Когда Владыка поселился в Москве, он стал бывать у Федуловых в доме. После службы он приезжал обедать или пить чай, часто не один. Федуловы радушно всех принимали. Особенную симпатию он испытывал к мужу Варвары Тимофеевны Павлу Павловичу Федулову и даже говорил ему: «Павел Павлович, ты ведь у нас святой!»

Во время НЭПа произошел следующий случай. Павел Павлович решил открыть магазин и торговать обувью. У него было три компаньона. Но перед этим он пошел взять благословение у Владыки. Тот выслушал его, много об этом говорил, но был очень против. Павел Павлович сказал: «Это ведь золотое дно». Владыка ответил: «Нет Божиего благословения, я не благословляю». На другое утро Павел Павлович опять пошел к нему и говорит: «Владыка, мы едем уже оформлять дело». Владыка возражал: «У меня душа не лежит, Павел Павлович, к открытию этого магазина». – «Но у меня уже все готово», – настаивал Павел Павлович. – «Ну, что я могу сказать, – покорился Владыка (он не любил спорить). – Бог благословит. Поезжайте». Павел Павлович ушел. Через некоторое время Владыка собрался, взял извозчика и поехал к Варваре Тимофеевне. Был сильный мороз. Владыка приехал весь замерзший и говорит: «Варвара Тимофеевна, может быть, вы подействуете на Павла Павловича. Он у меня выпросил благословение, а у меня душа не лежит. Куда он поехал? Поезжайте к нему и скажите вы». Варвара Тимофеевна отвечала: «Я не знаю, куда они поехали, я его найти не могу». После этого Владыка перекрестился большим крестом и сказал: «Ну, мне остается только молиться». Спустя некоторое время он поехал в магазин, благословил всех трех компаньонов, помолился и уехал домой. Примерно через год магазин конфисковали и даже отобрали мебель из квартиры его хозяев. Павел Павлович рассказал все своей жене и просил съездить к Владыке.

Она сначала отказалась: «Ты ходил, выпросил благословение, ты и поезжай». Но он все-таки упросил ее: «Я боюсь, поезжай ты». И она поехала. Когда она вошла в комнату, Владыка спросил: «Что случилось, Варвара Тимофеевна?» Она

все ему рассказала. Владыка ответил: «Я так и знал. Вот вам и золотое дно». И, постучав пальцем по столу, строго сказал: «Вот что значит послушаться духовного отца».

Мария Тимофеевна рассказала еще об одном случае непослушания Владыке, приведшем к печальным последствиям. «Поехали наши в Кашин за хлебом. Перед отъездом Варвара Тимофеевна пошла к Владыке за благословением и обещала приехать к его именинам. Владыка благословил, но сестра не выполнила обещания, потому что в Кашине ее пригласили на свадьбу и они там задержались. А по дороге ее обокрали. Однажды, когда я подходила к Владыке за всенощной, он спросил: «Приехали ваши?» Я ответила: «Нет». И он ничего не сказал. Затем, когда они приехали, Варвара Тимофеевна пришла к Владыке, входит в комнату, а он спрашивает: «Ну, как съездили?» Сестра и говорит: «Владыка, нас дорогой обокрали». – «А почему вы не приехали вовремя?» – «Да там свадьба была в деревне, а я после свадьбы заболела». А он говорит: «Вот как не слушаться духовного отца».

Трогательна история другой духовной дочери Владыки, тоже Марии (М.А.), рассказанная ею самой. «Родилась я в деревне Рязанской области. С трех лет осталась сиротой, стала жить с замужней сестрой. Муж сестры сильно пил и скандалил. Поэтому тетка с восьми лет взяла меня в Москву и попросила митрополита Трифона, на службы которого ходила в течение ряда лет, устроить меня в приют. Он написал письмо к начальнице Дома призрения в Загорске, где я прожила четыре месяца. В 1918/19 годах приют был закрыт и дети частично переведены в производственные мастерские, а частично разобраны родственниками. Меня взяла тетка. И потом еще раз просила митрополита Трифона, которого она в это время обслуживала по хозяйству, куда-либо меня устроить. Он обратился к начальнице Марфо-Мариинской общины Гордеевой Валентине Сергеевне, когда служил у них на празднике годовщины основания общины, но Валентина Сергеевна отказала ввиду трудностей с питанием и полной укомплектованности приюта при общине. Тогда митрополит

Трифон взял и поклонился ей в ноги. Тогда она уже не смогла отказать ему, и меня приняли. Об этом он сам мне сказал, когда вернулся из общины.

В Доме призрения в Загорске, где я раньше воспитывалась, была школа с первого по восьмой класс. Когда тетя взяла меня из приюта, она привела меня к Владыке в Богоявленский монастырь, и Владыка спросил, какие я молитвы выучила. Я подумала, что «Верую» уже знала, но боялась ошибиться, и прочла «Отче наш». Он говорит: «Ну, молодец. Не обижают ли тебя...»

После закрытия приюта я жила у Владыки вместе с теткой в Крестовоздвиженском переулке. Сначала я была принята в Марфо-Мариинскую обитель, как приходящая. Владыка иногда проверял у меня уроки. Исповедь была у Владыки в комнате. Зимой 1918/19 года я уже жила в обители. Владыка жил в это время подаянием духовных детей и голодал. В 1923 году я училась еще в обители, а в 1924 году – уже в советской школе, а жила в обители (там ночевала и питалась). Но обитель никакого документа об образовании не давала. В 1926 году Марфо-Мариинская обитель была закрыта и начальница выслана была куда-то в Среднюю Азию.

Владыка освящал храм в Марфо-Мариинской обители в 1909 году и часто там служил. Один раз он жил в обители целую неделю. Я смотрела в окно, когда приезжал Владыка. Как увижу, что он выходит, тотчас же бегу под благословение. После закрытия обители моя тетка продолжала приходить к Владыке и убирала у него комнату, стирала. Кроме того, многие духовные его дети приходили к нему».

Это всего лишь один из многочисленных примеров помощи Владыки его духовным детям. Сколько было в отношениях с ними теплоты, участия, заботы с обеих сторон! Один раз мальчики, духовные дети Владыки, решили подарить ему на Рождество елку. Они старательно украсили ее мандаринами, яблоками, пряниками, конфетами, прикрепили свечи и хотели привезти ее Владыке на квартиру. Но выяснилось, что в это время он гостил в Марфо-Мариинской обители. Тогда они повезли ему наряженную елку в обитель на трамвае и отдали ее

сестрам. Потом воспитанницы обители сказали им: «А вашу елку Владыка отдал нам в приют».

Как мы уже видели, к Владыке приходили советоваться не только по духовным, но и по житейским вопросам: устройства на работу, женитьбы.

Среди почитателей его были старые и малые, простые и интеллигентные. Многих, постоянно посещавших его службы, Владыка примечал и, если кто-то из них некоторое время не показывался в храме, беспокоился и спрашивал: «А почему (такая-то) не пришла?» – «Да занята», – отвечал кто-нибудь из знавших ее. «Занята? – недоверчиво переспрашивал он. – А не обиделась ли она?»

Он был необыкновенно внимателен ко всем своим знакомым. Мария Тимофеевна вспоминает, как однажды, возвращаясь из церкви, она попала под извозчика и ей оглоблей рассекло губу, которую пришлось сшивать. Узнав об этом случае, Владыка прислал ей открытку с изображением настоятельских покоев Нового Иерусалима, на обороте было написано следующее:

«Милая Маня.

Как мне было больно узнать о твоём несчастном случае. Горячо молюсь за тебя. Дай Бог тебе скорее поправиться. Не ропщи, мое дитя, терпи, зная, что Господь испытывает скорбями тех, кого Он любит. Но Он же за страданиями посылает и радости. Да возрадуется же и твое сердце о Воскресшем Спасителе, а я духом всегда с тобой. Искренне любящий тебя твой духовный отец. Епископ Трифон».

Особенно он любил детей, привлекал их к себе, расспрашивал, говорил ласковое слово, иногда «конфиденциально» сообщал, где будет служить. И дети, тронутые таким обращением, привязывались к нему и начинали регулярно посещать его службы. Некоторых из них он иногда ставил около себя во время всенощной, и они читали «Святый Боже» после пения «Ныне отпускаеши». Так тихо и незаметно он делал великое Божие дело, спасая невинные детские души, гибнущие среди разгула неверия. В качестве примера приведем историю одной его духовной дочери, которая начала ходить к

нему в 20-е годы. Эта история рассказана Марией Тимофеевной.

«Ходила Катя, а у Кати еще сестренка Мария, ну, Катя постарше, ходит и ходит, Владыка ее знает и всё, а вот эту сестренку они не берут, потому что она еще маленькая была, лет ей десять было или двенадцать, я не знаю. Из-за нее никогда не приложишься к Владыке, не подойдешь, а Маруся, бывало, говорит: «Я все равно пойду за вами, вы пойдете, и я за вами пойду». Они пойдут так в церковь, а она за ними идет. Ну, Владыка видит, что она ходит, он знал, что это ее сестра. И вот, это было на Знаменском, Маруся подходит под благословение, и вот что Владыка ей сказал: «А ты где живешь? Ты Катина сестра?» А она: «Да, Катина сестра». – «А почему редко ходишь?» – «А меня Катя не берет, говорит, что я только мешаюсь. А где вы служите, я не знаю» (Владыка служил в то время в разных церквях). «Я тебе буду сам все говорить. Ты когда подойдешь, я тебе скажу, где служу. А как тебя звать?» – «Маня». – «Опять Мария! А как же мне тебя звать, я уж и не придумаю, у меня столько Марий... Ну ладно, ты будешь у меня Машенька». И теперь можно часто ее видеть на Немецком кладбище за уборкой Владыкиной могилы. Воспитывая своих духовных детей, митрополит Трифон иногда применял и строгие меры. У Маруси, – продолжала Мария Тимофеевна, – мать работала в закрытом магазине. Однажды она достала коробку шоколадных конфет и говорит: «Снеси Владыке». Маруся перед отъездом на дачу зашла к Владыке и говорит: «Тетя Настя, передайте вот Владыке коробку конфет». А Настя (она тогда жила у Владыки и ухаживала за ним) говорит: «Нет, нет, подожди, я ему доложу». Пошла и говорит: «Владыка, Маруся пришла». А он говорит: «Давай ее сюда». Ну, она вошла в комнату и говорит: «Владыка, я не могу долго стоять, мне надо поехать на дачу, а то поезд уйдет, я могу опоздать на поезд». Владыка выслушал ее и говорит: «А ты мне, собственно, и не нужна. Я был сегодня за обедней и вынимал на Катю просфору. Вот и передай ей. А теперь можешь идти». После этого Маруся к Владыке, наверное, с месяц ходила, а он как будто и не

замечал ее. Благословляет, а сам отворачивается, как будто не видит».

Другой случай произошел с уже знакомой нам воспитанницей Марфо-Мариинского приюта М.А. Когда она была уже взрослой, вернувшись с курорта, она показала Владыке фотографии, где была снята в купальном костюме. Он и смотреть на них не захотел, рассердился и выгнал ее вон. Сначала он даже не слушал, когда она попросила у него прощения, но через некоторое время, раскаявшись в чрезмерной строгости, сам просил простить его.

Несмотря на тяжелое время, Владыка не делал послабления своевольным людям и, твердо храня традиции Оптиной пустыни, требовал послушания. В начале книги мы уже упоминали об одной его духовной дочери, которая приняла тайный постриг, не спросив его благословения, так как Владыка был против. Ее звали Анисья, а в монашестве она получила имя Анна. После пострижения она продолжала ходить на службы Владыки и часто причащалась. Каждый раз перед причащением Владыка громко говорил: «Причащается раба Божия Анисья». Те, кто знал о постриге, не раз напоминал ему: «Владыка, она теперь не Анисья, а Анна». Он ничего не отвечал, но продолжал называть ее Анисьей. Когда же она умерла, ее отпевали как Анисью (потому что дочь, работавшая телеграфисткой, не хотела, чтобы знали о ее постриге).

Чтобы лучше охарактеризовать чувства, которые питала к Владыке его паства, приведем отрывок из речи его духовной дочери, воспитанницы Скорбященского монастыря Марии Морозовой. Эта речь была произнесена на квартире у Владыки 29 ноября 1920 года в день его рождения, после всенощной, которую он отслужил дома. Слушая речь, Владыка растрогался и заплакал.

«...От души благодарим Вас за Ваше теплое и сердечное внимание к нам, Вашим духовным детям, которым Вы даете возможность обращаться к Вам с обуревающими нас невзгодами и скорбями и получать чрез то духовное утешение и радость. Как отдыхают тогда наши скорбные души под Вашим приветливым кровом. Как часто, приходя к Вам с тоскою, горем,

а иногда и с отчаянием, от Вас уходили обрадованные, умиротворенные, утешенные Вашим благодатным словом, окрыленные надеждой на помощь Божию. Бессильны слова выразить также и ту радость и усладу, ту неземную тишину, которая сходит в душу нам, когда Ваши пламенные и смиренные мольбы возносятся, как фимиам кадильный, к Престолу Всевышнего и за весь грешный мир. А Ваши живительные речи, будя нас от мелочей и забот будничной жизни и вознося до сознания всего более прекрасного и идеального, как врачуют они сокровенные муки сердца, подавая взамен отраду и веселье».

Сохранилось следующее письмо Марии Морозовой Владыке Трифону:

«Дорогой святитель! Я не могу больше таить в себе ту глубокую благодарность, которую я питаю к Вам за Вашу ласку и отеческое, нежное отношение ко мне. Это особенно дорого и ценно для меня, одинокой, живущей вне родного дома, предоставленной самой себе. Вы, как дивный психолог, чувствуете всю тяжесть моего душевного состояния, вызываемого не под силу тяжкими условиями жизни, и, как добрый отец, чем можете – облагораживаете эту жизнь. Самые отрадные и светлые минуты моей жизни – те, в которые я бываю около Вас; тогда я как-то забываю все заботы и тревоги жизни, а вижу перед собою только Ваш обожаемый образ, стоящий выше этой жизни. Примите же мою бесконечную благодарность, мой добрый и дорогой Владыка, за все то светлое, чем Вы дарили и дарите меня».

А вот и другое, не менее теплое, поздравление духовных детей (1921). «Тесной семьей, с великой любовью, окружили мы Вас, Владыко святой! Накануне дня Ангела Вашего что же, собственно, собрало нас! Что вообще влечет сюда, в эту малую, тесную келью, и не нужно бывает порой нам ничего, лишь бы только сюда на службу попасть. В дни скорби, и слез, и душевных страданий отчего сюда так спешит мой собрат, богомолец? Словно кто шепчет ему: «Брат дорогой! Позабудь все на время и скорее иди, да спеши, там, у старца, наверное уже все собрались, там ты от чистого сердца, общей молитвой и

пастырь там добрый – утешит тебя!». Шумному свету покажется странным, даже совсем непонятным, отчего с такой великой любовью сюда идет народ. «Ничего здесь не вижу я, – скажет он гордо, – тесная келья, старец-монах, и только». Смолкнет шумный свет и не даст нам ответа, зачем мы сюда собрались! Дам ответ я за всех, как мне сердце подскажет. Эта тесная келья – это дом наш молитвы, где слово живое нам льется обильной струей, здесь пламенно молится отец наш духовный, здесь молимся слабые мы, дети его. Живое участие во всем принимаем, читая и воспевая славу Творца».

Приведем здесь еще отрывок из приветствия, сказанного 1 июня 1907 года от имени богомольцев Богоявленского монастыря по случаю семилетней годовщины епископского служения Владыки.

«Не можем мы, не в состоянии наш язык высказать все то, что хотело бы сказать наше сердце. Да, эти незабвенные семь лет оставили глубокий след на пути нашей жизни, исполненной тревог и волнений. Мы всегда будем вспоминать о них, как о чем-то светлом, чарующем, заставляющем нас забывать все земное, весь окружающий нас мир, и возводящем ум наш горе».

Одним из ближайших друзей Владыки был епископ Арсений (Денисов). Его судьба тесно связана с Владыкой. Он рано овдовел и очень тяжело переживал кончину своей жены. Владыка посоветовал ему идти в монахи. Впоследствии о. Арсений, будучи уже архимандритом, служил в соборе Двенадцати апостолов в Кремле. После революции он не имел места, очень нуждался и жил почти на иждивении у Владыки Трифона, который часто брал его с собой обедать и пить чай. Владыка просил Патриарха Тихона устроить Арсения, и Патриарх назначил его епископом Ефремовским. После закрытия храма в Ефремове епископ Арсений вернулся в Москву, и Владыка Трифон снова помогал ему. В одном письме Владыка упоминает о нем:

«Епископ Арсений, как тебе, кажется, известно, переоделся в светское платье, не служит, занимается литературными трудами и меня не посещает. Вероятно, стесняется своего костюма».

После смерти митрополита Трифона епископ Арсений жил в деревне, снимал койку у хозяйки. Умер он во время войны, как говорят, с голоду. Отпевали его заочно. Епископ Арсений писал стихи, некоторые из них посвящены Владыке. В день двадцатипятилетнего юбилея служения митрополита Трифона он написал стихотворение, в котором, между прочим, говорится:

Хоть мало нас, но эти люди верны.

За вами шли мы много лет...

И вы нам были, как проводник священный,

Как пастырь добрый, как святой отец.

На основании этих скудных сведений можно представить себе этого человека. Кроме большой учености (говорят, что он знал двенадцать языков), епископ Арсений не имел особых дарований. Не было у него и многочисленных почитателей. Этот слабый и робкий человек жил, как бы держась за Владыку. После смерти митрополита Трифона одиночество и борьба за существование оказались ему не под силу.

А вот и другие неумелые, но искренние, душевные стихи, посвященные Владыке Сергеем Глебовым, о котором нам ничего не известно:

Не знаю я, за чьи моления

Хранит меня доселе Бог,

Но вам мое благодаренье,

Что я в скорбях не изнемог.

Мне яркой звездочкой светится

Ваш труд молитвенный всегда,

И сердце просит помолиться,

Чтоб Бог продлил ваши года.

В этом стихотворении имеется приписка: «Свой сердечный привет и наилучшие пожелания просит передать Вам, Владыка, отец протоиерей Сергей Смирной 5-й, который вполне разделяет мою к Вам признательность. С. Г.».

В 1923 году Владыка был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа. До того Патриарх наградил его бриллиантовым крестом на клобук. Патриарх Тихон любил Владыку и часто служил с ним вместе. И хотя Владыка был на покое, другие сослужащие архиереи уступали ему место рядом

с Патриархом. Иногда он говорил и проповеди во время патриарших служб. Когда Патриарх Тихон скончался (6 апреля 1925 года), Владыка сказал Слово на его отпевании. В этом Слове он вспомнил об одном разговоре с Патриархом, о котором рассказывает иеродиакон Феофан: «Когда Святейший Тихон вступил в управление Церковью, то Владыка Трифон к нему приехал и рассказал Святейшему о тех поношениях, которые терпел от людей и части московского духовенства».

* * *

Владыка Трифон был хорошо знаком со многими деятелями русской культуры. В числе их – дирижер Большого театра Николай Семенович Голованов. Ему посвящены проникновенные строки Владыки Трифона:

Я помню ясный день,
то день Святой был Пасхи.
Дыханьем солнечным весенней теплой ласки
Был воздух свежий, чистый напоен,
Гремел по всей Москве церковный звон.
И в радостный сей день Христова Воскресенья
Огнями весь сиял наш древний храм Успенья,
Молился там святителей Собор
И с ним сливался сладкогласный хор.
Но вот: три отрока в блистании одежды
Воспели песнь любви, и веры, и надежды,
От них один отличен был во всем,
И голосом, и пения огнем.
Казалось, Господа он зрел душою чистой,
И сладостен его был голос серебристый,
И чудилось – молитвы те неслись
К Престолу Божьему, на небо, ввысь.
И видел я тогда духовными очами,
Что ясно над челом его сверкал огнями,
Как яркая звезда, призванья луч.
Хотя пред гением его склонились главы
Не возгордился духом. В блеске шумной славы
Он сохранил всю веру детских лет...

Другое произведение Владыки посвящено памяти Гликерии Николаевны Федотовой, актрисы Малого театра; с ее семьей Владыка был связан узами дружбы; оно было прочитано заслуженной артисткой А.А. Яблочкиной в Российском театральном обществе и заслуженным артистом Н.К. Яковлевым в Малом театре – на торжественных заседаниях, посвященных памяти Г.Н. Федотовой:

Мы хоронили в ней заветы прошлого, заветы старины.

Но я, я хоронил не просто человека,
я друга хоронил, старинного и верного
и в счастии, и в горе.

Как много дум, и чувств,
и мыслей волновало душу.

Мне рисовались картины прошлого,
далекого, родного.

Театр, сияющий огнями, и она –
во всей красе и блеске
могучего таланта.

Во образах: Медеи, Катерины, Офелии и Беатриче,
и огненные очи сверкали, и мощный голос гремел...

Но вот картина меняется.

Она больная, немощная, старица.

Ослабли руки, ноги,
без помощи людской она не может двинуться.

Но, о чудо! Телом
она полумертва, но душой
все так же, как и прежде,
бодра, жива, здорова.

И вот ее уже нет. Замолк навеки нежный голос любви и доброго совета, замкнулись вещие уста. Ее уже нет. Уж нет. Вопрос: зачем она? Зачем не я?.. Я тоже уж старик, больной и лишний, никому не нужный!

Прости, прощай же, добрый, милый друг. А вам, собравшимся сегодня почтить великую Федотову, – привет. Пусть дух ее сияет ныне между вами на пользу дорогому и родному искусству».

Владыка хорошо знал и другую русскую актрису – Марию Николаевну Ермолову; на ее отпевании он произнес Слово, содержащее воспоминание о встречах с актрисой и впечатлениях от ее игры, пережитых им в юности:

«...Всего ярче и глубже она выразила себя в роли Жанны д'Арк, этой святой девы, которая путем невыносимых, тяжелых страданий очистилась до полной духовной чистоты, вознеслась душой к небу, как святой Ангел. В этой роли Орлеанской девы весь пафос ее гения. Недаром она сама считала именно эту роль главной заслугой своей перед искусством. Я счастлив, что видел ее в этой роли (это было последнее мое посещение театра перед поступлением в монастырь), и помню, что вернулся после спектакля домой с такими мыслями и чувствами: страдания необходимы в жизни, без них жизнь была бы пуста, пошла и ничтожна, но только те страдания полезны людям, только те страдания увенчиваются нетленным венцом небесным, которые претерпевают во имя высшего долга перед человечеством, которые несут в разрешающем аккорде успокоение, радость и Свет Небесный. Эту ее проповедь я унес в своей душе и сохранил в благодарной памяти на много-много лет, и вот через огромный промежуток времени – более чем через 40 лет – я встретил Марию Николаевну снова, на панихиде по ее товарищу по сцене А.П. Ленскому, он тоже был властителем наших юношеских чувств. Подошла ко мне согбенная, вся дрожащая от болезни старица, смиренно, со слезами прося моих старческих убогих молитв, и вспомнилось мне далекое прекрасное, невозвратимое былое, и слезы невольно закипели в груди, и усерднее была молитва за нее, страдальцу, и за всех тех, которые своим гением пробуждали во мне и во всех моих сверстниках лучшие добрые человеческие чувства...»

Владыка считал, что со смертью Марии Николаевны навсегда закончился Ермоловско-Южинский период в истории Малого театра. Он относил талант этой актрисы к несомненно чудесным явлениям, несущим человечеству новую весть, и ставил ее наряду с такими гениями, как Платон, Дарвин, Ньютон, Шекспир. Эта «новая благая весть», принесенная

Марией Николаевной Ермоловой «в сокровищницу человеческого духовного богатства», заключается в том, что «она будила спящую мертвым сном житейской ценности и суетности душу людскую своими сценическими образами» – звала людей к вековым идеалам «Божественной правды, добра и красоты».

В храме Большого Вознесения у Никитских ворот Владыка произнес Слово в память талантливого артиста Малого театра А.И. Южина, в котором он подчеркивал, что артист тяготел к исполнению тех ролей, которые были особенно близки его собственному внутреннему миру, в которых он мог выразить свои собственные чувства...

«Что касается меня лично, то душа его раскрылась для меня во всей своей духовной красоте и глубине уже в последние часы его жизни, когда он так трогательно благодарил меня за мои скудные, бедные старческие молитвы... Когда он заходил в Великий Четверг и у меня причащался Святых Тайн, я убедился: какой цельный характер! О нем можно было сказать, что сам он говорил об одном нашем современнике, что он был художником и писателем духовной стороны жизни. Поэтому его сердце любило всех тех, кто сохранил живую веру в светлые и святые цели жизни, в вечное торжество духа над материей. Он не признавал, что есть люди, у которых угасла совсем искра Божия. Вот почему он так тяготел к ролям трагического репертуара Гёте, Шиллера, Шекспира, ибо в них выразилась его пламенная душа, стремящаяся осуществить идеал правды, любви и красоты».

Об артисте Малого театра Истомине Владыка говорил: «Он был очень высокой жизни, выше всякого монаха».

Владыка был знаком также с известным художником Павлом Дмитриевичем Кориным, оставившим нам замечательные портреты русских епископов, священников и монахов, среди которых есть и портрет митрополита Трифона. Вдова художника рассказывала, как Владыка позировал ему для большой картины, которая должна была называться «Русь уходящая». Во время первого сеанса Корин почти не рисовал, они разговорились с Владыкой и нашли между собой много

общего. Разговор продолжился и на следующих сеансах. Художник всегда с удовольствием вспоминал об этих беседах. В картине «Русь уходящая» Владыка должен был занимать одно из центральных мест, и хотя портрет остался незаконченным, он очень выразителен. Владыка изображен в темно-красном облачении, в его позе и особенно во взгляде чувствуется динамичность и устремленность к горнему миру. Мы ознакомились с этим портретом, а также с наброском картины в музее-квартире П. Д. Корина.

* * *

Оптина пустынь, которую можно назвать духовной колыбелью митрополита Трифона¹², просуществовала до 1926 года. Последний ее старец о. Нектарий был сослан в деревню недалеко от Козельска, с запрещением принимать народ. Но верующие тайно продолжали к нему ездить. В 1923 году Владыка Трифон послал Марию Тимофеевну и ее сестру к о. Нектарию.

Рассказ об этом посещении, хотя и не имеет прямого отношения к биографии Владыки, представляет собой, как нам кажется, ценный исторический материал, поэтому мы приводим его здесь почти без сокращений и стилистической правки:

«Однажды Владыка говорит: «Знаете, Варвара Тимофеевна, везите девиц своих к о. Нектарию, а то вдруг да умрет, тогда будете меня ругать». До этого Варвара Тимофеевна столько раз пыталась говорить Владыке: «Владыка, разрешите девочек свезти к о. Нектарию». А он говорил: «У вас что, вопросы есть какие?» Она отвечала: «Нет, вопросов нет, а я хочу, чтобы они имели понятие, что такое старец». А он на это говорил: «Ну, успеете еще, свезете». И вот теперь мы и поехали, дело было перед Рождеством. Верст 20 ехали на лошадях. Жил о. Нектарий в деревенской избушке. Приехали – избушка, там монашки жили какие-то, а вечером батюшка служил у себя в келье всенощную. Такая была жара, что дышать было нечем, а он – такой тулуп на нем был одет, повязан кушаком и воротник приподнят, – он слабый, старый уже был. Отслужили всенощную, и вдруг приехала милиция проверять паспорта на другой половине, а к нему пришли и

говорят: «Вот вы знаете, батюшка, приехало ГПУ». А он говорит: «Ну и пусть их проверяют, а они (это про нас) здесь лягут. Постелите им в этой комнате, все и лягут». Нам постелили, что-то бросили на пол, и все мы спали. И мы так проспали, а там проверяли документы. Он говорил, чтобы они ехали все в Козельск, про тех, которые были на другой половине, а там было много профессоров, ездили к нему много от о. Алексея Мечева. «А они, – про нас, – пусть у меня останутся». Мы приехали на несколько дней, а нас батюшка держит и держит. Зятю надо ехать на работу, племянница тоже работала, а я безработная была... «Ну, поедете, сейчас канальей нет. (Каналья – это лошадь.) Канальей нет. Вот будут канальи, поедете». Потом вдруг батюшка говорит: «Ну вот, вы завтра поедете». Стал служить молебен, служит молебен, поет. На улице пурга – не видно света Божьего. А зять стоял у окна, все время смотрит в окно и чуть не плачет, дескать, как же мы поедем в такую погоду, а сестра только головой качала: «Что же, как тебе не стыдно, уж батюшка-старец знает, а он плачет». Помолились, кончилось все, «канальи» подъехали. Варя говорит: «Батюшка, благословите, лошадей подали». А батюшка говорит: «Ну, Бог благословит, поезжайте». А зять боялся, плакал, что на поезд опоздали. Уже в дверях Варя и говорит: «Батюшка, все работают, а моя сестра не работает, все никак не устроится, на бирже места не дают». А батюшка говорит: «Ну, праздник придет – все будет хорошо». Ну, поехали мы. Да, а до этого еще такой разговор был. Что-то про Владыку. Варя говорит: «Да вот, батюшка, мы обращаемся к Владыке Трифону», а батюшка улыбнулся и говорит: «А Владыка – это наш, оптинский. Это земной ангел и небесный». Еще Варя сказала: «Батюшка, вот мы не постимся, Владыка разрешил», а он отвечает: «Пока Владыка с вами, зачем же вам поститься, а не будет с вами Владыки, тогда и будете поститься». Еще он говорил, что будет время, когда останется один православный архиерей. Мы спросили: «Как же, батюшка, узнать его?» А он ответил: «Присматривайтесь». Ну, мы поехали. Мы с Маней сели на первую лошадь, сзади сестра с мужем на вторую лошадь. Едем, вдруг слышим, мальчишки сзади кричат: «Те в

сугроб свалились...». Смотрим, повернулись: те валяются в сугробе, зять и сестра, – сани упали. Пока поднимали, время-то идет, а ведь к поезду спешим. Ну, подняли, поехали дальше, а зять только и говорит: «Ой, мальчики, поскорее, мы опоздаем». А мальчишка и говорит: «Раз батюшка послал, значит, не опоздаем». Вот какая у них была вера! И что же? Мы едем, подъезжаем к вокзалу, и вдруг гудки. Зять и говорит: «Опоздали, опоздали, поезд отходит». Соскочили с саней, и только мы успели взять билеты, мальчишки, кажется, добежали, взяли нам билеты, и только мы вступили на ступеньку в вагоне, и тут же поезд тронулся... Приходит Троица, ну, мы забыли даже, что мне работать, в деревню поехали на лето, приехали с дачи, и, вы знаете, тогда пришла повестка, 6 ноября мне подадут с биржи повестку явиться на биржу на работу, с 9-го числа я уже работала...»

Мария Тимофеевна рассказала еще два очень интересных эпизода из жизни Владыки, первый из них относится, по всей вероятности, к 29-му году, а второй – к 30-му или 34-му году.

Мы передаем их также без стилистической правки, лишь с небольшими сокращениями:

«Владыка жил у Павла Павловича, он приехал из Крестовоздвиженского переулкa. Его больше никуда не пускали, и П. П. уступил ему свою комнату, а сам ушел к брату в той же квартире. Один из соседей по квартире, И.О., работал в ГПУ. Он неоднократно предупреждал Варвару Тимофеевну, что ему неудобно жить в одной квартире с архиереем. Так продолжалось шесть месяцев. А сестра не знала, как сказать Владыке. Она не решалась его обижать. Ведь он и так устал. Сестра ему готовила, ухаживала за ним, и Владыка был доволен. К нему туда приходили и архиереи, и духовенство. И.О. был очень вежлив и здоровался с Владыкой. За несколько дней до вызова Владыки он предупреждал Варвару Тимофеевну: «Я больше не могу. Когда Владыка от вас уедет?» Через некоторое время Владыка служил обедню, и пришла повестка из ГПУ явиться ему на допрос. Все очень взволновались и решили ему не говорить, пока он не пообедаст. Приезжает Владыка из церкви, очень взволнованный, сел на

стул, даже не раздевался: «Варвара Тимофеевна, ну, говорите, что случилось?» А она говорит: «Ничего». – «Как ничего не случилось? Случилось». А она: «Владыко, ничего не случилось. Я не знаю, почему вы так спрашиваете... Да ничего не случилось». – «Варвара Тимофеевна! Говорите!» Ну тогда она подает повестку. А он: «Я говорю, чувствую, я знаю!» – «Ну, Владыка, я же не давала, потому что я знала, что вы обедать не будете, вы бы пообедали, я бы вам отдала». А он говорит: «Ну, милая моя, не до обеда». Ну, и он в тот же день уехал. С ним там обошлись очень деликатно: «Там, где вы жили, вы жить не можете, потому что там живет один человек, который не может жить в одной квартире с духовным лицом».

Другой эпизод. «На Рождество у нас сделали спектакль. Было много ребятишек... Поставили «Бежин луг» и потом «Мороз-воевода», привезли из леса очень много елок. Для этого сами делали костюмы: Снежинки, Дед Мороз был, Весна была, и все были дети с пяти лет и до 12, так, наверное; пол был зеленый такой, ковер большой, во всю комнату, комната была площадью метров 36, костер сделали из красных лампочек – это был Бежин луг, были костюмы и такие снежинки, ребята бросали снег, конфеты белые, красиво было, снег, ну такая была красота, сцену сделали; когда открыли эту сцену, Владыка даже с кресла привскочил: «Ой, какая красота!» Вот так руками всплеснул... Ну вот, прослушали все, но, конечно, было очень много номеров, сначала выступал Дед Мороз, затем Весна, потом начали говорить ребятишки стихотворения, приходит Дина, ей было пять лет, и она говорила стихи. Владыка так ей аплодировал: «Ну, скажи что-нибудь еще, еще что-нибудь!» А она выходит, кланяется и говорит: «Я больше ничего не могу, потому что Маня не велит, я больше ничего не готовила». А Владыка: «Мария, почему ты не даешь ей говорить?» Затем все кончилось, стали пить чай. Это было 25 декабря, в 33-м или в 34-м году. И там елки были в другой комнате, потому что все убрали. Сидим, пьем чай, время уже позднее. Было, наверное, часов 12 ночи, вдруг звонки. Владыка приехал, конечно, не один, он один не любил ездить, он брал с собой Владыку Арсения, затем свою невестку, она артистка

была. Ну, много было народу... Такие пронзительные звонки, что я перепугалась. А у меня жил жилец один, он работал в органах. Вдруг он слышит эти звонки: «Что это за звонки?» Вышел зять, выскочили все. Пришла милиция: мы пришли проверить паспорта. И этот гражданин вышел и говорит: «Я ручаюсь. Здесь просто гости. Гости в этой комнате». А в комнате был свет, дети были, детей сколько. Паша побледнел, а Николай (племянник) вышел в прихожую и говорит: «Дядя Паша, ну что вы нервничаете, неужели Владыка приехал для того, чтобы вас погубить? Где же ваша вера?» Ну, Варя тоже испугалась, конечно, все перепугались. А Владыка долго сидел, потом и говорит: «Владыко Арсений, у вас есть паспорт с собой?» Тот говорит: «Есть». – «Ну, и у меня есть. Нам нечего вообще бояться». Кончил про это говорить и начинает другой разговор. Он углубился в молитву... Они повернулись и ушли».

С 1929 года Владыка жил у Яузских ворот, у В.Т. Федуловой, которая уступила ему свою комнату, а сама перешла жить к родственникам в этой же квартире. Владыка прожил там около полугода и был очень доволен своим новым местожительством, потому что через улицу напротив его окон находилась церковь Святой Троицы в Серебрянниках (Серебрянниковский переулок), в которую он ходил каждый день... Рядом с церковью находилась часовня Иоанна Предтечи.

Мария Тимофеевна рассказывает о вкусах и привычках Владыки. Варвара Тимофеевна в первый понедельник поста пекла пирог с грибами и рисом на постном масле. Имеется даже записка об этом пироге: «Многоуважаемая Варвара Тимофеевна, Настя хотела к Вам идти за пирогом, но я не мог ее отпустить по своим делам, а посему очень прошу Вас не в службу, а в дружбу прислать кого-нибудь из Ваших с этим пирогом ко мне. Простите, ради Бога, за беспокойство, не вмените сей просьбы в грех мне. Ваш искренне м. Трифон. 8/1–31. Милого Сережу поздравляю с днем Ангела».

Вообще ел Владыка очень мало. Вернувшись домой после всенощной, он съедал одно яйцо (и то только желток) и выпивал чашку крепкого чаю. В следующий раз он принимал пищу только на другой день после обедни. Свою порцию

Владыка обычно не доедал, оставляя большую часть на тарелке. Когда хозяйка жаловалась, он отвечал: «Ну, матушка, я не виноват, что меня мать так приучила». Чтобы дополнить представление об этом периоде жизни Владыки, приведем несколько отрывков из его писем к духовным детям.

«Дорогой Коля, милый мой сынок, мой верный, искренний друг, очень и очень был рад получить сегодня твое письмо. Не медлю с ответом, чтобы поблагодарить тебя за него, за то, что ты не забываешь меня, старого и болящего, искренно и сердечно тебя любящего...

Что сказать тебе о моей жизни?

По-прежнему довольно часто служу, но уже без участия Михаила Всеволодовича¹³, которого с биржи назначили на службу в Трансстрой, если не ошибаюсь, счетчиком: служба довольно утомительна (8 часов) и оплачивается (60 руб. в месяц). Он скорбит, кряхтит, но делать нечего! Обхожусь без него благодаря Ване, который очень аккуратно ездит с дачи на всякое мое служение... Епископ Арсений, как тебе, кажется, известно, переделся в светское платье, не служит, занимается литературными трудами и меня не посещает. Вероятно, стесняется своего костюма... В годовщину хиротонии служу в Хлынове и особенно усердно молюсь за тебя, мой дорогой, мой милый, да подаст тебе Господь молитвами святого мученика Трифона всего доброго и сохранит от всяких скорбей.

Сердечно благодарю, дорогой мой Коля, за твое поздравление. Получил его как раз вовремя. На этот раз моя годовщина праздновалась особенно тепло. Монашенки откуда-то достали целую корзину цветов, а Федя с некоторыми сотрудниками целую ночь не спали, устраивая из цветов ковер во всю длину храма. К моему удивлению, прибыл с дачи, да еще пешком под проливным дождем, протодиакон Михайлов и Селищев; Максим Дормидонтович Михайлов, (впоследствии известней певец, солист Большого театра. – Ред.) и общими усилиями устроили такое торжественное служение, какое редко совершается, ибо все было совершено только по любви ко мне и поэтому отличалось особенным одушевлением и теплотой, каких за деньги не купишь... Здоровье мое очень неважно, в

последнее время участилось головокружение. Приглашал доктора, советует ехать в деревню на свежий воздух. Но куда ехать? На несколько дней можно отправиться к игуменье на Лобню, а на долгий срок некогда... Настя трудится во всю мочь, чтобы меня прокормить из всяких скудных припасов...»

«Дорогой Коля, из всех многочисленных приветствий, полученных в мою годовщину, самое лучшее, самое сердечное и трогательное было твое, я его читал и перечитывал много раз и даже всплакнул. Спасибо тебе, милый мой сынок и друг!!!

Синод меня возвел в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре.

Сего я менее всего ожидал¹⁴.

Теперь главная моя скорбь: лишение комнаты, ибо мне отказали в квартире. Найти в Москве комнату трудно, почти невозможно, переехать в другой город крайне тяжело и по здоровью и по условиям моей жизни.

Что делать?! Да будет воля Божия!

18 июля 1931 г.».

«Дорогие мои дети Мария и Коля!

Очень был обрадован вашим письмом. Оно так прекрасно написано, что я пришел в умиление и вчера особенно усердно помолился за вас. Надеюсь, что вы всю пользуетесь деревенским привольем: гуляете, купаетесь, пьете молоко, собираете ягоды и грибы, а мы, бедные, обитаясь в городе, живем в куче, за оградой, не дышим утренней прохладой, ни вешним запахом лугов, как говорит Пушкин. Часто служу, довольно часто выдаюсь с Марусей: были в Симоновом монастыре, Донском. На первое июля торжественно служил у Космы и Дамиана на Маросейке. По возвращении домой нашел всю свою комнату украшенную цветами, даже кресла были увиты гирляндами из живой зелени, даже пол был покрыт цветочным ковром. Все это смастерили Маруся и Анна Ивановна, убежав из церкви. Очень это было трогательно. Вечером они и много других моих чад духовных пили у меня чай и приятно беседовали до позднего вечера... Господь да хранит вас.

Искренно любящий А. Трифон».

«Дорогая Маруся. Сердечно и искренно поздравляю тебя с днем Ангела. Молюсь за тебя и желаю молитвенно доброго здоровья и бодрости душевной, т.е. именно того, чего я сам лишен: и здоровье плоховато (одолели последние дни старческие недуги), и бодрости мало, последней недостает по обстоятельствам: меня опять и опять беспокоят с квартирой, у хозяев отнимают комнату, где я живу, и меня тянут к допросу в домком. Видно, и отсюда придется уезжать, и обидно, и очень затруднительно найти такое же удобное помещение...

Господь да хранит тебя!..

Искренне любящий тебя, дух. отец А. Трифон».

В день памяти святителей Гурия и Варсонофия 4 (17) октября 1931 года Владыка написал маленькое произведение «Мои воспоминания», которое отличается задушевностью, теплотой и яркостью поэтических образов. Вначале мы уже приводили отрывок из него, относящийся к детству и пребыванию в Оптиной пустыни. Вот еще один отрывок: «То было несколько лет тому назад в Сочельник. Наступил Рождественский вечер. Мы с Михаилом Всеволодовичем спешили ко всенощной в Шереметьевский храм. Скрипели полозья извозничьих саней по снегу. Было морозно, но не ветрено. Луна сияла и освещала своим тихим бледно-голубым светом землю. Царило какое-то величавое спокойствие и тишина, они заполнили душу, и чудилось, что в эту ночь нечто особенно торжественное и таинственное должно совершиться на земле. В короткие мгновенья многое вспомнилось и переживалось; всколыхнулись воспоминания... все, что переживалось в разные эпохи жизни в эту ночь, в этот праздник...

Но вот мы въехали в ворота обширного двора. Величавый дворец Шереметьевской больницы в стиле ампир, высокий подъезд, белые колонны, множество народа на ступенях огромного крыльца, а среди них на возвышении стоит Екатерина Владимировна, вся в белом, залитая лунным голубым светом, лучезарная и радостная, как Ангел с неба, ждет с ангельским приветствием: Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение.

Распахнулись широкие входные двери. Море огня, беломраморный храм, духовенство встречает в золотых ризах, а с клироса несется гимн: «Рождество Твое, Христе, Боже наш!..» Незабвенные минуты! Как много в них и духовной высшей красоты, и высшей духовной радости и света... И как больно за тех, кто их не испытывает и не может их понять. Бедна их безотрадная жизнь! И где, и в чем им найти верную радость и утешение, какие не покидали бы их во время горестей и страданий, неизбежных в жизни?!

Благодарю же тебя, Боже мой, за себя и за всех моих духовных детей, за то, что Ты Дал мне понять и почувствовать сердцем и душой великие ангельские слова: Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение».

В 30-е годы Владыка часто служил в Никитском женском монастыре (Большая Никитская улица), а после его закрытия перешел в храм святителя Николая в Хлыновском переулке, рядом со зданием, где сейчас находится редакция газеты «Гудок». Работники этой редакции собрали подписи о закрытии этого храма, и храм был закрыт. Тогда Владыка Трифон перешел в расположенную поблизости церковь Малое Вознесение, напротив консерватории...

Несмотря на то, что жизнь ускоряла свои темпы, Владыка оставался верным своим старым привычкам. Он не любил ездить на автомобиле и предпочитал извозчика. У него был даже свой знакомый извозчик Егор Семенович, к которому он очень привык. Но извозчиков в Москве становилось все меньше и меньше, и все чаще приходилось пользоваться такси. 10 (23) сентября 1931 года умер и его любимый извозчик, и Владыка его отпевал. Сохранилась черновая запись Слова, сказанного Владыкой во время отпевания. Правда, его не удалось разобрать целиком, но даже из тех строчек, которые мы смогли прочесть, видно, с каким теплом относился Владыка к простому человеку, как он понимал его нужды и заботы:

«...Да, тяжелая профессия, стужа, вихрь, мороз, жара. А тут опасность: лавировка движений, неосторожность и гибель. Ноют старые кости, лечь бы отдохнуть, но нужда стучится в окошко: «Вставай, солдат, иди!» И ночью встанешь несколько

раз, а экипаж, его ремонт – дорого, надо денег, а их мало или совсем нет – беда. А тут заботы о близких и дорогих людях не дают покоя...

А он умел любить, суровый на вид, он обладал горячим сердцем, и мы его любили сердечно и с печалью и скорбью узнали о его неожиданной кончине».

На службы Владыки часто приезжал молочник Василий Григорьевич из Быкова. Владыка, как ребенок, радовался ему и при встрече называл его ангелочком. «Бывало, приедет с мешками этот ангелочек, – рассказывает Мария Тимофеевна, – спереди бидон и сзади, с раннего утра развезет молоко по квартирам и приходит в церковь с пустыми бидонами к обедне. Подходит к Владыке весь грязный, чумазый. А Владыка, бывало, на всю церковь: «Ах, ангелочек приехал, здравствуй», – и целоваться с ним. Народ смотрит. А сестра: «Ну что он его целует, обнимает?!»

В воспоминаниях о старце Троице-Сергиевой Лавры о. Зосиме, написанных его духовной дочерью Е. Висконти, есть отрывок, относящийся к митрополиту Трифону. Мы приводим его здесь полностью:

«...Наконец слег наш старец, так разболелся, что не было надежды на его выздоровление. Радостно готовился к переходу он в вечность, и было ему возвещено, что он через несколько дней умрет. Отходную прочел себе старец. Пасхальный канон пропел едва слышным голосом и вдруг почувствовал сердцем, что он очень нужен Владыке Трифону и что Господь продлит его жизнь, даст отсрочку.

«Что это? Почему? – молитвенно вздохнул старец. – Почему я так нужен Владыке Трифону? Вызову-ка я его к себе. Пусть он сам скажет, в чем тут дело».

И вот старец берет свои четки, прикладывает их ко лбу и в присутствии своей квартирной хозяйки Евд. Г. П. говорит: «Пусть эти четки будут мне сейчас телефоном. Друзе мой, Трифон, приходи ко мне сейчас же, я умирать собрался, а сердце говорит, что для тебя я еще нужен. Приходи, побеседуем с тобой». Хозяйка с насмешкой смотрит на старца, говорит ему: «Ну для чего вы чудите и юродствуете? Четки

телефоном называете, ребенка из себя какого-то разыгрываете? Кто вас услышит? Да если бы и по-настоящему позвали к себе митрополита Трифона, и то он к вам не поедет». – «Я вызвал его, увидим, что будет», – сказал кротко старец.

Через полчаса раздался звонок. Открыли. Приехал иподиакон от митрополита Трифона, с тем чтобы предупредить, что сейчас приедет к старцу митрополит, он уже выехал.

Удивлению хозяйки не было предела.

Весьма трогательно было свидание старцев. Митрополит Трифон со слезами на глазах молился о выздоровлении о. Зосимы, в схиме Захарии, причем говорил так: «Ты нужен мне. Да продлит Господь твою жизнь, чтобы ты после меня перешел на тот свет, чтобы ты помолился за мою душу, когда полетит она по мытарствам. Встань, старец, встань, поисповедай меня», – говорил митрополит Трифон.

«Не могу, родной Владыко, не могу голову поднять с подушки, не могу». – «Встань на послушание».

С трудом поднялся старец и, поддерживаемый Владыкой Трифоном, подошел к иконам, поисповедовал своего дорогого гостя и опять слег, ему стало хуже.

Митрополит, обливаясь слезами, просит Владыку мира, Господа нашего Иисуса Христа, исцелить старца. Все сердце Владыки Трифона соединилось с Господом, его молитва была пламенно горяча. Он молил и Царицу неба и земли, чтобы Она, Пречистая Богородица, умолила Сына Своего дать отсрочку смерти старца Зосимы, чтобы старец за чудо встал и чтобы окреп настолько, чтобы ему прослужить церковную службу соборне с ним, митрополитом.

Простились сотайники. Бледный, как мертвец, лежал на своей кровати старец.

Владыка Трифон, глубоко тронутый послушанием и любовью старца, но и глубоко взволнованный его тяжелой болезнью, от старца поехал в церковь Большого Вознесения, где он должен был служить.

По окончании богослужения Владыка Трифон обратился с речью к народу: «Братья и сестры, прошу вас, помолитесь за болящего старца Зосиму. Его не все здесь знают, но я скажу

вам, кто он такой... В молодости я жил в Петербурге в сане архимандрита и был в таком ужасном состоянии, что хотел снять свой сан и начать совсем другую жизнь, но мне предложили познакомиться с одним послушником из Троице-Сергиевой Лавры, который приехал в Петербург... Я выразил свое желание с ним познакомиться. И вот, после проведенной с ним ночи в беседе, наутро мои мысли и чувства стали совсем другие. И благодаря этому старцу вы видите перед собой дряхлого митрополита Трифона».

После этого весь народ пал на колени, и митрополит отслужил молебен о здравии тяжелоболящего старца Зосимы. О, как горячо и прилежно молился Владыка. «Ведь это наставник мой, – говорил он, – который дал вам митрополита Трифона, ведь это он вывел из тьмы искушений мою душу и дал ей совет и силу любви. Теперь он лежит на смертном одре, он стал великим старцем, в сердце которого живут тысячи убогих и несчастных. Он при смерти, преклоните еще и еще колена сердец ваших в молитве о благодетеле моем, тяжелоболящем старце Зосиме».

Этот соборный молебен совершил чудо, через несколько дней старцу стало легче: он начал поправляться. Когда ему сказали о молебне, прослуженном за него в церкви Большого Вознесения, то о. Зосима, слегка улыбнувшись, произнес: «Да уж слышал, слышал, чудак-огарок этот Трифон».

Огарком Владыку Трифона старец назвал потому, что знал, что жизнь его земная скоро кончится.

Когда Владыка смертельно заболел, старец с трогательной любовью молился о нем. А когда Владыка преставился, молитвы старца сугубо о нем усилились, и нам, всем своим духовным чадам, старец велел помнить Владыку и всех его умерших чад и сродников. «Друже мой Владыка Трифон хотел, чтобы я после его смерти еще два года прожил: И так и будет по его святым молитвам».

Об этом последнем периоде жизни Владыки вспоминает Мария Тимофеевна:

«В 1934 году Владыка тяжело заболел и в день своих именин 1 февраля он служил в церкви Адриана и Наталии,

говорил проповедь, что он служит в последний раз, и просил за него молиться.

Последняя служба его была на Пасху в субботу в церкви Малого Вознесения; была поздняя обедня, он был очень слаб, его поддерживали иподиаконы, народу было очень много, он, сидя, всех благословлял, и слез было море, все чувствовали, что это в последний раз, больше его в храме не увидим».

У Владыки давно было желание принять схиму. Митрополит Сергей прислал разрешение, и все уже было готово, но по некоторым причинам было отложено...

Иеродиакон Феофан вспоминает, что еще раньше свое служение в день святого мученика Трифона Владыка закончил словами, что он чувствует, что в последний раз молится со своей московской паствой, просил их в случае кончины не отказать записать его в свои поминания и молиться об упокоении его души. Он просил архиепископов не говорить никаких речей при его погребении и завещал отпеть его монашеским отпеванием, как это было в Древней Руси, положить его в мантии и в клобуке.

Месяца за два до своей кончины Владыка вспомнил, как Мария Тимофеевна еще маленькой девочкой просила его не умирать: «Мария, помнишь, ты меня просила, говорила: «Владыка, а вы не умирайте, поживите еще». А вот теперь ты и будешь просить, но я все равно умру».

Другая духовная дочь Владыки, воспитанница Марфо-Мариинской обители, вспоминает:

«В марте 1934 года мужа взяли по спецнабору в армию на Дальний Восток. Я прихожу к Владыке и рассказываю об этом. Владыка говорит: «Не расстраивайся. Я тебе сделал много в детстве, а теперь ты за мной за больным поухаживаешь, ты теперь свободна, а его (мужа), когда там не нужен будет, отпустят».

Одна его духовная дочь, Марфуша, простая женщина, приходила к нему, и в это время у Владыки был врач, который ей сказал, что у Владыки рак. Врач ушел, а она сказала об этом Владыке.

«За неделю до смерти Владыка лежал уже в кровати. Около кровати стояло кресло. Владыка дал мне Евангелие и сказал: «Читай до конца». Я начала читать с самого начала. (У меня появилась мысль: «До какого конца? До конца книги или до конца его жизни?») И с тех пор я каждый день по целому дню читала Евангелие, а он лежал и слушал. Я читала до самого вечера. Питалась я с ним вместе. Как-то за обедом я кушаю и говорю: «Владыка, уж очень вкусные котлеты. Может быть, вы бы скушали?» А он отвечает: «Знаешь что? Ты вот ешь, а этот запах у меня вызывает рвоту». И с тех пор я уже не стала есть у него в комнате, а кушала на кухне.

Как-то на кухне кто-то сказал: мол, Владыка совсем слабый и, наверное, скоро умрет. Я пришла к нему заплаканная. Владыка говорит: «Кто тебя там обижает?» Я ответила: «Да никто меня там не обижает». После этого он ничего не отвечал, наверное, догадался, что мне сказали о его смерти. Это было на квартире у Понсовых. Жива была одна хозяйка Лидия Митрофановна. 5 июня Владыка сказал мне: «Сядь и запиши». И продиктовал молитву. (...).

Дня за два – за три до смерти Владыка наказывал, чтобы духовные дети пришли к нему получить благословение. В день кончины пришел врач. Меня не было. У Владыки остановилась моча. Еще за ним ухаживала мать Александра (медицинская сестра); в день кончины утром (часов в 10) он говорил, как бы заикаясь: не могу сказать. Берет мою руку и провел к низу живота, и я чувствую желвак. Я сказала матери Александре, и она сказала, что нужно вызвать врача.

Врача сумели вызвать только к вечеру, и часов в 11 пришла врач-женщина, а Владыка уже лежал с подушкой. Когда пришла врач, я спрашиваю: «Еще, может быть, сбегать за подушкой?» Она сказала: «Ну что же, сбегайте, потому что меня сейчас остановили двое, но я сказала, что иду к умирающему больному, и они меня отпустили». Я и убежала вдвоем с Любовью Григорьевной (его духовная дочь), а в это время Владыка скончался».

О последних днях митрополита Трифона вспоминает также иеродиакон Феофан:

«14 июня 1934 года, в день смерти, он, будучи уже слепым, просил своих духовных детей петь Пасху и сам с ними пел. Настоятель храма мученика Трифона хотел привезти чудотворную икону мученика Трифона к Владыке, но Владыка по своему смирению отказался, говоря, что он не может принять такую святыню, потому что здесь, в этой комнате, проходит вся его жизнь.

При его кончине была кадровая сестра, которая ко мне обратилась и сказала, что она много видела смертей, но такой тихой кончины, как у Владыки Трифона, она не видела».

«Владыка оставил завещание, – вспоминает далее Мария Тимофеевна, – отпеть его в церкви Адриана и Наталии, где в то время находилась икона мученика Трифона, положить в мантии и клобуке и отпевать, как простого монаха, речей не говорить и цветов на гроб не возлагать. То, что было готово для пострижения в схиму, настоятель о. Александр (Голосов) положил в гроб.

День похорон был на пятый день, ждали архиеереv.

2 (15)/VI утром Владыку перевезли в церковь, там в эти дни служили обедни, панихиды, читали Евангелие.

4 (17)/VI приехал архиепископ Серафим (Остроумов). Он был Владыкин ученик, и Владыка постригал его в монахи в Богоявленском монастыре...

Когда мы подошли к нему, он сказал: «Ну вот все и кончено».

4 (17)/VI вечером была торжественная заупокойная всенощная с архиерейским служением.

5 (18)/VI была обедня, пели два хора, а за отпевание вышли четыре-пять архиереев и много-много духовенства, до алтаря все стояли, долго прощаясь, подняли гроб и обнесли вокруг храма, гроб везли на катафалке на шести лошадях в белых пополах, гроб был покрыт мантией, около стояли посох и рипиды. Народу было очень много, и все шли под проливным дождем, движение по дороге останавливалось, из трамваев выходили и спрашивали, кого хоронят, некоторые удивлялись и сожалели, как это они не знали.

Из храма Петра и Павла, что в Лефортове, настоятель вышел к воротам и служил литию. Подъехали к кладбищу, а там встречавших было не меньше, чем сопровождавших катафалк.

В могилу опускали два архиерея, епископы Питирим и Серафим. Отслужили литию и стали расходиться, потому что все были мокрые до костей – вместе с ними плакала и природа».

* * *

Задолго до своей смерти митрополит Трифон написал стихотворение «Цветок от бедного сердца святому мученику Трифону»; оно начинается такими словами:

В мучительных страданиях умирая,
Не о себе, святой, ты Господа молил.
О нет, о людях ты, изнемогая,
С последним воздыханием просил...

И в предсмертной молитве Владыка, подражая своему святому, просит Господа не о себе, а о своих духовных детях.

Этот акт любви, как и другие обстоятельства его кончины, доказывает, что, несмотря на немощи человеческой природы, которые в большей или меньшей степени свойственны всем людям, он умер истинным христианином. Нам остается лишь привести стихотворение «На кончину митрополита Трифона», написанное его другом епископом Арсением в ночь на 15 июня 1934 года. Оно как бы подводит итог жизни и деятельности Владыки.

В последний раз я поднимаю чашу –
Увы, заупокойную, друзья...
Я вместе с вами пью за радость нашу.
Что нам светила в мраке бытия...
Померк тот светоч, что зарею ясной
Горел, грозя угаснуть каждый миг,
Своей душой, глубокой и прекрасной,
Он многое, нам тайное, постиг.
Он утешал страдальцев безымянных,
Больных душой он кротко исцелял,
И много шло, и званых и незваных,
К его огню, что в нем для нас сиял.

И много слез, горючих слез страданий,
Он осушил, смягчил он много мук,
И много благодарственных лобзаний
За долгий век его коснулось рук.
Теперь заснув в надежде воскресенья,
Как белый Ангел в небе голубом,
Он отлетел, оставив нам мученья
С тоской пожизненной по нем.
В свой час ушел он из земной юдоли,
Наш срок идти за ним уж недалек,
Сейчас осиротевши поневоле,
Придем к нему и мы в его чертог.

Против мрака неверия

Известное нам творческое наследие митрополита Трифона насчитывает более 600 страниц машинописного текста. Большую его часть составляют проповеди, но оно включает также внебогослужебные беседы, лекции, художественные произведения в стихах и душевное состояние целиком, всю волну сознания или совокупность представлений в данный момент. Соответственно этому новая психология ввела в употребление новый термин – «поле сознания». Граница его не определена, ибо постоянно меняется. В нем можно увидеть лишь яркий центр, вокруг которого располагаются отдельные объекты мысли, чувства, желаний, которые по мере своего удаления от центра теряются в тумане охраны сознания».

Русский философ, современник митрополита Трифона С. Л. Франк в своей работе «О природе душевной жизни» показал, насколько важны эти идеи для правильного понимания душевной жизни человека. Ссылаясь на исследования Джемса и Бергсона, он утверждает, что душевная жизнь «не есть агрегат или комплекс отдельных психических явлений или процессов. Она есть, напротив, некое первичное неразложимое единство... Признание наличности «души» в этом смысле есть не произвольное допущение и не помеха для опытного познания душевной жизни человека, а, напротив, необходимое его условие».

Из сопоставления этих двух отрывков видно, что хотя наука и религия имеют разные цели и способы познания, некоторые научные или философские теории, тем более если они опираются на твердо установленные факты, небезразличны для мыслящего христианина и могут оказать определенную помощь в борьбе против материализма, прикрывающегося «научностью».

Верный наставлениям своего старшего друга митрополита Владимира, данными ему еще при хиротонии, Владыка совмещал «здравые научные познания с искренней верой», и старался отделить от истинной науки различные теории, проповедовавшие безбожие и человеконенавистничество. В одной из проповедей он говорит: «Называют светом – просвещение, называют светом – науку. Иногда просвещение и наука бывают светом, но далеко не всегда; если у человека ум просвещен, а сердце погружено в страстях, то, значит, человек не просвещен. Как часто за светом науки скрывается ложь». Не забудем, что эти слова сказаны человеком, занимавшимся научной деятельностью (он был действительным членом Археологического института). Правда, в наше время под словом «наука» многие подразумевают прежде всего естествознание. Но такие науки, как история, археология, несправедливо зачисляемые в низший разряд, имеют не меньшее значение для духовного развития человека. И Владыка это прекрасно понимал. Свидетельством тому является его труд «Печное действо», о котором мы уже говорили в первой части. В нем Владыка не только воссоздал забытый обряд, но и подробно изучил его символику и происхождение, используя для этой цели кроме чисто археологических данных церковные песнопения и службы некоторых монастырей.

В своих записных книжках митрополит Трифон касается и таких важных религиозно-философских проблем, как зарождение зла.

«Библейский рассказ о грехопадении высмеивается. Но он полон глубокой исторической правды. Первых людей нельзя считать типом нравственно зрелых людей, достигших совершенства. Совершенство и в физической, и в нравственной

сфере достигается долгим упражнением, воспитанием, опытом. Между тем наши праотцы были в нравственном отношении тоже младенцы. Из этого состояния они могли выйти лишь после того, как стали сознавать свое «я», свою свободу мысли и чувства. Этой цели прогресса служила заповедь райская, и эту цель понял змей, когда обещал, что они сами будут как боги, если не послушают Бога. Психологическая неизбежность этого момента в духовно-нравственном развитии не может подлежать сомнению. Переводя ее на простой язык, мы должны представлять ее как момент испытания нравственной свободы, рано или поздно совершающийся в жизни каждого человека. Но этот психологический момент не состоит непременно в действительном переживании самого зла или греха. Искушение состоит в том, что человек увидит для себя полную возможность согрешить. В момент преступления люди имели ложное, навеянное со стороны мнение о запрещении древа. Они думали, что плоды этого дерева имеют особые магические свойства давать познание о добром и злом. Таким образом, они захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития их собственных духовных сил, не от внутренней работы над самими собой, а от физического питания плодами известного сорта. Таким суеверным поступком они подчинили свою природу внешним механическим влияниям и материальным причинам, а не тому нравственному закону свободы, который приводил их к совершенству: закон свободы они подчинили закону механической причинности.

Отсюда понятно, в чем, по Библии, заключалась первая вина и преступление людей. Они обессмыслили своим суеверным поступком ту самую идею, ради которой были созданы, извратили свои нормальные отношения к миру, потеряли свободу и нарушили Божественный миропорядок. Это должно было механически повлечь за собой бедствия и неизбежную гибель. В этом заключается сущность человека. В Библии главные идеи: 1) идея творения; 2) идея грехопадения в связи с вопросом о начале и происхождении зла; 3) идея искупления. Все они находятся между собой в генеральной

связи и решают самые важные проблемы жизни, отвечают на самые важные вопросы человеческого духа».

К этой записи тематически примыкает и другая, где кратко излагается сущность христианства и его значение для человека.

«Христианство есть религия, которая учит о воплощении Божества как о факте реальном, имевшем для жизни мира, и, в частности, человека, последствия огромной важности. Актом Боговоплощения снято проклятие, прощен первородный грех, оправдан человек. Обнаружена любовь – сокровеннейшая сторона Божества, доселе себя не проявлявшая с такою силою по отношению к человеку. Сообщено совершеннейшее познание о Боге как о любвеобильном Небесном Отце, раскрыта тайна жизни Самого Божества и троичность Лиц. И эта тайна жизни покоится на любви, как на принципе внутренней жизни Божества. Отец любит Сына. Люди в первый раз увидели Бога во плоти, слушали Его Божественное учение, видели совершеннейшую жизнь в лице Богочеловека Иисуса Христа и убедились, что Он есть для них *«путь, истина и жизнь»* (Ин.14:6).

Христос для человека есть путь, который ведет к вечной жизни. Предоставленные самим себе, люди искали себе идеалов низшего порядка: внешних успехов, богатства, славы, удовольствий, власти, знания. Никогда и нигде Христос не говорил людям об их перспективах. Это второстепенное дело, и по мере его достижения перед человеком встает грозный вопрос: «А что будет после этого?» Путь Христа есть тот самый путь, который пройден Им на земле: путь самоотвержения, любви, милосердия, прощения, путь, создающий в душе человека Царство Божие, царство мира и радости, довольства, спокойствия совести, сердечной чистоты».

В противоположность некоторым современным богословам, чрезмерно акцентирующим радость и красоту здешней, земной жизни за счет умаления последствий грехопадения первых людей и призывающим к осуществлению Царства Божия на земле с помощью различных социально-экономических мер, митрополит Трифон был представителем, если можно так выразиться, строгого христианства, которое никогда не забывает

о том, насколько испорчены, искажены первородным грехом как внешняя, окружающая нас действительность, так и внутренний мир человека и что средства к исправлению можно найти, «только отвергнувшись себя и последовав за Христом».

«Дело в том, – читаем мы в той же записи, – что жизнь человечества приняла уродливые формы. Даже органическая жизнь в человеческом теле протекает ненормально. Своими излишествами человек губит свое здоровье, сокращая жизнь, подвергая себя смерти гораздо раньше того момента, когда она должна была бы наступить в естественном порядке¹⁵.

Но что касается духовной жизни, она со времени грехопадения пошла вопреки Божественному замыслу и воле Бога. Сын Божий Иисус Христос открыл человеку жизнь, согласную воле Божией, жизнь новую, разумную, осмысленную, ведущую к определенной цели. История Церкви полна описаний множества таких явлений, когда с принятием христианства люди морально, духовно перерождались, становились как бы другими существами».

Конечно, не следует приписывать митрополиту Трифону отрицание ценности внешнего мира и мрачный скептицизм, считающий плоть источником зла. Кто, как не он, умел восхищаться картинами природы и творениями человеческого искусства. Это видно из таких его произведений, как акафист «Слава Богу за все», «Мои воспоминания» и др. Тоска же и пессимизм, наблюдаемые им в жизни общества, доказывают, по его мнению, лишь «оторванность человека от неба». «Русский человек, – добавляет он, – без Бога не может жить, и лишь в Богообщении он делается великим и могучим на всякое добро и в то же время жизнерадостным и бодрым».

Ему был чужд также и пессимистический взгляд на человека: «...Многие говорят, что наше время – время по преимуществу сухих, практических расчетов, что современные люди утратили высокие духовные стремления, что ради золотого тельца они готовы всем пожертвовать. Нет, это неправда, внимательнее взглядывайте в окружающих вас».

Отношение Владыки к жизни земной и небесной, пожалуй, лучше всего выражено в его заметке о книге Евгения

Поселянина «Жизнь подвижников пустыни».

«Не осуждает Бог великих духовных наслаждений – тонких и высоких, путешествий, искусства, семейной жизни (Кана Галилейская).

Но подвижники не могли взять земного счастья, потому что их мысли были прикованы к другому.

Есть характеры удивительно цельные. Есть мысли, проникающие всю до мелочей жизнь таких цельных людей. Все прекрасное и утешительное в жизни было заслонено для них одним воспоминанием, одной мыслью, одним образом: образом Христа Распятого. Пусть веселое солнце пригревает землю и весна идет над полями, рассыпая благоухающие цветы, пусть волна голубого залива, нежно плескаясь у ног, зовет в даль, в чудные незнакомые страны, Христос распят – и исчезают в этом слове и радостное вкушение весны, и светлые посулы увлекающих в даль волн. Пусть раздались сладчайшие звуки, которые слышало на земле людское ухо, пусть соловей рассыпает свои тревожащие сердце трели, или со струн срываются, затихают, растут и снова силятся и рвутся вперед звуки, речь души более выразительная и могучая, чем слабые и бледные человеческие слова.

Христос распят – и что в ушах человека, перед которым, вечно живая, стоит Голгофа, может заглушить страшный звук гвоздей, вбиваемых в распростертые руки Богочеловека? Пусть яркими красками рисуется человеку счастье семьи, пусть манит его к себе картина тихого вечера, обаятельное, насиженное семейное гнездо, обожаемая жена, любимые дети. Христос распят – и как же сказать Христу, что Он не один, не оставлен, что есть люди, которые готовы забыть все в мире, чтобы стать у Его Креста, страдая Его страданием и упиваясь благодатью Его искупительной жертвы? Так должны были думать эти люди, мир был для них пуст, один лишь Христос Распятый влечет к Себе их прямые и верные сердца.

И только они, бессмертные, знают, какую усладу нашли на земле в созерцании этого таинственного и вечного Креста и что сказал им Тот, Кому отдали кратковременный свой век, когда

они пришли к Нему после жизни, полной невыразимых пыток и... невыразимого счастья!

Люди, посвящающие все свои силы на исключительное служение какому-нибудь великому интересу, очень редко счастливы в семейной жизни.

Слишком тонка духовная организация этих людей, слишком глубоко уходят они во внутреннюю работу, чтобы принести семье свежесть чувства. Вообще интерес к чему-нибудь так может захватить человека, что все иное для него как бы не существует».

Итак, полное отречение от земной жизни – удел немногих. *«Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе»* (1Кор. 15:41). Но в то же время нельзя смешивать реальное и идеальное, данное и заданное и видеть в земном мире неискаженную, первоизданную красоту. Оптинский старец Варсонофий, близкий друг митрополита Трифона, в одной из бесед с духовными детьми очень образно показал разницу между миром до и после грехопадения. Он сравнил окружающий нас мир с прекрасной статуей, расколотой на множество кусков. И хотя по отдельным кускам можно судить о первоначальной красоте творения, но все же она не дана нам в повседневном опыте. И никакие богословские ухищрения, никакое жонглирование цитатами из отцов Церкви не помогут затушевать того факта, что статуя все-таки разбита.

В приведенных нами отрывках христианские истины изложены предельно кратко, без претензии покорить горделивый разум безбожника. Размышляя над ними, можно сказать, что христианское учение представляет собой стройную систему, опирающуюся на ряд аксиом, таких, как творение мира Богом, грехопадение, искупление, воскресение из мертвых для вечной жизни. Сами аксиомы, как известно, не доказываются, а принимаются на веру¹⁶.

Митрополит Трифон был глубоко убежден, что в человеческой душе всегда живет, хотя подчас и скрыто, подсознательно, потребность в Богообщении:

«Нет! Никогда душа человеческая не удовлетворится земным и тленным, она всегда будет искать небесных радостей,

и стоит только отнять веру у человека, и тогда человек теряет последнюю радость в жизни и делается глубоко несчастным».

Он вслед за Блаженным Августином мог сказать: «Ты создал нас для Себя, Боже, и мятется сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Отсюда и его взгляд на неверие и маловерие не как на заблуждение разума, а как на болезненное, греховное состояние души.

«В самом деле, в чем выражается эта болезнь? Поставим ее диагноз.

Она выражается в том, что все духовное делается невыносимо противным: противно чтение Священного Писания, противны духовные размышления, отталкивает нас от молитвы, от Церкви, – одним словом, через (...) Это полностью соответствует учению Церкви: *«Кто учит иному и не следует духовным словам Господа нашего Иисуса Христа, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям...»* (1Тим. 6:3–4). Или по новому переводу: ...заражен болезнью к спорам и словопрениям. Мы стараемся избавиться от всего того, что рекомендуется для нашего спасения».

«Что такое представляет собой душа без благодати Святого Духа? Она представляет собой землю незасеянную, способную произрастить только волчецы...»

Этим, может быть, и объясняется, что, несмотря на свою ученость и на свой интерес к истории, философии и психологии, митрополит Трифон не был теоретиком-апологетом. В его проповедях не найдешь отвлеченных рационалистических опровержений. Он был практик, врач человеческих душ, ему было достаточно отметить опасность, открыть ее причину и указать путь борьбы с ней. Будучи талантливым проповедником, он то и дело указывал на болезни, поразившие современное ему общество, в первую очередь, интеллигенцию, на гордость, эгоизм, которые явились причинами массового отхода ее от Церкви.

«...Как много в наше время таких людей, которые всем стараются говорить о мире и предлагают этот мир, но сами не хотят этого мира, они отталкивают призывание имени Христа

Спасителя, они хотят жить во вражде с Церковью; и вот они живут вдали от Церкви... вдали от Христа Спасителя. Живя вне Церкви, они глубоко несчастны. Они хотят устроить мир собственными силами, но, наоборот, они вселяют всюду вражду, зависть – и не хотят этого сознавать. Они, горделиво отдаляясь от Церкви, делаются всё более и более несчастны. Они говорят: «В нашей душе царствуют страсти, в ней нет ничего, но вот если устроить внешний порядок жизни, то тогда и в душе нашей воцарится мир». Да разве от внешних порядков зависит душевное спокойствие и счастье души? Раз в душе царят злоба, кощунство, ненависть, раз нет порядка в душе, как же могут они успокоить душу? Одна вера Христова может примирить человека самого с собою, и с людьми, и с Богом».

Средствами против таких болезней служат не книги и доказательства, а храм, покаяние и молитва. Недаром на надгробном памятнике митрополита Трифона были начертаны слова: «Дети, любите храм Божий. Храм – это земное небо». Конечно, мировоззрение Владыки понятнее тем, кто находится в Церкви, а не вне ее. В Церкви перед человеком раскрывается положительный идеал христианства, он на собственном опыте познает реальность Бога. Известны слова: кто не увидит Христа здесь, в этой жизни, тот не увидит Его и там. И Владыка старается привести человека к опытному познанию этой истины, противопоставляя мир и Церковь:

«Не правда ли, какая резкая противоположность между жизнью мира и жизнью Церкви! А что сказать вам о том, что часто за этим видимым мирским весельем скрываются глубокие душевные драмы, что часто веселое лицо, оживленный блеск глаз лишь маска, под которой скрываются внутри затаенные страдания. Мир желает веселья, отгоняя от себя прочь тревожные мысли, подавляя в себе всякое религиозное чувство, шумом и песнями старается заглушить страх смерти и чаяние будущего воздаяния, но, увы, не может вырвать или подавить в себе эти чувства и мысли и не может заглушить порывов к небесному своей бессмертной души, и тоска, и уныние, и горькие слезы, и жгучие рыдания наедине, в тиши своей комнаты, ясно свидетельствуют бедному человеку, что не

здесь, на земле, его назначение, а там, на небе, что здесь лишь призрак жизни, лишь приготовление к вечности. А с другой стороны, эта, по-видимому, скучная, однообразная церковная жизнь доставляет душе мир и счастье, которые она не променяет ни на какие блага мира. Эти дни Великого поста, например, когда церковная жизнь особенно ярко себя выражает, в этих покаянных молитвах, дивных напевах церковных, чудных богослужениях, – как дороги, как милы они всякому православному человеку».

Современному человеку понятнее первая часть этого высказывания. Не зная языка Церкви, символики ее богослужения, он смутно ощущает необычность обстановки, теплоту, уют, но часто не способен сразу включиться в ее молитвенную жизнь, позволяющую забыть о земном, и задерживается взглядом на внешности, оставляющей подчас желать лучшего. Он еще не слышит ее зовущего материнского голоса: «Сюда, измученный, усталый, ослабевший духом брат, спеши, здесь и только единственно здесь найдешь ты те чистые утешения, те Божественные восторги, которых лишен мирской человек. Здесь найдешь ты утешение в скорбях, здесь приобретешь ты недостающие тебе добродетели».

Для того чтобы сделать шаг извне (из мира) внутрь (в Церковь) или, наоборот, из своего обособленного личного мирка в церковный мир братского общения тех, кто на небе, с теми, кто на земле, надо поверить, что Церковь есть чудо, всем нам подаренное любящим нас Богом. И тогда:

«Какой восторг! Какая радость! Дух окрыляется надеждою, теперешняя жизнь есть сон, сознаешь, что там наступит вечное блаженство, откроется Царство Небесное.

Теперь вся жизнь получает другой смысл: теперь всякий скорбящий, страдающий, обиженный может уповать, что там живет вечная правда. Все воскреснем, не умрем, об этом уверяют апостолы, которые видели собственными глазами Воскресшего Господа, которые слышали Его собственными ушами, которые руками осязали Его раны... и которые видели Его, возносящегося на небо, и слышали отрадное утешение, что Он снова придет на землю... Уверяет нас в Воскресении

Христовом Церковь всем существом своим, благодатию, в ней пребывающею и изливающеюся во многих чудесах чрез святые иконы и чрез мощи святых, почивающих нетленно, а также и тех, которые, как звезды на небе, сияют в обителях Отца Небесного».

Сомневающимся в том, что духовная жизнь, жизнь в Церкви, дает не призрачную, а реальную радость, Владыка призывает обратиться к опыту тех, кто живет этой жизнью постоянно. «Как часто, – говорит он, – приходилось мне видеть в моей жизни молодых инокинь, в мирской жизни изнеженных, не привыкших ни к какому труду, исполняющих самые тяжелые послушания, не гнушающихся никакой работой, удивляющих своим поведением и смирением, покорностью и скромностью самих инокинь-простолудинок. Да и на всех ступенях общественной лестницы среди лиц всевозможных положений можно видеть людей строгого религиозного долга. Теперь спросите, довольны ли они своей жизнью, не желали ли они переменить эту жизнь на жизнь светскую, полную развлечений? Спросите их, считают ли они свою жизнь скучной, вялой, однообразной? Они вам ответят, что напрасно вы думаете, что их жизнь скучна и однообразна, жалки и ничтожны все обольщения мира, и чем больше работают они над собой, тем глубже проникаются они этим духовным началом, тем всё радостнее и светлее делается их жизнь...» (Слово к воспитанницам Александро-Мариинского института 24 мая 1903 года.)

Вот ответ на излюбленный лозунг наших атеистов: «Религия – опиум для народа». В самом деле, наркотик расслабляет человека, делает его безвольным, не способным к упорной, систематической работе, религия же, наоборот, закаляет его, помогает переносить трудности, делает его способным на то, чего он не смог бы сделать одними собственными силами. В уже знакомой нам проповеди, произнесенной в тюремном храме в 1894 году, Владыка Трифон ставит христианское терпение выше «кратковременного блестящего подвига». В другом месте он повторяет эту мысль: «В чем заключается христианское самопожертвование? Оно не в блестящих кратковременных

подвигах, а в постоянной борьбе с самим собою, в постоянном побуждении себя к доброму делу ради любви к Господу и ближнему, в самом бдительном наблюдении не только за своими поступками, но даже за мыслями при свете слова Божия, в развитии своих лучших, благородных чувств и в подавлении всего злого, нечистого, тщеславного, гнездящегося в нашем сердце, молитвой и постом. Этот путь тяжел, но при благодатной помощи Божией он изобилует необыкновенно светлыми радостями, минутами духовного подъема: чувствуешь Бога в своем сердце, ясно сознаешь слова Спасителя, сказанные Им во время земной жизни: дерзайте, не бойтесь – Аз с вами есмь во вся дни до скончания века...» (Слово к воспитанницам Александро-Мариинского института 24 мая 1903 года.)

В конце этой цитаты содержится очень важная мысль о практическом Богопознании, получаемом через труды и подвиги. Об этом пути Владыка знал не только из творений отцов Церкви, но и из собственного опыта, полученного в постоянной борьбе с самим собою, в перенесении скорбей и болезней. Он приводит также интересное высказывание своего учителя, Оптинского старца о. Амвросия о теории и практике. «Покойный батюшка о. Амвросий говорил: «Теория – это веселая, светская дама, которая так блистательна и красноречива, но, увы, так легкомысленна; а опыт – это неуклюжий медведь, который всё ломает и сокрушает на своем пути». И действительно, в теории всё легко: и самоотверженное служение человечеству, и борьба со страстями, и страстное желание приобрести все добродетели, даже до самой любви – этой высшей добродетели; всё это легко в теории, а на опыте, наоборот, чтобы приобрести даже самую маленькую добродетель, и то стоит не мало труда».

И для тех, кто, преодолев сомнения, решил стать на путь приобретения христианских добродетелей, проповеди Владыки могут послужить полезным путеводителем. Прежде всего он говорит о том, что нужно отвергнуться себя и взять крест свой. К этой теме он возвращался не раз как в ранних, так и в поздних проповедях: «Отвергнись себя, ибо в грешной душе человека

существует как бы такое разделение: голос совести указывает ему, как надо поступать по-евангельски, где ложь и где правда, обличает его, если видит отступление человека от этой правды, а голос чувственности зовет его к усладам и утехам греховным, мирским. Какого голоса слушаться человеку, на какой путь вступить ему? Здесь пусть вспомнит он слова Христа Спасителя (...), ибо нам путь один: или люби мир, или свою душу, так как (...) мир живет злобой, гордостью, сладострастием, ненавистью, сребролюбием и все эти страсти находят себе сочувствие и созвучие в грешной душе нашей и настолько сильны, что отвергнуть их, вырвать из своей души так же для нас трудно, как отделиться от самого себя». При этом «надо именно взять крест свой, а не какой-нибудь другой (...), надо покориться именно тем лишениям и невзгодам, какие нам посылаются (...). И здесь мы часто грешим. Нам кажется, что вот именно в этой обстановке, при данных условиях жизни, я не могу спастись, а переведи меня в другие условия жизни – я сделаюсь праведником, например, может быть, некоторые из нас говорят, вот если бы жить в монастыре, в отшельничестве, так тут бы спасся, а где спастись среди мирской суеты, – и это неправда, и это есть гордость – восстание против воли Господней, – не лучше ли Господь знает, где нам удобнее спастись и не для всякого ли Он выбирает крест по его силам, а потому и неси его – если ты здесь плох, то не лучше будешь в отшельничестве...».

Другая опасность заключается в постоянном откладывании обращения к Богу и покаяния на старость.

«Как часто многие говорят: «Вот разбойник в несколько минут получил Царство Небесное, за несколько минут до смерти успел в нескольких словах принести покаяние и получить прощение своих грехов: и мы – ведь мы не разбойники – успеем еще покаяться, когда будем умирать, когда будем находиться на смертном одре; а теперь нашу земную жизнь употребим для себя, для удовлетворения своих страстей и похотей, успеем еще сказать несколько покаянных слов, когда будем лежать на смертном одре». О, как неправильно рассуждать так! О, как жестоко говорить так! Ведь со смертью и адом, как заметил еще один древний мудрец, нет договора и

условий; ведь не знаем мы, достанет ли нам времени перед смертью, чтобы хотя с несколькими словами обратиться к Господу Богу; ведь мы видим, как умирают люди внезапно, иногда во цвете лет, умирают во сне, среди пира, с мыслями о жизни, а не о смерти, будущем суде и воздаянии...

Думаете ли вы, что если мы проживем всю жизнь в удовлетворении своим страстям и похотям, думаете ли вы, что в конце нашей жизни сердце наше не иссохнет? Думаете ли вы, что оно будет в состоянии источать целительные воды любви? Нет!..

Мы, священнослужители, принимающие исповедь кающихся, можем засвидетельствовать, что все те, которые проводили свою жизнь беспечно, стараясь удовлетворить своим страстям, и на смертном одре обнаруживают сухость сердца... и часто приходится слышать из уст таковых стоны, уныние, отчаяние, а иногда и проклятия; но во всяком случае они не испытывают той покаянной любви, какую обнаружил покаявшийся разбойник».

Но эти слова – лишь предостережение, лишь призыв, они не должны ни в ком вызывать чувства безнадежности.

«...Если, дорогой брат и сестра, ты страдаешь от своих грехов, греховных болезней и привычек... или думаешь, что ты никогда не справишься, а злой дух шепчет тебе, что ты совершенно погиб, что ты не можешь уже более иметь надежды на милосердие Божие, о дорогой брат, вспомни тогда о покаявшемся разбойнике, что он по милосердию Божию вошел в рай; что для Господа всё возможно, осени себя крестным знамением и воззови из глубины сердца к Нему: *«Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!»* (Лк.23:42).

Наконец, если действительно смерть застигнет нас неготовыми, застигнет нас неожиданно среди какого-нибудь бедствия, среди какой-нибудь катастрофы и не будет оставаться времени для покаяния, – о, тогда будем просить Господа словами покаяния, этими словами покаявшегося разбойника (...)».

Далее Владыка говорит о трудностях, ожидающих человека на пути к спасению:

«И вот, отвергнувшись от своего грешного себялюбия, человек решается взять крест. Это значит, великодушно и терпеливо переносить все насмешки и укоризны, какими, несомненно, мир осыпает истинного христианина. В самом деле, посмотрите на жизнь всех святых людей: они все подвергались издевательствам, и гонениям, и преследованиям. За исключением немногих их верных последователей – все остальные люди их гнали. И всякий, желающий по-христиански жить, это испытал. Живи жизнью мирской, старайся угождать мирским обычаям – никто тебя не тронет: ты свой человек; но попробуй жить не так, как другие живут, старайся по силе своей с помощью благодати Божией жить любовью ко Христу и ближнему, о, какая туча насмешек обрушится над тобой: всякое твое слово, всякое твое действие сейчас же будут перетолкованы в худую сторону. Ты будешь стараться всем помочь, всякому делать добро, тебя, несомненно, обвинят в тщеславии и желании людской похвалы, будешь молиться и других учить молиться – обвинят в лицемерии, словом, объявят все твои действия, слова, поступки даже вредными – всякий будет стараться заглянуть в твою душу, добраться до самого светлого и дорогого для тебя и все это облить ядовитой хулой, бранью. И пусть всякий христианин, взявший крест страдания, будет готов не к похвалам, а к порицаниям... Но гонения и хула мира еще не самое скорбное в жизни крестоносца... Ему постоянно придется бороться с восстающими греховными помыслами, особенно с помыслами злобы, блуда, осуждения, уныния... Это внутренняя борьба, самая тяжелая, ибо она духовна, происходит в душе... И здесь он должен жить особенною жизнью и не предаваться этим мыслям – особенно помыслам осуждения и блуда; мысли эти могут повлечь за собой и дело, и самый грех – и тогда наступает тяжкое уныние и нередко отчаяние, ибо весь труд потрачен и надо начинать сначала...»

В этой борьбе самое главное орудие – молитва. Но молитве тоже нужно научиться! Для этого необходимо частое посещение храма, внимательное отношение к богослужению. Владыка

призывал «любить храм Божий, приобретать с юных лет навык к молитве».

И он кратко излагает мысли святого Иоанна Лествичника о молитве:

«Как вам научиться молиться? А видали ли вы, как учат маленьких детей ходить? Ребенок пройдет несколько шагов без посторонней помощи и упадет, его поднимут, поставят, и он опять пробежит несколько шагов и снова упадет, его опять поставят, и т.д.

Точно так же и наша мысль! Трудно ей пребывать на высоте молитвенного подвига, она часто падает с высоты небесной на землю, в тину житейских будничных мыслей, подымай ее тогда, возбуждай снова к молитве до тех пор, пока не придет к тебе Тот, Который может положить предел непостоянству твоей мысли; невозможно духа никакими узами связати, но идеже присутствует Творец духов, тамо вся Ему повинуются...

Не скорби, долго не получая ответа на твою молитву, знай, что ты уже многое получил. Ибо что может быть радостнее и драгоценнее для человека, как пребывать в общении с Богом?.. Можно ли узнать о действиях своей молитвы? Можно. При всякой молитве есть как бы некий знак того, что она услышана Богом, он заключается в успокоении нашего сердца и в разрешении нашего сомнения...

А кто из вас уже умеет молиться, кто из вас испытал и сладость молитвы за других, тот знает, что ничто на свете так не сближает людей, как искренняя, сердечная молитва».

Чтобы лучше понять, что понимал Владыка под искренней, сердечной молитвой, приведем отрывок из его проповеди «Покаяния отверзи ми двери», открывающей целый цикл великопостных проповедей, которые являются лучшей частью его творческого наследия:

«Господи, Ты Сам видишь, что я давно перестал находить сладость в грехах и искренно желаю переменить мою нечистую жизнь, но, увы, не успею я омыться слезами покаяния, как снова падаю в болото нечистых помыслов и греховных дел, злой враг мой, дьявол, кажется, для того только и дает мне несколько духовной свободы, чтобы потом отнять ее и

уничтожить все, что сделано мною во время покаяния. Прежде еще я мог безрассудно надеяться на свои силы, но теперь я опытом познал, что я совершенный раб греха, что мои страсти бесконечно сильнее меня, поэтому я и оставляю надежду на себя и все упование мое возлагаю на Тебя, моего Спасителя и Господа. Пересоздай Духом Твоим Святым мое злое сердце, не только открой мне двери покаяния, но и введи меня в него; до тех пор удержи меня в нем, пока не изгонится из души все злое и останется в ней единый образ Твой».

Владыка учит молиться также и краткими молитвами, идущими из глубины души. Приводя примеры таких молитв, он разъясняет их значение:

«Заступник мой, зачем Ты забыл меня! Боже мой, Боже мой, зачем Ты меня оставил! Господи, я взываю к Тебе, услышь меня!» «Не для Господа нужен вопль нашего сердца; Он все видит. Он нужен для нашего духовного усовершенствования. Степенью его горячности мы определяем степень нашей любви к Богу».

Правильной молитве учит Церковь, а участие в церковной жизни невозможно без Таинств: Исповеди и Причастия. И Владыка объясняет смысл этих Таинств, дает наставления, как готовиться и приступать к ним.

Для приготовления к исповеди он считал необходимыми благочестивые размышления, затем благочестивые собеседования, добрые дела, молитвы, особенно внутренние, чтение духовных книг, а главное, Священного Писания. Предметом размышлений прежде всего должны быть мы сами, потом величайшее Таинство, к которому мы собираемся приступить, и, наконец, тот путь, которым мы пойдем после принятия Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Прежде говения нам надобно размышлять о самих себе, собрать свои чувства, свои мысли, которые рассеяны по разным предметам, собрать их в своем сердце и подумать хорошенько о самих себе. Прежде всего надо представить себе ясно, в каком положении мы находимся, кто были наши родители, при каких обстоятельствах произошло наше рождение, какие были первые впечатления нашего детства? Представить, что все это не от

нас зависело, а от Господа Бога, и здесь мы увидим Промысл Божий, волю Божию, направляющую нас ко спасению. Наконец, остановим наше внимание на отроческих грехах: как и когда стали различать добро и зло? Какое было первое падение? Хотя мы и родимся с грехом прародительским, с первородным грехом Адамовым, тем не менее приходит такое время, когда мы падаем, прельстившись грехом. Далее рассмотрим время юности, время, именуемое ветреным, непостоянным, какие тогда у нас интересы были, чем увлекалось наше сердце, на что направлены были его желания. Затем рассмотрим возраст мужества, в котором мы (то есть многие из нас) находимся. Как мы живем, куда идем, какими окружены людьми, не препятствуют ли они нашему спасению, не грозит ли что гибелью нашему спасению? Таким образом вы рассмотрите всю свою жизнь, но это только определит вам: да иду ли я ко спасению или к гибели? Какие страсти преобладают? Что мешает моему спасению? Что я должен делать, чтобы вступить на путь спасения?

Затем, размышляя о направлении своего пути, надо поставить перед собою духовное зеркало, все равно (как если) вы рассматриваете свою наружность, вы ставите перед собою зеркало; духовное зеркало – это Евангелие... Затем прочитайте Послания апостола Павла к Коринфянам (особенно 12 и 13 главы), где изображен греховный плотский человек с его страстями и похотями; его же Послания к Римлянам, к Филиппийцам, особенно обратите внимание на Заповеди Блаженства (Мф. 5, 1–12), где ясно раскрыты основные добродетели, которые мы должны стараться приобрести. И вот внимательно взгляните в это духовное зеркало, взглядевшись в него, подумайте и понаблюдайте за своим умом: куда он направлен, к добру или ко злу? Взгляните и понаблюдайте над своею волею, к чему она направляется – к добру или ко злу? Ваше сердце – отчего оно бьется? От каких желаний – греховных или добрых? Чего оно желает? И вот... если мы увидим, что мы положили начало жизни спасительной, если всегда действуем согласно с волею Божиею, если мы стремимся любить Господа Бога, если мы стараемся

исправляться, хотя часто и падаем, то, значит, мы не совсем еще пали. Если же мы увидим в нем наши страсти, самолюбие, гордость и прочее, если мы почувствуем запах зловония от этих страстей, то в этом случае нам могут помочь еще и люди, которые строги к хорошим нашим поступкам и склонны видеть дурное, они очень умеют различать и подмечать страсти, преобладающие в нас. Затем мы должны внимательно взглядеться в наше сердце, чтобы раз навсегда определить себе тот путь, по которому мы должны следовать, и затем, не оглядываясь ни направо, ни налево, идти вперед, а именно, к вечной блаженной жизни.

«...Кто установил и кто дает причащение? Его установил Сам Господь Бог и сказал своим преемникам: *«елика еще свяжете на земли, будет связано на небеси и елика разрешите на земли, будет разрешено на небеси»* (Мф.18:18). Это Он Своею силою и Своею благодатию отпускает грехи. А священник? Он только свидетель – и его достоинство ничего не прибавит к Таинству и его недостойнство ничего не убавит, он не своею силою, а силою Господа нашего Иисуса Христа прощает и отпускает грехи.

В чем сила этого Таинства? В примирении с Господом Богом; в том, чтобы получить отпущение грехов; с помощью благодати Божией начать новую, обновленную жизнь...»

* * *

В творческом наследии митрополита Трифона стихи занимают довольно скромное место, и на них не стоило бы подробно останавливаться, если бы они не проливали свет на его духовный мир. Об одном таком стихотворении, посвященном Н.С. Голованову, мы уже упоминали.

Знатокам светской поэзии, не имеющим представления о духовной жизни, эти стихи могут показаться примитивными, неоригинальными. Придирчивый критик может найти там даже некоторые языковые неправильности или стилистические шероховатости. Но если форма имеет чуть ли не первостепенную важность в светской поэзии, то в духовной она отходит на задний план.

Критерием для оценки духовной поэзии не может служить также оригинальность или самобытность личности автора. Дело в том, что светская и духовная поэзия преследуют совершенно разные цели: если первая рассказывает в основном о человеческой личности и о сотворенном, земном мире, то вторая пытается передать религиозный опыт или рассказать о горнем мире. Правда, и светской поэзии бывают знакомы иногда прорывы в горний мир, как, например, у Тютчева или у Рильке, но здесь мы имеем дело не с правилом, а с исключением, это не значит, конечно, что в духовной поэзии человеческая личность стирается или исчезает, она как бы отступает, давая место Божественному.

Если мы обратимся к классическим примерам религиозной поэзии, таким, как каноны и акафисты, то мы найдем в них, как и в народной поэзии, немало постоянных эпитетов, или метафор, или целых фраз, переходящих из творения в творение. Эта кажущаяся неоригинальность и схематичность отпугивает светскую публику, часто ищущую в поэзии лишь красоты. Нужно прямо сказать, что истинно религиозная поэзия трудна для неопытного человека. Если неверующий ценитель и способен почувствовать поэтическое достоинство религиозного стихотворения, то духовный его смысл бывает скрыт от него, и поэтому он в подавляющем большинстве случаев будет понимать произведение неправильно. Произведения религиозного искусства – это примеры восприятия духовной реальности, выражаемой на языке образов, не доступных обычному человеку, не имеющему духовного видения. По мысли философа Жильсона, сама красота их формы не должна отвлекать читателя от их содержания или смысла.

В качестве примера, подтверждающего наше рассуждение, ограничимся лишь отрывками из уже известного нам стихотворения Владыки «Цветок от бедного сердца мученику Трифону»:

«Спаситель мой, мой Бог любви, к Тебе взываю.

Услышь мою последнюю к Тебе мольбу:

Кто с верой воззовет ко мне: «Страдаю,

Не в силах больше я вести со злом борьбу».

Пусть да услышана молитва будет
Тобою, Господи, и скорбь их вся пройдет,
И мир тогда мой подвиг не забудет.
И всякий скорбный, плачущий ко мне придет».
И услышал Господь молитву эту –
Сей храм свидетелем святых Его чудес –
Вещает Он повсюду, всему свету,
Что имя Трифона доходит до небес.

Для человека, которому не знакомо молитвенное состояние, это стихотворение не представляет никакой ценности. В лучшем случае он может понять страдание молящегося и поверить в искренность его обращения к Богу, но, чтобы поверить, что это обращение направлено не в пустое пространство, необходимо иметь ощущение реальности Бога, или, говоря совсем просто, иметь веру.

Какое значение для неверующего могут иметь, например, такие слова: «Сей храм свидетелем святых Его чудес»? Он просто не поверит им. А слова «имя Трифона доходит до небес» могут быть поняты, как обычная метафора. Для человека же верующего эти слова означают, что святой мученик Трифон жив и что его молитвы имеют силу перед Господом. Они означают также и то, что мы можем постоянно обращаться к святому мученику Трифону и надеяться на его помощь. Правильность этой мысли может подтверждаться как опытом других, так и нашим собственным. Таким образом, одна строчка содержит очень много.

В то же время нельзя сказать, что религиозная поэзия не связана и не может быть связана с поэтическим дарованием в обычном смысле этого слова. Лучшим подтверждением этого может служить написанный митрополитом Трифоном акафист «Слава Богу за всё»¹⁷, где автор, избрав одну из традиционных форм религиозной поэзии, вкладывает в нее свое собственное восприятие Бога и мира, что делает его произведение глубоко индивидуальным, по-новому раскрывающим вечную тему. В этом акафисте сочетаются восторженное воспевание земной красоты и взлеты духа к недостижимым высотам горних сфер:

«Господи! Хорошо гостить у Тебя: благоухающий воздух, горы, простертые в небо, воды, как беспредельные зеркала, отражающие золото лучей и легкость облаков. Вся природа таинственно шепчется, вся полна ласки. И птицы и звери носят печать Твоей любви. Благословенна мать-земля с ее скоротекущей красотой, пробуждающей тоску по вечной отчизне, где в нетленной красоте звучит: Аллилуйя!» (кондак 2).

«Ты ввел меня в эту жизнь, как в чарующий рай, мы увидели небо, как глубокую синюю чашу, в лазури которой звенят птицы, мы услышали умиротворяющий шум леса и сладкозвучную музыку вод, мы ели благоуханные сладкие плоды и душистый мед. Хорошо у Тебя на земле, радостно у Тебя в гостях!» (икос 2).

Перед нами, как бы в цветном кинофильме, проходят одна за другой величественные картины природы в разное время года и суток. Мы видим и сияющий летний день, и весеннюю ночь «при свете месяца», и «тихий закат», и «мощное движение грозы» с «изгибами ослепительных молний». Но внутренний взор человека не задерживается на одних лишь зрительных впечатлениях. Он созерцает также и красоту, воспринимаемую оком разума. Это «мысль гениев науки», озаренная «наитием Святого Духа». «Силою сверхсознания они пророчески постигают законы природы, раскрывая нам бездну творческой премудрости Божией». Таким образом, от чувственных образов, через созерцание умопостигаемой реальности, человеческая мысль возносится все выше, к Самому Творцу и Начальнику жизни и поет Ему славу:

«О как Ты велик в Твоих созданиях!

О как Ты велик в человеке!

Слава Тебе, явившему непостижимую мудрость в законах Вселенной!

Слава Тебе – вся природа полна знаков Твоего бытия.

Слава Тебе за все открытое нам по благодати Твоей!

Слава Тебе за то, что Ты создал по мудрости Твоей!

Слава Тебе за гениальность человеческого ума!

Слава Тебе за животворную силу труда!

Слава Тебе за огненные языки вдохновения!

Слава Тебе, Боже, вовеки!» (икос 7).

Но ни красота природы, ни величие космоса, ни гениальность человеческого разума не должны скрывать хрупкость и греховность земного существования человека, постоянно нуждающегося в благодати Божией.

«Как близок Ты во дни болезней. Ты Сам посещаешь больных, Ты склоняешься у страдальческого ложа, и сердце беседует с Тобою. Ты миром озаряешь душу во время тяжелых скорбей и страданий. Ты посылаешь нежданную помощь. Ты – утешитель. Ты – любовь испытующая и спасающая. Тебе поем: Аллилуйя!» (кондак 8).

«Боже мой! Ведающий отпадение гордого ангела Денницы, спаси меня силою благодати Твоей! Не дай мне отпасть от Тебя, не дай мне забыть Твои благодеяния и дары, обостри слух мой, дабы во все минуты жизни я слышал Твой таинственный голос и зывал к Тебе, Вездесущему:

Слава Тебе за промыслительное стечение обстоятельств! Слава Тебе за благодатные предчувствия! Слава Тебе за указания тайного голоса! Слава Тебе за откровения во сне и наяву! Слава Тебе, разрушающему наши бесполезные замыслы! Слава Тебе, страданиями отрезвляющему нас от угара страстей! Слава Тебе, спасительно смиряющему гордыню сердца! Слава Тебе, Боже, вовеки!» (икос 10).

Акафист «Слава Богу за всё» открывает нам лучшие стороны души Владыки Трифона, сочетая в себе горячую, сердечную молитву, поэтическое дарование и глубину философской мысли.

Введенские горы (эпилог)

Немецкое кладбище – единственное в своем роде. Здесь, неподалеку от высоких прямоугольных католических крестов, плачущих и коленопреклоненных ангелов, торжественных бюстов и глыб на могилах атеистов (настоящих и мнимых), виднеются то тут, то там узорчатые православные крестики с крестом нижней перекладиной. Рядом с огромным мраморным памятником здесь можно увидеть скромную могилку, украшенную лишь цветами...

Многие из лежащих на этом кладбище приехали из далеких стран, чтобы упокоиться в русской земле. И земля приняла всех. А Небо? Для Него ведь тоже не существует «ни иудея, ни эллина», ни богатого, ни бедного, а лишь грешные человеческие души.

Это кладбище представляет собой как бы символ невидимой Вселенской Церкви, со страхом и трепетом ожидающей пришествия своего Небесного Жениха.

По странному стечению обстоятельств на кладбище, первоначально предназначенном для инославных, было похоронено немало православных иереев, украсивших Русскую Церковь подвигами молитвы и добрых дел. Среди них о. Алексей Мечев, о. Валентин Свенцицкий, иеромонах Зосима (в схиме Захария).

Рассказывают, что митрополит Трифон однажды, гуляя по этому кладбищу, сказал, что здесь ему очень понравилось и он желал бы, чтобы его здесь похоронили. И его желание исполнилось.

I. ИЗ ПОУЧЕНИЙ МИТРОПОЛИТА ТРИФОНА

Самая главная, самая коренная заповедь Евангелия выражается в одном слове: «люби». Как мало, по-видимому, это слово, но какое великое, какое необъятное дело выражает оно! Конечно, каждый из нас говорит, что он не лишен любви, любит, например, своих родных, своих близких друзей. Их ли только надо любить? Нет, Спаситель говорит: любите всех людей без различия, любите и тех, кто вас ненавидит, любите проклинающих вас, благотворите всем, просящим у вас, не ожидая от них возврата и благодарности. И как любить? Как самого себя. Есть ли мера любви к самому себе?! В самом деле, есть ли добро, какого мы не пожелали бы себе от других? Тем не менее эта заповедь не неисполнима, ибо заповеди Христа не тяжки суть. Все дело заключается лишь в искреннем нашем желании исполнить заповедь Спасителя. Конечно, тотчас или в скором времени невозможно достигнуть полноты любви, ибо это значит сразу достигнуть совершенства, всякое дело начинается с малого. Прежде всего постарайтесь менее думать о себе и более обращать внимания на нас окружающих. Если мы будем внимательно всматриваться в жизнь, люди нам откроются совсем не с той стороны, с какой они являются для сухого себялюбца. Тот смотрит на них, как на средство своего благополучия и решительно не обращает внимания на их личную жизнь; а между тем у всякого человека свои скорби, свои радости, свои болезни души и тела, и скорбей и болезней гораздо больше, чем радостей. И вот истинный христианин и должен прислушиваться к голосу людей страждущих и по возможности стараться им помочь. Разнообразна должна быть эта помощь: не всякого можно утешить деньгами или вообще вещественным вспомоществованием, много таких, которые гораздо более нуждаются в добром, ласковом слове, в духовном совете, не откажем в них, утешим их, как умеем. Такое-то отношение к ближнему называется сочувствием, то есть мы стараемся так же чувствовать, как и они, их чувства переносить на себя, оно и называется состраданием, ибо их

страдания заставляют и нас страдать, а так как от страдания всякий человек желает освободиться, то и мы, сострадая ближним, облегчаем их страдания. Когда это сочувствие укоренится в нашей душе, нечего и указывать, что в каком случае надо сделать для других, само сердце укажет нам, чем в известном случае облегчить нашего ближнего. Но сказано: не только любить ближнего, но даже любить и ненавидящих нас. Это, братие, гораздо труднее для нашего грешного себялюбия. Как, в самом деле, любить такого человека, который постоянно вредит тебе и мучает тебя? Но рассмотри, братие, прежде всего причину этой к тебе ненависти, не сам ли ты в ней виноват и не на самого ли себя тебе прежде всего сетовать? Будучи очень чувствителен ко всякому оскорблению, не оскорблял ли его и не сам ли посеял в его сердце злое семя ненависти? Как часто наша болтливость, наша неумеренность ссорит людей, расстраивает самые лучшие отношения, и вот, сами того не замечая, мы вместо друзей создаем себе врагов. Поэтому скорей примиришься, проси прощения, чтобы солнце не зашло в гнев твоем. Если и чувствуешь себя правым – все-таки первый примиришься, потом, разобравшись в своих чувствах, может быть, и найдешь за собой вину. Говорят, святой Тихон, будучи уже епископом, однажды вступил в спор с одним помещиком, который, раздраженный, что святой побеждает его в разговоре, забылся до того, что ударил святого по щеке. И что же святой? Он смиренно склонился, упал пред ним на колени и кланялся в ноги, просил прощения, что раздражил его. Вот великий пример для подражания, и, к сожалению, очень немногие ему подражают. Но если мы и со всеми будем стараться жить в мире, все-таки найдутся злые люди, которые нас будут ненавидеть и завидовать нам. И нам не надо платить ненавистью и злобой, их надо жалеть. Не так пожар опустошает охваченный им дом и пожирает имущество, как злоба или ненависть палят душу и опустошают в ней все доброе. Если редкий человек и пожалеет несчастного погоревшего, то тем более должно пожалеть душу человеческую, палимую диаволом. Как ветер все более и более раздувает пламя и

пожар, так и такой человек еще более его разжигает своими злыми действиями, обидами, наветами, клеветой.

... Помолимся за ненавидящих нас – они достойны великого сострадания! Они уже здесь начали адскую жизнь... Итак, братие, будем всеми силами поддерживать это сочувствие к нашему ближнему, дела милосердия да не оскудевают в нас, тогда постепенно в нашем сердце исчезнет сухое себялюбие и на его месте вырастет любовь к ближнему, и кто хотя несовершенно, хотя в очень малой степени достиг этой любви к ближнему или хотя немного испытал отраду сочувствовать ближнему, тот уже здесь, на земле, вкусит святой рай.

(О покаянии). Пред явлением Господа народу и вступлением Его в дело спасения нашего был послан святой Иоанн Предтеча – приготовить людей к принятию Его. Приготовление состояло в призвании к покаянию. Покайтесь – взывал он к иудеям. И покаяние с того времени стало путем ко Господу и преддверием веры в Него, теперь Сам Спаситель, начиная Свою проповедь, говорит нам: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф.4:17). Слова эти первоначально были обращены к иудеям. Тяжело было их положение пред пришествием Господним: они находились под властью сурового народа, покоривших их римлян, вера истинная тоже угасла в их народе, а ее заменило только исполнение обряда, то есть совершали правила, положенные в законе Моисеевом, а в душе были далеки от Бога. Всякий разврат, беззаконие свирепствовали среди народа, даже ожидаемое пришествие Спасителя они понимали грубо, чувственно, думая, что явится царь, который освободит народ еврейский из-под ига римлян, покорит им все другие народы, и они станут самым славным и богатым народом во всей вселенной, тогда будет весело, роскошно, привольно жить. Недаром они названы были людьми, сидящими во тьме, страхе и тени смертной (Мф.4:16). Тьма есть образ духовного невежества. Когда мы в темноте сидим, мы ничего не видим, так и те, которые не знают Бога, не знают Его заповедей и поэтому не исполняют их, находятся как бы в духовной темноте. Когда человек не знает Бога, находится в духовной слепоте – он

по большей части порочен, развращен, готов на всякое злое дело, даже преступление, поэтому тьмой иногда называется всякий грех и беззаконие, а Светом – истинная вера, просвещающая человека, добрые дела его.

Иудеи названы также сидящими в тени смертной – то есть смерть представляется как бы дающей тень длинную и мрачную, смерть, конечно, здесь разумеется духовная, то есть когда человек грешит и не хочет каяться или если он не знает Бога – он как бы мертв, а оживет он тогда, когда познает Бога. Таковы были тогдашние иудеи – и к ним взывал Спаситель: покайтесь. Проходили целые столетия – и вот мы теперь гораздо счастливее иудеев: они не знали Бога, а мы уже младенцами познаем Его, принимаем святое крещение, омывающее нас от всякой скверны, телесной и душевной, мы слышим с самых ранних лет слово Божие, посещаем храмы Божии, сподобляемся соединения с Самим Господом Богом чрез принятие Его святого Тела и Крови, имеем многих руководителей, заступников и молитвенников за нас – в святых мучениках, праведниках, преподобных, имеем пастырей и учителей, наставляющих нас на всякую истину, – кажется, нам ли не иметь жизни духовной, нам ли не сиять Светом Христовым, – а между тем, увы, сколь многие из нас находятся в тени и сени смертной – увы, взывает слово Спасителя: Покайтесь и веруйте в Евангелие!

И Святая Церковь непрестанно призывает нас к покаянию – в Таинстве отпущения грехов наших священниками, прежде всего в постах, когда все богослужения, все молитвенные песнопения возбуждают нас к покаянию.

Покаяние отверзи ми двери... И Господь сейчас готов подать руку помощи истинно кающемуся. Будешь подражать Христу, будешь непрестанно взывать ко Господу – Ты видишь, Господи, наши слезы и срупы греховные, но и веру нашу, и покаяние наше видишь и воздыхания наши слышишь. Помилуй нас, Господи, помилуй нас. Аминь.

1892 г.

Духовная академия.

(В чем счастье?) Счастье – в молодости, красоте, богатстве, – говорит один; счастье – в славе, почете людском, – говорит другой; счастье – в научных или художественных трудах и открытиях, – говорит третий.

Действительно ли в этом счастье? Видал каждый из нас и богатых, и славных, и молодых, и красивых, и ученых, но кто из нас видал счастливого человека? *«Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме. Видал я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа»*, говорит премудрый в Святой Библии (Еккл.1:12,14). *«Сделался я великим и богатым, больше всех бывших прежде меня в Иерусалиме. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья. И оглянулся я на все дела мои, и вот все – суета и томление духа»* (Еккл.2:9–11).

Нет, не счастье, а томление духа, недовольство собой и окружающим, тоска, уныние, отчаяние – вот, кажется, удел нам на земле!

Молодой человек красив, да беден – и он томится; богат, да болен – и он тоскует; учен, славен, но ищет все большей славы, большего успеха – и не спокоен духом! Но даже и при счастливых сочетаниях всего: молодости, красоты, богатства, славы – он может быть несчастлив! Читал я о таком человеке, который был всем наделен Богом и который употребил все эти дары для достижения личного счастья. Ничем для этого он не дорожил, ни даже собственною душой, – ее вечным спасением!

И вот пришла к нему неумолимая старость – согнулся стан, поседели волосы, погас блеск очей, исчезла красота, ушло здоровье; жизнь уже изжита! Уныние и отчаяние овладевают им; впереди себя он видит неумолимую смерть, которая каждую минуту готова сразить его своею холодною косою, а за собой видит лишь ряд своих ошибок, падений, разрушенное счастье, разбитую жизнь своих ближних.

Был ли он, по крайней мере, счастлив? Нет. Всем насладившись, ни одной минуты не может он назвать истинно блаженною.

Жизнь, где же то счастье, которое ты сулишь людям? Ответ нам! И вот моя мысль уносится далеко отсюда, в одну пустынную бедную обитель, и видится мне: убогая деревянная келья, смиренный одр и на нем слабый, с едва слышным голосом, весь дрожащий от болезней, старости и трудов схимник.

Я, тогда – еще юноша, приближаюсь к нему, вглядываюсь в его изможденное лицо, и – о чудо! – на нем, на этом дивном лице, разлито небесное спокойствие, радость и мир. Вот он, этот счастливый человек, которого я так напрасно, так бесплодно искал в многомятежном бурном море житейском.

Отчего же он счастлив таким небесным счастьем?

У него ведь все отнято, чего желает и ищет мир: здоровье, молодость, богатство, суетные таланты!

И тогда-то я понял глубоко, в чем истинное счастье человека: оно в мире душевном, а приобретается оно неуклонным исполнением заповедей Христовых. Не умом лишь, а и сердцем понял я, что значат слова Спасителя: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6:33). Те, которые Его ищут, Его жаждут, к Нему единому всем сердцем устремляются, – те обретают мир души.

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14:27), – торжественно завещал ученикам Своим Господь Иисус Христос в прощальной беседе Своей с ними.

Нелегким трудом достигается он: много внутренней тяжелой работы над собой надо употребить, чтобы получить его. *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»* (Мф. 11:12). Но тот, кто имеет победу, победившую мир, – веру, надежду на благодать и помощь Божию и любовь к Богу и ко всем людям, – не боится никакого труда, никаких искушений, жизнь такого христианина трудна и тяжела по временам, но в ней нет томления духа и отчаяния.

Все упование, всю надежду свою, все желание свое он полагает в Спасителе своем-Господе. А при благодатной Его помощи, что может сделать ему злого человек или диавол? Мир Божий, превосходящий всякий ум, разлит в его душе!

1909 г.

(Зарождение зла). Библейский рассказ о грехопадении осмеивается. Но он полон глубокой исторической правды. Первых людей нельзя считать типом нравственно зрелых людей, достигших совершенства. Совершенство и в физической, и в нравственной сфере достигается долгим упражнением, воспитанием, опытом. Между тем наши праотцы были в нравственном отношении тоже младенцы. Из этого состояния они могли выйти лишь после того, как стали сознавать свое «я», свою свободу мысли и чувства. Этой цели прогресса служила заповедь райская, и эту цель понял змей, когда обещал, что они сами будут как боги, если не послушают Бога. Психологическая неизбежность этого момента в духовно-нравственном развитии не может подлежать сомнению. Переводя ее на простой язык, мы должны представлять ее как момент испытания нравственной свободы, рано или поздно совершающийся в жизни каждого человека. Но этот психологический момент не состоит непременно в действительном переживании самого зла или греха. Искушение состоит в том, что человек увидит для себя полную возможность согрешить. В момент преступления люди имели ложное, навеянное со стороны мнение о запрещенном древе. Они думали, что плоды этого дерева имеют особое, магическое свойство давать познание о добром и злом. Таким образом, они захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития их собственных духовных сил, не от внутренней работы над самими собой, а от физического питания плодами известного сорта. Таким суеверным поступком они подчинили свою природу внешним механическим влияниям и материальным причинам, а не тому нравственному закону свободы, который приводил их к совершенству: закон свободы они подчинили закону механической причинности.

Отсюда понятно, в чем, по Библии, заключалась первая вина и преступление людей. Они обесмыслили своим суеверным поступком ту самую идею, ради которой были созданы, извратили свои нормальные отношения к миру, потеряли свободу и нарушили Божественный миропорядок. Это

должно было механически повлечь за собой бедствия и неизбежную гибель. В этом заключается сущность человека. В Библии главные идеи: 1) идея творения; 2) идея грехопадения в связи с вопросом о начале и происхождении зла; 3) идея искупления. Все они находятся между собой в генеральной связи и решают самые важные проблемы жизни, отвечают на самые важные запросы человеческого духа.

1928 г.

(Перед исповедью). Однажды к Господу Иисусу Христу принесли расслабленного, с надеждою, что Он его исцелит (Мф.9:2–7). Сердцеведец Господь увидел, что болезнь постигла этого несчастного больного за его грехи, и поэтому, прежде чем по Своей великой милости исцелить тело больного, Он исцеляет его душу. Чад, говорит Он ему, отпускаются тебе грехи твои. Фарисеи, не веровавшие в Него и бывшие тут, усомнились в Нем и помыслили в своей душе: «Как Он может отпускать грехи... Кто Он такой, что Он имеет эту власть?».

Вот тогда Спаситель, видя их помышления, говорит им: «Что важнее – отпустить грехи или исцелить больного?.. Конечно, первое гораздо важнее... Исцелить тело может врач, но прощать грехи может только Бог, – поэтому, чтобы вы убедились, что я могу прощать грехи, Я исцеляю расслабленного». И расслабленный стал здоров. Вот какое великое дело – прощать грехи. Спаситель это подтвердил, исцелив расслабленного.

Вот и вы, мои дорогие, в таком множестве собравшиеся здесь люди, приступаете к исповеди. Скажу вам, что ни к какой церковной требе я не приступаю с таким волнением, как к общей исповеди; в самом деле, я вижу вас, но души вашей не знаю, она для меня закрыта... Я не сердцеведец, а между тем я беру на себя такое страшное, такое великое дело – властью, данную мне от Бога, прощать и отпускать грехи... Ведь, в самом деле, начатое здесь, на земле, продолжится в вечности: когда наступит мой черед предстать пред Престолом Божиим на Страшном суде, а, может быть, он скоро наступит, тогда Господь Бог истяжет меня не в моих личных грехах, а и в ваших грехах... И какой ответ тогда я дам?.. В этом успокаивает меня только

надежда на то, что вы не возложите на меня бремя выше моих сил, что вы благоразумно отнесетесь к общей исповеди, то есть если на душе вашей лежит страшный или соблазнительный грех, который поведать вслух вы стесняетесь, то непременно откроете его духовнику, который, в сущности, только свидетель есть, а каетесь вы Господу Богу... Кайтесь, ибо вы пришли во врачебницу... Если бы мы не желали очиститься от грехов, то есть исповедать свои грехи пред Богом, то зачем бы нам и приходить сюда, никто нас не звал, это наша добрая воля, это наше желание очистить душу от грехов (кроме особенных грехов). Каждый, зная свой особенный грех, непременно должен открыть его духовнику. Конечно, все мы во всем грешны, но, к сожалению и стыду нашему, мы сами не ощущаем тяжести наших грехов; в самом деле, положив руку на сердце, мы не придаем никакого значения им, страшно сказать, сколько раз мы клеветали, осуждали, подвергали насмешкам. Множество грехов обременяют нашу душу, и, как пыль садится на тело и делает его больным, точно так же и грех, садясь на душу, делает ее грязной. Говорю, в обыкновенное время мы этого не чувствуем. Здесь мне припоминается, как в день моей юности, когда я был маленьким мальчиком, одна знакомая моей матери, особа образованная, в высшей степени религиозная, говорила моей матери: «Наступил пост, вот надо говеть, готовлюсь, размышляю и не вижу никаких грехов...». Тогда я, будучи мальчиком, удивился, мне это показалось очень странным, и я ничего не мог тогда ей ответить, теперь бы я ей ответил: «Потому вы и не видите своих грехов, что эти грехи фарисейской гордости»; а по чистой совести сказать, многие ли из нас считают себя грешниками и преступниками в очах Божиих? Думаю – немногие.

Что же нужно делать, чтобы выявить наши грехи, чтобы они затронули нашу душу, чтобы они возбудили чувство покаяния, чтобы они возбудили нашу совесть? Когда совесть пробудится, тогда пробудится и душа и все воззрение на грехи покажется в другом свете, тогда сонм грехов предстанет пред нами во всей ужасной мерзости; все равно как бы на листе чистой бумаги незаметны линии, но стоит зажечь свечу и поднести лист к свече

– и вы увидите, что на этом листе нарисована целая картина. Вот и совесть – она является огнем, который выявляет все грехи, и, может быть, когда совесть говорит в человеке, тогда он видит в своей душе толпы грехов, и тогда он говорит: «Грешен я».

Как же зажечь огонь для пробуждения совести? Различным образом: часто от доброго слова, которое западет в душу, или пробудит ее близкий человек, часто от Священного Писания, если углубиться в него, часто от болезней, скорбей, лишений, уколов самолюбия, от разбитой жизни... Но думаю, что одно из самых важных средств – это то, что вы собрались сюда, на эту общую исповедь (думаю, что вы с этим согласитесь), здесь, когда мы все объединимся в единое сердце и в единую душу, когда мы, может быть, единственный раз в году чувствуем это, когда мы молимся и желаем прощения, спасения, желаем вечной блаженной жизни, когда особенное значение получают наши грехи, тогда мы не скажем: «Этот грех малый, этот грех ничтожный»; тогда мы скажем: «Господи, прости, я сознаю, что я великий грешник»!

Простите меня, дорогие духовные дети: углубясь в свою душу, помолитесь о своем архиерее, припомните, что сделали в прошлом году, и будем просить прощения у Господа Бога. Ты же, Милосердый Боже, сказал: *«Где два или три собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф.18:20). Тебе открыты наши души и наши сердца... Ты видишь нашу искренность. Помоги нам благодатью Своею.

Я же грешный, властью Твоею, мне данною, прощаю и разрешаю вас от всех грехов ваших.

5 марта 1932 г.

СЛОВО В ТЮРЕМНОМ СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОМ ХРАМЕ В ДЕНЬ ПРЕСТОЛЬНОГО ПРАЗДНИКА ВО ИМЯ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ «УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ»

Невдалеке отсюда, в Гефсиманской обители, стоит богатый златоглавый храм. Множество богомольцев стекаются к нему ежедневно. Но не роскошью своего убранства привлекает он людей самых разнообразных сословий, а тем великим сокровищем, которое хранится в недрах его, в пещерах, когда-то выкопанных руками подвижников. Там, с кроткою улыбкою на устах, со всепрощающею любовью в очах, возвышается чудотворный образ нашей общей Матери, Печальницы всех христиан – Пресвятой Девы. И каких только скорбей, каких горьких тайн не приходилось Ей слышать, какие только трепетные от отчаяния уста не прикасались к Ней?! Если бы собрать все слезы, проливаемые пред Ней, они затопили бы весь громадный храм, до верхушки золотого креста достигли бы они! И много таких чудотворных икон на Святой Руси, и много припадает к ним, хотя и слабого духом, но еще сохранившего веру люда.

И благо вам, возлюбленные братья христиане, что вы знаете, где утешать болезни многовоздыхающих душ ваших. Благо и вам, возлюбленные, что вы стеклись сюда, оставив ваши домашние дела и работы, дабы вместе, едиными устами и единым сердцем, прославить в день престольного праздника этого храма Пресвятую Деву. Но горе тем, кто не хочет во святых храмах искать облегчения скорбей своих в молитвах и горделиво удаляется от сего правила христианского, составляющего одно из лучших свойств русского народа. Действительно, если всякий другой народ силен своими учреждениями, своим образованием, то русский силен своею верой: слабеет вера в нем, слабеют в нем и все духовные силы. Подобно тому, как во время солнечного затмения прекрасное летнее утро превращается в мрачную ночь, так и в душе человека омрачается все доброе, когда облаками страстей

заволакивается от него лучезарное Солнце – Христос, Свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир. И в этой наступившей тьме, как лживые призраки ночью, блуждают призрачные, лживые цели и стремления.

Слабеет вера, затемняется и цель жизни христианской: усвоение себе Божественных качеств Спасителя путем тяжелой борьбы с самим собою. Забывается, что жизнь есть подвиг, где в терпении стяживаются души, и в ней видят лишь наслаждение и телесный покой. *«Твердо уповал я на Господа, и он приклонился ко мне, и услышал вопль мой» (Пс. 39:2)*, – говорит христианин. А неверие говорит иначе: «Если жизнь не дает тебе тех радостей, которых ты желаешь, ищи забвения в вине и разврате или прекращай ее». И, к горю нашему, все более и более распространяется последнее убеждение, и с трепетом сердечным читаешь чуть ли не ежедневно о совершающихся убийствах и самоубийствах.

Но неверие не умолкает, несмотря на все эти неотразимые обличения, и берется за оружие насмешки. «Терпение – какая будничная, неблестящая добродетель! Это удел слабых существ, а не исполненных мужества благородных душ». Не слушайте таких речей, братья, и знайте, что терпением только и испытывается истинное величие духа. Еще скорее найдутся люди, готовые на кратковременный блестящий подвиг, но терпеть ежедневно все житейские дразги, мелкие неприятности, уколы самолюбия и не роптать, не выходить из себя, всегда иметь в душе одно лишь стремление к Богу и в Нем одном искать себе облегчения – как мало найдется таких! А еще меньше можно найти среди хилого духом, неверного, слабого современного люда такого, который мужественно бы переносил горькие утраты, тяжелые горести, то есть кто имеет высшую степень христианского терпения. Усвоить такое терпение может лишь тот, у кого не угасла еще вера, кто, хотя грешит и падает, но (подобно тому, как некоторые растения постоянно обращаются к солнцу) всегда обращает свою ослабевшую от греха голову к Небу. И вот когда он утвердит себя подвизаться в терпении, пусть взглянется в жизнь Пресвятой Девы, которая

ублажается всеми родами и прославляется в Царствии Небесном, которую Святая Церковь называет Честнейшею Херувимов и Славнейшею Серафимов, и от Нее научится этой славной добродетели. Она сподобилась быть Матерью Самого Спасителя мира и Бога, а между тем, кто из людей более претерпел, чем Она? С самого рождения Господа Она терпела тяжкие скорби. *«Тебе Самой оружие пройдет душу»* (Лк. 2:35), – предсказал Ей святой старец Симеон. И действительно, это пророчество незамедлило исполниться. Лишь только узнали люди о рождении Христа, как восстала злоба адская и полилась кровь неповинная, и вот Она вынуждена бежать вместе с Ним и Иосифом из своей родной страны в Египет, под страхом смерти и преследования. Долго живет там святая семья, и по возвращении оттуда снова тот же страх преследования и казни возмущает их тихую жизнь. Но вот Божественный Сын Ее вырос и начал благовестие. Не видела ли Она со всею ясностью, как мало Его понимают – не только народ, но даже и самые ученики? Как завидуют Ему и ненавидят Его старейшины народные? Чуткое сердце матери и без пророчеств предсказывало бы Ей, что должна совершиться страшная незаконная казнь. И вот она совершилась! Безгрешный, кроткий Сын Ее поруган, весь облит кровью, пригвожден к кресту вместе с гнусными разбойниками. Матери! Скажите нам, что испытывали бы вы, если бы вы видели дорогого вам сына на позорном кресте и если бы вы еще знали, что он терпит, ни единого зла не сотворив, и вместе с тем если бы вы веровали, что Он Бог и что Его Кровь падает на весь народ ваш, грозит Ему вечную казнь?!

Да! Оружие до самой глубины проникло Ей в сердце! И при всем том ни единого слова ропота, ни единой укоризны! Одни тихие, кроткие слезы: увы мне, Божественное чадо! Увы Мне, Свете мира! Вижу Тебя, чадо Мое возлюбленное, ко кресту пригвожденным и уязвляюсь горько сердцем. Дева рыдая глаголет (из канона Великого пятка). Нет у Нее ни малодушного страха, как у отрекшегося ученика, нет ни той слабости воли, которая отягчала сном веки учеников, когда уже должно было

совершиться страшное дело предательства. Одна глубокая покорность воле Божией.

«Вот я, раба Господня, да будет мне по слову твоему» (Лк. 1:38). Эти слова, сказанные Ею, когда Свет Предвечный открывал Ей, еще Отроковице, Гавриил волю Божию – рождение от Нее Самого Бога, – легли в основание всей Ее жизни.

Научи же и нас, Богоизбранная Отроковица, великой добродетели – терпению, научи и нас в нашей жизни не возмущаться скорбями, но все переносить с радостью и благодушием!

Особенно вы, возлюбленные чада мои духовные, заключенные здесь, в часы скорби вспоминайте жизнь Пресвятой Девы и почерпайте от Нее себе силы для борьбы со своими страстями и пороками. Вы временно удалены от людей: друзей, родных и знакомых; от своих обычных занятий. Вы, по великой к вам милости Божией, как бы заключены в затвор, подобно схимнику, для обозрения своей предыдущей жизни греховной. Пусть не пропадет это дорогое для вас время в нетерпеливом ропоте и сетованиях на свою долю или праздных мечтаниях. К Ней несите ваши скорби и вздыхания.

«Пресвятая Дева, Царица моя преблагая! Знаешь Ты мою болезнь душевную, знаешь мою скорбь, помоги мне, слабому и немощному! Направь меня на истинный путь, как странника. Обиду, причиненную мне диаволом, знаешь, – разреши ее». Так взывайте к Ней и терпите, зная и веруя, что придет час избавления, ибо «если Она тотчас не избавляет нас от всех зол и бедствий, то потому, что для многих из нас бедствия и скорби полезнее радостей и земных утех. Должно твердо запомнить каждому, что дух благочестия, дух веры и добродетели растет в нас и укрепляется не от богатств и сладостей мирских, а слезами и терпением в Боге» (Инокентий Херсонский. Ч. II. С. 98–99). «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21:19). Пресвятая Богородица, помогай нам! Аминь.

Произнесено 25 января 1894 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ СЯТТЕЛЯ НКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Христос Воскрес!

Нынешний праздник объединяет вокруг имени святителя и чудотворца Николая, можно сказать, все народы. Не только православные христиане, но даже неверующие, даже магометане и даже языческие народы, чему я сам был свидетелем, почитают святителя Николая и преклоняются пред святителем Божиим. И вот почему мне особенно было дорого совершить сегодня литургию именно в этом святом храме – чего я давно желал, – в этом храме, принадлежащем родственному по духу нам эллинскому народу.

Почему же святитель Божий пользуется таким уважением среди всех народов?

Да потому, что он является выразителем христианской любви. Несомненно, что и другие святые достигали, совершенствуясь, этой христианской добродетели, но ни у кого она не выразилась так явно, как у святителя Николая. В его житии мы видим, что он явно показывает: любовь есть основной закон жизни. В самом деле, он всю жизнь горел пламенной любовью, он выражал ее в делах, ни один день не обходился у него без любви: то он исцелял больных, то помогал бедным, то спасал во время бури, то спасал девиц, то ходатайствовал за виновных; одним словом, можно сказать, каждый день его жизни был посвящен любви к Богу и ближним.

Можно сказать, законы естественные, законы природы и те подчинялись ему: он даже прекращал бурю. А что всего дороже и редко можно встретить – под влиянием его заочного внушения смягчалась людская злоба и ненависть...

Да послужит любовь святителя примером и нам! Хотя мы знаем, что мир во зле лежит; но часто мы видим, что зло побеждается силою добра, что заповедь, данная людям в Ветхом Завете, была нарушена и что грех внес заразу во всех людей, тем не менее мы видим, что любовь побеждает нередко, что ради этой любви многие отказывались от наслаждений, что

эта любовь заставляла идти на смерть, спасти ближних. Будем и мы, возлюбленные братья, утверждаться в христианской любви! Она возможна только такому человеку, который взирает на Господа Иисуса Христа, который устремляет взор свой на Голгофу; он утверждается в любви, потому что он вспоминает, что Христос Спаситель ради всех нас, грешных и недостойных, пролил Свою Кровь на кресте; ведь если каждый будет так говорить: «Божественный Страдалец ведь за тебя пролил кровь, ведь за тебя Он претерпел страдания», – то он будет утверждаться подобно вчера празднуемому евангелисту Иоанну Богослову и святителю Николаю в этой любви.

Что мешает нам побеждать любовью? Наша холодность. Кто, что мешает оказывать нам столько христианской любви, чтобы побеждать злобу? Наше несовершенство... Если мы будем стремиться к совершенству, то мы непременно достигнем христианской любви. В чем да и поможет нам святитель Божий Николай, исполненный христианской любви и милосердия.

9 мая 1907 г.

В Греческом монастыре в Москве.

СЛОВО НА ДЕНЬ СОШЕСТВИЯ СВЯТОГО ДУХА НА АПОСТОЛОВ

В этот день мы празднуем сошествие Святого Духа на апостолов и вместе с тем непрерывное Его сошествие на всех людей. Христиане называют этот праздник цветом человека, ибо в это время года, весною, расцветает вся природа, точно так же в этот праздник мы вспоминаем, как мертвая духовно жизнь человека зацвела христианскими добродетелями! Как бы ни был грешен человек, но если он верует, то снова, при помощи благодати Святого Духа, он может зацвести христианскими добродетелями, так же как в весеннее время зацветают обнаженные поля и леса... И как приятно, что этот праздник празднуется в такое время, когда вся природа воскресает и все в природе вызывает благочестивые размышления. В самом деле, взгляните в небо, на эти мириады звезд, – радуется ваше сердце и хвалит Господа Бога вместе с безмолвною природою. Вглянитесь на птишек – и увидите, как бездушные твари восхваляют Господа Бога. Разве не наполняет благодать Святого Духа и их – дарами, которыми наполняет она душу человека? Не правда ли, поистине радостен этот праздник. Однажды совершилось сошествие Святого Духа на апостолов, но на христиан всегда совершается это сошествие и во все роды родов будет оно совершаться. Хотя человек рождается во грехах, но в купели крещения он очищается от этих грехов. Но вот ему нужны силы идти тернистым путем – и вот он получает эти силы в Таинстве Миропомазания. Но человек-христианин способен на доброе дело и всегда готов бывает на него только тогда, когда он находится вблизи от Христа Спасителя. И вот совершается литургия, и священник возглашает: «Приидите, ядите сие есть Тело Мое...». И человек соединяется и духом, и телом тесно со Христом, как питается соком ветвь на лозе. Но вот грех мучает человека, он чувствует, что сошел с христианского пути, что что-то мешает ему... Но вот благодать Святого Духа в Таинстве Покаяния врачует его. Но вот постигает человека болезнь, ужас

холодный леденит его сердце, у него много на душе грехов, не раскаянных, забытых, но вот в Таинстве Елеосвящения благодать Святого Духа очищается он, и прощаются ему грехи его. Да, поистине благодать Святого Духа всегда действовала и будет действовать до тех пор, пока не явится Господь Бог на землю. Это будет во второе пришествие, тогда при благодати Святого Духа души умерших соединятся с телами и предстанут на суд Божий со всеми делами, помышлениями.

О великий час! И как мало мы думаем, как часто мы забываем об этом часе, когда мертвые воскреснут; в ожидании этого часа многие оставляли жизнь, полную соблазнов и искушений.

Будем просить Святого Духа о ниспослании помощи и благодати себе и всем христианам.

О Святой Душе, прийди и вселись в нас и спаси наши души для Царства Небесного.

Мы мало думаем о душе. Мы забываем, что мы, как цветок, который распускается только на мгновение; мы мало думаем о том, что рано или поздно придет к нам смерть; что нас ожидает за гробом... на это мы мало обращаем внимания.

И если мы твердо решимся быть добрыми христианами и если мы твердо решимся стремиться к добру, то Господь Бог молитвами святых людей поможет нам достигнуть Неба.

11 июня 1907 г.

СЛОВА НА ДЕНЬ ОБРЕТЕНИЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА, САРОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Помня незабвенные слова преподобного Серафима: «Когда я умру, приходите ко мне на гробик. Все, что у вас есть на душе, какие скорби ни постигли бы вас – поведайте мне, как живому, – и я вас услышу, и я облегчу вашу печаль...» – помня это, возлюбленные братья и сестры, и мы, собравшиеся в этом святом храме, посвященном его имени, здесь, вокруг его святого образа, как дети вокруг своего отца, готовы воссылать молитвы к нему, готовы обращаться к нему со своими скорбями душевными, а ныне и с телесными. А у кого из нас нет скорбей? Кто из нас не страдал и не страдает? Кто бы он ни был, какое бы общественное положение ни занимал, у всякого, это можно сказать наверное, есть свои скорби, свои страдания, своя нужда.

Обратимся к нему, возлюбленные братья и сестры, как дети к родному отцу со своими скорбями, страданиями и нуждами... А прежде всего будем просить его о даровании тех добродетелей, которыми он отличался сам: об укреплении нашей слабой веры и надежды... Будем просить его о даровании величайшей добродетели – любви. Ведь для приобретения этой добродетели он трудился всю жизнь, работая над собою и непрестанно трудясь и молясь.

И вот припоминаются мне картины из его жизни. Представляется мне его маленькая келья среди густого, дремучего леса. Глубокая осенняя темная ночь. Жутко в лесу. Пронзительно завывает ветер. Раздается вой волков... Но святого подвижника ничто не страшит. Он стоит перед образом, пред которым едва мерцает свечка и едва теплится лампадка. И в то время, когда, казалось бы, душа его должна была испытывать полное одиночество, полную беспомощность, он не боится ничего: его не устрашает ни вой волков, ни грозные явления природы... Иногда ему представлялось, что его келья наполнялась дикими зверями, и слышался их вой. Иногда ему

казалось, что в его келью врывалась толпа людей – но он ничего не боялся. Однажды к нему пришли разбойники, требуя от него денег, окровавили его, измучили, оставя его едва живым, – и святой пустынный возвратился в свою пустыньку и просил, чтобы не преследовали этих злодеев.

Еще чаще представляется мне другая картина. Вот старец, согбенный от трудных подвигов, трудов и болезней, в белом подрясничке, с палкой в руке, окружен множеством людей самых разнообразных состояний, возрастов и положений, которые пришли поведать ему свои скорби, страдания. И вот здесь с особенною силою проявлял старец свои христианские добродетели: кротость, смирение, ведение тайн Божиих... Всех ободрял, утешал; скольких людей избавил от злой тоски, скольких людей возвратил к новой жизни во Христе Иисусе, которые сделались полезными в новой жизни и себе, и другим. Мы твердо веруем, что духовная связь между живыми и умершими не прекращается. Святой апостол Павел говорит: когда со смертью прекратятся вера и надежда, то любовь и тогда не прекратится (1Кор.13:8). И мы веруем, что эта любовь становится еще теснее и не прекращается. Она выражается по отношению к (умершим) и святым со стороны живых усердною молитвою, а со стороны умерших – духовною молитвенною помощью, исцелениями. Вот почему, возлюбленные братья и сестры, будем усердно, единым сердцем и едиными устами, молиться святому Божию чудотворцу преподобному Серафиму и будем твердо верить, что он не оставит, как не оставлял и при жизни, наши молитвы и теперь услышит их и будет слышать их всегда.

19 июля 1907 г.

В храме прп. Серафима Саровского.

* * *

Когда внимательно вчитываешься в жития святых угодников, как, например, в житие преподобного Сергия, преподобного Серафима и других пустынников, то невольно изумляешься Промыслу Божию о них; ведь эти люди менее всего искали человеческой славы, той славы, что называется популярностью, чтобы о них много говорили, чтобы хвалили,

поклонялись им, превозносили их в жизни, они бежали от этой человеческой славы, этого человеческого почета: они более всего заботились об усовершенствовании своего духа, о работе над собою, о приобретении себе, с помощью усердной молитвы, талантов – добродетелей, – и для этой цели они удалялись в пустыни. И... вот – дивное чудо!

Многие, искавшие славы, прогремели и исчезли... иногда даже с великим стыдом, позором; многие, жаждавшие популярности, приобретши ее, вспоминаются весьма печально, и даже люди, славившиеся своими выдающимися трудами, открытиями, вспоминаются холодно и почти безучастно, а между тем подвижники, не думавшие не только прославиться, но и бежавшие в пустыни от мира и его славы, не только не забываются, но вспоминаются и прославляются людьми с такою же любовью, с какою к ним относились и при жизни. С такою же любовью они вспоминаются целыми поколениями и веками, с какою они сами относились к людям. И этого мало: огнем, которым горели при жизни их сердца, они продолжают согревать целые тысячи душ и сердец.

Не правда ли, они подобны тем, на которых указывал Христос Спаситель. Он говорил: *«Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так – что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»* (Мф.13:31–32); и вот – эти люди, они умалили себя во всем. И когда, с помощью молитвы и благодати Божией, они изогрели искру в пламень живой веры, чистой надежды и горячей любви, то на этот пламень стало стекаться множество людей, и где бы они ни были, эти люди, в городах ли, в пустынях ли, какое положение они не занимали бы, в них тысячи сердец находили всегда себе отраду и утешение; и даже смерть не порывала этих отношений с возлюбившими их, а, наоборот, эта любовь стала выражаться еще крепче: со стороны живых людей – молитвою к ним, а со стороны праведников – благодатными утешениями. Поистине, по слову Христа Спасителя, они выросли в великое дерево, под сенью которого спасаются души

человеческие, подобно тому, как под сенью дерева укрываются птицы.

Возблагодарим же Господа, даровавшего нам святого молитвенника – преподобного Серафима. Будем призывать его во всех скорбях, с надеждой быть услышанными.

СЛОВО НА ДЕНЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ЦЕЛИТЕЛЯ ПАНТЕЛЕЙМОНА

Вот мы видим пред собою святой образ Божией Матери и святые мощи великомученика и целителя Пантелеймона. Усердно помолимся этому угоднику. Отчего так прославляют его, спросите вы, сравнительно с многими другими святыми?

За его твердую веру к Господу Богу; за его безграничную любовь к людям, за его терпеливое перенесение страданий.

Да и в самом деле, он имел в своей жизни всё: и молодость, и ученость, и знатное положение, – он все это пренебрег; ничего иного не хотел, кроме любви Христа Спасителя. Он ради Христа Спасителя возлюбил сотворенных Им братьев своих; он именуется врачом безвозмездным, потому что он искусство свое употреблял на лечение бедных и неимущих; он никому не отказывал, кто бы ни обращался к нему за помощью.

А его терпение в страданиях! Он шел на эти страдания, как на великий подвиг. Он шел на них с любовью и радостью, ибо знал, что человек живет не для этой жизни, а для вечной. И мы, возлюбленные братья, помолимся усердно и за себя и за ближних наших, о даровании и нам этих великих добродетелей, какими отличался святой великомученик Пантелеймон.

Теперь особенно надо об этом молиться; теперь повсюду замечается оскудение веры: быстро распространяется отрицание ее, а отсюда является любовь только на словах, а на самом деле оскудевает, ослабевает любовь детей к родителям, родителей к детям, любовь к семье, к ближним, к Родине – и заменяется ненавистью. Отсюда, с уменьшением любви, является оскудение к терпению; человек не хочет переносить никаких скорбей и страданий, а между тем эти скорби и страдания все более и более умножаются, еще на короткое время, ради самолюбия, похвалы, человек, пожалуй, и готов потерпеть немного, но постоянно терпеть и без ропота переносить страдания и скорби не будет и у него самолюбия.

О, как мало таковых, которые несут терпеливо свои скорби и страдания.

Терпеть может только тот, кто, подобно растению, которое живет под действием влаги и света, верит твердо в Господа Бога, надеется на Его милосердие и усердно молится Ему. Итак, помолимся же и мы усердно Господу Богу и за себя, и за ближних наших, да утверждаются в нас эти великие добродетели – вера, любовь и терпение.

27 июля 1907 г.

СЛОВО НА ДЕНЬ ЯВЛЕНИЯ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ГОРОДЕ КАЗАНИ

Как всегда радостен праздник Божией Матери!

Приветствую вас, возлюбленные братья и сестры, христиане, с праздником Владычицы Нашей Небесной! И не правда ли, как знаменательно в этом году празднование иконы Божией Матери Казанской, Которая не раз спасала Своим заступничеством от многих бед наше Отечество и, в частности, спасла Москву.

Не правда ли, как знаменательно это празднование, когда вчера мы праздновали память великой княгини – преподобной Евфросинии, этой печальницы и молитвенницы о нашей земле Русской, а 19 июня мы творили память первого Патриарха Иова, тоже печальника и молитвенника за землю Русскую.

Преподобная Евфросиния жила в тяжелое время, смутное время, время, которое летописец называл «унылым», «скорбным», потому что вся Русь томила под игом татарским; и вот в это-то время преподобная молила Господа Бога об избавлении своего Отечества от татар; старалась советами помогать своему мужу, укреплять его и утверждать в мужестве, а затем, после его смерти, и сыновей. После кончины своего супруга она отказалась от почестей великокняжеских, и, только чтобы ее не хвалили, она носила царские одежды... И, как всегда бывает, злоба и клевета не замедлили коснуться и ее, – и ее стали обвинять в нечистой жизни. И она перед детьми, чтобы не смущать их грязными слухами, однажды открыла часть своей одежды – и они увидели изможденное ее тело и поняли, какая она великая подвижница; а затем, вскоре, она поселилась в основанном ею Вознесенском монастыре, сделалась монахиней и удостоилась дара чудотворений. Так, однажды она исцелила одного слепого, когда шла из дворца в монастырь. Когда она шла, то слепой стал просить исцелить его; он так говорил: «Святая княгиня Евфросиния, исцели меня, ведь ты сама обещала исцелить меня; ты сегодня снилась мне и

говорила, что ты исцелишь меня». И святая княгиня коснулась рукавом своей одежды его глаз – и тотчас слепой исцелился.

И преподобная Евфросиния всегда усердно молилась Владычице нашей Небесной и имела глубокую веру в Нее, чему свидетелем является храм, построенный ею в Кремлевском дворце во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Прошло два столетия. Наступило XVII столетие, и в это время, после смерти Бориса Годунова, случилась на Руси неслыханная смута, такая смута, которую летописец, описывая, называет лихолетьем. Он так изображает: тогда любовь к Отечеству иссякла во многих, справедливость как бы исчезла с лица земли Русской; православная вера поколебалась, связи общественные и семейные стали нарушаться, измена сделалась обычным делом, а воровство, убийство считалось как бы подвигом; любовь к Отечеству называли презренною. Вот такое время было тогда. И в это-то время жил Патриарх Иов, который все усилия употреблял, чтобы водворить мир на Руси: он молился, он устроил чин богослужебный, сочинял книги; он хотел примером своей жизни показать, как надо жить; он страдал за свою Родину. Но, видимо, фиал гнева Божия должен был быть доведен до конца – смута разрасталась и разразилась появлением самозванцев. Святой Патриарх увещевал бояр, клятвопреступников, перебежавших на сторону самозванца ради выгод.

Однажды он совершал богослужение в Успенском соборе – клятвопреступники и изменники бросились к Патриарху, стали рвать одежды на нем; тогда Патриарх обратился к образу Богоматери со следующими словами: «Царица Небесная, здесь, в этом храме, я восприял благодать архиерейскую, здесь я надел святую панагию с изображением Твоего святого образа и семнадцать лет правил паствою; ныне ереси, неверие, смуты распространились в нашей земле – спаси и утверди землю Русскую, укрепи православную веру среди братий моих». Так говорил Патриарх. Потом его в одежде простого монаха изменники влачили по улицам, по площадям, издевались над ним, а затем заточили его в Старицкий монастырь. Но вот прошло несколько времени – смута та увеличилась.

Невозможно стало жить, и вот народ решил принести всенародное покаяние... И вот снова вызывается Патриарх Иов, столетний старец, в одежде схимника, изможденный от трудов, подвигов и неприятностей, прибыл он, как бы из гроба восставший, чтобы примирить народ с Небом; здесь он читал грамоту, составленную им, в которой испрашивал прощение грехов русскому народу; убеждал хранить преданность вере, Царю, любовь к Отечеству... И вот прошло с того времени еще несколько столетий, и снова мы живем во времена смуты, что делать? Как не обращаться к печальникам за землю Русскую, да умолят они Царицу Небесную, да умиротворит Она землю Русскую, и верим – Она услышит скорбь нашу и пламенные наши молитвы.

О молитвенники земли Русской, знаем мы, что вы можете умолить Господа, знаем также, что это все попущено Господом Богом по нашим великим грехам; но веруем, что Он щедр и многомилостив, что Он милость Свою простирает на всех верующих, все покрывает любовью, испросите нам прощение, да прекратится смута и водворится мир и благоденствие в нашей стране молитвами вашими и Владычицы нашей Небесной. Ей же честь, и слава, и поклонение во веки веков.

28 июля 1907 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ПРЕДПРАЗДНЕСТВА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВ ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Так снова, при наступлении поста, говения, покаяния, подвигов, воздвигается перед нами Крест Христов; и этим заставляя нас вспоминать о себе, о своей душе, о ее христианском назначении.

В самом деле, обыкновенно мы живем будничною жизнью, жизненными интересами, заботами, тревогами, озлоблением; то мы радуемся, то скорбим, то раздражаемся, то веселимся и вовсе не думаем о своем христианском назначении. Но вот, представьте себе, стряслась с нами какая-нибудь беда, постигло нас какое-нибудь горе, особенно смерть близкого, родного нам человека – отца или матери, не правда ли, как тогда сразу изменяется наше настроение? Мы делаемся скорбными, унылыми, а главное, мы начинаем глубже веровать; все, что интересовало нас минуту тому назад, кажется теперь пустым и ничтожным перед смертью.

Точно так же, возлюбленные братья, действует на нас Воздвижение Креста Господня: оно напоминает нам и смерть Христа Спасителя, подъятой Им ради наших грехов; оно живо напоминает нам дарованную Спасителем силу для борьбы с грехом... Сила этой борьбы – крест! Крест – это символ самораспятия! Таким образом, мы видим, что крест сделался символом христианина не потому, что на нем был распят Христос, а потому, что, взирая на крест, мы должны помнить, что и нам предстоит в жизни страдать, а потом умереть. В самом деле, об этом напоминают нам все Таинства и обряды. Что такое Таинство Крещения? Смерть греху. Таинство Покаяния и Причащения Святых Христовых Тайн – причащение себя страдальческой жизни Христа Спасителя. Крест на храме, на груди – все это должно напоминать христианину о борьбе с грехом.

В нашей душе замечается раздвоение, ибо в ней живет грех; в нас как бы живет два человека. Один добрый: он любит

добро; он готов принять в себя весь мир, он смиряется, терпит, любит врагов своих... другой – любит плоть, он тщеславен, завистлив, сладострастен... И вся наша жизнь проходит в борьбе между этими двумя людьми, то есть в борьбе добра со злом. В этой борьбе победить зло и заключается вся наша христианская цель жизни.

31 июля 1907 г.

СЛОВО НА ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ПО СЛУЧАЮ 200-ЛЕТИЯ ВОЕННОГО ГОСПИТАЛЯ

Сердечно приветствую вас с двухсотлетием славного существования военного госпиталя. И в какой многознаменательный день мы совершаем это празднование! Сегодня Святая Церковь вспоминает вхождение во храм Пресвятой Девы Марии. Ведь Она именуется Скорою Помощницею всех скорбящих, болящих Утешением, Утолением наших печалей. Ныне Она вводится в храм Божий – и ныне же совершается празднование двухсотлетнего существования этого учреждения.

Ныне, совершая Божественную литургию, я испрашивал благословение Господа на всех трудящихся в этом благом учреждении.

Вы сейчас из проповеди о. настоятеля слышали, что духовенство и монастыри приходили на помощь при постройке этого здания. Конечно, это вполне естественно. Вы все хорошо знаете, что Святая Церковь всегда должна приходить на помощь ближним. Как же было ей не прийти на помощь этому вновь открытому благому учреждению. Ведь здесь собирались люди вносить свою усердную работу на дела христианского милосердия. Ведь здесь открывался приют для болящих. Ведь здесь слышались и доныне слышатся звуки и стоны болящих. Понятно, как все трудящиеся и больные должны быть как бы родными и близкими пастырям Церкви, точно так же должно было быть близко им и само это учреждение.

И мы, пастыри Церкви, должны и обязаны молиться за всех трудящихся. Но не могу забыть, чтобы не упомянуть вам и о том, что это учреждение было первою воспитательницею науки, врачующей всякие недуги телесные, что здесь приготавливались врачи; а затем это учреждение особенно близко и дорого нашему сердцу, ведь оно назначено способствовать лечению наших воинов, а они ведь полагают жизнь свою за веру и Отечество. Как же нам усердно не молиться о процветании

этого учреждения! Да будет благословение Господне на всех трудящихся! Да будет заступничество и помощь Владычицы нашей Небесной на всех вас. Да будет вечная память и основателю этого учреждения – Петру I, и всем почившим благотворителям. (...)

21 ноября 1907 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ПОПРАЗДНЕСТВА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Приветствую вас, братья и сестры, с радостным праздником Рождества Христа Спасителя нашего – Господа Бога! Искренне желаю всем вам в мире, здравии и спасении душевном провести эти святые дни, которые православный русский народ называет Святками, то есть святыми днями, посвященными на спасение своей души.

Припоминается мне, как Блаженный Августин, рассуждая об этих днях, говорит:

«Господи, Ты – Всесильный! Ты – Премудрый! Ты – Любвеобильный! По Твоей силе Ты мог бы создать мир еще обширнее, чем этот. По Твоей премудрости Ты мог бы создать создания прекраснее, чем эти, которые Ты создал. Но ничего Ты не мог бы сделать более святого, более совершенного, чем дело спасения рода человеческого...

Это – выше всех дел Твоих! Когда я созерцаю ясли и Родившегося в них Младенца Христа – я поклоняюсь Ему вместе с волхвами! Я вместе с Ангелами воспеваю Ему: «Слава в вышних Богу и на земле мир!»

Но что особенно дорого – это то, что дело строительства нашего спасения Господь предпринял не ради Себя, а ради спасения нашего: да спасет души наши...

Ради этого Он явился на землю. Если всегда нам дорого дело нашего спасения, то теперь особенно должно быть дорого, теперь, когда неверующие и разного рода учителя стараются затемнить мысль о Рождестве Христа Спасителя, когда стараются мысль затемнить, для чего родился Христос Спаситель.

В самом деле – о чем больше заботятся теперь люди? О всем временном, скоропреходящем: о славе, о богатстве, о житейских удовольствиях, – и менее всего думают о смертном часе, о загробной жизни, они и мысль-то о смерти стараются удалить от себя.

Они напоминают греческого императора Гонория, который свою любимую птицу за красоту ее перьев назвал Римом, по имени славного того города Рима, столицы всего царства. Вот однажды на Рим напали неприятели и взяли его. Об этом один из придворных доносит императору и говорит: «Рим пал... он взят». – «Как?! Нет, я вчера еще слышал, как он прекрасно пел». – «Но Государь, я говорю не о птице, а о славном городе Риме». – «Ну, теперь я успокоился, а то я раньше очень испугался». А между тем взятие неприятелями славнейшего города, столицы империи, самой обширной тогда во всем мире, насколько важнее, чем гибель этой птицы. Точно так же и теперь – люди заботятся о мелочах здешней жизни и им придают особое значение, больше всего они заботятся об одежде, пище, о положении своем в обществе, о деньгах. А между тем, как все это ничтожно в сравнении с вечностью, а между тем все вопиет – и скорби, и болезни, и несчастия, – что не здесь жизнь, а там, в вечности; здесь только призрак.

Будем готовиться к этой вечной жизни!

Вот для тех, у которых еще не угасла вера и надежда, Господь взывает: Я ради вас родился и пришел затем, чтобы спасти вас.

Прийди, грешник, сложи свои страдания у ног Христа Спасителя. Он, как добрый пастырь, принимает заблудшую овцу и несет ее к Отцу Небесному. Ведь Он Сам сказал: *«Большая бывает радость на Небесах об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках»* (Лк.15:7).

И вот в преддверии праздничных дней была радость в Яблочинском монастыре, родном вам по духу, который находится в холмской Руси. Там было совершено освящение храма. Прежний храм был очень беден, мрачен; и ныне благодаря пожертвованиям и усердию московского протоиерея Н.А. Копьева храм возобновлен, украшен, в нем масса света. И великая радость была для насельников святой обители и для живущих там православных, так много терпящих от нападков католиков.

На память о нашем сегодняшнем общем молении прошу принять по маленькой брошюре, в которой изложено торжество

освящения этого храма.
26 декабря 1907 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНИЯ, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКОГО

Сердечно поздравляю вас, дорогие братья и сестры, с вашим престольным праздником. Искренне радуюсь, что Господь привел меня помолиться вместе с вами в день памяти дорогого для нас святителя, первого епископа Воронежского Митрофания, и в то же время – в этот воскресный день.

Этот храм сооружен милосердием для детей, воспитывающихся на средства благотворителей. Не обратите ли вы ваше внимание, если вам приходилось читать житие святителя Митрофания, как он был добр, милосерд к людям? И в нынешнем Евангелии читалось о милосердном самарянине. Как должен человек быть милостив к людям, об этом говорит Сам Христос Спаситель. Он так говорит. Вот один человек был ограблен, изранен и брошен еле живой при дороге (Лк.10:30–37). Мимо этого страдальца проходило много разных людей. Проходил левит, церковный служитель – посмотрел, бросил на страдальца равнодушный взор – и прошел мимо.

Проходил священник – и, увы, посмотрел на израненного, полумертвого человека, послушал его стоны, прошел мимо и ничего не сделал. Наконец, проезжал самарянин; самаряне издавна ненавидели евреев, между ними существовала вражда и ссора, они евреев считали своими врагами; он знал, что это был его враг, но, увидев его, ограбленного, раненого, избитого, едва живого, слыша его стоны, он сжалился над ним: содрогнулось его сердце... И он не проходит мимо, берет его, кладет на своего осла (там ездили на ослах), привозит его в гостиницу, заботится о нем и, уходя, дает деньги хозяину гостиницы, просит его позаботиться, и если больше истратит он, то обещает отдать после, он так говорит: «А когда я буду возвращаться, то тебе все отдам, что ты затратишь на него».

Закончив эту притчу, Господь обратился к спрашивающему Его законнику: *«Скажи, кто из этих трех был ближним попавшемуся разбойникам?»* Законник отвечал: «Тот, кто оказал ему помощь, то есть самарянин». Господь сказал ему: *«И ты*

твори тако же», – то есть поступай так, как поступил самарянин.

Из этой притчи, дорогие братья и сестры, мы видим, как и кому должно помогать. Больной не просил о помощи, он только стонал. И оказал ему самарянин помощь. Видите, больной был враг самарянину, иноплеменник, а тем не менее самарянин оказал ему помощь. И мы точно так же должны оказывать помощь не только близким родственникам, но и всякому человеку, хотя бы он был с нами и иных убеждений, должны оказывать помощь всякому скорбящему, страждущему, болящему. Вот чему учит нас эта притча.

В древние времена, говорится в Деяниях святых апостолов, не только общество, но и последователи христиан отличались благотворительностью. Об этом свидетельствуют не только христиане, но и язычники. Так, язычник (...) говорит: «Удивляюсь, как развита у христиан благотворительность: их Учитель заповедал оказывать помощь всякому человеку».

Император Юлиан Отступник, который хотел снова водворить язычество, говорил: «Будьте милосердны, как христиане; скольких больных призывают они... Если хотите иметь успех – будьте как христиане».

Вспоминается мне: император Декий прибыл в один город, где, он слышал, находится много христиан; ходили слухи, что они очень богаты; он обратился к диакону (а диаконы тогда занимались благотворительностью) с требованием, чтобы они открыли все сокровища и отдали бы ему все свои богатства. Тогда диакон привел к нему всех страждущих, детей, больных, увечных, на костылях, стариков и старух, привел и говорит: «Вот наше сокровище... возьми, если тебе их надо». Следовательно, все средства, которые находились в руках христиан, употреблялись на нуждающихся.

Искренне радуюсь, что этот храм и эти приюты созданы христианской благотворительностью, усердно помолился я, чтобы Господь подал помощь и силы всем трудящимся здесь.

Этот храм посвящен святителю Митрофанию; а он был суровым обличителем неправды. Он жил во времена Петра Великого и однажды вступил в обличение Петра. Он отличался

благотворительностью, был необыкновенно добр ко всем нуждающимся, двери его дома были всегда открыты для нищих и убогих; все они имели от него пропитание. Он любил посещать тюрьмы, больницы. Я думаю – ничем иным мы не можем так хорошо закончить наш молитвенный праздник, как усердно молиться покровителю вашего храма, святителю Митрофанию. Помолимся же усердно ему.

23 ноября 1908 г.

СЛОВА В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Итак, снова дождались мы давно ожидаемого радостного праздника Рождества Христа Спасителя, Предвечного Бога.

Чего же пожелать нам от Господа? Каких даров просить нам у Милосердного Бога?

В самом деле, когда родился Христос Спаситель, то волхвы пришли поклониться Ему и принесли дары родившемуся Спасителю; а мы, грешные, мы не только Ему ничего не приносим, но еще просим у Него даров милостивых. Как пастырь и ваш сомолитвенник, я могу молить и буду молить Господа, чтобы Он, Господь Милосердный, наградил нас не материальными благами, а благами духовными, чтобы Он возродил в нас веру, светлую надежду и горячую любовь. Если мы будем иметь эти добродетели, то мы будем счастливы, мы будем полезны и себе и другим.

Да благословит всех нас родившийся Спаситель и да умножит в сердцах ваших дары духовные.

* * *

Сердечно поздравляю вас, дорогие братья и сестры, православные христиане, с великим и радостным праздником Рождества Христова! Искренне желаю всем нам, чтобы тот мир, о котором воспевали Ангелы Божии, чтобы та любовь Божия к людям, о которой они предсказывали, вселилась богато в наши сердца.

Так четыре тысячи лет тому назад святой Патриарх Иаков, благословляя четвертого своего сына – Иуду, так изрек: «До тех пор будет пополняться царство Иудейское царями, до тех пор оно будет иметь своих законодателей, пока не придет Христос Спаситель, Ему покорятся народы». И вот две тысячи лет люди ждали обещанного Примирителя. Они изнемогали под тяжестью жизни, взывали ко Господу: «Господи, приклони небо и снисходи на землю», а ветхозаветные люди...жертвами знаменовали это непрестанное ожидание. Языческие мудрецы с отчаянием говорили: «Если Бог не придет на землю, то никогда не поймут

Его люди». Вот наконец ветхозаветные люди стали чувствовать, что приближается желанное примирение... Пришло время явиться Христу! И вот в тишине таинственной ночи, в долине пастырей, в окрестностях Иерусалима является в Свете небесном Ангел Божий и возвещает пастухам великую радость, и сказал Ангел: *«Не бойтесь, я возвещаю вам радость: отныне родился Христос Спаситель, Господь и Бог»*. Вместе с этим явилось бесчисленное множество Ангелов... и слышалась их песнь: *«Слава в вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение!»* (Лк.2:10–14). Много времени прошло с тех пор; около двух тысяч лет прошло с того времени, а между тем тот мир, о котором воспевали Ангелы Божии, где же он? Как далек он теперь, особенно от современных людей. Так же, как и прежде, всюду свирепствует вражда, ненависть, злоба, сын восстает на отца, брат на брата, дочь на мать... так же по-прежнему нет мира среди людей. Где же мир, дорогие братья?! Господь приходом Своим разрушил препятствие, которое существовало между Богом и людьми, Он примирил людей с Богом. Теперь всякий человек, если он принимает учение Божие, если он склоняет свое внимание на исполнение заповедей Христовых, тот приобретает мир.

Прошло много лет, и сколько было в это время людей, которые познали нищету этой жизни, почувствовали небесную радость, мир и любовь от соединения со Христом.

И как много в наше время таких людей, которые всем стараются говорить о мире и предлагают этот мир, но сами не хотят этого мира: они отталкивают призывание имени Христа Спасителя, они хотят жить во вражде с Церковью: и вот они живут вдали от Церкви... вдали от Христа Спасителя. Живя вне Церкви, они глубоко несчастны. Они хотят устроить мир собственными силами, но, наоборот, они вселяют всюду вражду, зависть – и не хотят этого сознать. Они, горделиво отдаляясь от Церкви, делаются все более и более несчастны. Они говорят: «В нашей душе царствуют страсти, в ней нет ничего, но вот если устроить внешний порядок жизни, то тогда и в душе нашей воцарится мир. Да разве от внешних порядков зависит мир душевный? Разве от внешних порядков зависит душевное

спокойствие и счастье души? Раз в душе царят злоба, кощунство, ненависть, раз нет порядка в душе, как же могут они успокоить свою душу? Одна вера Христова может примирить человека самого с собою, и с людьми, и с Богом. Теперь вы ясно видите, недаром Христос Спаситель сходил с неба на землю, пострадал, умер страшною крестною смертью, потому что никто не мог примирить человека с Богом. Кто постоянно кается, смиряется, соединяется в Таинстве Причащения с Христом, тот всегда почувствует в своей душе тот мир и любовь, о которых воспевали Ангелы Божии, и может устроить потом этот мир и в сердцах других людей.

И вот к числу таких людей, которые носили в своей душе тот мир, принадлежал дорогой батюшка о. Иоанн Кронштадтский, которого мы недавно потеряли. Он, как Ангел Божий, возвещал всем этот мир и своею любовью приносил всюду светлую радость.

Живо припоминается мне, как он служил несколько раз в нашем монастырском храме... Припоминается мне та как бы пасхальная радость, которую я испытывал при виде его лица, от беседы с ним. И вот его уже более нет! Никто более его не увидит...

Но он, который при своей жизни приносил всем мир и радость, он и после смерти не пожелает видеть безутешное горе всех от кончины его. Он как бы так всем говорит: «Я вас любил при жизни... Думаете ли вы, что я не буду вас любить и после смерти? Нет! Я всегда буду с вами, я телом только ушел от вас, а духом всегда пребываю с вами; для христиан нет смерти, а только телесная разлука. Я буду всегда с вами. Мы видим вас и всегда готовы оказывать вам помощь. Эта помощь есть молитва. Молитесь за меня, а я буду молиться пред Престолом Божиим за вас, чтобы мир и благодать были всегда в ваших сердцах». И мы, верные заветам нашего дорогого молитвенника, соберемся все вместе 28-го в воскресенье и вознесем за него усердные молитвы в девятый день после его кончины. В этот день, по учению Святой Церкви, душа умершего предстает пред Престолом Божиим и особенно нуждается в молитвах за нее.

В этот день соединимся в молитве и воздадим должное за его молитвы и любовь о нас, да упокоит Господь душу усопшего раба Божия новопреставленного протоиерея Иоанна.

26 декабря 1908 г.

СЛОВО НА НОВЫЙ, 1909 ГОД

Так снова дождались мы Нового года.

Приветствую вас, братья и сестры, с Новым годом, и искреннее мое пожелание состоит в том, чтобы Новый год был мирным, благополучным; чтобы в этом году все было на пользу нам. Вот что как пастырь могу пожелать вам. Обыкновенно люди желают друг другу счастья и представляют себе, что счастье заключается в высоком знатном положении, или в богатстве, или же в пустых, призрачных удовольствиях и радостях мира сего. Мы, христиане, не будем себя обманывать и не будем желать всего того, что желают себе люди неверующие; они желают счастья призрачного, которое, как мираж, быстро рассеивается. Мы, глубоко вглядываясь в мир, видим, как в нем все непрочное; самый мир как бы напоминает нам о том, что не здесь наша жизнь, а там, на Небе, здесь она только призрачна, а там, на Небе, ясна, вечна.

И вот искренне желаю вам утверждаться в тех добродетелях, благодаря которым люди прошли мирно, благополучно свой жизненный путь и оставили нам пример своей жизни.

Между нами припоминается мне недавно почивший дорогой батюшка о. Иоанн Кронштадтский. Когда пророк Илия возносился на небо, то пророк Елисей взывал к нему: «Отче, отче, колесница Израилева и конница Его», – и просил сугубой благодати, обитавшей в нем; ныне мы дерзаем просить благодати и молим Господа, чтобы Он по молитвам батюшки дал нам хотя малую благодать, которая обильно почивала на батюшке, и те великие неизреченные радости, которые невозможно променять ни на какие блага мира сего, чтобы Господь дал нам эту любовь, которою проникнуто было его существо, весь его дух, эту любовь, эту преданность Церкви Божией, которой Он всю жизнь служил до последней капли крови, Церкви, которую он защищал от нападков хулителей, хотя его преследовали; тем не менее он оставался верным сыном своей Церкви и мужественно отстаивал ее, затем – любовь к

ближним, благодаря этой любви он постоянно благотворил – и как много было таких случаев, когда благодаря этой помощи многие люди стали на ноги и сделались полезными и людям, и себе.

Искренне желаю, возлюбленные братья и сестры, воодушевляться этими святыми правилами батюшки о. Иоанна: любовью Бога и ближних. И вот когда мы вступили в начало Нового года, то постараемся ознаменовать его начало добрым делом. Вы знаете, что в Москве существует Серафимовский комитет, находящийся под покровительством преподобного Серафима; он имеет целью помогать лечением людям бедным, страждущим, не имеющим малых средств, лишней копейки, чтобы обратиться к врачу. И вот общество нескольких врачей под председательством Всеволода Николаевича Штурма взяло это учреждение под свое покровительство и взялось оказывать помощь, давать лекарства и содержать больных. Этот комитет существует благодаря благодатной помощи преподобного Серафима и сбором в храмах в день памяти его; он не обращается за помощью ни к общественным, ни к просветительным учреждениям, а живет на те копейки, которые соберут в день памяти преподобного Серафима.

Ознаменуем день Нового года и день памяти преподобного Серафима посильною помощью этому комитету и верим, что преподобный Серафим помянет нашу добродетель и помолится за нас Господу Богу, чтобы Новый год был мирен, благополучен и полезен для всех нас.

Всякий раз вспоминаются мне слова преподобного Серафима, которые он говорил дивеевским сестрам: «Когда я умру, вы приходите ко мне на могилку, – поведайте мне вашу скорбь, и я, как живой, услышу вас». И мы верим, что он слышит всех, обращающихся к нему. И мы, окружающие его образ, мы смиренно просим его молитв и за себя, и за других и усердно будем его молить, дорогие братья и сестры, в этот раз, чтобы в наступившем Новом году прекратились всякие нестроения, постоянные раздоры, чтобы прекратилось это быстро растущее безверие. Жизнь стала невыносимо тяжела, на каждом шагу грозят скорби, неожиданные бедствия, смерти. И

только тогда человек в состоянии сохранить спокойствие духа, когда он оживлен верою. Для верующего все возможно! Для верующего все светло и радостно!

Будем и мы просить преподобного Серафима: да укрепит он во всех нас святую веру!

2 января 1909 г.

СЛОВО В ПРАЗДНИК БОГОЯВЛЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Сердечно приветствую вас, возлюбленные во Христе братья и сестры, с светлым и радостным праздником Богоявления Господня.

О Господи, более пяти с половиною тысяч лет человечество ждало этого явления Господа Иисуса Христа, более пяти с половиною тысяч лет человечество томилось под страшным гнетом греха, проклятия, смерти, власти диавола; более пяти с половиной тысяч лет человечество старалось обрести истину и счастье. Напротив, ища счастья, оно впадало в несчастье: ища истины, оно впадало в заблуждение, принимало тень за предмет, ложь за правду до тех пор, пока не разочаровалось в собственных силах и высказалось словами Пилата: что такое истина? Да и есть ли еще истина? Не теперь только, но и тогда человечество искало жадно счастья, но, увы, находило полное несчастье, потому что как теперь, так и тогда полагало его найти в чувственных утехах, и вместе с отчаянием желало смерти и почитало лучшим средством самоубийство. Отчаянием, горьким отчаянием звучат слова философа Платона, когда он, обозревая мрачную действительность, восклицал: «Дать добродетель человечеству и открыть истину может Один только Бог».

И в избранном народе не лучше было перед рождением Христа Спасителя: и там не хотели понять приход Христа Спасителя, многие думали, что через Него можно достигнуть славы, богатства, высокого положения в мире; а другие – саддукеи – стали отрицать загробную жизнь, воскресение мертвых. Таким образом, и язычники, и евреи сознавали необходимость, чтобы скорее явился некто Спаситель Бог, чтобы примирить человечество и открыть новую жизнь. Человек не может этого сделать. Само человечество дошло до полного отрицания и отчаяния. И вот, казалось, все уже было потеряно... и вдруг слышится ангельское пение: *«Слава в вышних Богу...»* (Лк.2:14). Вот Он, Сын Божий, выходя на проповедь, идет на Иордан, чтобы получить крещение от Иоанна, для того, чтобы

спасти мир. Великая Тайна совершается на реках Иорданских: «Се – Бог является! Се – Сын Крещается! Се – Дух Святый сходит с неба на землю! Се глас Отца свидетельствует о Сыне и взывает: *«Сей есть Сын Мой Возлюбленный»* (Мф.3:17). Для кого был этот голос? Конечно, не для Самого Сына, потому что Он знал любовь Своего Отца; не для Иоанна Крестителя, потому что он знал, Кого он крещает; не для учеников, ибо их тогда у Иисуса Христа еще не было, не для одного народа был этот голос. Эти слова были сказаны всему страждущему человечеству, всем народам, эти слова сказаны нам: *«Сей есть Сын Мой Возлюбленный»*, – утверждает Отец с Неба, то есть это – Тот, Кого так давно и так жадно искало человечество; это – Тот, Кого предвещали Пророки; это – Тот, Который должен стереть голову змея, это – Он! Его слушайте, смиряйтесь! Это – Он пришел дать людям счастье не земное, а вечное блаженство, это Он пришел для того, чтобы открыть людям рай! Это – Мой Сын Возлюбленный: Он пришел для всех людей! Он пришел для тебя, дорогой брат или сестра, ты мучаешься; твои думы мрачные – вот тебе Сын Мой Возлюбленный. Ты не можешь избавиться от страстей и пороков – вот Сын Мой Возлюбленный, Он может освободить тебя и сделать Своим! Ты боишься смерти: она страшна и ужасна! Вот Сын Мой Возлюбленный, Он победил смерть и открыл вход в Вечное Царство. Ты боишься искушений диавола, ты боишься своей собственной слабой воли, – вот Сын Мой Возлюбленный! Он победил диавола, Он стер его голову, Он сокрушил его власть. «Се – Сын Мой Возлюбленный! Только слушайте Его, только делайте то, что Он прикажет. Он говорит... любите врагов ваших, следуйте за Мною. Не думайте о здешней жизни, о ее благах, – напротив: внимательно смотрите на вечную жизнь. Слушайте Его – и будьте счастливы». А саддукеи и их современники, которые продают Христа, не слушают Его, стараются отыскать счастье на земле и отрицать вечную жизнь. *«А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным»*, – говорит Иисус Христос (Мф.10:33).

Искренне желаю вам, чтобы крестившийся Христос Спаситель вразумил нас и открыл бы нам истину и дал бы нам величайшее счастье: Его любить, Ему верить и Его Одного слушать.

7 января 1909 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ СЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ДАНИИЛА МОСКОВСКОГО

Помолимся усердно почитаемому нами родному нашему, святому благоверному князю Московскому Даниилу.

Ныне особенно радуется обитель Даниловская, которая была создана святым великим князем Даниилом и в которой покоятся его святые мощи, но не менее радуется и наша обитель Богоявленская, ибо она является родною сестрою обители Даниловской, так как и она была создана святым благоверным князем Даниилом; а вместе с ними ликуют и все благочестивые люди, празднуя память своего святого, и, припадая к раке его святых мощей, получают от нее благодатные исцеления и, обзревая его житие, черпают из него уроки жизни. В самом деле, часто люди говорят: «Мы светские, а как трудно в миру спастись, гораздо труднее, чем в монастыре, где все приготовлено ко спасению». О, поверьте, все дело спасения не в обстановке, а в душе человека, стремящегося ко спасению. Пример этого показывает нам великий князь Даниил. Не он ли был высокого положения? Не он ли имел все, чтобы наслаждаться жизнью? Но, находясь в мирском обществе, он не соприкасался с ним; находясь среди мирских людей, он был собеседником Ангелов, как это пелось в песнопениях, составленных на день его памяти. Словом сказать, здесь, на земле, он приготовлял себя к вечности. По происхождению принадлежал к благочестивой семье, ведь и отец его Александр Невский был благочестивым князем, он воспринял с ранних лет семя благочестия, и это семя возросло и принесло плод. В особенности всех поражало его смирение, незлобие, кротость. Вы знаете, в то время Русь находилась под тяжелым игом татарским, а среди князей не было мира: они часто враждовали между собою; призывали себе в помощь иногда татар; страдала Русская земля и от татар, и от междоусобиц. В это-то время князь Даниил и явился миротворцем. Он всю свою жизнь употреблял на то, чтобы мирить князей, чтобы отвращать нападения татар, чтобы среди

русских людей было спокойствие и мир; его вера и благочестие поражали всех; в самом деле, не в пиршествах и веселии, а в молитве, усердной молитве и посте он находил себе утешение, его радостью было, чтобы множество церквей возрастало, чтобы благочестие распространялось, его счастье состояло в том, что он созидал обители; сию обитель Богоявленскую он основал, а затем и другую, Даниловскую; и вот в конце жизни Господь удостоил его постричься в схиму и быть погребенным в основанной им обители Даниловской. Затем, через много лет после его кончины, Данилов монастырь, пришедший в ветхость, снова был украшен благолепно, а затем, в царствование Царя Алексея Михайловича, по особому указанию Божию, святые мощи его были обретены нетленными. И вот он нас учит в жизни идти христианским путем, не взирая ни на что: ни на скорби, ни на вражду, ни на искушения. Правда, время, в которое мы живем, очень смутное, опасное; но нам не грозит такая опасность, какая была в те времена, вести христианскую жизнь, посещать храмы Божии нам никто не возбраняет.

Итак, будем усердно молиться святому благоверному князю Даниилу, чтобы он помог нам идти путем смирения, терпения, кротости, чистоты и пламенной веры.

4 марта 1911 г.

СЛОВО О БЛАГОРАЗУМНОМ РАЗБОЙНИКЕ

Когда видишь Крест Христов, то невольно вспоминается та молитва, которою взывал разбойник на кресте: *«Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царство Твое!»* (Лк.23:42). И действительно, эта молитва так трогательна, так умирительна, что недаром Святая Церковь заповедует молиться именно ею во дни Великого поста; она как бы лекарство, исцеляющее нас от наших духовных болезней, и она – лекарство сильное... Но вы, конечно, знаете, что всякое, даже очень сильное лекарство от постоянного употребления может потерять свою силу, может даже неблагоприятно влиять на наш организм. Точно так же эта молитва может приносить великую пользу, когда она приносится разумно, с желанием исцелиться от своих духовных болезней. К несчастью, этою молитвою мы иногда злоупотребляем. Как часто многие говорят: «Вот разбойник в несколько минут получил Царство Небесное, за несколько минут до смерти успел в нескольких словах принести покаяние и получить прощение своих грехов; и мы – ведь мы не разбойники – успеем еще покаяться, когда будем умирать, когда будем находиться на смертном одре: а теперь нашу земную жизнь употребим для себя, для удовлетворения своих страстей и похотей; успеем еще сказать несколько покаянных слов, когда будем лежать на смертном одре. О, как неправильно рассуждать так! О, как жестоко говорить так! Ведь со смертью и адом, как заметил еще древний мудрец, нет договора и условий; ведь не знаем мы, достанет ли нам времени перед смертью, чтобы хотя с несколькими словами обратиться к Господу Богу: ведь мы видим, как умирают люди, внезапно, иногда во цвете лет и сил, умирают во сне, среди пира, с мыслями о жизни, а не о смерти, будущем суде и его воздаянии.

Затем говорят: вот разбойник в несколько минут покался... Но они забывают, каковы были эти минуты. Забывают, что он страдал на кресте, что руки и ноги его терзались от гвоздей. Ведь недаром крестная смерть считалась самой мучительной; ведь недаром Сам Подвигоположник Христос Спаситель взывал

к Отцу Своему: *«Боже мой, Боже мой, зачем Ты Меня оставил!»* (Мф.27:46). Значит, эти мучения в высшей степени тяжелы. И вот мы на этом-то кресте, на этих кровавых гвоздях хотим почивать в нашей беспечности, в нашей лени, отмахиваемся лениво от голоса совести; говорим: «Успеем еще покаяться в последний час, перед смертью, а теперь будем жить для себя!».

Имейте в виду, такой веры, какая была у разбойника, не было даже у самих апостолов. Ведь легко исповедовать было Христа Спасителя в то время, когда Он находился в славе, когда Он творил великие чудеса, если бы разбойник видел Его воскрешающим Лазаря, то нетрудно было бы ему воскликнуть с апостолом Фомаю: *«Ты Господь мой и Бог мой!»* (Ин.20:28). Конечно, легко было бы исповедовать Господа, видя Его преобразующимся на Фаворе, во славе, видя, как сходили к Нему с неба пророки древности – Илия и Моисей; легко было бы ему вместе с апостолом Петром воскликнуть: *«Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну и одну Илии. Ты – Христос, Сын Бога живого.»* (Мф.17:4, 16:16). Если бы он слышал, по крайней мере, его проповедующим, слышал бы потоки благодати, льющиеся из уст Его, то, может быть, он сказал бы Ему вместе с апостолом Петром: *«Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни.»* (Ин.6:68). Но что видел разбойник в Нем на кресте?

Он видел в Нем только раны и льющуюся из них кровь!..

Что он слышал?

Он слышал только хулы и издевательства над Страждущим... И в Этом Поруганном не только людьми, но даже учениками Оставленном, даже самим Небом Забытом, он исповедует Бога, он исповедует Творца мира и Владыку рая.

Распятый Спаситель отличался от этих двух разбойников только колючим терновым венцом – и, однако, он исповедует его Сыном Божиим!

Поистине, как велика должна была быть вера, чтобы не ослепнуть среди всеобщей тьмы, чтобы не увлечься бурным

потоком всеобщего мнения, чтобы не соблазниться от всякого рода соблазнов и вознестись над всеми соблазнами.

И вот этот разбойник возносится!.. Иисус Христос на кресте – для него то же, как если бы он видел Его на Престоле Славы. Поэтому если о капернаумском сотнике сказано, что веры, его подобной, не было в целом Израиле, то о разбойнике поистине должно сказать, что его веры нельзя было отыскать в целом мире.

Но заметьте, в разбойнике мы кроме веры чрезвычайной видим еще пример любви к ближним, любви, которая заставила его, забыв собственные муки, позаботиться о своем несчастном собрате. Вот он видит своего колеблющегося товарища, который издевается над Христом, и у него является желание спасти его, может быть, он был ранее соблазнен на преступление этим товарищем, но он все забывает: он обращается к нему со следующими трогательными словами проповеди: *«Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли: а Он ничего худого не сделал»* (Лк.23:40–41). И, прервав ее, слабеющими устами обращается к Спасителю с молитвою: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое!»* как бы желая показать своему собрату не одними словами, а и примером своим то, что он должен сделать для того, чтобы спасти свою душу.

Думаете ли вы, что если мы проживем всю жизнь в удовлетворении своих страстей и похотей, думаете ли вы, что в конце нашей жизни сердце наше не иссохнет? Думаете ли вы, что оно будет в состоянии источать целительные воды любви? Нет!..

Мы, священнослужители, принимающие исповедь кающихся, можем засвидетельствовать, что все те, которые проводили свою жизнь беспечно, стараясь удовлетворять своим страстям, и на смертном одре обнаруживают сухость сердца... И часто приходится слышать из уст таковых стоны, уныние, отчаяние, а иногда и проклятие; но, во всяком случае, они не испытывают той покаянной любви, какую обнаружил покаявшийся разбойник.

Таким образом, пример благоразумного разбойника может нас не только ободрить, но и утешить. В нем мы видим, что разбойник явил пример такой любви, какой нет во множестве людей. Правда, его руки и ноги были пригвождены ко кресту и ему недолго оставалось жить, а если бы он сошел с креста, то он показал бы такой пример любви и строгой жизни, какой мы никогда не видели.

Таким образом, пример этого разбойника может нас утешить еще и тем, что один разбойник, следовательно, мог войти в рай; нас может утешить и то, что мы не имеем столько надежды и любви, сколько имел разбойник, чтобы войти в Царство Небесное.

Поэтому для того, чтобы достигнуть Царства Небесного, мы должны с этого дня решиться служить Господу: для этого мы должны выйти из этого храма с желанием жить так, как заповедует Христос Спаситель.

И вот последний урок, какой дает нам покающийся разбойник.

Если ты дорогой, возлюбленный брат, услышишь хулу на Христа Спасителя, а, наверное, тебе приходилось и приходится слышать нечто подобное, если ты услышишь эти хулы на Христа Спасителя от людей, дерзостно отрицающих Его Божество, издевающихся над Церковью, будь тверд, исповедуй Его, как Бога, подобно тому, как исповедовал Его разбойник, когда Он, наш Спаситель, был всеми оставлен, и воззовем к Нему, прося помилования: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое!»*

Затем, когда явятся у тебя искушающие мысли (а они часто посещают нас): достаточно я терпел от болезней, несчастий, – достаточно Господь посылал мне наказаний на земле; я уверен, что Господь Милосердый помилует меня там, – нет, вспомни разбойника, который претерпел на земле самую ужасную казнь, был распят на кресте, – и ты осени себя крестным знамением и скажи: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое!»*

Затем, если, дорогой брат и сестра, ты страдаешь от своих грехов, греховных болезней и привычек... или думаешь, что ты

никогда не исправишься, а злой дух шепчет тебе, что ты совершенно погиб, что ты не можешь уже более иметь надежды на милосердие Божие, о, дорогой брат, вспомни тогда о покающемся разбойнике, что он по милосердию Божию вошел в рай; что для Господа все возможно, осени себя крестным знамением и воззови из глубины сердца к Нему: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое!»*

Наконец, если действительно смерть застигнет нас не готовыми, застигнет нас неожиданно среди какого-нибудь бедствия, среди какой-нибудь катастрофы и не будет оставаться нам времени для покаяния, о, тогда будем просить Господа словами покаяния, этими словами покавшегося разбойника: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое»*. Аминь.

13 марта 1911г.

СЛОВО ПОСЛЕ МОЛЕБНА В ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ ИОАСАФА

Сердечно приветствую вас еще раз, возлюбленные братья и сестры, с нынешним праздником святителя Божия Иоасафа. Мне хотелось бы, чтобы в этот многознаменательный день еще более запечатлели в своем уме и сердце образ святителя Божия Иоасафа, для того я попрошу вас принять в благословение от меня, грешного, по святому образочку, на котором изображены святитель Божий Иоасаф и Владычица наша Небесная; а затем попрошу принять на память о сегодняшнем нашем торжестве по маленькому листочку, в котором излагается в кратких словах весьма многознаменательное житие святителя, а кроме того, мне хотелось бы устно в самых коротких словах начертать его житие.

Святитель Божий Иоасаф происходил из знатного, казацкого, помещичьего рода и родился 8 сентября, в самый день праздника Рождества Богородицы, в 1705 году. Родители его, несомненно, были люди благочестивые. Он, их сын, был плод благочестивой их жизни: несмотря на знатность и богатство, отец его проводил жизнь суровую, а последние годы своей жизни провел в духовных подвигах, для чего он удалился в лес и тут, в лесу, в маленькой избушке, он проводил время в посте и молитве. Очевидно, и святитель Божий Иоасаф с самого раннего детства уже готовился быть великим подвижником. Так, рассказывают в его житии, родители его часто устраивали роскошные празднества, на которых предлагали богатые трапезы для своих родных и знакомых; на этих пиршествах должен был присутствовать маленький их сын Иоаким (это было мирское имя святителя Иоасафа); и вот когда разодетые слуги разносили гостям богатые и лакомые блюда, святитель Божий от всего отказывался и вкушал только корку мерного хлеба.

Рассказывают, что в имении, принадлежавшем его отцу, сохранилась пещера, в которой отрок по ночам молился

Господу Богу.

Рассказывают, между прочим, о видении его отцу, когда отроку было 11 лет. Однажды отец его размышлял о своем сыне: он стал рисовать в своих мечтах, кем будет впоследствии его сын; ему представлялось, что сын его будет богатым, знатным человеком, достигнет высоких степеней... И вот он видит, как будто небо отверзлось – и в неопisanном сиянии он видит своего маленького сына, Иоакима, на коленях молящегося, с воздетыми к небу руками, и видит он, как над ним появляется Сама Царица Небесная и говорит ему: «Твоя молитва приятна и угодна Мне», и в это время спускаются два Ангела и покрывают отрока мантией. Понял тогда отец его, что не мирские почести и слава ожидают его, а тяжелые подвиги и святительский сан. После десяти лет отрок был отдан в Братский монастырь учиться, где в то время обучались дети знатных казаков. Потом, по окончании курса, у него явилось желание поступить в монастырь. Он ушел в Межегорский монастырь и двадцати двух лет принял монашество, затем он был сделан настоятелем Лубенского монастыря, а затем, еще через несколько лет, был назначен наместником Сергиевой Лавры, где прожил три с половиною года. Троицкая Лавра в это время была опустошена пожаром и представляла из себя печальное зрелище. Архимандрит Иоасаф всю ее благоустроил, восстановил после пожара. Если, дорогие братья, придется вам быть в Сергиевой Лавре, если придется услышать четырехтысячный пудовый колокол лаврский, если вам придется быть в Успенском соборе, если вы будете любоваться прекрасною лаврскою колокольнею, то знайте, что все это устроил наместник, архимандрит Иоасаф; затем, через некоторое время, он принял хиротонию архиерейскую и наименован епископом Белоградским; в то время это была большая епархия, которая заключала в себе губернии: Киевскую, Курскую и Подольскую; в ней было более тысячи церквей. С первых дней своего служения он начал благоустройство своей епархии. Он был начальником строгим, карал служителей Божиих, но в то же время он был полон любви и миролюбия.

Рассказывают, он потихоньку старался оказывать дела милосердия. Так, рассказывают, жила в одном месте бедная вдова, и вот святитель сам ночью рубил дрова и складывал их у порога ее жилища... Существует много рассказов о его тайной благотворительности, совершаемой им бедным белгородским жителям. Рассказывают, что он однажды пострадал от своего сторожа: однажды он ушел ночью, чтобы оказать помощь бедным, и когда он возвращался, то сторож принял его за вора и стал бить его весьма жестоко.

Несомненно, он был удостоен видений, чувствовал скорби человеческие, ему открыто было будущее; иногда он чувствовал святость Божию. Так, говорят, обзревая епархию, он остановился ночевать в доме одного сельского священника. Ночью он почувствовал необъяснимый страх, он встал с постели, стал ходить по комнате, он увидел на полочке что-то завернутое в бумажку, развернул и ужаснулся – это были Святые Дары... И понял тогда святитель, почему он почувствовал страх; он перенес эти Святые Дары на стол и всю ночь перед ними молился.

Но не тем прославился святитель Божий, что был усердным и разумным начальником, он прославился внутренними подвигами, он прославился тайною подвижничеством, известною только Одному Господу Богу. Мы знаем и наверное можем сказать, что он проводил свою жизнь в молитве, во внутреннем очищении своего сердца и своей души. Так, рассказывают, он настолько был внимателен к себе, что постоянно вспоминал о страшном часе смертном, который ожидает нас. Он каждый час молился следующей молитвою:

«Буди благословен день и час, в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада.

О Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моей приими дух раба Твоего, в странствии существующего, молитвами Пресвятой Твоей Матери и всех Святых Твоих, который благословен есть во веки веков. Аминь».

И вот, наконец, закончилась его многотрудная подвижническая жизнь. После его смерти тело не было

погребено почти два с половиной месяца, и оно не предалось тлению и до сих пор осталось нетленным. От его гроба стали истекать великие чудеса; великие, говорю, потому что последнее время особенно много происходит чудес от гроба; более четырехсот чудес уже записано, а кто исчислить может незаписанные чудеса? Недавно возвратился из Белогграда архимандрит Димитрий, синодальный ризничий, он мне рассказывал, что видел мальчика, скорченного по рукам и ногам, которого принесли ко гробу святителя, а оттуда он шел уже один, и говорит архимандрит: «И плачет, и смеется, и радуется, и благодарит Бога и святителя Божия этот исцеленный мальчик». Рассказывал казначей нашего Богоявленского монастыря, что он видел одну девочку, которая с детства была глухонемой; но когда положили на нее покрывку с головы святителя Божия, то ее глухота прошла, а ведь она грозила остаться на всю жизнь. Рассказывают, что одному глухонемому явился святитель и сказал: «Что же ты не обратишься ко мне: я имею великое дерзновение ко Господу и могу помочь тебе – и ты будешь исцелен... Я – святитель Божий Иоасаф». Рассказывают, как одна девочка, по имени Евгения, долго была больна; родители возили ее на Кавказ, лечили электричеством, ничто не помогало. Вот она слышит, как читали в газетах, что святитель Божий помог одному мальчику; тогда девочка говорит матери: «Мама, я более никуда не поеду, я не хочу принимать никаких лекарств – свезите меня к святителю Иоасафу; я уверена, что молитва моя будет услышана, как того бедного мальчика, которого Он исцелил». И вот гувернантка ночью слышит, как девочка с верою взывает: «Святитель Божий, помоги мне, я верую, что ты поможешь мне». Когда этого ребенка отвезли к святителю и отслужили молебен, то святитель оказал ей свою помощь и она исцелилась.

Да, великое светило возшло на небе Церкви Божией! Разве не величает его Церковь земная? Вы видите, какие чудеса творятся. Да, братья, говорю я, конечно, у всякого из нас есть свои скорби и болезни и мы радуемся, что приобрели еще нового предстателя и молитвенника в Церкви Божией. Усердно будем молить святителя Божия: «Святителю Божий, помоги нам,

наипаче же обрати заблудших членов Церкви Божией, да никто из них да не погибнет»; усердно, радуюсь, будем воссылать хвалебные песни святителю.

11 сентября 1911 г.

СЛОВО НА ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО, ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА

Усердно помолимся в этот светлый и радостный праздник преподобного Сергия! Усердно помолимся ему пред его светлым образом, пред его схимою и частию его святых мощей, имея его, как бы друга, находящегося среди нас. Ты же, отче, не забудь посещать чад своих, яко же обещался еси.

Крепка, нерушима наша духовная связь с преподобным и богоносным отцом нашим Сергием. Сколько народа, сильного простотою своей веры, идет к его раке, к его целебным мощам. Сколько душ, истомленных и изнемогающих в борьбе с житейским горем, ищут успокоения, отрады и утешения в молитве к нему... и верится, что он не оставит нас, что он ныне уже не игумен Радонежской обители, а игумен всего русского народа, которому он служит, как купленный раб, печется и заботится о нем, как любящий отец.

И не правда ли, как светло и радостно знать, что у нас есть небесные покровители и помощники, как преподобный Сергей; ведь связь Церкви Небесной и Церкви земной постоянная, твердая и устойчивая; ведь все мы составляем одно Тело Христово и имеем одну главу Христа Спасителя, и, как в теле человеческом, так и в Церкви все члены ее сострадают, соскорбят и сорадуются друг другу, и, по выражению Иоанна Златоуста, если Господь не возгнушался быть главою нашей Церкви, то тем более мы, ее члены, не должны гнушаться друг другом, мы должны служить и помогать друг другу. О, несомненно, вспоминая день памяти преподобного Сергия и усердно молясь ему, мы верим, что и он молится за нас Господу Богу, стараясь облегчить наши скорби, болезни, ведь для них, как бесплотных духов, открыты наши души, они знают, какие ухищрения делает нам диавол, чтобы отлучить нас от спасения; они борются и стараются помогать нам, ведь земная жизнь преподобного Сергия была одно человеколюбие и милосердие, а теперь, когда он близко предстоит Престолу Небесного Царя и

наслаждается небесными благами и имеет дерзновение молиться за нас... и это закон нашего сердца: когда человек счастлив, он желает, чтобы все были счастливы, точно так же и на небе, все святые, и преподобный Сергей, в том и находят счастье, чтобы делать счастливыми нас, своих собратий, и как скоро они приходят нам на помощь. В самом деле, если мы имеем земных помощников, и когда приходится нам переплывать моря, посещать другие города, стучаться в двери, то едва ли мы дождемся помощи, а небесные покровители, они всегда нас слышат. У кого есть вера, тот твердо верит, что они во мгновение ока могут исполнить желание нашего сердца, и верим мы, что преподобный Сергей по молитвам верующих исполняет их просьбы и совершает чудеса. Сколько чудес изливается от мощей преподобного Сергия, недаром Святая Церковь воспевает: «Твои мощи, как благовонный цвет, благоухают и всем верующим источают исцеления», недаром Святая Церковь называет его избавителем от напастей и скорым помощником... Будем усердно молиться преподобному Сергию; но в то же время будем помнить, что только тогда молитва наша будет усердною и будет приятна преподобному Сергию, если мы будем стараться подражать ему в нашей жизни. Иоанн Златоуст говорит: «Одно знай, что только тогда ты будешь иметь право получить просимое, когда ты раскаешься в грехах, будешь очищать свое сердце от зла и порока». Будем молить о предстательстве за нас преподобного Сергия: «Ты же, отче святой, помогай нам и не забудь, как обещал, посещать детей своих». Усердно будем просить его всегда, а в особенности в этот священный час, когда мы тесно окружаем его святой образ. Так будем просить и молить тебя, преподобный отче Сергие, как бы видя тебя присутствующим среди нас: усердно просим и молим тебя о мире душевном.

25 сентября 1911 г.

СЛОВО В ЧЕСТЬ ДНЯ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ИЗ ЕДЕССЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА (УБРУСА) ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

Святой евангелист Иоанн заканчивает свое Евангелие такими словами: *«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг»* (Ин.21:25), то есть кроме того, что написано в Евангелии, еще много сотворил Иисус, и думается, что если бы все это описать, то целый мир не мог бы вместить чудес, совершенных Им на земле. И вот к числу таких евангельских рассказов относится празднуемое сегодняшнее событие.

У Едесского царя Авгаря случилось величайшее горе: он заболел какой-то тяжелой, непонятной болезнью, все, что можно было сделать для своего исцеления, он сделал и тем не менее не получил никакого облегчения. Но вот он слышит, что в пределах Иорданских есть какой-то великий целитель, великий Пророк и Учитель, Который исцеляет одним Своим словом неисцелимые болезни и даже воскрешает мертвых; является надежда в его измученной душе, и он посылает к Нему своего слугу с письмом, просит прийти исцелить его, он так писал: «Я знаю, Ты – добрый, милостивый... Я знаю, Ты исцеляешь болезни, врачуешь недуги и даже воскресаешь мертвых, окажи помощь мне, исцели меня... Я тяжко страдаю». И между прочим посланному дано было другое приказание – снять с Него портрет. Анания благополучно исполнил первое поручение – вручил письмо, но, несмотря на то, что он обладал даром художника (он был живописец), никак не мог уловить черты Спасителя. Тогда Христос Спаситель Сам пришел ему на помощь. Он взял полотенце, отер им лицо, и на нем изобразились черты Его лица, то есть Его чудный образ; а затем Он сказал, что Он прийти не может: Он должен исполнить то, зачем Он пришел на землю. Он должен вознестись на Небо, а затем пришлет апостолов. И действительно, вскоре пришел

туда апостол Фаддей, и образ сей, как величайшая святыня, долго хранился.

Этот праздник весьма важен для нас, потому что он разрешает вопрос, надо ли почитать святые иконы? Да, надо, потому что Христос Спаситель Сам показал, что это поклонение не противно Ему, Он оставил этому пример. Этот праздник для нас, питомцев Духовной академии, особенно дорог, мы носим крест, на котором изображен образ Христа Спасителя, носим его во знамение того, что мы носим образ Того, Кто есть Свет истинный, и потому-то учение называется образованием. Прежде люди в образовании не нуждались, но когда согрешили, то стали стремиться к познанию Бога, и древние мудрецы, например Платон, говорили, что Бога нельзя нигде найти и нельзя о Нем рассказать. И вот нисходит на землю Сам Бог, Он указывает дорогу, где и как найти образ Божий: Он смиряет Себя; этот путь – смирения, этот путь – самоуничижения, этот путь ведет к Христу Спасителю, он заключается в самопожертвовании. И вот, стремясь к этому образу, изучая все то, что о нем написано, мы изучаем образ Спасителя; вот почему по окончании курса нам дается крест, во знамение Христа Спасителя.

И те, которые не учились в духовных учреждениях, пусть знают, что для них школа – мир, для них школа – Святая Церковь. Мир учит о великом всемогуществе Божиим, о Его мудрости. А храм Божий? Разве это не великое училище? Разве это не школа? Приходи в него, слушай Священное Писание, церковное пение, молитвы, молись, чтобы благодать Божия снизошла на тебя. И, конечно, ты приобретешь этот утраченный образ Божий.

Да помогает нам благодать Божия восстановить этот образ Божий! И пусть эта благодать Господа Иисуса Христа освящает светом истинным наш путь!

16 августа 1913 г.

СЛОВО НА ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Сердечно радуюсь, дорогие братья и сестры, видя нас, собравшихся сюда в таком большом количестве. Конечно, вас привлек не наш скромный вечер, а та благая и добрая цель, которая им преследуется: а именно, помощь больным глазами, которым грозит слепота. Слепота! Какое ужасное слово! И какое несчастье может быть страшнее, как ослепнуть! Некогда поэт сказал: «Не дай мне, Бог, сойти с ума, нет, лучше посох и сума!» Но мне кажется, что еще безотраднее, находясь в здравом рассудке, обладая в полноте своими чувствами, осознать раз навсегда, что все для тебя кончено, что на всю жизнь закрылся для тебя непроницаемой темной завесой этот прекрасный, сияющий разнообразными красками мир; что никогда, никогда больше ты не увидишь ни яркого солнышка, ни синего неба, ни свежей зелени, ни разнообразных цветов на полях, а главное, не увидишь человека, образа и подобия Божия, наиболее прекрасного из всех Его творений. Ужасно представить себе, что ты должен жить в вечной тьме, что до конца дней твоих ничто не в состоянии возвратить тебе радость жизни. Особенно, думаю, тяжелы первые минуты и часы ослепшего.

Вот представьте себе: человек теряет зрение; он перестал видеть одним глазом, но достаточно видит другим и мало беспокоится своим недостатком. Постепенно теряет и другой глаз: сначала малозаметно, затем это делается заметнее. Зрение слабеет, тускнеет, больной приходит в крайнее беспокойство, бросается от врача к врачу, а болезнь неумолимо идет вперед; он уже едва различает предметы, почти их не различает; как сквозь тусклое стекло, видит мир, в одно ужасное утро просыпается: все темно вокруг. Сначала он не верит своему несчастью, ощупью бросается к занавескам, открывает их судорожной рукой: та же зловещая тьма... Он слеп!

Вопль ужаса вырывается из его груди. Его душит отчаянье, он разрывает на себе одежду, как раненый, со стонами мечется

по комнате, весь сотрясаясь от раздирающего горя...

Но все кончено: он слеп навсегда.

О Господи, дай ему твердость веры, чтобы в этом припадке отчаянья он не дошел до крайней степени. Но больным, обладающим средствами и имеющим возможность вовремя прибегнуть к врачебной помощи, менее угрожает это несчастье, чем беднякам.

И вот на помощь-то им и приходит наше Общество, устраивая в течение нескольких летних месяцев больницу в Сергиевом Посаде. Главным образом оно имеет в виду богомольцев, которые в это время, стекаясь в большом количестве для поклонения мощам преподобного Сергия, подвергаются засорению глаз особого рода пылью, выходящей из колосающейся ржи. Кроме богомольцев больница лечит и вообще бедных больных, и с каждым годом число ее посетителей более и более увеличивается. За 17 лет ее существования больных перебывало 17 600 человек, операций было совершено 9750. Конечно, по-настоящему следовало бы иметь круглый год там больницу, и, скажем откровенно, наше тайное горячее желание, что, может быть, Господь Бог положит на сердце какого-нибудь доброго человека пожертвовать на это дело деньги, а теперь, пока мы, к великому нашему сожалению, едва-едва, с помощью добрых людей и благотворительных вечеров, можем собрать необходимые средства для ее временного существования.

И здесь прежде всего с глубокой благодарностью надо вспомнить имя В.Ф. Перлова, который в продолжение многих лет собирает значительную сумму для этой цели. Благодарностью надо вспомнить и врача нашей больницы П.М. Галли, к сожалению, покинувшего нас с назначением на другое место. Он своим талантом и знаниями целым тысячам бедняков возвратил зрение.

А какое счастье – вылечиться! Какая радость – снова видеть. Ясно представляю себе. Вот приходит больной: глаза распухли, затекли гноем, почти не видит... Начинается лечение: ему надевают плотную повязку на глаза, удаляют в совершенно темную комнату; видимый мир временно скрывается от него;

наступает тьма. Но вот ему разрешают снять повязку и открыть глаза. Сердце заколотилось в груди... «А ну, если я не вижу! Господи, Господи, помоги», – шепчет даже неверующий эту молитву! Робко, едва дыша, понемногу открывает он глаза...

Слава Богу, он видит!.. Восторженный, радостный крик вырывается из сердца... кровь бросается в голову... Он дрожит всем телом, и плачет, и смеется, и благодарит Бога: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!».

Припомним поэта, он описывает прозревшего слепого. Слепой опирается на палку, она ему указывает путь. Палка та слепому помогает щупать, трогать, идти не спотыкаясь; она – его глаза... Но вдруг во тьму слепого ворвался луч, слепой прозрел, слепой не палкою, а зрячим глазом видит; с неведомым блаженством он глядит на солнце лучезарное. Сначала оно слепит, сначала для него всё – чудная новинка; он не может по имени назвать все то, что видит; он щупает предметы; он не раз споткнется; глаз его новорожденный еще не приобрел, само собой, тот многолетний навык палки – навык, что так темно и смутно понимал свой темный мир.

Позволю себе прибавить несколько слов о задачах нашего Общества. Главное его дело – это школа для слепых детей; и воспитать их – очень мудреная задача, так как среди нормальных детей, потерявших зрение в самом раннем, младенческом возрасте, иногда почти тотчас после рождения, вследствие антигигиенических условий деревенской обстановки и нечистоплотности повивальных бабок, есть много детей-дегенератов, тупых, с сильно развитыми чувственными наклонностями, с дурною наследственностью. Надо много педагогического опыта, таланта, твердости воли и в то же время – нежной любви к детям и самого деликатного внимания, чтобы достигнуть хороших результатов – сделать их не только развитыми в умственном отношении, но и духовно воспитанными, дать им возможность взрослыми честно добывать себе кусок хлеба, вдохнуть в них бодрость и, как это ни странно покажется, до известной степени – радость жизни.

Конечно, надо сказать, что слепорожденные или потерявшие зрение в младенческом возрасте, не так тяжело

осознают и чувствуют свое несчастье. Ведь они не знают видимого мира. Для них не существует света, красок, цветов. Нескольких слепых от рождения спросили: «Что такое белый цвет?» Одному дали погладить белый пух, и он сказал: «Белый цвет – это нечто мягкое и нежное!» Другому дали погладить круглый предмет, и он ответил: «Белый цвет – это нечто круглое!» Третьему дали погладить кусок льда, и он ответил: «Это нечто холодное и скользкое!» Но в самих себе они не могут понять, что такое свет и что такое значит вообще – видеть! Не могут понять, а чувствуют это всем своим существом и страдают от этого незнания; и в глубине души их всегда есть неперестающая горечь. Вот почему слепые дети обидчивы, болезненно-чувствительны и крайне не любят, когда им напоминают об их несчастье, называют их несчастненькими, жалкенькими; их надо вести, как здоровых детей, и в то же время надо иметь в виду их недостаток – слепоту.

Задача очень трудная, но в нашем училище она разрешается очень удачно благодаря неутомимому и талантливому труженику – инспектору училища И.А. Назарову и его сотрудникам и сотрудницам, а затем горячему участию к училищу его попечителя Н.Н. Шустова, который помогает всеми средствами, не только денежной помощью, но, что гораздо важнее, теплым, сердечным участием, входя в его малейшие нужды, а к детям нашим он относится не только с любовью отца, но, смело скажу, с нежностью матери, и бедные, обездоленные детки платят ему взаимной, нежной любовью.

Да благословит его Господь Бог в лице близких! Кого заинтересовало наше дело, тот пусть побывает в училище и посмотрит на наших детей: как они здоровы, бодры, в меру резвы, веселы, как прекрасно они поют, играют на разных инструментах и даже очень удачно и изящно лепят из глины различные предметы. Летом, благодаря тому же Н.Н. Шустову, они имеют возможность наслаждаться деревенской жизнью: переселяются на дачу, гуляют, купаются, набираются сил для зимних трудов.

Одна из церковных песен красиво и поэтично изображает нам страданье слепорожденного: он тоскует, бедный. «За что, –

размышляет он, – такое несчастье? За грехи ли родителей? Во обличение ли неверия народов родился я без очей, я не могу разобраться: когда ночь, когда день, ноги мои нестерпимо спотыкаются о камни; я не вижу солнца сияющего, я не вижу образа Божия – человека, но молю Тебя, Христе Боже, призри на меня и помилуй меня!». По-славянски это выражено так: «Слепый родивыйся, в своем помысле глаголаше: еда аз ради родительных родихся без очию; еда аз за неверие языков родихся во обличение, не домышляюся вопрошати, когда ночь, когда день; не терпит ми нозе каменного претыкания, не видех бо солнца сияюща, ниже во образе мене создавшего. Но молются, Христе Боже, призри на мя и помилуй мя».

Когда ученики Христовы увидали слепорожденного, о котором повествуется в Евангелии (Ин.9), то они спросили Господа: «За чьи грехи он родился слепым – за свои или за грехи своих родителей?». Спаситель им ответил: ни он и ни родители его не грешили, но он слеп, чтобы явились дела Божие на нем. И он его исцелил.

Христос заповедал нам, христианам, подражать Ему в наших делах. Мы не можем исцелять слепых, но мы можем в известной степени предупреждать слепоту, а затем облегчать жизнь уже ослепших – это в нашей силе. А что мы сделаем одному из меньших наших братьев, то сделаем Самому Христу, по Его собственным словам!

Дорогие братья и сестры, кроме телесных глаз мы имеем еще и душевные очи, они видят все доброе и худое, что совершает наша душа, и передает виденное совести, а совесть нас или укоряет за дурное, или хвалит за доброе. И вот я твердо убежден, что ваша совесть сегодня сказала каждому из вас: «Сегодняшний день не прошел для тебя даром, ты сделал доброе дело. Благо тебе!»

26 марта 1914 г.

Москва, Благовещенский монастырь.

СЛОВА, ПРОИЗНЕСЁННЫЕ ЗА БОГОСЛУЖЕНИЯМИ СТРАСТНОЙ И СВЕТОЙ СЕДМИЦ (1918 ГОД)

17 апреля. Великий Вторник. Обедня

Завтра после литургии мы в последний раз услышим дивную молитву Ефрема Сирина, которая так близка нашему сердцу; мне кажется, что каждый из нас знает ее с самого раннего детства. В этой молитве выражается сущность всего того, что должна просить душа христианина.

«Господи и Владыко живота моего!»

Эта молитва создана преподобным Ефремом Сириным. Кто из нас не знает его жития? Ефрем Сирин был, как показывает его название, родом из Сирии; он принадлежал к числу величайших подвижников своего времени, поистине о нем можно сказать, что хотя он по телу был человек, но по духу он был как Ангел бесплотный; с ранних лет он удалился от мира в пустыню, где и проводил великое подвижничество. Он пользовался глубочайшим уважением своих современников и сам являлся учителем, он учил, он обличал пороки, когда замечал их; во время голода молитвами своими испрашивал хлеб, насыщал голодных, исцелял различные болезни, являлся защитником христиан перед язычниками; его писания приносили огромную пользу, так их уважали, что они читались в церкви после Евангелия и Апостола, постоянно в своих молитвах он просит всех простить друг другу, он просит бросить пороки, а потом стараться приобретать христианские добродетели. Так как это невозможно сделать без помощи Божией, то якорем благих основных чувств христианина должно быть смирение; это чувство – смирение, осознание своих слабых сил, в надежде на помощь Божию; в этом-то и отличие христианства от язычества, язычники горделиво говорят так: пусть боги дадут нам богатство, здоровье, честь, а добродетели сами собою достигнутся. Это говорит тот, кто не знает своей души, тот, кто никогда не проникал в глубину своего сердца и своих чувств; он никогда не проникал духом в смысл христианских добродетелей, а христианин проникает в свою душу,

рассматривает в ней, как глубоко проник туда грех, как сплетено зло с добром, как яд греха проник глубоко, и чтобы быть истинным христианином, а не казаться только таковым по виду, как много надо пламенной борьбы; человек будет казаться наверху чистым, а внутри его есть яд гордости. И вот, в осознании своей слабости, своего бессилия, христианин обращается с пламенной надеждой к Богу, пламенно молится Господу, взывает: «О Владыко моей жизни! Если Ты не можешь мне помочь, то я ничего без Тебя не могу сделать: вырежь зло из глубины моей души и насади туда семена добра». Так молится христианин; и мы, готовясь к величайшему Таинству, будем взывать к Нему с надеждой на Его помощь.

18 апреля. Великая Среда. Обедня

И так закончилась Святая Четыредесятница, и сейчас в последний раз мы слышали молитву великопостную: «Господи и Владыко живота моего...». Закончилось и наше говение для многих из нас, и вы завтра приступите к Таинственной трапезе, Таинству Причащения, для некоторых говенье еще продолжается, некоторые пожелают причащаться и в Великую Субботу, а некоторые, может быть, и на Пасху; но пусть не унывают те, для которых говенье было так кратковременно, дело не в количестве, а в том, как провели мы это время, если мы думали с полным сокрушением о своих грехах, с искренним желанием оставить их и отныне начать вести добрую христианскую жизнь, если мы так думали, то и малое сокрушение принесет немалую пользу; еще так недавно мы вспоминали память преподобной Марии Египетской, я рассказывал вам, как в ней пробудилась совесть и она дала обещание изменить свою жизнь, это произошло в одно мгновение по выходе из Иерусалимского храма. И вот припоминается мне один рассказ. Был один преподобный Павел Препростый, который и получил это название за свою простоту. Вот однажды братия входила в церковь, и он увидел человека с лицом мрачным, черным лицом, искаженным от страдания, видел он, как Ангел хранитель шел поодаль и плакал, очевидно, в душе этого человека накопилось множество грехов; может быть, идя в церковь, он обдумывал какое-нибудь злое дело... Но

вот окончилась служба, и видит он – лицо его сияет и он выходит уже радостный, и что же оказалось? Оказалось, что это случилось в то время, когда он услышал слова пророка: «Покайтесь, очиститесь, омойтесь...». Эти слова упали в его сердце, и он дал слово изменить свою жизнь и был прощен Господом. Да не ослабевает этот пример и в нас, а затем дам некоторое практическое наставление готовящимся к исповеди: вспомните 10 заповедей, заповедей Блаженства, и по ним испытывайте свою душу, обсудите хорошенько, в чем вы согрешили; у каждого есть свои греховные язвы, все сообразите, склоните свою гордость и проникнитесь чувством покаяния.

Старец Оптинский о. Амвросий, которого многие из здесь стоящих сами слышали, заповедовал всегда перед исповедью припомнить все содеянное в жизни, начиная с семилетнего возраста, то есть с того времени, когда в человеке пробуждается сознание, а затем советовал настроить свою душу на все высокое и чистое, советовал читать псалмы, Евангелие, жития святых и, насколько возможно, менее думать о мире греховном, чтобы сохранить светлое настроение, чтобы достойно причаститься Святых Христовых Тайн.

18 апреля. Великая Среда. Вечер

«Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны; просвети одеяние души моея и спаси мя».

Знаете ли, откуда заимствован этот образ чертога? Он заимствован из притчи Господа Иисуса Христа; как некогда человек, богатый и знатный, устроил Вечерю и пригласил на нее всех своих знакомых, но все под разными предлогами отказались. Тогда он созвал всех, находящихся на улице; и когда пришел туда один человек в одежде загрязненной, тогда хозяин пира велел его вывести.

Здесь под Вечерею подразумевается Царство Небесное, под одеждой – наша душа, с которой мы должны будем предстать на суд Божий, там, в Царстве Небесном, преподобные сияют, как драгоценные камни, там святые украшены своими добродетелями, там Архангелы воспевают

Господу Богу, там Свет, там вечная жизнь, там радость, но, увы, не имеем одежды, чтобы войти туда, и боимся быть изгнанными, подобно этому человеку. Там Свет, а душа наша темна! Там чистота, а душа холодна! Там любовь, а душа любит злобу! Там отрешаются от всего земного, а душа прилепляется ко всему земному. И единственно, что остается, – это взывать ко Спасителю Богу: «Просвети одеяния души моей и спаси меня! Ибо я Твое есть создание; не презри меня, просвети!.. Я не прошу Света Фаворского, ибо он Свет присных, просвети Светом Голгофы, чтобы уразуметь Свет Твоих страданий, как жить и куда идти, просвети – ибо я не желаю греховной жизни, а желаю пути христианского для достижения Царства Небесного».

19 апреля. Великий Четверг. Обедня

Сердечно приветствую вас с принятием Святых Тайн, снова, еще раз, подвиг молитвы, поста и покаяния привел вас к Трапезе Господней, снова Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным, снова соделывает Себе чертог, не вблизи нас, а в нас самих. Слава Тебе, Милосердый Господи! Куда же мы пойдем? Есть два пути: один путь – во двор архиереев к Анне и Каиафе, чтобы предать Христа, этот путь Иуды-предателя, который, причастившись на Тайной Вечере, пошел предать Спасителя своего; есть еще путь – путь в Гефсиманский сад вместе с Христом Спасителем на страдания и молитву и сораспятие с Ним; это путь апостолов, и он приведет нас к вечной Славе.

Сами выбирайте, каким путем идти.

Кто уже идет путем Иуды-предателя? Тот, кто живет в суете ума, кто свою жизнь, свое мнение ставит выше Господа Бога и сам объявляет себя Господом Богом, тот, кто служит страстям своим, для кого день наслаждения – высшее благо, таковой второй раз распинает Христа Спасителя и идет путем Иуды-предателя.

Кто идет путем апостолов, путем в Гефсиманию? Тот идет путем в Гефсиманию, кто плоть свою распинает ради Христа, тот, кто исполняет Его святую волю, кто Его желает выше всего на свете, это тот, кто сораспался и живет в благочестии, тот, кто говорит: «Христос – моя жизнь! Христос – мое приобретение!».

Это тот, кто, подобно апостолу Петру, споткнувшись, опять кается, такому конец – вечная жизнь, которую Сам Христос Спаситель обещал любящим Его. Дорогие братья и сестры, когда Господь Иисус Христос закончил Свою речь о великом Таинстве Причащения Тела и Крови Его и о том, как надо жить, чтобы быть последователем Его, то многие оставили Его, говоря: *«Какие странные слова! Кто может это слушать?»* (Ин.6:60); тогда Господь обратился к ученикам и сказал им: *«Не хотите ли и вы отойти?»* (Ин.6:67). Тогда апостол Петр, с пламенной верой, от лица своих апостолов и всех верующих, воскликнул: *«Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни.»* (Ин.6:68).

И вот, дорогие мои, в это тяжелое время, когда так жестоко ополчилось неверие, можно сказать, гонение на Христа, будем Ему верными, не отступим от Него, и всегда, что бы ни случилось с нами в нашей жизни, будем готовы вместе с апостолом Петром сказать: *«Господи, к кому нам идти!»*. И мы верим, что Иисус Христос, Сын Божий, жить будет в наших сердцах, да будет так!

А теперь возблагодарим Господа за то, что Он вселился в наши грешные души и живет в них, и из глубины души и сердца воззовем к Нему: *«Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!»*

20 апреля. Великая Пятница. Утреня

Вспоминается мне, как Христос Спаситель шел на казнь, спотыкаясь и изнемогая под тяжестью Креста Своего... Множество народа окружало Его, и многие женщины не могли удержаться от слез, плакали и рыдали....Тогда Божественный Страдалец обратился к ним и сказал: *Дочери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе... ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие... если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?»* (Лк.23:28–29, 31).

Да, дорогие братья и сестры, те слова Спасителя имеют вечное значение и относятся ко всем нам, и теперь говорит Спаситель: дети Нового Сиона, Моей Церкви, Я Своими страданиями купил вам вечную славу, и не только временно, но

и на все века и для всех христиан... В самом деле, когда видим все увеличивающееся неверие, когда видим богохульство, кощунство, когда видим, как увеличиваются эти пороки, эта ненависть, это оскудение любви ко всему святому, чистому, как не плакать о себе и о грядущем поколении, ныне более чем когда-либо наступает время плача, покаяния, молитвы. О Создатель, знаем, что наступит время Страшного суда, о котором так мало многие думают, который стараются отрицать; наступит время, когда скажут горам: падите на нас; и утесам: покройте нас от лица Сидящего на Престоле, ибо пришел день Господень и кто может противостоять Ему? И тогда горы не падут, и холмы не покроют... И теперь, пока есть время, должны молиться слезно: «Умягчи, Сладчайший Владыко, сердца наши, дай нам покаяние, умножь нашу веру, дай нам полюбить эту новую заповедь, которую Ты дал нам; пусть наша молитва будет о всех братьях ожесточенных, неверующих, некогда Ты принял покаяние разбойника, ныне прими и нас, вопиющих Тебе от чистого сердца: «Помяни нас Господи, когда приидешь в Царство Твое».

21 апреля. Великая Суббота. Обедня

Святой пророк Исайя за много и много столетий до страданий Христа Спасителя предсказал о них так, как бы будто видел их своими глазами. Откройте 2-ю главу, и вы сами увидите, до какой степени все то, что было о Нем сказано им, совершилось; там говорилось, что Он будет погребен с пророками и покой Его будет в честь... Не правда ли, какое же могло быть Его погребение с пророками, тогда как ненавидела Его злоба людская и ненависть; эта ненависть простиралась даже и тогда, когда Он висел на кресте. Он жаждал – и того не хотели сделать: все время то смеялись над Ним, то издевались. Его страдания не умиляли народ, а, наоборот, возбуждали ужаснейшую злобу... Как же могло совершиться Его погребение с миром? Вы сами знаете, хоронили Его друзья в саду тихо, спокойно, – и только лились слезы любящих Его; хоронили Его в тихий вечерний час Его почитатели; таким образом, Его погребение причиняло внутреннее глубочайшее горе, а внешне, по обычаю евреев, нельзя приступать к мертвому телу, и вот

поэтому все враги оставили Его, ради Его погребения и ради Пасхи, и остались только друзья Его, которые испросили тело Его для того, чтобы похоронить, и замечательно, кто Его хоронит... Его хоронили не ученики: их здесь не было; они проявили свою любовь к Нему после Вознесения и после Сошествия Святого Духа на них: они стали проповедовать Евангелие и пострадали за Христа. Здесь хоронили Спасителя те, которые скрывали ото всех то, что они были тайными Его учениками, они должны были тщательно скрывать свои пути к Нему; им были известны Его чудеса, как Он воскрешал мертвых; они хоронили Его тогда, когда все оставили Его, когда вера в Него считалась государственным преступлением... и вот в это-то время они просят Тело Его для того, чтобы похоронить Его. Нужно было для всего этого такое особое настроение, чтобы проявить все это явно... И пророк Исайя говорит: покой его да будет в честь... Эта казнь преступника, осужденного на смерть, и Он будет похоронен с честью... Смотрите, некоторые жены-мироносицы покупают масла благовонные, драгоценное миро для того, чтобы помазать Его пречистое Тело, и в таком количестве, как Царю: и этого мало – Его враги, желая унижить Его, тем самым как бы возвеличивают Его, как об этом слышим мы в Евангелии: Господин, эти люди, ученики Его, в третий день, может быть, украдут Тело Его и скажут, что Он воскрес из мертвых, поэтому привали камень ко гробу и запечатай печатью (Мф.27:63–66). Так было все сделано... и ко гробу Христа Спасителя была поставлена почетная стража, как бы ко гробу великого императора; Ему была оказана величайшая честь, с другой стороны, это было знаменательно: Его хоронил ученик тайно, и если бы Он воскрес, то могло явиться у них сомнение – не украли ли Его ученики и не сказали ли они, что Он воскрес... но здесь не могло быть никакого сомнения: стража из язычников, камень привален, камень запечатан, здесь и не могло уже быть более никакого сомнения, и ложь сама себя наказала. Таким образом, погребение Его было с миром, и покой Его – с честью. И как ни старались враги Христа охранить гроб Его, но, видимо, против воли Божией не пойдешь и для человека это было сделать невозможно. А может быть,

некоторые спросят, как нам направить нашу жизнь для того, чтобы она была полезна? Будем хранить всегда нашу веру и никого и ничего не бояться, потому что враги Христа могут задумать так, и выйдет иначе, и в нашей жизни все, что мы делаем ради Христа, ведет всегда к хорошим обстоятельствам, потому что все находится в воле Божией.

Закончу словами: *«Не бойтесь убивающих тело... а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне.»* (Мф.10:28). Бойтесь Христа Бога – Он есть Бог не мертвых, а живых, Его власть простирается не только здесь, но и за пределами нашей жизни; потому что здесь мы являемся только пилигримами, то есть странниками. Да утверждает в нас Господь Бог веру и, утвердив, да поможет нам беспрепятственно пройти житейский путь.

Желаю вам радостно встретить праздник Воскресения Христова, и пусть, когда Церковь станет восклицать: «Христос Воскресе!» – вы ощутите такой родник духовной радости, а если постигнут вас скорби, то будем верить, что Господь Бог всегда с нами и всегда готов проявить и Свою милость, и Свое благословение.

24 апреля. Вторник Святой Пасхи. Обедня в Никитском монастыре

Христос Воскресе!

С особым чувством я приветствую вас в этот раз, дорогие сестры, этим радостным приветствием: «Христос Воскресе», и это, конечно, потому, как вы и сами знаете, – мое знакомство с вашей обителью, а следовательно, и со всеми вами исчисляется многими и многими годами; много и светлого, и радостного, и печального соединено у меня при воспоминании о ней, давно не приходилось мне быть здесь и совершать здесь богослужение, и много воды утекло за это время: началась беспощадная война, и Господь привел меня быть одним из участников ее, был я свидетелем славной деятельности наших воинов и не менее славной кончины наших дорогих братьев – русских воинов, а затем начались всевозможные смуты и до этого времени многие продолжают, за это время мы успели как бы прожить целые десятки лет, каждый месяц казался и

кажется более чем за год, за это время некоторые успели уже состариться, но не стареет одно – это любовь христианская, и скажу вам искренне и нелицеприятно, что я всегда вспоминал вас и с любовью за вас молился. В самом деле, как много у меня воскресает воспоминаний прошлых; вспоминается мне возлюбленная старица игуменья Паисия... Господь да ублажит ее и да упокоит ее душу в Царствии Небесном, а вместе с нею вспоминается и другая старица, тоже родная и близкая мне, моя мать, которая так сроднилась с вашей обителью, которая так часто имела приют и отдых в вашей обители и пользовалась сердечным вниманием; немного пережили они друг друга; я первый раз служил в вашей обители, когда был архимандритом, ректором семинарии, а затем в продолжение моей архиерейской деятельности много раз мне приходилось совершать здесь богослужение и на хуторе, который вырос и возрастал на моих глазах; здесь совершал я заупокойное богослужение о матушке игуменнии Паисии, и, кажется, это было одно из самых лучших моих здешних богослужений; затем настала война, и мы расстались, и верилось мне, что снова Господь Бог соединит нас для общей молитвы. И когда же это случилось? В светлые дни Светлого праздника; может быть, для того, чтобы показать, что для тех, которые соединены искреннею верой, братскою любовью, Господь готов всегда оказать Свою всесильную помощь и послать в сердца их Свою радость... Я пламенно молился о том, чтобы этот дух радости ничем не омрачался и оставался бы даже и в тяжкие дни, и при тяжелых обстоятельствах, которые мы переживаем.

Что же за причина этой радости? Она в том пении, которое так часто слышится теперь, в пасхальные дни: «О, Любезного, о Сладчайшего Твоего гласа, с нами бо неложно обещался быти во вся дни до скончания века». Слышите, что Он говорит, наш Возлюбленный Спаситель? Он говорит, что Он всегда с нами: *Я с вами во все дни до скончания века*» (Мф.28:20). А если Он с нами, если Он около нас, если Он нас помнит, что могут сделать с нами люди? Ничего, потому что велика сила Христова, велика сила Его Креста. Это Он возвещает, увеселяет и радуется всех скорбящих. Это Он вселил радость в апостолов,

так что они, радуясь, готовы были идти на страдания и смерть, как и говорит апостол Павел: мы готовы радоваться и страданиям.

Да укрепляет в нас Воскресший Спаситель веру и любовь! И тогда Он всегда будет с нами, и тогда наша радость всегда будет с нами, какие бы ни были обстоятельства.

И вот моя молитва: «Да будет с вами Воскресший Спаситель всегда и здесь, и в будущей жизни». Аминь.

24 апреля. На Ваганьковом кладбище на могиле о. Валентина Амфитеатрова

Христос Воскрес!

В эти пасхальные дни заупокойные песнопения уже перестали быть унылыми и печальными, потому что сердце полно ликования и радости, вера и надежда окрыляются упованием, что Воскресший Христос воскресит и нашего дорогого усопшего батюшку о. Валентина; воскреснем и все мы, чтобы вечно радоваться в чертогах Отца Небесного.

Наш Бог – Бог не мертвых, а живых, и все мы здесь живем для вечной небесной радости. Вот почему, совершая моление об упокоении души протоиерея Валентина, мы молим Господа, чтобы Он сподобил всех нас причащаться в невечернем дне Царствия Христова, а также и дорогого усопшего, до радостного дня всеобщего воскресения. И верим мы, что он восклицает из гроба эти вечные слова: Христос Воскрес! Воистину Воскрес!

28 апреля. Суббота Святой Пасхи. Храм Знамения на Знаменке

Итак, сейчас будем раздавать вам святой артос. Вы, вероятно, помните, как в первый день Пасхи мы его освящали святой водой и читали особую молитву, вы видели, как всю седмицу после обедни ходим с ним крестным ходом вокруг храма, мы сейчас читали молитву перед его разделением.

Откуда ведет начало этот обычай поставлять святой артос, а затем после особой молитвы раздроблять и раздавать верующим? Что означает и зачем мы должны его потреблять?

Обычай этот весьма древний, он ведет свое начало со времен апостольских. После крестной смерти Господа Иисуса Христа апостолы имели обыкновение за своей трапезой

среднее место за столом оставлять пустым и перед ним клали хлеб с уверенностью, что Господь Иисус Христос, их Возлюбленный Учитель, невидимо присутствует и благословляет их трапезу, а затем, окончивши, они поднимали руки и взоры свои кверху и возглашали следующие слова: «Слава Тебе, Боже, Слава Тебе! Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай нам! Велико имя Пресвятой Троицы! Христос воскрес! Христос воскрес!». И затем, после этого, они раздробляли этот хлеб, вкушали, веруя, что Сам Господь Иисус Христос невидимо раздает его для вкушения, и вот этот обычай совершается и до этого времени – вот то, что вы сейчас видите, то есть квасный хлеб (по-гречески «артос»), готовится, торжественно обносится вокруг храма и после особой молитвы раздается всем верующим.

Что же он означает? Он означает Господа Иисуса Христа, взявшего на Себя грехи всего мира, подобно тому, как ветхозаветный агнец преобразовал Агнца Божия, Берущего грехи всего мира, так и этот хлеб свидетельствует, что Агнец Божий, Иисус Христос, уже в самом деле совершил наше искупление, что Он сошел с Неба на землю, заклался на Кресте и дался в снедь верным. Что показывает этот артос? Он показывает, что Господь Иисус Христос воскрес действительно плотью, а не духом, как утверждают некоторые, а что Он воскрес плотью, об этом Он Сам свидетельствует, вкушая хлеб с апостолами, свидетельствует Сам и тем, что разрешил апостолу Фоме вложить перст в раны Его, а затем ученикам, шедшим в Еммаус, повелел преломить хлеб и благословил его. Таким образом, видим мы, что Он воскрес плотью.

Понятно теперь, с какими чувствами мы должны приступить к вкушению сего хлеба: лобзая его, мы должны представлять, что мы лобзаем Пречистое Тело Господа нашего Иисуса Христа, а вкушая, духовно мы должны представлять, что мы как будто вкушаем Его плоть, и тем, которые вкушают с верой, Он подает исцеление и духовное, и телесное.

Приступим к принятию святого артоса, и примите его от моей грешной руки, и по вере вашей да будет вам.

Благодарность настоятеля храма Знамения Божией Матери на Знаменке о. Иоанна

Позвольте принести вам глубочайшую благодарность от себя и от всех наших прихожан за ваше посещение нашего храма и дивные служения во дни Святой седмицы и Святой Пасхи. Эти минуты непрерывного стояния с вами, эти переживания, эта последняя Пасха останутся надолго в памяти, а также и то редкое сочетание дивных служб с художественным служением. Ваше восторженное церковно-христианское служение приближало всех к тому смыслу, которым проникнуто христианское богослужение. Усталость, скука, эти спутники, эти неотвязные чувства, теряли свое настроение; когда оканчивалась служба, все сожалели и желали бы еще и еще оставаться и молиться, а ваши проповеди, глубокие по содержанию и доступные по языку, проникнутые искренним чувством переживаний, пробуждали наши сердца, укрепляли нас, раскрывали всю красоту и радость христианского самочувствия.

Ответ Владыки Трифона на благодарность настоятеля о. Иоанна

Сердечно благодарю и вас, о. Иоанн, и всех прихожан вашего храма, от лица которых вы изволили почтить меня этим дорогим словом. Поверьте, и я тоже не забуду то время, которое я провел с вами, и вот замечательное дело, что значит молитва, какое значение имеет общественная молитва, как ясно свидетельствует она, что мы рождены не для земной жизни, а для вечной, ничто так не сближает людей, как молитва. В обычной жизни человека встречают, любят, потом забывают и часто знать не хотят; не то в молитвенном отношении – здесь нет этого: если человек сроднится с пастырем, то эта связь не прекращается, она проникает через всю его жизнь, она возносится через молитву к Небу. В самом деле, еще недавно мне пришлось присутствовать на панихиде по батюшке о. Валентину, и как отрадно было видеть громадное количество народа, который с раннего утра до поздней ночи молился о нем, вот уже более прочной связи и нельзя встретить. Но вот что значит эта духовная общая молитва, скажу даже более: раньше

вы – чужие и незнакомые; после того, как я возносил моления о вас, вознося ваши имена и души к Престолу, вы стали мне родными и близкими, и я усердно молился и буду молиться, ибо я надеюсь, что я не последний раз здесь служил, чтобы Дух Святой утвердил нас на все благое, чтобы нам возноситься более и более ко Господу, и какие бы ни были искушения, мы должны твердо веровать, что наша вера – вера апостольская, вера православная, наша вера святыми апостолами всю вселенную утвердила и что ее ничто не уничтожит и ничто не поколеблет... И еще желаю, чтобы та духовная радость, которую мы испытали в первый день Святой Пасхи, утешала нас и всегда была с нами, ибо она есть отблеск той радости, которую мы будем чувствовать, если будем с Господом, с Его Пречистой Матерью. Вспоминается мне зверски убиенный митрополит Владимир, который жил скромно и желал умереть, храня веру и надеясь на молитвы Богоматери.

Он в 1902 году на пасхальном вечере закончил одну из своих проповедей так: «Господи, если кто-нибудь из собрания духовными очами веры узрел Тебя, как Воскресшего Спасителя, то останься с нами, останься на Вечери! Останься с нами на сей Вечери, останься, Господи, со мной, останься со всеми нами!»

Да пребывает Воскресший Спаситель со всеми нами во все дни нашей жизни.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ПРОПОВЕДИ И ПОУЧЕНИЯ

(Март – апрель 1921 года)

14 марта. 2-я Неделя Великого поста. Воскресенье.

В Москве, на Пятницкой, в храме Параскевы Пятницы

Вы слушали сейчас страшную повесть о страданиях нашего Господа Иисуса Христа, слышали ее и ранее несколько раз, но думаю, и всегда, и во всякое время, а особенно постом следует нам все глубже и глубже углубляться в духовный смысл этих страданий Богочеловека: и как бы мы не углублялись и сколько бы мы не старались проникнуть в значение их, тем не менее там останется много тайн духовной мудрости. Не мудрое, а простое слово услышите вы от меня, но слово, исходящее от сердца, и верю, которое найдет отзвук и в вашем сердце, ибо думаю, как я, так и вы думаете. Прежде всего взойдем на страшную Голгофу, чтобы увидеть страдания Многострадальца... Видим крест с пригвожденным на нем Страдальцем. Видя крест, из глубины души готовы взывать: «Боже мой, зачем Твоя смерть? Понятна смерть злодея... Ты страдаешь, Ты осужден на смерть... Но Ты – Чистейший... Зачем Твоя смерть? Ты – Творец вселенной! Ты мог бы одним словом послать тысячи Ангелов избавить Тебя... Ты погибаешь в руках разъяренной толпы... Боже мой, Боже мой, зачем Твоя смерть?».

А вот зачем: как драгоценный бриллиант, как яркая звездочка на темном небе, сияет ответ на кресте на этот вопрос. Зачем? Затем... и этот ответ в одном слове, и это слово самое великое на свете, выше которого нет ни на земле, ни на Небе, и это слово – «любовь». Ибо так Бог возлюбил мир, что и Сына Своего Единородного отдал, и Сам Он сказал: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин.15:13). И вот нам первое назидание с креста: Господи, Распятый ради нас, грешных, дай нам хотя бы в малой степени, нам, сухим, черствым сердцем, обладать Твоей любовью, не разбирая, кто друг, кто враг, всякому стараться

помочь, утешить, облегчить... – потому-то по этой заповеди и узнают, что мы ученики Христовы.

Затем, по правую сторону Божественного Страдальца, видим крест злодея и удивляемся: в самом деле, как это он, злодей, – и первый вошел в рай... за что? За свое покаяние... Слышали мы сейчас, как он взывал к Распятому на кресте: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое»*, – и услышал ответ: *«Ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк.23:42–43). Часто и мы легкомысленно откладываем свое покаяние со дня на день, и вот достаточно здесь нескольких минут, чтобы оказаться в раю. Истинное покаяние не так легко, как нам представляется. Вы подумайте, каково было терпение и каково было покаяние разбойника, – и вы поймете и убедитесь, за что он вошел в рай. В самом деле, когда он уверовал? Когда все, вспомните, от Спасителя отшатнулись, даже друзья Его, ученики оставили Его... Где были ученики? Где были благодетельствованные Им? Все бежали, и он, один, прославил Христа.

Легко было бы поверить, если бы Он был на Фаворе, когда Он явил свое Преображение перед учениками; легко было поверить и апостолу Фоме, когда, после Воскресения, он ощупал раны Господа, но уверовать в Него, когда Он был поруган, окровавлен, пригвожден ко кресту, когда как бы само Небо закрылось и на Его слова: *«Боже мой, Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?»* (Мф.27:46), – не было ответа... Да, в такое время много было веры у него, чтобы исповедовать Христа, а затем он уверовал в Него, и он мог бы просить облегчить ему страдания или чтобы Он освободил его и даровал ему жизнь... Но нет, он этого не просит; он обращает свои отуманенные очи и об одном просит и взывает: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое»*.

О Милосердый Господи, в наше маловерное время, когда со всех сторон стараются поколебать нашу веру, издеваются над Божественным Страдальцем, о, дай нам покаяние разбойника, дай нам веру, чтобы остаться верными рабами; когда мы будем на смертном одре, когда все земное нас оставит, дай нам слабым, коснеющим языком воззвать к Тебе:

«Господи, Иисусе, Сыне Божий, помяни меня, когда приидешь в Царство Твое». И много еще можно было бы сделать уроков назидания из этого евангельского повествования. Общий смысл – смерть, и символ смерти – крест. В самом деле – крест на всем: крест на вашей груди, крест на кровле храма, крест на кладбище; все свидетельствует о том, что христианин должен взирать на крест, как на символ жизни; умереть для греха и жить для правды, – в этом заключается и смысл нашей жизни. В Таинстве Крещения мы омылись от греха, в Таинстве Причащения мы получаем благодатную жизнь со Христом, Голгофа вожделенна, как рай! Она светла, как символ победы над грехами и страстями! Будем это твердо помнить; будем плакать, молиться; умерщвлять все греховное, дабы воскреснуть для вечной жизни. Итак, воззовем: «Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, так и мене древом крестным просвети и спаси мя».

20 марта. Всенощная 3-й Недели.

В храме святого Симеона Столпника, на Поварской

Вот, дорогие братья и сестры, достигли мы до половины Великого поста, и в самой середине этого поста Святая Церковь воздвигает перед нами Животворящий Крест, и мы видим этот Крест, с пригвожденным на нем Страдальцем. Невольно наша мысль переносится за много веков, когда совершилось это страшное дело, и мне ясно рисуется темная ночь, незаконный суд, архиерейский зал, полный толпящимся народом, мрачный свет светильников... За столом судии вместе с книжниками и фарисеями давно присудившие гибель подсудимого... а среди них кротчайший, смиреннейший более сынов человеческих Христос Спаситель... Все направлено к тому, чтобы Его осудить. В суде задается ряд коварных вопросов. Ответ на это – молчание. Наконец задается самый злой, коварный вопрос: скажи нам, действительно ли Ты Сын Божий?

Минута молчания. Слышится ответ, один из твердых, решительных: «Да, ты рече, Я Сын Божий!».

Тогда взрыв притворного негодования, взрыв злобы и ненависти: «На что еще нам свидетелей? Вот, теперь вы

слышали богохульство Его! Как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти» (Мф.26:57, 59–66).

Дорогие братья и сестры, негодует при этом рассказе наше сердце, если оно не очерствело. Больно бьется наше сердце за Него, а между тем наше время, как оно близко к тому времени. Не являются ли теперь ученые, которые стараются доказать, что Он не Бог, что Он богохульствует?.. Все направлено к этой цели, чтобы опозорить и унижить Его личность, ученые прибегают к различным средствам, чтобы доказать, чтобы унижить нашего Христа. Смотрите, в обыкновенной жизни – какая-нибудь картина, изображающая Его или Его последователей, какая-нибудь сцена, изображающая святых, какая-нибудь карикатура или кощунственная насмешка – не вызывают ли они одобрения и даже хохот у иных, разве это не правда? Но те, которые именуют себя детьми Спасителя, Его последователями, слугами Его Царства, они должны воспользоваться минутами, когда мы стряхнем ложь. Тогда мы будем чувствовать себя истинными христианами. Хотя бы в эти минуты поклонения Кресту, когда сердце радостно бьется, когда оно проникнуто любовью ко Христу, прикладываясь, будем просить у Него прощения во грехах вольных и невольных.

Но, Господи, за что же такая ненависть со стороны многих? Так могут сказать и говорят некоторые.

На это дает ответ Спаситель в словах церковной песни: «Люди мои, что Я сделал вам? Я открыл вам новую, блаженную жизнь! Я дал вам Свет. Я открыл новую жизнь – жизнь смирения и самопожертвования ради Меня... Вы, если бы не прекратились изжитки ярости, тогда вы обратились бы в зверей и растерзали бы людей; люди Мои, что Я сделал вам, за что вы гоните Меня и Моих последователей? За что вы Меня преследуете?»

За что? За то, что Ты открыл нам такую дорогу, которая невыносима для нас, для нашей гордости, – путь смирения, и именно только этим путем можно прийти к Тебе; этот путь для нас невыгоден – надо отказаться от нашей гордости, от себя – мы лучше готовы отказаться от Тебя, даже от нашей веры; так ответят многие и многие; мы готовы отпасть от веры и

поступить к ней, но не все, в это твердо верю я; многие скорби принимают за благо. Поклоняясь, Кресту, будем исполнять не простой обряд, нет, а в этом обряде будем видеть, как смиренный человек просит помощи – и, несомненно, получит ее.

Будем просить у Господа:

«Укрепи в нас веру, Милосердый Господи, и даруй нам, поклоняясь Кресту, увидеть и славное Твое воскресение».

25 марта. Слово на молебне в храме Знамения Божией Матери в Шереметьевском переулке в день Благовещения Пресвятой Богородицы

Все на свете делается Промыслом Божиим, ничего случайного не бывает, так мы, христиане, веруем; так случайность существует только для людей духовно грубых, тупых и для неверующих.

Мы веруем, что все совершается Промыслом Божиим. Не без Промысла Божия открыли мы богослужение в этом дивном, прекрасном, небоподобном храме Знамения Божией Матери, так давно закрытом и лишенном богослужения, открыли его именно в этот день, посвященный празднованию Ее Благовещения, благой вести о том, что Она родит Спасителя миру. День Благовещения – праздник радостный и светлый: русский народ говорит, что этот праздник настолько светел и радостен, что его празднуют не только люди, но и тварь неразумная: даже птица гнезда в этот день не вьет. В этот день, будущие прихожане этого храма, вы собрались сюда, чтобы помолиться, чтобы Она, Матерь Божия, утешила ваши скорбные души радостью Благовещения.

Припоминается мне, что когда 27 ноября Новгород был осажден неприятелем, то чудотворную икону Знамения Божией Матери вынесли на ворота и святая икона явила знамение: на глазах появилась и стекла слеза. Архиерей воскликнул: «О дивное чудо, сухое дерево являет знамение, что Царица Небесная ходатайствует перед Богом... Верую, что Она здесь, в этом храме, и ныне, хотя невидима телесными очами, но чувствуется Ее кроткий голос: «Дети мои, слабые, любимые, Я всегда молюсь за вас, хотя вы прогневаете Сына Моего и

неверием, и злобою, и жестокостью, и сребролюбием, но Я все-таки молюсь за вас перед Сыном Моим». Вы сегодня причащались и верьте, что Сам Бог вселился в вас. Знаете ли, что мне припоминается? В первые годы войны мне пришлось быть на фронте. Четыре месяца я был в Галиции со своим полком, можно сказать, обошел всю страну, жили и в городах, и в деревнях, жили в халупах, жили и видели много и горя и радостей. Много картин рисуется мне, но одна врезалась мне. Это было под Ярославлем. Была осень. Вот захожу в одной деревне в маленький, старый, деревянный, полуразрушенный храм. Был уже вечер сумрачной осени. Там гром пушек, потрясающий воздух, но здесь была тишина. В глубоком безмолвии выглядывают лики святых, чувствовалось, что Сам Бог присутствует здесь; судьба людей в Его руках... И вот взор мой в полумраке различает бедную крестьянскую женщину, она стоит на коленях перед образом Богоматери, руки распростерты к Божией Матери, очи полны слез умиления, она шепчет слова молитвы, она молится... О чем? Может быть, о муже, может быть, о сыне, погибшем на войне, может быть, о страждущей Родине, о своей деревне... О чем? Я не знаю... Я ушел, но она продолжала стоять на коленях. О, много таких душ во всех храмах стоят на коленях, взывают: «Согрешихом, беззаконнахом, неправдовахом пред Тобою». И верую, что и в этом храме, как дым кадильный, будет возноситься молитва к Престолу Божию, и пройдет зима, и воссияет весна над Русской землей и над каждым из нас: то же самое, что и в природе; хотя поля еще лишены растительности, но верим, что скоро и поля покроются травой. Вот у нас на Руси, рано весной, под сквозистым слоем снега среди пробивающейся травки, вырастает скромный цветок... подснежник, пусть и ваш храм будет подобен этому цветку: пусть он напоминает, что за зимой идет весна, что гнев Божий не вечен; что, прославляя Крест Христов, мы вспоминаем и воскресение Христа. Соединимся же в единой молитве к Богоматери и единым сердцем и устами прославим Ее и Ее Сына.

2 апреля. Пятница. В храме Похвалы Пресвятой Богородицы

Если всегда праздник в честь Богоматери светел и радостен, потому что он всегда напоминает нам о том, что Владычица наша Небесная всегда готова оказать нам Свою помощь, всегда готова услышать нашу просьбу (молитву), то тем более светел и радостен должен быть этот праздник в честь Богоматери, именуемый праздником Похвалы Пресвятой Богородицы, потому что сегодня Святая Церковь, обозревая бесчисленные благодеяния, оказанные Владычицею всему миру, все чудеса, оказанные и русскому народу и всем людям, прославляет Ее акафистным пением, почему и праздник этот именуется праздником Похвалы Богородицы. И здесь, в этом храме, который посвящен Пресвятой Богородице и в котором находится чудотворная икона Похвалы Богородицы, а также и чудотворная икона «Нечаянная Радость», здесь особенно светло и радостно празднуется этот праздник: украшая образ цветами и прославляя Ее акафистным пением, мы чувствуем Ее присутствие здесь и слышим Ее голос: «Дети мои, придите сюда, и Я успокою вас; кто оградит вас от скорбей и страданий? У меня есть Свет, который будет светить вам в вашей жизни!» Хотелось бы и нам прибавить свое слово к славословию Богородицы, но в акафисте сказано: «Витии многовещанные не возмогут изчислити величия Твои и предпочитают молчание». Мы знаем, что Богоматерь принимала всякую весть с покорностью воле Божией и имела множество добродетелей. Прославляя Ее, и мы постараемся избрать хотя бы одну из Ее добродетелей. Какую же добродетель мы избираем? Изберем ли в наше скорбное время особенно полезную добродетель: эта добродетель, вы сами, наверное, догадываетесь, – терпение. В самом деле, терпеть и в радости, и в скорби, и не выходить из себя, находить отраду и утешение в Господе Боге. Как мало найдется таких людей, а еще менее найдется таких, которые с терпением переносят скорби и на словах только смиряются... Пусть таковые вглядятся в жизнь Богоматери. Когда-то святой праведный Симеон Богоприимец сказал Пресвятой Деве: лютое орудие пройдет Твое сердце; и действительно, оружие пронзило Ее сердце. В самом деле, со дня рождения Спасителя Она терпит страдания. Слово Божие вселяется в Ее утробу; у всякой

женщины в это время является потребность в спокойной жизни, а Она и здесь, Пренепорочная, терпит подозрения Иосифа в святости брака, Она молчаливо и это переносит. Наступает время рождения... так угодно Господу было. Она вместе с Иосифом должна идти в Вифлеем для переписи, и здесь не находит места в гостинице, и в вертепе рождает Младенца, и вскоре должна бежать в Египет... Вот Спаситель возрос и начал благовествовать – Она ясно понимает, как старейшины ненавидят Его, как жадно стараются они прислушиваться к Его словам, чтобы потом обвинить Его и впоследствии предать; разве не видела Она, как мало таких, которые, как ученики Его, пошли за Ним; чуткое сердце Матери давно подсказывало Ей, что должна совершиться страшная, незаконная казнь... и вот она совершилась: Безгрешный, кроткий Ее сын поруган, пригвожден ко кресту вместе с двумя злодеями... Матери, здесь стоящие, скажите, что чувствовали бы вы, если бы вы видели своего сына на кресте? А Пречистая Мать терпит все, и ни единого слова ропота... одни тихие слезы льются. Пречистая Дева как бы так говорит: Дитя Мое, Дитя Мое милое, что Ты сделало, что терпишь такую жестокую казнь? Ты, краснейший паче сынов человеческих, ныне Ты являешься бездыханным и мертв! Увы, Сыне Мой! Что сие вижу – уязвляюся сердцем горько...

Нет у Нее ни малодушного страха, как у отрекшегося ученика, нет слабости воли, как у иных апостолов.

Искренне желаю приобрести всем побольше терпения. У всякого из нас есть свои скорби, свои страдания; одно несомненно: у всякого счастье одинаково, а страдания у каждого разные, если бы можно было открыть наши сердца, то мы там увидели бы такие раны, каких и вообразить невозможно, и если кто желает утвердиться в терпении, то пусть обратится к Той, Которая так много страдала, пусть так взывает: Пречистая Мать, Ты видишь мою скорбь – разреши мою обиду!.. Так молитесь Ей, и Она пошлет вам радость; недаром Она именуется Нечаянная Радость... Пошлет нам радость, и мы тогда утвердимся в терпении и в некоторых других добродетелях.

4 апреля. Вечерня. В храме святого Иоанна Предтечи на Пятницкой

Сейчас, дорогие братья и сестры, вы услышали трогательную повесть о страданиях Иисуса Христа. Это повествование постоянно должно нам напоминать о том времени, когда девятнадцать веков тому назад Господь Иисус Христос висел на кресте, когда многочисленная толпа народа окружала Его крест, не с кротостью, не с состраданием взидала она на Него; не трогали ее ни крест, ни Висевший на кресте Страдалец; в то время, когда наша душа при воспоминании об этом удивительном страдании содрогается; кажется, у самого черствого человека она и то пробудилась бы, но не было жалости у озлобленного народа – злорадные крики и насмешки раздавались в ответ на стоны Страдальца. Тут при кресте стояла Мать Его с возлюбленным учеником Его, Которая как бы так говорила: «Увы Мне, что Ты сделало, Мое дитя? За что пригвоздили Тебя ко кресту? Увы, Свете Мой, Ты являешься бездыханным, не имеешь красоты... не могу видеть Тебя умершим... утробой уязвляюсь и плачу горько... и стражду Тебя ради...».

Только там, в толпе, робко стоял ученик Его Петр и раскаивался в своем отречении, только сотник, стоявший при кресте, уверовал в Него; и не только те, которым жизнь улыбалась, которые наслаждались радостью в своей жизни, но вместе с народом даже и разбойник, висевший на кресте, поносили Его и у них вырывались страшные слова: «Если Ты – Христос, спаси Себя и нас... тогда мы, пожалуй, в Тебя поверим!...» И, несмотря на такие издевательства и насмешки, ни единого слова укоризны, ни единого слова раздражения – одна кроткая молитва... За кого же? Да за тех, которые над Ним издевались, за тех, которые пригвоздили Его ко кресту: *«Отче! Прости им, ибо не знают, что делают»* (Лк.23:34).

Братья и сестры, если бы из всего Евангелия сохранилась бы только одна эта молитва, то и тогда мы должны были бы уверовать в то, что это действительно был Сын Божий, – человек не мог бы так молиться... Ангел и то не мог бы так молиться и так прощать – только мог это делать Богочеловек. И

тогда совершилось чудо: один из разбойников проникся верою, и в немощном, поруганном, обнаженном Страдальце узрел Сына Божия, и с твердой верой воззвал: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое»* – и тотчас услышал всепрощающий голос любви: *«Ныне же будешь со мною в раю»*.

О, как искренне желаю, да услышим и мы в страшные минуты смерти, когда мы будем взывать: «Господи, прости», – услышим голос в нашем сердце: «Истинно говорю тебе, сегодня будешь со Мною в раю».

Вот тогда, девятнадцать веков тому назад, один из распятых с Ним разбойников исповедал Его, но теперь, спрошу я вас, многие ли исповедуют Его?

Жестокое слово скажу: такая ли разница между теми, которые смеялись над Ним, и нами, которые воспевают Его? Мы можем словами церковной песни сказать: «Господи, потому у Тебя окровавлена одежда, потому что я ругаю Тебя...» То был покаявшийся разбойник. Заметьте, разбойник – он не просил себе, чтобы сойти со креста. Он знал, что Воскресший Бог может избавить его от ужасных мучений, но он омывал слезами покаяния свои грехи и об одном взывал: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царство Твое»*; страдая от гвоздных страданий, не о том просил, чтобы Иисус Христос мог его избавить от страданий, а об одном – о спасении. И вот этого-то терпения больше всего недостает ни мне, ни вам – все мы можем это сказать. Тогда в чем же мы можем назваться христианами? Словами мы прославляем Христа, а делами?

Припоминается мне одна легенда: один человек на жизненном пути взбирался на высокую гору и роптал на свой крест, тогда явился ему Ангел и привел его на такое место, где было множество крестов; он начал выбирать себе крест, – и что же? Один крест, на который он бросил свой взор, был замечательной красоты, да тяжел; другой тяжел и режет плечи... Так наконец перепробовал все кресты, и ни один не подошел ему; наконец в уголке увидел скромный, из дерева сделанный крест и говорит: «Вот этот по мне, точно по мерке сделан для меня». И вот Ангел ему тогда сказал: «Безумец, это и есть тот крест, на который ты роптал, это тот крест, который дан тебе

Богом»; тогда мы в сознании своего ничтожества скажем: «Да будет воля Божия». Но редко встречаешь это: все ропщут, все обижены, но не хотят понять, что все это совершается по особому Промыслу Божию, пути эти ведут всякого ко спасению, ибо иной путь привел бы к гибели – и надо, чтобы путь терпения привел бы нас ко Христу; вот почему я всегда молюсь, чтобы Господь даровал нам терпение к перенесению креста. Господи, скажи мне кончину мою! Может быть, не годами, не месяцами, не часами должен я считать свою жизнь, а минутами, а там конец всего земного. Вот почему я в эти часы молился Господу: «Господи, дай нам терпение к перенесению креста, дай возможность облегчать страдания моих ближних...» Стоя у креста, будем молиться молитвой покаявшегося разбойника: *«Помяни нас, Господи, когда приидешь в Царство Твое»*. Разбойника благоразумного, во едином часе к Господу пришедшего, раеви сподобил еси, и мене древом крестным просвети и спаси мя. Аминь.

* * *

«Вот, человек!» (Ин.19:5). Невольно вырывается это восклицание Пилата, когда видим перед собой Крест с пригвожденным на нем Божественным Страдальцем. Да, братья, навряд ли найдется такая бесчувственная душа, которую бы не тронул и не умилил вид Креста Господня. Но тогда в ответ на это восклицание иудеи еще озлобленнее закричали: распни Его; и когда уже совершилась незаконная казнь, они не переставали грубыми насмешками осыпать Повешенного. А теперь? Что было бы теперь, если бы Он снова явился перед нами во всем сиянии Своей, Божественной красоты, кротости и смирения?!

О, конечно, мы не так бы приняли Его, как девятнадцать веков тому назад еврейский народ. Мы окружили бы Его любовью, нежностью, мы всё бы роздали, что имеем, и пошли бы за Ним, мы за великое счастье считали бы один Его милостивый взор, и если бы Ему надобно опять пострадать и умереть, то и мы пострадали бы и умерли вместе с Ним. Вот что готовы ответить вы мне. Но так ли это?! Правда ли это?! Жестокое слово скажу я вам, братья, но поистине не могу его не

сказать, мы бы, может быть, отреклись от Него снова. Вспомните, кто окружал Крест Христов: одни враги, одни иудеи, как дикие звери, жаждущие его страданий и мук. Где же были Его многочисленные друзья и ученики? Что же не исповедывают они Его Сыном Божиим? Что же не вступаются за Него? Где же апостол Петр, с клятвой обещавший душу свою положить за Него? Он клятвой же подтверждает, что не знает человека сего. Где апостол Андрей? Он малодушно предается бегству. Где же любимый Его ученик, которого Он согревал на груди Своей? Ему-то бы следовало броситься на мучителей, вырвать копье, пронзившее Господа, обрушиться на них громовой речью в защиту своего Учителя и Господа, а он стоит при Кресте безмолвно и бездейственно. Один лишь человек громко вступился за Него тогда... и этот человек был разбойник. И если бы через девятнадцать веков Он снова пришел к нам, то и теперь, может быть, он нашел бы не более сильную защиту. Трудно, кажется, этому поверить, видя торжество Христова Креста во всех пределах православного мира, видя, как множество верующих сходятся в храмы для поклонения Ему, и всякий из нас с негодованием готов отвергнуть обвинение в отречении от своего Владыки и Господа. Но пусть каждый испытает свою душу, насколько она усвоила себе все глубокое значение Креста Господня, то есть насколько она является в своей жизни участником, причастником в страданиях Христовых, и не есть ли это видимое благоговейное поклонение Кресту Христову лишь действие чувствительного и торжественного церковного зрелища на наши воображение и чувства?! Участвовать в страданиях Христовых – значит бесповоротно и всецело совлечься ветхого человека со всеми его страстями и похотями и облечься в нового, иже есть Христос. Где же теперь истинные христиане? Кто хочет быть совершенным? Если мы жертвуем чем-либо ради Христа, то самым малым, ничтожным и не имеющим для нас цены, да и этой своей жертве придаем огромное значение. Даже лучшие из христиан полагают исключительно свою задачу в делах благотворения, встать пораньше к службе церковной, поститься в установленные дни, подавать малую милостыню, не творить смертных грехов,

молиться утром и вечером, – вот в чем полагает свою задачу христианин, и если он все это исполняет, то считает, что его долг совершен. Хороши, конечно, и эти дела, и без них нельзя обойтись (многие, к несчастью, и их не исполняют), но не в них единственное дело христианина. Оно – во внутреннем очищении своего сердца от зла и порока, в постоянной тяжелой работе над собой. Лицемер, очистишься прежде внутренне, – говорит Господь, обращаясь к таким внешним христианам. Трудна и тяжела эта работа над собой, ее по справедливости святые отцы называют каждодневным мученичеством, каждодневным умиранием за имя Христово. И многие о ней-то и не радеют вовсе, мало того, когда является человек в их среде, который проходит истинно христианскую жизнь, то он подвергается всяким насмешкам и укоризнам. И это всякий замечал в своей жизни. И в семействах, и в монастырях, и в обществе – кто особенно подвергается злоречию? Это тот, кто неуклонно следует по пути Христову. И вот, братья, в лице этих праведников разве мы не гоним и не предаем на распятие Самого Господа? Теперь представьте себе, если бы не слабые лучи отдаленного солнца, какими можно считать даже самых святых людей, осветили наше себялюбие, а если бы Само Солнце правды, истины и святости – если бы Сам Христос пришел к нам снова на землю, если бы Он озарил до последнего уголка всю нашу темную душу, о, какой взрыв злобы и ярости обрушился бы на Него.

Если бы Он потребовал от богача, чтобы тот все имение свое роздал нищим и шел бы вслед за Ним; думаете ли вы, что не возненавидел бы Его богач? Думаете ли вы, что сластолюбивый или развратный человек кротко принял бы Его обличительные речи? А мы, гордящиеся своим благочестием и молитвами, – думаете ли вы, что мы терпеливее древних фарисеев приняли бы Его обвинения, ясно показывающие наше тщеславие и самолюбие? И не только те, кому хорошо и привольно живет на свете, но и страдающие как на кресте, чья жизнь представляется для постороннего глаза единым непрерывным мучением: больные тяжелыми недугами, терзаемые душевными муками, томящиеся в каторжных

работах, разве они все встретили бы Его с любовью и отрадой? Одно мы видим, что они-то особенно злобно богохульствуют, издеваются над святым и упорно с демонской гордостью отвергают Божественные утешения. Да, братья, если бы Он пришел к нам снова, то, поверьте, что многие сказали бы Ему: уйди от нас, без Тебя легче живется, нет обличителя наших темных дел и помыслов, уйди, Твоя святость раздражает нас, как раздражает больной глаз яркий блеск солнца, и если бы Он не ушел, то опять мы предали бы Его на смерть, осудили на распятие. Но все ли?! Нет, не все! Если тогда нашелся один человек, в котором Божественная кротость незлобивого Агнца пробудила совесть, не дремлющую вовсе в человеке, и он, осознав всю глубину своей порочной жизни, исповедал в поруганном и распятом человеке Бога и торжественно возгласил с креста своего: что Этот терпит, не единой вины не сотворив, – и слезно молился не о прекращении крестных страданий, а дабы быть с Ним в раю. Так и теперь нашлись бы люди, которые воззвали бы к Нему из глубины смиренных сердец своих: *«Помяни нас Господи, когда приидешь в Царство Твое»*.

Братья христиане! Пред Крестом Христовым нет места лжи, самообману, все мы знаем, что путь на небо предлежит нам всем и скоро, очень скоро ангел смерти предстанет перед нами: с чем предстанем мы на тот свет? С искренним ли желанием быть в раю или со злобой и ненавистью? Если в нас есть искреннее желание быть в Царствии Небесном, то сами взойдем на Крест Христов, то есть отвергнем прежнюю жизнь, как нечистую и греховную, и дадим слово с твердым намерением во всем, решительно во всем, следовать воле и заповедям Божиим.

Давайте же плакать о грехах своих и молиться, дабы Благодать Святого Духа истребила в нас трусливого, слабого и грешного ветхого человека, как некогда, взойдя в апостолов, она сделала их смелыми и твердыми борцами за Имя Христово даже до мук и смерти.

Помогай нам, долготерпеливый Господи! Аминь.

СЛОВО НА РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ДЕВЫ МАРИИ

Ныне мы празднуем Рождество Божией Матери... Родители Ее Иоаким и Анна были людьми праведными и богобоязненными. Они были знатного происхождения, ибо происходили из дома Давидова. Хотя они были и благочестивы, тем не менее они были очень несчастны, потому что не имели детей. Как вам известно, это бесчадие считалось великим пороком в народе иудейском у иудейских супругов. И вот дожили до глубокой старости эти благочестивые, ни в чем не повинные родители; они усердно молились Святому Духу, чтобы Господь даровал им детище. Когда однажды святой Иоаким пожелал принести жертву на алтарь, то первосвященник отказал ему в этом. Он ему сказал: «Ты недостойн, чтобы твоя жертва была на алтаре: ты бесчаден... У тебя, вероятно, есть какой-нибудь тайный порок...». И тут один молодой человек сделал ему упрек: «Чего ты идешь с жертвою? Разве ты не знаешь, что твоя жертва негодна Богу?»

Праведный Иоаким вскоре ушел в пустыню и горько плакал; а святая праведная Анна тоже плакала и о своем муже, и о себе. Она завидовала птицам и зверям: «Птицы и звери и те счастливее меня: они имеют детенышей, а я не имею детища и должна терпеть великое поношение». И вот за веру, терпение Господь возвестил им великую радость: у них родилась дочь, которая сподобилась быть Матерью Самого Господа Бога Спасителя Иисуса Христа.

Да, великие скорби несли богоотцы Иоаким и Анна. Но, братья, кто из нас может сказать, что и его жизнь проходит без скорбей и страданий? Мир полон скорбей, страданий!.. Неожиданная смерть похищает близких нам, люди страдают, и страдания постоянно подстерегают нас. Все взывает к нам, что не здесь наша жизнь, а там, на Небе, здесь только призраки, приготовление к вечности; здесь мы должны готовиться к будущей жизни, должны стараться очищать свою душу от всего дурного, должны воспитывать самих себя и должны оберегать

себя от дурной среды и, готовясь, как добрый воин на битву, молиться и всегда помнить, что здесь – начало, там – конец, здесь – посев, там – жатва! Здесь время страданий, борьбы с грехом – там время отдыха! Так взывает Господь Бог, так учит нас жить Христос в Евангелии.

К сожалению, как много теперь находится людей, которые смотрят на жизнь с другой стороны, говорят: «Жизнь дана на радость, на наслаждения: бери от нее как можно больше!..». Так сами они стараются жить и так учат других жить. Но всмотритесь, сама жизнь показывает, что она дает не одни радости, а и страдания. И чем больше люди стремятся к радостям и наслаждениям, тем более и более скорби постигают их. И вот в их душе зарождается ненависть, злоба, проклятие... Они тяготятся своею жизнью и часто прекращают ее; и после временного ада, который они сами себе устраивали здесь, на земле, переходят в вечный ад.

Но не так учит жить и смотреть на жизнь Иисус Христос. Он говорит: кто хочет быть Моим последователем, тот должен взять свой крест и нести свое бремя, то есть нести все скорби и страдания. Ведь страдания здесь необходимы для будущей вечной жизни. Здесь страдания временные, а там – Господь, и вечность, и покой: там получит такой и свет, и радость молитвами Божией Матери.

8 сентября 1907 г.

СЛОВО НА ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Приступим, люди, к тихому этому и доброму пристанищу и покрову Девы. Поспешим на молитву и постараемся покаяться: исходит ибо нам неоскудевающую милость Пречистая Богородица, предваряет на помощь и избавляет от всяких бедствий благонравную и богобоящуюся рабу Свою. Святой Димитрий Ростовский говорит в Слове на этот праздник о богонравных и богобоязненных христианах: «Ужаснись, человек неблагонравный и небогобоящийся». Услышишь сие Слово о том, что только благонравным и боящимся Бога помогает Божия Мать и избавляет их от великих бед и зол, а развратным и отринувшим страх Божий от сердца не соизволяет помогать, – и подумаешь – что в этом удивительного?! Ужели мать начнет благодетельствовать тем, кто является врагом Ее Сына? Нет, она скорее прогневается на них, видя их, вторично распинающих грехами Ее Сына и ругающихся над Ним беззакониями своими. Ибо и ныне всякий человек – христианин по имени лишь, но проходящий нечистое житие и в греховных сквернах, как бы в болоте валяющийся и о покаянии не думающий, – вторично распинает в себе Божия Сына, ругается же над Ним в членах тела своего, искупленных Кровию Христовою, когда, взяв тело, созданное Христом, делает его телом блудника. Может ли такой быть милым Пречистой Матери Христовой? В самом деле, какая мать может любить убийцу своего сына? Чего же и ты, о человек грешный и ожесточенный в своем сердце, чего же ты надеешься получить от Матери Божией, Которой Сына во все дни и ночи греховными (беззаконными) делами своими печалишь, телом своим бесчестишь и только имя христианина носишь на себе, а делами являешься хуже язычника!.. Милосердствует Мать Божия и грешникам, но каким? Тем, которые если иногда и падают и согрешают по немощи человеческой, то тотчас же встают от греха, каются и прибегают к Богу со слезами и горячей молитвой. Помогает Мать Божия грешникам, но каким грешникам? Тем, которые стараются исправить свою жизнь и,

уклоняясь от зла, начинают творить добрые дела. Избавляет Мать Божия от великих бед и зол не только праведников, но и грешных, но каких грешных? Тех, которые возвращаются к Отцу Небесному, как блудный сын, вздыхают, бьюща перси свои, как мытарь, плачут у ног Христовых, как грешница, омывают ноги Его слезами, исповедание Ему приносят, как на кресте разбойник. На таковых грешников Пречистая Божия Мать свыше призывает и устремляется на помощь им, и от великих зол и бед избавляет их, а нераскаянных небрежет.

22 октября 1931 г.

Москва. В церкви Иоанна Предтечи у Яузы.

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

Каждое из воскресений Великого поста посвящено либо событию, либо лицу. И сегодняшнее воскресение посвящено памяти преподобного Иоанна Лествичника...

Немного подробностей сохранилось о житии достопоклонного угодника Божия. Лишь самые краткие сведения могу сообщить, да и то о внешних, весьма немногочисленных обстоятельствах его жизни, а о его внутреннем духовном делании свидетельствует лишь его книга и то глубокое уважение, которое с древних лет воздавалось ему всегда всей Христовой Церковью.

Не известно достоверно, где родился преподобный отец. Некоторые называют его сирийцем и думают, что он был сын Ксенофонта и Марии, память которых празднуется 26 января.

Известно лишь, что в детстве он получил хорошее образование, которое давало ему возможность получить хорошее место и жить, как говорится, с полным удобством в миру, но в душе некоторых, особенно чистых сердцем людей, в ранних годах и в юности лежит невыразимое желание быть ближе к Богу; их не прельщает ни богатство, ни слава, ничто земное, им противны все грубые наслаждения тела, они жаждут одного – молитвенного подвига, единения с Богом в чтении священных книг, в беседе с опытными в духовной жизни старцами, в молитве. В богослужении они находят себе отраду и утешение, их не страшит борьба со злом, как добрый воин, они мужественно вступают в брань с врагом нашего спасения и при помощи Божией являются его победителями. В эпохи особенно сильного религиозного возбуждения было много таких людей, но и во все времена они были, они есть и теперь и, несмотря на почти всеобщую безнравственность, на проповедь безобразия, разврата, поклонения злу, гордости, тем не менее приходилось и приходится немало встречать необыкновенно чистых духом людей, которые проходят тернистой стезей мира незапятнанными и не загрязненными, разливая вокруг себя

Свет Христовой радости, веры, любви и надежды; таков был и преподобный Иоанн. В 16-летнем возрасте он удалился на Синай, где в это время было много опытных в духовной жизни иноков. Здесь он отдал себя в духовное руководство некоему старцу Мартирию; но знаете ли вы, что такое старец в монастыре? Старец в монастыре есть как бы духовный воспитатель вверенных его духовному попечению иноков; он может быть и не облечен какой-нибудь иерархической властью, тем не менее он пользуется великим уважением со стороны своей братии за свою высокую духовную жизнь. Каждый поступающий послушник всецело вручается духовному руководству подобного старца, он ухаживает за ним, как садовник за молодым деревцем, прививая к нему добрые ветви и отсекая худое.

Ученик ничего не делает без совета старца. Каждый вечер ученик приходит к старцу и открывает ему в подробностях все, что он передумал, перечувствовал, сделал, не скрывая от него ни малейшего греховного помысла, и старец дает ему советы и руководства на следующий день. Это не есть исповедь в смысле таинства, а называется на монастырском языке откровением помыслов. Это основано на известном психическом законе, когда душа полна горем или радостью, ей надобно излиться перед преданным другом или перед уважаемым лицом и просить у него духовной помощи. Подобно тому, как в телесной болезни больному необходимо объяснить во всех подробностях свою болезнь, и в этом самом уже он находит некоторое облегчение ее.

Таковыми старцами были Серафим Саровский, Оптинский Амвросий и т.д. К таким старцам обращаются не только монахи, но и светские люди, следствием подобного рода откровений является очищение души и сердца.

Три года провел преподобный Иоанн под духовным руководством своего старца и затем, еще юным, на двадцатом году своей жизни, был пострижен в монахи. По смерти своего старца Иоанн удалился в пустыню и вел там пустынную жизнь; от его пустынной келлии до монастыря было семь верст, каждые

субботу и воскресенье он приходил в монастырь и здесь причащался Святых Тайн.

Преподобный Иоанн был по преимуществу проповедником и исполнителем духовной внутренней деятельности.

Нравственное совершенство личности – вот, в чем видел он цель христианской жизни, поэтому в отношении телесных подвигов он держался, если так можно выразиться, золотой середины, лишь постольку постясь и исполняя телесные подвиги, поскольку это необходимо для побеждения в себе чувственности, похотений плоти. Он сам говорит о себе: я не постился, не бодрствовал ночью, не лежал на сырой земле, но я смирился, и Господь меня спас. Этим он не хочет сказать, что он вовсе не постился и не бодрствовал, но он желает сказать, что главное дело христианина – это побеждение своего самолюбия, своей гордости и в приобретении добродетели смирения, а смирение приобретается молитвой, постоянной борьбой со своими страстями, внимательным изучением самого себя и постоянным чтением Священного Писания; чем глубже вчитывается человек в те правила, какие заповедуются нам Господом для совершенства, тем несовершеннее считает себя в своих глазах, а с другой стороны – в постоянном общении с людьми обнаруживая в себе вспышки то самолюбия, то ярости, то жестокости, то страстности, еще больше убеждается в своем несовершенстве; а когда наконец, удалившись в полное уединение, где, по-видимому, его ничто не беспокоит, человек видит, что все эти страсти несколько его не оставили, но по временам бушуют всевозможные помыслы ярости, блуда, гордости, тщеславия, человек еще более убеждается, насколько он слаб и ничтожен без помощи Божией, и утверждает еще больше в чувстве смирения и еще пламеннее молится Господу Богу о даровании ему совершенства.

Слава о великом и мудром подвижнике Иоанне распространяется между ближними, и, как это всегда бывает, люди, ищущие спасения, скорбные духом, несчастные, обуреваемые сомнением, стали стекаться к нему со всех сторон. Он не только входил в духовные нужды приходивших к

нему людей, но не отказывал им в молитвенной помощи и в нуждах жизни.

Так, например, когда засуха угрожала Палестине и Аравии, он по просьбе окрестных жителей молитвой своей низвел обильный дождь на жаждущую землю. Но особенно много, конечно, являлось к нему монахов.

Одного из них, по имени Моисей, он взял к себе в ученики и полюбил всем своим сердцем. О степени его заботливости об ученике не только в присутствии его, но и в отсутствие и о его духовной прозорливости рассказывается следующее. Однажды Моисей был на работе вдали от келлии, а Иоанн в это время пламенно молился Господу Богу, не только о себе, – о всех своих духовных детях, и, несомненно, больше, чем о ком-либо другом, молился о вверенном ему ученике. После молитвы он слегка задремал и в тонком сне он слышит, что какой-то голос говорит: «Ты спишь, а ученик твой находится в опасности». Тотчас пробудившись, Иоанн стал на молитву и усердно стал молиться о нем, так как не знал, где найти его. Под вечер Моисей возвратился, и Иоанн спросил его: не случилось ли с ним чего-либо необыкновенного? Тот ему отвечал: «Я едва не был задавлен падением большого камня. Утомившись от тяжелой работы и солнечного зноя, я лег отдохнуть в тени нависшей скалы. Едва лишь я успел немного забыться, как вдруг меня разбудил твой голос, настойчиво зовущий к себе. Лишь только я успел встать, как огромный камень упал с шумом около меня, еще одна секунда – и я был бы задавлен». Со слезами благодарности помолился теперь Иоанн Господу Богу за то, что Он возвестил ему об опасности, угрожавшей его возлюбленному ученику.

Через сорок лет, проведенных в пустыне, Иоанн по просьбе братии был избран игуменом обители и четыре года усердно управлял вверенной ему братией. Он заботился о них, как отец о своих детях, руководил их первыми шагами при вступлении их в обитель и с помощью своих мудрых советов делал их мужами совершенными, а чтобы и на последующее время не оставить их без руководства, он написал им руководство к духовной жизни под именем Лествицы, ведущей к Небу...

Через несколько лет он снова удалился в свою любимую пустыню, а вместо себя поставил своего брата Георгия, который ничего не предпринимал, не посоветовавшись заранее со своим старшим братом и аввой.

Наступило время праведной кончины преподобного, и брат его игумен Георгий сильно скорбел и плакал о своем духовном руководителе и брате: «Трудно мне будет без тебя управлять братией, тяжело не слышать твоих советов и мудрых руководств». Иоанн утешал его: «Не скорби и не плачь, возлюбленный брат мой, верь мне, что, если я обрету дерзновение у Господа, ты и года не проживешь после меня». После этого старец мирно отошел ко Господу, а через 10 месяцев скончался и его брат.

Много глубоких мыслей и чувств заключает в себе его книга, вот, например, в коротких словах его учение о молитве. Предварительно он выясняет самое понятие о молитве. В существе своем молитва, говорит он, есть соединение человека с Богом. Велико действие молитвы: молитвой мы примиряемся с Богом, молитва рождает слезы, очищающие наши грехи, молитва есть как бы надежный мост для прохождения искушений, обуревающих душу, молитва роднит нас с Ангелами, ибо она – постоянное дело бестелесных существ, молитва для молящегося есть как бы суд Божий прежде Страшного судилища. Далее он говорит о самих молящихся. По разным поводам воссылаются молитвы: одни молятся не столько за себя, сколько за других, прося для них помощи, другие беседуют с Богом, как с другом своим и Владыкой, третьи молятся об избавлении от страстей, иные – о прощении грехов.

Не мудрствуй, дальше советует блаженный Иоанн, в молитве! Не старайся в красноречивых словах выражать свои просьбы, припоминай всегда, что одно слово мытаря умилило Бога, одна краткая молитва спасла разбойника. Отсюда видно, что мы можем молиться и своими словами, стараясь только при этом, чтобы не быть многословными. Различные есть степени молитвы. Начало молитвы в том состоит, чтобы отогнать от себя всякие посторонние мысли, мешающие углубиться в молитву; постепенно наша мысль

углубляется в том, что мы читаем и о чем рассуждаем перед Богом. Это вторая степень молитвы. Совершенство же молитвы заключается в том, чтобы всей душой вознестись к Богу. В эту минуту мы великую сладость чувствуем в сердце, ибо в это время Ангел хранитель с нами молится вместе.

Да сподобит нас Господь Бог подобной святой молитвы!

Как нам научиться молиться? А видали ли вы, как учат маленьких детей ходить? Ребенок пройдет несколько шагов без посторонней помощи – и упадет, его поднимут, поставят и он опять пробежит несколько шагов – и снова упадет, его опять поставят и т.д.

Точно так же и наша мысль! Трудно ей пребывать на высоте молитвенного подвига, она часто падает с высоты небесной на землю, в тину житейских будничных мыслей, поднимай ее тогда, возбуждай снова к молитве до тех пор, пока не придет к тебе Тот, Который может положить предел непостоянству твоей мысли: «невозможно духа никакими узами связать, но где присутствует Творец духов, там все Ему повинуются».

Не скорби долго, не получая ответа на твою молитву, знай, что ты уже многое получил. Ибо что может быть радостнее и драгоценнее для человека, как пребывать в общении с Богом.

Можно ли молиться за других, не имея еще дара молитвы? Можно, отвечает преподобный Иоанн, ибо часто спасает вера того, кто просит молитв, а ты, молясь о других и будучи услышан Богом, не возносись, знай, что вера их содействовала тебе и помогала. Можно ли узнать о действиях своей молитвы? Можно. При всякой молитве есть как бы некий знак того, что она услышана Богом, он заключается в успокоении нашего сердца и в разрешении нашего сомнения. Велики действия молитвы в тех людях, которые умеют молиться. Одни из них, восставши от молитвы, чувствуют себя как бы очищенными от грехов, другие после молитвы чувствуют великую и светлую небесную радость.

Вот несколько коротких изречений из книги Лестница. Кто из вас имеет возможность прочесть ее, прочтите, и искренне желаю вам всем, чтобы она послужила во спасение.

Преподобне отче Иоанне, моли Бога о всех нас. Аминь.

В Неделю 4-ю Великого поста.

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

В этот воскресный день Святая Церковь совершает память преподобной Марии Египетской, и это потому, что в теперешнее время покаяния и поста ее жизнь и подвиги особенно могут служить в назидание и в утешение всех нас, грешников. В самом деле, что особенно смущает всякого человека, желающего бросить греховную жизнь и начать новую, христианскую? Прежде всего смущает его представление о тяжести его прежних грехов, затем – привычка к греху, которую так трудно преодолеть. Но вот мы видим здесь женщину, с сердцем уже испорченным, с натурой страстной, настолько погруженной в греховные утехы, что ради них она забывает и стыд и совесть, попирает все священное, по-видимому, близка к совершенной и окончательной гибели, люди уже отвернулись от нее с презрением.

Путем внутренней работы над собой, борьбой со своими пороками, победой над своею страстностью, при благодатной помощи Божией делается великой подвижницей, удостаивается величайших даров благодати Божией, земным ангелом является людям. И прошли годы и сотни лет, а величавый образ пустынножизни по-прежнему сияет светом Христовой чистоты и ободряет всех погрязших в грехе людей, желающих своего исправления. И в наше время, когда многие так легкомысленно и снисходительно относятся к грехам тела, воспоминание о жизни преподобной Марии должно быть особенно полезно.

Они увидят из него, что грех не может доставить истинного счастья людям, что за короткие мгновения заставляет расплачиваться дорогой ценой – душевной тоской, унынием. Они увидят, с другой стороны, как сильна привычка к злу и как трудно вырвать из своей души, как негодное растение, нечистые греховные мысли и чувства и что поэтому надо всячески остерегаться укреплять в себе эту привычку к злу; они увидят, наконец, что лишь добро сродни богоподобной душе человеческой, что в просветленную и очищенную от греха душу

человеческую вселяется благодать Божия, а где она присутствует, там истинное счастье. Поэтому на всех, вдумывающихся в себя людей, жизнь преподобной Марии производит всегда сильное впечатление.

Расскажем это житие так, как оно изложено Софронием, Патриархом Иерусалимским.

Мария жила в начале VI века, родом она была из Египта. Еще в самых молодых годах она имела несчастье потерять свою телесную чистоту, а так как родители ее, конечно, запрещали ей вести греховную жизнь, то она от них убежала в город Александрию, пользовавшийся самой дурной репутацией за дурной образ жизни своих жителей. Будучи замечательно красивой и обладая страстным и горячим темпераментом, лишенная при этом руководства и доброго влияния, она падала все ниже и ниже, пока наконец не оказалась на самой низкой ступени этой лестницы разврата; она сама говорит о себе: «Я не могу без ужаса вспомнить о той жизни, которую я прожила в Александрии; почти 17 лет предавалась я распутству, и не для того, чтобы получать деньги, а для того, чтобы удовлетворять свои похоти; я не просила денег у мужчин, лишь бы они служили мне». Но этого ей было мало, однажды она увидела (на 29-м году своей жизни) множество людей из Египта и Ливии, которые толпами направлялись к морю. «Я спросила, что это значит, мне отвечали, что эти люди отплывают в Палестину торжествовать праздник Воскресения Христова». Тогда у нее явилась злая мысль отправиться вместе с ними; так как на корабле было много молодых людей, то это давало ей возможность удовлетворить свои страсти, и в то же время, может быть, в самом совращении этих паломников, едущих на поклонение, она находила дьявольское наслаждение. И вот, с песнями, вином, развратными утехами, плывет она к священному городу Иерусалиму, но и приехав, она не оставляет своей прежней жизни, не трогают ее ни святой город, ни вид Голгофы, ни Гроба Господня, в безумном опьянении грехом кощунственно смеется над всем дорогим для христианина молодая грешница, дерзким, вызывающим хохотом отвечает она на все обличения и укоризны людей благочестивых.

Но Тот, Кто ради спасения нас, грешных, сошел на землю, Кто учил нас любить друг друга, Кто ради спасения одной заблудшей овцы оставляет девяносто девять, не оставил и эту бедную грешницу без своей помощи и употребил для ее обращения то, что, казалось, должно было бы ее погубить окончательно.

Вот это замечательное событие. Пришло время поклонения Животворящему Кресту Христову, толпами народ устремился в храм. Вместе со всеми пошла и Мария. Какое чувство руководило ею, неизвестно, было ли то простое любопытство, или, может быть, она и в храме намеревалась кого-либо поймать в свои сети, во всяком случае, можно сказать, что ее влекло в храм вовсе не чувство благоговейного почтения к величайшей христианской святыне.

Вот подходит она к церковным дверям, толпа народа теснится перед ними, вместе с другими Мария хочет проникнуть в храм, но напрасно, волнением народной толпы ее отбрасывает назад, она снова делает усилие пробраться в двери, но ее снова отбрасывает назад.

Сначала ей это казалось делом простого случая, но когда она увидела, что все ее стремления проникнуть в храм остаются напрасными, в ее сердце закрадывается какое-то томительное беспокойство; но вот она видит, к ужасу своему, что этот неуспех преследует только ее одну, что все остальные свободно проходят в храм. «Да что же это, Господи!» – восклицает она в трепетном недоумении, и вдруг глаза ее невольно устремляются на стену церковную, и здесь она видит перед собою образ Богоматери, как бы живой, и видится ей, что Ее очи с горем и укоризной устремлены на нее. Мучительный стыд, осознание своей греховности, осознание, что здесь страшное наказание Божие ее нечистоте, – как молния озарили в одно мгновение все ее духовное существо; всю свою надежду, падая на землю перед образом, устремляет она к Богоматери, к Ней взывает она: «Мать Божия, я знаю мою нечистоту греховную, знаю, что мое место не в храме, а в аду...» И обильные слезы лились из ее очей, и рыдания сотрясали все ее тело, и плакала она, и молилась, и сладки были эти слезы

пробудившейся совести. Отныне Мария принадлежит Богу. Войдя теперь свободно в храм и приложившись к Животворящему Кресту, еще раз дает обещание принадлежать только Господу Богу и уходит в пустыню Иорданскую, навсегда оставляя не только мир, не только прихоти человеческие, но и самые насущные потребности.

Отныне начинается поразительный, необыкновенный подвиг, перед которым должен склониться даже неверующий человек, а не только христианин, и этот подвиг совершает слабая женщина. Во все время пребывания в пустыне у нее не было ни жилища, ни одежды, ни настоящей пищи.

Сорок семь лет провела она в пустыне. «У меня оставалось, – рассказывала она сама старцу Зосиме, пришедшему, по особому Промыслу Божию, в Иорданскую пустыню для того, чтобы видеть пустынноницу и беседовать с ней, – два с половиной хлеба, когда я переправилась через Иордан, понемногу я их съела и питалась травой. Моя внутренняя борьба с моими страстями и с пороками продолжалась 17 лет. Она была так ужасна, что я и теперь трепещу и содрогаюсь, вспоминая ее; с одной стороны, я невыразимо страдала от голода и жажды. Изнеженная, избалованная всякого рода роскошью, я теперь страдала от недостатка необходимого, чего не лишен последний нищий, и эта мука еще более усиливалась, когда я вспоминала о вкусных блюдах, мясных и рыбных, которые я ела, о вине, которое я пила. Я много пила вина, когда жила в миру, но еще ужаснее были сладострастные помыслы; злой демон со всею живостью воскрешал в моих мыслях распутные песни, которые я пела, со всею живостью воскрешал похотливые картины наших неисчисленных преступлений. С другой стороны, одежда, в которой я вышла, от времени совсем распалась, и я подвергалась влиянию всех перемен погоды, всем жестокостям времен года: то солнце жгло меня раскаленными лучами, то стужа охватывала меня. Тогда, падая на землю, сожженная или оледенелая, чувствовала тогда, что я умираю. А тысячные искушения нападали на меня с демонской силой. И в этих жестоких муках Пресвятая Владычица Богородица была мне помощью! Невыносимо страдая,

охваченная в своем сердце огнем греховных помыслов, я падала на землю, ударяла себя в грудь и, горько рыдая, молила Ее: Владычица, Милостивая Царица, не лиши меня Своей помощи, на Тебя одна надежда. И вот после рыдания и мольбы, после бури наступала святая тишина, небесный свет озарял мою душу, исчезали мои помыслы, сладкий покой возвращался моему сердцу. И так прошло 17 лет, боюсь их и вспоминать, а после них наступил покой для моего сердца, и Сама Богородица руководит мною во всем! Вспоминая, от каких бед избавил меня Господь, – прибавила пустынница, – я питаюсь пищей неистлевающей надежды на спасение, ведь не одним хлебом живет человек».

Когда Зосима услышал, что пустынница произносит слова Священного Писания, он спросил ее: как знает она Священное Писание? Она улыбнулась и сказала, что ни в миру не училась она, ни в пустыне не слыхала она, чтобы кто ей читал книги. «Голос Божий, живой и действенный, – в сердце моем один мой наставник». После таких великих подвигов, несомненно, должно последовать очищение души и тела, мир с Богом и совестью, приближение к первобытному совершенству человека в состоянии невинности. Мария в это время была уже не человеком, но уже ангелом. Она еще облечена была в тело, но оно более походило на дух, чем на человеческое тело. Она проходила по Иордану, как по суше, во время молитвы возносилась от земли на воздух, почти ничего не вкушала, кроме Тела и Крови Христовой...

Теперь вы понимаете, братья, почему Святая Церковь во дни Великого поста вспоминает жизнь преподобной Марии?

Из этой жизни каждый из нас может видеть, что путем веры и покаяния самый грешный и развращенный может, при помощи Божией, достигнуть великого совершенства. Но, может быть, кто-нибудь из нас скажет: да, но ведь Марии было особое призвание от Бога. Но, собственно говоря, какое же особое призвание? То, что за теснотою она не могла войти в храм Иерусалимский? Но громадное большинство не обратили бы внимания на это и, может быть, с радостью пошли бы домой. Почему же для Марии это оказалось решительным шагом к

полному духовному перерождению? Да потому, что в ней с неизъяснимою силою заговорила совесть! И если бы каждый из нас чаще прислушивался к голосу совести, то нашел бы несравненно более сильных случаев, где благодать Божия явно призывала нас к исправлению, но, увы, не обращал внимания на них и мы называли их случайностями. Нет, знай, возлюбленный брат, что когда бы и где бы не пришла тебе мысль бросить пустую, рассеянную жизнь и жить для Господа Бога, – знай, что эта мысль исходит от Бога, и если ты примешь эту мысль в сердце, то немедленно явится благодать Божия и укажет тот путь, по которому надо идти для своего исправления. Не всякий может идти путем Марии – это путь ангелов, но не будем идти и путем противоположным – демонов, подражая им в гордой ожесточенности. Есть средний путь – смиренного покаявшегося грешника, с помощью Божией очищающего свою душу от греха, дабы, очистившись от него, хотя последним войти в Царствие Небесное, чего да сподобит нас Господь молитвами преподобной Марии.

В Неделю 5-ю Великого поста.

СЛОВО В СУББОТУ ПЕРЕД ВОЗДВИЖЕНИЕМ ЧЕСТНОГО ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Когда было обретено Животворящее древо Христа Спасителя, то по желанию всего народа этот Крест был воздвигнут на высокой горе, и здесь он руками Патриарха Макария был воздвигаем пред всем народом; а весь народ и весь клир, созерцая Животворящий Крест, обагрённый Кровию Христа Спасителя, со слезами и умилением взывал: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» И ныне, в воспоминание этого события, совершается трогательный обряд Воздвижения Животворящего Креста Господня.

Вы сейчас узрите, как святой крест будет возвышаться и опускаться долу моими грешными руками.

Что означает этот обряд?

Что означает возвышение креста?

Возвышение креста значит возвышение человека, украшенного образом и подобием Господа и живущего в раю в блаженном и невинном состоянии.

Низложение долу креста означает человека, поддавшегося искушению дьявола и нарушившего заповедь, данную Господом, человека, который ниспал и совершенно погиб бы, если бы Христос Своими страданиями не искупил весь род человеческий.

Теперь, спросите, что означает вода, которая будет возливаться на крест? Эта вода означает кровь Христову, которую пролил на кресте Иисус Христос и которою Он омыл грехи всех человеков.

Теперь, спросите вы еще, что означает это постоянное многократное повторение «Господи, помилуй!» Зачем оно нужно – повторение этой краткой молитвы?

Зачем оно так часто повторяется? А вот зачем: затем, что бывают такие минуты, когда самая ожесточенная душа, когда даже и самая загрубелая совесть испытывает невообразимые мучения, когда, как страшные лица, перед нею проходит все прошедшее, все содеянное в жизни, все грехи, беззакония,

злоба, несправедливость, обиды, – тогда душа человека томится и тоскует, и если человек вовсе не лишен веры, тогда ему остается только одно – взывать: «Господи, помилуй! Господи, пощади! Господи, спаси!».

Но, братья, каждый человек, хотя бы он был и самый благочестивый, самый добродетельный, тем не менее без греха не проживает, хотя бы очень кратковременна была его жизнь. Сколько раз мы изменяли обетам, данным при крещении; сколько раз при покаянии очищали свою душу и снова падали, сколько раз дерзали причащаться Тела и Крови Христовой, этого страшного Таинства, и снова падали... И остается нам взывать: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

И благо нам, если мы в этой жизни принесем покаяние: там, за гробом, нет возможности покаяться... все тогда пропало. Будем спешить приносить покаяние. В жизни все быстро проходит, все изменяется – и молодость, и счастье, и радости, – а впереди зияет пропасть.

Припадем перед Животворящим Древом Креста Христова и будем из глубины души взывать: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ДМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

Среди многих добрых обычаев, завещанных нам нашими предками, есть один прекрасный обычай начинать каждое дело молитвой о благословении Божиим. «Господи, благослови!» – говорит христианин, осеня себя крестным знамением. Предки наши научились ему у Святой Церкви, а Святая Церковь основывает его на слове Божиим. Сила и значение этого обычая заключается в нашей вере в Господа Бога, как Творца и Промыслителя и вместе любящего Отца, в руках Которого находится наша судьба.

Но спросят: зачем же тогда дана человеку свободная воля и разум? Не для того ли, чтобы все обдумывать, предпринимать и исполнять нужное для жизни? Да, это так. Но все это делать нужно с Богом, а не без Бога. Земледелец сеет зерно в земле, но ведь урожай зависит от того, пошлет ли Господь солнечную теплоту, пошлет ли благовременный дождик. Ты здоровым принимаешься за труд, но докончишь ли ты его в добром здравии – это зависит от Бога. Кто может знать будущее? Оно темной завесой скрыто от нас. Кто может успокоить нашу смятенную душу в тяжелых обстоятельствах нашей жизни? Родители женят сына, отдают дочь замуж. Кто может поручиться, что они будут счастливы? Воин идет в сражение. Кто его может успокоить, что он не будет убит? Купец посылает свой товар в далекие страны, отдает свой капитал в чужие руки. Кто может поручиться за чужую душу, которая изменчивее моря, беспокойнее ветра? Кто рассеет тревожные наши мысли и чувства? Одна вера в Промыслителя Бога, одна надежда на любовь нашего Небесного Отца! В Его воле наша жизнь! Наша судьба. А следовательно, и наше благо. Лишь бы только в нашем сердце была покорность, в наших делах – страх Божий. Вот почему и молит о Его благословении православный христианин и дома, и в Церкви, преклоняет свою голову под Евангелие, как под руку Самого Спасителя, лобызает святой крест, как источник всяких благ. Под благословляющей рукой

Господа все растет, плодится, цветет и радуется. Будем же хранить этот святой обычай, будем просить благословение Божие на всякое дело, полезное не только для жизни вечной, но и для жизни земной. Для Господа Бога ничто не мало, что касается нашего счастья и спокойствия, ничто не может быть Его недостойным, кроме греха.

Благо же вам, дорогие братья, что вы начинаете новое 50-летие жизни вашего Общества молитвой о благословении Божиим. Сердечно и искренне приветствуя вас с этим знаменательным днем его жизни, я усердно помолюсь Господу Богу о его дальнейшем процветании. Мне неоднократно в бытность мою ректором Московской семинарии, архимандритом, приходилось молиться вместе со всеми здесь. Сегодня же я вознесу особенно усердные молитвы о вас. Ты же, Милосердый Господи, призри с неба на нас и благослови своим небесным благословением этот дом и всех, в нем трудящихся. Аминь.

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНИИ СТАРЦА О. АМВРОСИЯ

Давно уже телесно изнемогал в Бозе почивший возлюбленный отец наш. Надо было удивляться, как выдерживал он столь тяжелые труды. И одна четверть их была бы невыносима для обыкновенного человека. Только сила Божия, поддерживавшая его, только благодатная помощь Бога совершала чудо, постоянно повторявшееся и к которому мы как будто уже привыкли: видя умирающего постоянно воскресающим для воскресения омертвелою духа ближних своих. Мы это видели, мы должны были понять, что будет же конец этой многострадальной жизни, что не всегда он будет с нами. Но вот, когда пришел час воли Божией, нас как громом поразило, и мы смотрим теперь с недоумением: неужели его уже нет, неужели мы его никогда уже не увидим, не услышим его кроткого голоса, не узрим его озаренное любовью лицо, неужели навеки скрылось солнце, согревавшее своим теплом, озарявшее своими лучами беспросветный, часто невыносимый мрак столь многих и многих жизней... Его уже нет с нами, и мы его уже никогда здесь не увидим...

Воспоминания быстрой чередой проносятся передо мною. Мне вспоминается, как в первый раз я, еще юношей, со страхом стоял перед ним... Как сумел он утешить меня и успокоить, с каким восторгом я возвратился к себе. Вспоминается, как в своей маленькой скитской келлии он благословил меня облечься в иноческую одежду, с каким благодушием он тогда смотрел на меня, какие наставления давал мне... Вспоминается, как ровно год тому назад прибыл я сюда, волнуемый различными сомнениями; с какой лаской, с какой любовью он разрешил все сомнения, не дававшие мне покоя. И вот ровно через год я еще увидел его, но уже сомкнулись очи, язык не глаголет, и он уже не обещает молитв, а сам просит наших молитв... Ты сам, возлюбленный наш, постоянно повторял, и незадолго до кончины своей, утешая меня в потере отца, сказал еще раз, что смерть посылается Милосердным Господом в самое лучшее время для человека, когда его душа

наиболее к ней приготовлена. И хотя твоя блаженная жизнь была постоянным и неуклонным служением Богу, тем не менее, проходя по законам духа различные степени совершенства, ты теперь «пошел в гроб» (Иона пророк), «как пшеница созрелая, вовремя пожатая, или якоже стог гумна, вовремя свезенный...» И да послужит нам это утешением, ибо, получив дерзновение у Господа, он там явится нашим предстателем и заступником, где не в гадании, но лицом к лицу блаженные души созерцают Господа, где светозарные Ангелы воспевают Ему непрестанно Трисвятую песнь...

Не время и не место делать теперь подробное описание качеств дорогого нашего в Бозе почившего великого старца. Его жизнь принадлежит будущему и не забудется никогда. Ибо только те, которые искали земной славы, прогремевши короткое время, после смерти быстро забываются, и зарастает тропа к их могилам. «Память же праведника с похвалами и в роды родов не изгладится...»

И теперь можно засвидетельствовать, что отличительным качеством нашего дорогого старца была та добродетель, которая является свойством верных учеников Христа и без которой все остальные добродетели – как медь звенящая или кимвал звучащий, по словам апостола. Это христианская о Бозе любовь. Не та пристрастная языческая любовь, любящая только любящего его и делающая добро только тем, которые почему-нибудь полезны или приятны для нее. Но та любовь, которая во всех людях видит прежде всего образ и подобие Божие – и любит его, и плачет о его искажениях, если замечает их. И не гордым словом упрека встречает слабости и немощи человеческие, но все их несет на себе. Та любовь, которая душу свою кладет за ближних своих, – выше которой, как засвидетельствовано словом Божиим, ничего не может быть. Та любовь, которая заставила одного святого в молитвах с дерзновением воззвать к Богу: «Господи, если я приобрел благодать перед Тобою, если я достиг Царства Небесного, то вели и братьям моим войти со мною: а без них и я не пойду туда...» Вот этой-то любовью было проникнуто все существо нашего батюшки. Засвидетельствует это всякий, сколько-нибудь

знающий о. Амвросия. Свидетельством этого – вся жизнь его. И в самом деле: не богатство и знатность, не какие-нибудь таланты, развлекающие суетность человека, – нет, смиренная келья, убогий одр и на нем – полурасслабленный с виду старец привлекал к себе православную Русь... И знатные и убогие, и ученые и простецы, и духовные и мирские, мужчины, женщины и дети – все стекались сюда... И как часто случалось, что человек, раз приехавший и, может быть, из простого любопытства, под обаянием святой души старца оставался здесь навсегда, бросивши вся «красная мира» и посвятив себя служению Богу. Не только слава и речи, но и самый вид, прикосновение, самое присутствие сильного духовно человека уже благотворно и спасительно действует на существо другого человека, врачует его недуги, возбуждая его к доброму, вызывая в нем молитвы и слезы...

А возможно ли перечислить все отдельные случаи благотворительности старца!.. Кто хочет отчасти познакомиться с нею, то прииди и виждь... Посмотри на эту обитель... Здесь не рассуждали, может ли всех принятых прокормить и содержать монастырь. Нет. Здесь не было места этим малодушным рассуждениям. Здесь твердо верили словам Христа: если и птиц Бог греет и питает, *«Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то насколько более вас, маловеры!... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф.6:26–33). Особенно любил детей почивший, он и сам имел детскую, незлобивую душу. Пусть... расскажут, в каком иногда ужасном виде принимались они в основанный им детский женский приют. Всех принимали и всем давали истинно христианское воспитание, и некоторые из них уже сделались невестами Христовыми. Надо было видеть нашего батюшку посреди детей, окружавших его, обнимающих и целующих, – как был он тут особенно трогателен, как часто мы видели тут его слезы душевного умиления... И вот, возлюбленный наш, ты в последний раз предстал перед нами, окруженный многочисленным священным собором с самим Владыкой архипастырем нашим во главе, и ты просишь у этого сонма

священников, из которых многие – твои ученики, а некоторые и сами сделались наставниками других, иноков и инокинь, просишь и всех, здесь присутствующих, духовных детей твоих, словами священного песнопения: «Непрестанно молитесь о мне Христу Богу, – да вселит мя, идеже свет животный». И верь и надейся, возлюбленный наш, что не только устами, но и сердцем воззовем и всегда будем взывать, пока есть дух в теле нашем, к Милостивому Богу: со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, – но жизнь бесконечная, но радость, но успокоение вечное или вечный покой».

Свою речь иеромонах Тихон закончил поклоном гробу почившего.

Октябрь 1891 г.

НАСТОЯТЕЛЬ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ СВЯЩЕННОАРХИМАНДРИТ СХИМОНАХ ИСААКИЙ

И вот, отцы и братие, уже более недели прошло со дня кончины нашего отца и наставника! Как часто, к несчастью, этого времени совершенно достаточно, чтобы иногда совсем забыть покойника! Вместе с последним комком земли, брошенной на гроб, исчезает навсегда память о нем среди живых! Но не забудется истинный христианин, и воспоминание о нем с годами будет делаться все ярче и живее! «Память праведного с похвалами», – говорит Священное Писание. И действительно, как можем мы забыть человека, сделавшего нам добро, а помня, как не хвалить и не благодарить его? Это было бы черною неблагодарностью с нашей стороны! Не предвосхищать суд Божий желаем мы, восхваляя праведника, но имеем в виду ту пользу и назидание, какие могут получить живые из рассказа об истинно христианской жизни. Как путнику, бредущему по жаркой, песчаной пустыне, нужен по временам глоток воды для освежения его сил, так необходимо и нам, странникам и пришельцам на земле, для ободрения и освежения душевных сил воспоминание о мужах, подобострастных нам и шедших одним с нами путем, – и, однако, силою веры и неустанными подвигами дошедших благополучно до вожделенного града Царя Небесного. Да, невозможно нам молчать, ибо от избытка сердца – уста глаголют! Кто заградит наши уста, и какая сила может заставить нас стереть из памяти воспоминание хотя бы о последних днях этого старца, когда сей светильник уже догорал, когда масла жизни все менее и менее становилось в лампаде?.. Навеки не изгладится из нашей памяти трогательное зрелище, которое представлял маститый старец этот уже при самом закате дней своих, лежащий под развесистым деревом на одре своем, окруженный плачущими детьми обители своей, и слабым голосом дающий им последние наставления: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите утешения в печали, наипаче всего храните

совесть свою, очищайте ее всегдашним покаянием, не ищите благ земных, а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои». И каким величавым спокойствием дышали его слова, ибо они исходили из сердца человека, глубоко убежденного в их правоте, всю жизнь свою посвятившего их исполнению. Да, он любил Бога, ибо всю жизнь нелицемерно служил Ему! Да, он любил службу Божию, ибо за день до кончины коснеющим уже языком благословлял Господа, призывая чтеца к начатию утреннего богослужения: не желая лежа выслушивать Божественные слова евангельские, а сиюсь встать, дабы стоя их слушать! Но, братья, праведник не только при жизни, но и после смерти не перестает нас учить и назидать! И вот, думается мне, чему учит нас почивший отец наш: *«Блажены чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* (Мф.5:8). Поистине, что может быть блаженнее для человека Божественного созерцания? Бога Единого желать. Ему, Единому, последовать, к Нему, Единому, всем сердцем прилепиться! Но трудно достигнуть Боговидения, и сделать это можно, лишь очистив свое сердце от страстей и похотей, лишь сердце чистое, сокрушенное и смиренное не унижит Бог.

И мы, братья иноки, знаем из нашего слабого, несовершенного опыта, как трудно телесному человеку оторваться от земли, мудрствовать не о земном, а о небесном. Бывают минуты и часы, особенно ночные часы, когда, как призраки убитых перед убийцей, восстанут перед тобой все соделанные грехи: или зовут и манят к себе, обещая утехи и усладу чувственные, или, наоборот, нашептывают зловещие речи, вселяя в душу ужас уныния и отчаяния. И усопший испытывал эти минуты и часы, и с обычной простотой и смирением рассказывал, как в первые годы поступления в обитель тесны становились ему стены скита и коварный обольститель рода человеческого нашептывал ему коварные, язвительные речи: «Беги чрез эти стены, скройся, пока никто не видит, удались в мир». Но он прогонял лукавого демона тем, что ему особенно тяжело и невыносимо: исповедованием помыслов старцу, бдением, постом и молитвою, — и лишь

тверже и закаленнее делался для всех искушений! И вот, наконец, когда он окреп духовно, пришло время сделаться ему пастырем овец Христовых, наставником монахов. И каких монахов?! Одной из самых строгих по жизни и духу обители, давшей и дающей настоятелей для многих русских монастырей! И после какого настоятеля?! Поистине праведного и великого мужа о. схиархимандрита Моисея! И в какое время?! Во время смутное, когда дрогнули и пошатнулись многие обители иноческие, ибо дух времени, противный иночеству, с неумолимой силой ворвался в ограды монастырские и многих поколебал. Ослабели силы духовные в человеке, ослабела и жизнь иноческая. Желание мантии, стихаря, фелони, начальства, денег – многих из нас гонит вон из строгих обителей в такие, где жизнь широка и привольна для ветхого человека, и из светочей мира делает простыми черноризцами – соблазном для мирян. Много нужно духовной мудрости, много нужно твердости, чтобы управлять монастырем в теперешнее время! Многие настоятели похваляются великолепными зданиями и храмами, воздвигаемыми ими, но в сотни и тысячи раз труднее не умалить, а возвысить дух братии, сохранив в ней непоколебимое подвижничество. Хотя и со слезами, но покоряясь воле Божией, подъял труд сей в Бозе почивший о. Исаакий. Все упования свое возложил он на Господа, Которого всегда имел перед духовными очами своими. «Господь мне прибежище и сила, на Него аз уповаю», – вот что легло в основание его настоятельства. И теперь, более чем через тридцать лет, совершив свое земное течение и оглянувшись назад, ты поистине мог бы сказать, возлюбленный авва, что не расточил напрасно врученных тебе талантов, а приумножил. Всю жизнь ты шел путем Христовым и им же вел и порученное тебе стадо; не переставая «дея», учил ты великим началам, на которых зиждется духовная жизнь обители Оптинской: глубокому всецелому повиновению старцу и твердому, неустанному подвижничеству. И вот настоятель одной из славных обителей русских, всеми глубокоуважаемый, как дитя, покорно склоняется перед волей старца, с самого поступления своего сюда, в обитель, послушником и до последнего вздоха

ничего не делает без его совета и благословения. Много ли нашлось бы не только настоятелей, но и простых монахов, которые с таким смирением склонялись бы перед духовной властью простого священноинока, не имеющего начальственного положения? Смирясь перед старцем, покойный о. архимандрит и в личной своей жизни – в пище, и в одежде, и в убранстве кельи – наблюдал полную простоту древних подвижников.

В церкви к утрени и ко всем службам он всегда являлся первым и выходил последним, и это не только тогда, когда он был крепок и здоров, а и болен, и слаб, когда ноги его покрылись ранами, когда от слабости он стоять почти не мог – никакого послабления плоти! А дома, в келье, когда он давал себе покой? Всегда – и утром, и вечером – двери его были открыты для братства и убогих: всякого грядущего к нему не изгонял вон, а, напротив того, исполнял по силе возможности нужды всех. Тяжело было подчас для немощного, слабого духом инока его постоянное побуждение к молитве и подвигу, и, может быть, иногда слово ропота на излишнюю строгость, казалось, вырывалось у иного из братии, но теперь поистине многие благодарны ему за то, что эта строгость удержала их на пути подвижничества, не дала образоваться навыку к лени и самооправданиям. И вот почему он с такой неохотой отпускал брата куда-либо из обители, особенно в большие города. «Ты уже не вернешься оттуда таким, каким вышел от нас», – говорил он. И с какой радостью встречал он возвращающегося брата! И тогда можно было видеть всю любвеобильность его сердца, которая, так сказать, проступала сквозь его обычный, суровый подвижнический образ. И не только для иноков, но и для мирян было поучительно видеть этого старца-подвижника. И вас, братья и сестры миряне, можно спросить, как некогда Господь Иисус Христос – иудеев о Иоанне Крестителе: *«Что смотреть ходили вы в пустыню? Человека ли, одетого в мягкия одежды? Но одевающиеся пышно и роскошно живущие находятся при дворах царских»* (Лк.7:24–25). Нет, много вы видели и богатых, и знатных, и украшенных всякими дарованиями, – и не их вы приходили смотреть сюда. А такого человека, которого вряд ли

можно найти в мире, среди колеблемого, как трость ветром, сомневающегося подобно морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой... нетвердого во всех путях своих (Иак. 1:6, 8), современного человечества, старца чистого сердцем, который никогда не солгал пред Богом и не дал безумия Богу, сурового подвижника в бедных ризах, со словом правды на устах. И многие говорили, что они уходили от его простой беседы освеженные и готовые на борьбу с миром и греховным себялюбием. И для многих его потеря будет невознаградима! Но вот жизненный подвиг его окончен, окончена тяжелая борьба со страстями и похотями, очищено сердце, пора испытаний прошла... И теперь, уповаем, взлетел он в светлые, Небесные обители, оставив нам в наследие те начала, какими достигается чистота сердца и зрение Бога, отсечение своей воли и умерщвление страстей подвигами. И пока они будут тверды среди иноков, будет тверда и Оптина пустынь. И в памяти их да утвердятся и укрепятся они в ней навеки. И это будет лучшей ему наградой, ибо верим и надеемся, что и с высоты Небесной он будет взирать на чад своей обители и радоваться и веселиться их духовному преуспеянию и исканию себе спасения. И пусть забвенна будет десница наша, пусть прилипнет язык к гортани, если мы забудем того, кто указал нам всегда обращать очи душевные от лживого мира к горнему Небесному Сиону, как некогда древний иудей обращал очи чувственные от ненавистного Вавилона к дорогой отчизне своей, вожделенному Иерусалиму.

А за то добро, какое ты оказал нам, за то, что не словами, а «дея» учил ты презирать плоть – «преходит бо, прилежати же о души вещи бессмертей», за то, что в «пениях, бдениях и пощениях образ был твоим учеником», – чем воздадим тебе, возлюбленный авва? Ведь и во время земной жизни ты ни в чем не нуждался, ничего не искал от людей. Только тем разве, чтобы памятью о тебе утверждаться в борьбе с грехом и в подвиге благочестия, да усугубив молитву о душе твоей. Господь да ублажит тебя и упокоит, и нас святыми твоими молитвами да помилует, яко благ и человеколюбец. Аминь.

Произнесено 29 августа 1894 г. в соборном храме Введенской Оптиной пустыни, в девятый день по кончине о. архимандрита Исаакия.

ПАМЯТИ ИЕРОМОНАХА О. ВАРНАВЫ

Священное Писание учит нас помнить наших наставников. Следуя этому завету, и я не могу не помянуть добрым словом так недавно скончавшегося иеромонаха Гефсиманского. скита о. Варнаву.

Мое знакомство с ним началось с конца семидесятых годов, когда, еще гимназистом, я посетил для говенья Петровским постом скитские пещеры. Мне давно хотелось с ним познакомиться, ибо я много слышал раньше о его подвижнической жизни, о тех мудрых советах, которые он дает целым тысячам людей, к нему ежедневно приходящих, но долго не решался это сделать, и это потому, что у многих людей светского общества существует совершенно неправильный взгляд на подвижников, то есть на людей высокой созерцательной жизни, особенно же на тех, которые, по общему мнению, отличаются даром прозорливости, то есть предвидением будущего.

Им все кажется, что все такие люди отличаются крайней суровостью к приходящим к ним грешникам. Они боятся даже, что те поразят их каким-нибудь наказанием или смутят душу страшным пророчеством.

Сознаюсь, что и я не был лишен, в годы моей юности, этого предрассудка. То было еще до знакомства с о. Амвросием, Оптиной пустыней и вообще русским православным монашеством.

Но вот я решился повидаться с о. Варнавой. Сначала поговел в продолжение недели; усердно помолившись в маленьком пещерном храме Черниговской Божией Матери, на месте которого теперь воздвигнут громадный собор, я, со страхом и трепетом, чудным июньским вечером постучался в дверь маленького деревянного домика, в котором обитал о. Варнава.

Долго он мне не отворял. Наконец послышались шаги, щелкнула задвижка, и на пороге появился седой монах небольшого роста с мягкой, доброй улыбкой на устах, с

проницательным взором темных очей. Вглядевшись в меня, он произнес тем радостным, ласковым тоном, который так памятен всем, близко его знавшим: «А! Милый барин, здравствуй! Ну, рад тебя видеть, мы тебя все здесь полюбили», – и с этими словами он меня благословил, обнял одной рукой и через темные сенцы ввел меня в свою келью, освещенную одной восковой свечой.

Часто после этого приходилось бывать мне в этой келье. Больше двадцати лет продолжалось мое знакомство с ним, а обстановка кельи не изменилась.

Те же несколько простых икон в переднем углу, перед ними на аналое медный крест и Евангелие, рядом деревянный стол с несколькими книжками и брошюрами духовно-нравственного содержания, в углу деревянная кровать, покрытая одним войлоком. Вот и все. Но сколько великих дел совершилось в этой убогой обстановке! Сколько изнемогавших в борьбе с самими собой и житейскими невзгодами душ получили здесь себе облегчение и помощь! Сколько людей, дошедших до полного отчаяния, выходили отсюда бодрыми и радостными, готовыми на всякий подвиг!

Да, много великих тайн хранит эта бедная келья, поистине она неизмеримо драгоценнее роскошных чертогов земных богачей.

Не могу выразить словами, но до сих пор помню то необыкновенно светлое чувство какого-то духовного восторга, какой-то неземной радости, с которыми я возвратился от отца Варнавы. С этого времени начинается мое с ним духовное знакомство, продолжавшееся в течение всей его жизни. Во всяком своем деле я советовался с ним, получал от него добрый совет и благословение. И так до самой его кончины.

Последний раз я вместе с ним совершил Божественную литургию в четверг на первой Неделе Великого поста и навеки простился с ним.

Последние его слова были: «Прежде я иногда, при моих приездах в Москву, объезжал тебя, ну а теперь я часто, очень часто буду тебя навещать». С этими словами он пожал мне руку, и уже более живым его я не видел. Он скончался в

пятницу вечером. Верю, что он духом своим будет мне соприисутствовать.

Какими же особенными добродетелями отличался о. Варнава?

Апостол Павел говорит в своем Послании к Коринфянам (1Кор.12), что всякому истинному христианину дается проявление Духа Святого на пользу. Дары различные, но Дух один и тот же. Одному дается Духом слово мудрости, иному вера, иному дары исцелений.

Сообразно с нравственными качествами человека, его характером, образом жизни, воспитанием и дары даются различные. Так, например, по моему мнению, о. Иоанн Кронштадтский, вращающийся среди болящих и недугующих, по преимуществу, людей, обладает даром исцелений. О. Амвросий Оптинский, получив духовное воспитание под руководством мудрых старцев, сам изучивший в совершенстве Священное Писание и творения святых отцов, – обладал даром духовной мудрости. О. Варнава, по-моему глубокому убеждению, обладал даром веры. Для него не существовало преград между нашим миром и миром загробным. Никакой тени сомнений и колебаний у него не было в отношении истины веры. Все его существо было проникнуто этой верой, все его поступки вытекали из этой веры.

Но все дары Святого Духа, все эти духовные таланты, если можно так выразиться, при постоянном совершенствовании ведут к самому величайшему дару, выше которого нет ничего ни на небе, ни на земле. Этот дар духовный, который останется и тогда, когда и пророчества прекратятся, языки умолкнут и знание упразднится, когда не будет нужды ни в вере, ни в надежде, ибо все обещанное совершится и наступит вечное Царство Божие, есть – Любовь. Вот почему все Божии люди и наполняются постепенно этой христианской Любовью. И про о. Варнаву можно сказать, по слову апостола Павла, что его вера была споспешествуема любовью (Гал.5:6).

Эта любовь притягивала к нему, как магнит железо, людей самых разнообразных положений.

Они открывали ему свое горе, свои нужды, свои не только духовные, но и семейные затруднения, имущественные, служебные неприятности. Одним словом, у них от него не было тайн. И он всегда давал им добрый совет, часто носивший пророческий характер. Особенно же он был велик, когда ему приходилось иметь дело со слабыми в вере и малодушными людьми. Здесь своей верой он их настолько ободрял, вдохновлял, что долго после этого они смело и бодро шли житейским путем.

Скажут, быть может, некоторые: «Но ведь это, в сущности, очень легко – выслушать исповедь человека и дать ему совет!» Нет, скажу по своему слабому опыту: это чрезвычайно трудно! Скажу более: это невозможно для обыкновенного человека.

Для того, чтобы так утешить и ободрить человека, необходимо ему в полной мере сострадать, а для того, чтобы сострадать человеку, надо совершенно уничтожить ту духовную преграду, которую ставят между нами самолюбие, чувственность и другие страсти, заставляющие нас глядеть на своего ближнего с недоверием, с сухостью, а иногда даже с раздражением и озлоблением: не обмануть ли, де, меня он пришел? Человек же истинно христианской любви смотрит на всякого проходящего к нему, кто бы он ни был, как на самого милого, дорогого брата или сестру.

Он весь, так сказать, претворяется в него, живет его жизнью, действительно страдает и мучается его страданьем, весь уходит в бездну его зол и скорбей, не только не гнушается его страшных духовных ран, но готов жизнь отдать за их исцеление.

Вот почему и дается такому человеку слово великой духовной мудрости, слово предвидения и пророчества, которое своей силой способно делается оживить духовного мертвеца.

Но не сразу, а путем тяжелого подвига и путем внутренней работы над самим собой и молитвой, человек достигает духовной высоты. И о. Варнава не сразу достиг такой веры и любви, а после долгих трудов. Он был необыкновенно строг к себе; какую простую подвижническую жизнь вел он молодым послушником, такую он продолжал вести до самой кончины, –

уже больным старцем. Никаких поблажек себе, никакой даже самой невинной прихоти: он вовсе не пил чая, носил самую простую одежду, вкушал самую грубую пищу. Что меня особенно в нем пленяло – это то, что удовлетворение телесных потребностей для него никогда не было каким-то делом, к которому надо особенно готовиться. Он, например, кроме тех дней, в которые ему приходилось, как очередному иеромонаху, присутствовать в трапезной, никогда как следует не обедал, а так, перехватит что-нибудь, и опять за дело. Он никогда как следует не спал, а так, прикурнет, как говорится, во всей одежде на своем деревянном ложе с подушкой, набитой чуть не булыжником, и снова встает на молитву. Бывало, совершив с ним продолжительную литургию в доме призрения и видя, что он торопится уехать тотчас после службы домой, скажешь ему: «Батюшка, да отдохните немножко!» Но он обыкновенно шепнет, сжав мою руку: «Прости, не могу, ведь там их несколько сот дожидается, ведь они все скорбные, несчастные!»

И какой любовью в это время звучал его голос! И с раннего утра до поздней ночи открыты были двери его кельи, кроме времени богослужения, которое он посещал неопустительно, неся тяжелую череду священнослужения, как всякий обыкновенный иеромонах.

В последние годы своей жизни он особенно любил беседовать со мной об основанной им женской обители на Выксе. Несколько раз, по его приглашению, я посещал эту обитель; и надо было видеть, какой трогательной любовью встречали его сестры, каким благоговейным вниманием окружали они своего «кормильчика» (так привыкли они его называть), потому что поистине он для них был кормильцем и духовным и телесным. Вместе с ним бедные сестры потеряли многое на земле! Верим и будем утешать себя тем, что он помолится за них в Царствии Небесном! Он умер, как и жил, – на службе Богу и ближнему. Совершив Таинство Исповеди над начальницей Дома призрения, он, в поручах и епитрахили, склонился до земли перед Престолом Божиим в алтаре и уже более не встал.

Так умирает воин на поле брани с оружием в руках. Его давно предостерегали от переутомления и советовали отдохнуть, но он всегда отвечал: «Пока живешь, надо приносить пользу людям».

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», – говорит Господь (Ин.15:13).

Закончилась жизнь, полная страданий, труда, никому неведомой борьбы с самим собой.

Претерпевший же до конца, спасется» (Мф. 10:22).

Покойный батюшка о. Амвросий сказал одному монаху, изнемогавшему в душевных страданиях, на его восклицания: «Батюшка, да когда же наконец успокоишься?» – «Тогда успокоимся мы, когда над нами пропоют: со святыми упокой».

Верим, что и батюшка о. Варнава успокоился ныне от дел своих.

«Блаженны мертвые, умирающие в Господе; да, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих» (Апок.14:13).

Прощаясь с ним, я дерзнул поднять монашеское покрывало и взглянуть в его лицо. Оно было вовсе не тронато тлением и дивно хорошо! Такое выражение бывает у маленького невинного ребенка, который среди игры внезапно засыпает. Лицо принимает при этом выражение какого-то ангельского спокойствия и чистоты; такое же выражение лица было и у почившего старца.

Мир тебе, возлюбленный брат во Христе и наставник! Целые тысячи людей молятся теперь за тебя. Для целых тысяч сердец ты продолжаешь существовать, ибо любовь не умирает. Любовь нельзя заключить в гроб и закопать в землю. Она будет жить до тех пор, пока будут биться эти самые сердца.

И какой еще высшей награды за свои труды может ожидать человек!

Помолись же за нас всех, труждающихся на ниве Христовой, чтобы нам обладать хоть малой долей твоей веры и твоей любви!

8 марта 1906 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО

Сегодня мы вспоминаем день Ангела присноблаженного старца иеросхимонаха Амвросия. Как живо, как ясно представляется мне день его Ангела в Оптином скиту. В этот день была торжественная обедня, старец причащался Святых Христовых Тайн; а после литургии и молебна, совершаемого за его здравие, начальник скита и все братья шли к нему в келью, чтобы его поздравить с днем Ангела. И, как сейчас, вижу его сидящим на кровати, в белом подряснике, в новой епитрахили, с необыкновенно светлым, радостным выражением лица. Верим мы, что и ныне, после своей смерти, там, на небе, он находится в Царствии Небесном и радуется и благодарит нас за то, что мы не забыли день его Ангела, за то, что мы соединились в молитве и единым сердцем и едиными устами помолились за него Господу Богу. И верим мы, и надеемся – что и он нас не забудет в своих молитвах и будет нам помощником во всех нуждах, скорбях и болезнях.

Батюшка, как вы знаете, несмотря на свою дряхлость, болезнь, преследующую его с самого раннего возраста, с юности (в молодые годы она его сделала просто стариком), тем не менее был твердым воином Христа Спасителя; поистине он всю жизнь боролся с духами злобы – и победил. Всю жизнь он был воином, так он и окончил жизнь... жизнь его окончилась победой.

Не обратили ли вы внимание на сегодняшнее чтение Апостола? (Как мало, к сожалению, обращается внимания на чтение Апостола). А между тем, какая глубина премудрости и разума Божия в нем заключается.

Апостол Павел в своем Послании к Ефесянам говорит жителям Ефеса, что они должны быть бодрыми и внимательными воинами; не должны ослабевать; ни на минуту не должны оставлять своего звания – воина Христа Спасителя. Два раза он повторяет им, чтобы они облеклись во всеоружие Божие, как подобает воину, то есть так, как в древние времена

одевались воины, чтобы и вы могли сражаться с врагами, в эти дни злые и лукавые, и вам предстоит такая же борьба, но только не с плотью и кровью, а с теми, которые держат грешный мир в своей власти, то есть с миром правителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Вы должны сражаться за эту истину, никакого слова лукавого, никакого слова лживого не должно исходить из уст ваших. Вы должны обути ноги ваши в готовность благовествовать мир, то есть вы должны быть готовы оказать всякому помощь. Не раздражайтесь, если видите человека недостойного; вспомните, что в вас самих всегда гораздо более недостатков, старайтесь всегда водворить мир в других, старайтесь помогать всем, чем можете: словом, делом, участием своего сердца. В броню правды заключите сердце ваше, то есть старайтесь поступать так, чтобы в поступках ваших не было никакой лжи, пристрастия... На голову вы должны надеть шлем спасения, то есть старайтесь очистить ум и сердце от помыслов лукавых, старайтесь сохранить свою душу от пороков, стремитесь к очищению своей души и душ ближних своих, а затем возьмите в правую руку меч веры, а в левую щит, чтобы ограждать слово Божие, как стрелой отражать врага спасения. Далее апостол говорит: теперь не время радоваться, утешаться, бесценно проводить время. Как часто советуют и говорят люди неверующие: «Жизнь дана для наслаждений...» Нет, теперь век борьбы, век лукавый... Молитесь, укрепляйтесь силой Божией, потому что вам предстоит разнообразная борьба против врагов спасения, против зла. Смотрите, как они разнообразно действуют: то внушают мысли дурные, чтобы отвратить людей от Бога, то через различные сочинения, в которых стараются доказать, что Бога нет, и тем самым многих отвращают от Бога и Церкви... Вам ли, дорогие братья и сестры, говорить об этом! Сколько раз приходилось вам все это слышать и терпеть нападки на нашу веру и на Церковь.

Поэтому я прошу вас, не забывайте завет апостола: мужайтесь, стойте твердо в вере!

Эти слова как бы нам говорит и батюшка о. Амвросий, он как бы нам говорит: «Посмотрите на меня... Я в этой жизни был

лишен всего – и здоровья, и сил для этой борьбы, а между тем я остался верным воином. Я верил, я старался жить по вере, я многих спас от падения – и примером своей жизни, и наставлениями, и вразумлениями». Он любил так говорить: «Долготерпите, за все благодарите, о всем радуйтесь, молясь за всех непрестанно...» То есть терпите в этой жизни, переносите все скорби с надеждой на воздаяние в будущей жизни; относитесь с любовью ко всем людям, благодарите их за все, что бы они ни делали вам, а главное, молитесь не за себя только, а за всех: ибо много может молитва, приносимая Господу Богу за других.

Искренне верую, что батюшка о. Амвросий, видя, что мы не забыли его и помолились за него, всегда будет молиться за нас, а в особенности в страшный час разлучения нашей души и тела.

17 декабря 1908 г.

СЛОВО НА ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ПО ПРЕСТАВЛЕНИИ О. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Приветствую вас, дорогие братья и сестры, с воскресным днем и радуюсь, что Господь привел всех нас в этот девятый день кончины батюшки о. Иоанна совершить его память и помолиться всем нам об упокоении его души. Девятый день, как я уже вам говорил, по правилам Церкви, особенно важен для души усопшего: в этот день душа усопшего предстоит перед Престолом Господа, чтобы получить или оправдание, или осуждение...

Вот почему Церковь заповедует молиться в этот день об усопшем. Вот почему и мы все сегодня соединились в общей молитве и от всего сердца помолились об упокоении души дорогого батюшки о. Иоанна. Все мы осознаем эту великую утрату и Антиохийская Церковь в лице своих представителей архимандритов Игнатия и Антония, и родные нам по духу многие организации в лице представителя их архимандрита Макария, и представители духовного просвещения в лице архимандрита Гавриила, и все соединившиеся здесь в молитве истинно православные люди.

И не только русским, но и иноплеменным, – всем был близок и дорог батюшка о. Иоанн.

И мне, созерцающему это многолюдное собрание, видящему вашу молитвенную настроенность, мне особенно вспоминается, как батюшка молился не раз в моем крестовом храме; не правда ли, как многие присутствовавшие при этом, вероятно, испытывали какую-то светлую радость, бодрость духовную? Я уверен, все мы это испытывали, когда он молился вместе с нами. Нет горя, которого он не снял бы... Нет тягости душевной, которой он не облегчил бы одним прикосновением к голове.

Какую-то бодрость душевную, какую светлую радость чувствовали все мы; и скажу, во время сегодняшней общей нашей молитвы я чувствовал тоже светлую радость, радуясь, видя ваше усердие, радуясь, видя вашу молитву за почившего;

а затем скажу: для христиан нет смерти... и наши умершие – они не мертвые, а живые – они постоянно молятся за нас.

Для любящего сердца смерть нельзя заключить во гробе и закопать в могиле. Умершие воочию живы. Они выражают свою любовь к живым в своих молитвах перед Престолом Божиим, ибо и живые и мертвые, и мы, грешные, – все составляем одну семью, и все предстанем рано или поздно перед Престолом Божиим.

И верим мы, что обрели мы себе молитвенника у Престола Божия, который будет заботиться о нас, ибо с высоты Неба ему еще более стали видны наши скорби, страдания, искушения, сети и козни диавола, которые враг нашего спасения предлагает нам на жизненном пути. И вот сейчас мне пришла на ум одна из его бесед, находящаяся в его дневнике. «Когда родился Иисус Христос, то и земля и Небо принесли ему дары: Небо – славословие Ангелов; земля – вертеп; бессловесные животные – ясли; мудрецы – дары; пастыри – поклонение Ему... А мы? Что же принесем родившемуся Спасителю?» – спрашивает отец Иоанн. Батюшка говорит: «Если мы кого любим, если мы желаем кому-нибудь что-либо подарить, то стараемся прежде всего узнать, что нравится этому человеку, что приятно ему, что соответствует вкусу его. Что же мы принесем родившемуся Господу? Он Сам говорит: вот заповедь, самая дорогая из всех других: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею... и ближнего твоего, как самого себя»*» (Лк.10:27). Вот эту-то любовь к Богу и ближнему и принесем нашему Создателю, говорит батюшка о. Иоанн.

Не правда ли, он-то и принес всецелую, полную самоотвержения, самопожертвования любовь к Богу и ближним! И мне кажется, и я уверен, что если и мы постараемся принести такую же любовь Господу Богу и нашим ближним, то это будет очень приятно дорогому батюшке.

Дальше батюшка говорит: «Что значит любить Господа? За любовь Божию человек должен всецело отдать всего себя Богу, все свои чувства; в глубине души должен носить Господа и восклицать Ему: «Ты – моя крепость, Господи! Ты – моя слава!

Ты – мое радование! Вечный покой! В Тебе моя жизнь... После смерти Ты – моя надежда! Ты – моя помощь на суде!». Так восклицает о. Иоанн.

Такие чувства действительно имел о. Иоанн. Для него Господь Бог был всем: Ему он поклонялся всю жизнь; Его он всегда чувствовал; для него эта любовь не была только пустым звуком. Он всем сердцем любил Господа. И мы, священнослужители, которые не раз присутствовали при богослужении вместе с ним, можем подтвердить, что, действительно, никто, как он, не чувствовал так ясно присутствие Господа Бога; видно было, как он молился Ему, он как бы беседовал с Ним: он изливал перед Ним всю свою душу... и не только свою, но молился он Ему за всех скорбящих, больных, неверующих.

Далее. «Любить Господа Бога, – говорит батюшка о. Иоанн, – это значит: во имя этой любви ко Господу Богу необходимо оспаривать все нечистые мысли, стараться очищать сердце от всякого зла и пороков. Сам Бог сказал словами: Сыне, дай мне сердце Твое. Необходимо, чтобы сердце наше было чистое, светлое, чтобы оно светило духовным светом». Батюшка о. Иоанн имел действительно такое сердце, исполненное чистоты духовной. Я не ошибусь, если скажу, что он не только был чист сердцем, но еще более – это было дитя, которое всех любило, всем верило. Люди добрые, хорошие преклонялись перед ним, а люди фальшивые – что делать? – пользовались им для своей выгоды и чернили всячески о. Иоанна. Далее батюшка говорит: «Человек, который любит Бога, должен стараться, с помощью Божию, усвоить посредством молитвы все хорошее, утверждать в себе смирение, чистоту сердечную, любовь, кротость. И все это батюшка исполнил в своей жизни, а, в особенности, венец всех добродетелей – любовь – всегда он имел в своем сердце; что же касается молитвы, то он с раннего утра пребывал в молитве; никому в ней не отказывал, душу свою полагал в молитве и за себя, и за других. Он может вместе со святым апостолом сказать: «Господи, если я обрел благодать, то вели чадам моим наслаждаться вместе со мной

духовными радостями, а то мне тяжело». Эта молитва не простой обряд, а жизнь, соединяющая живых с умершими.

...Надо иметь любовь к ближним, а любовь к ближним выражается в дарах духовных и вещественных; например, подать милостыню, облегчить чье-либо горе, помочь чем-нибудь, поухаживать за больным, утешить скорбящего. И здесь батюшка являл всегда пример такой любви; в самом деле, сколько тысяч человек облегчил он, избавил от всяких мук, сколько любви оказал страждущим, скольких исцелил, направил на истинный путь, скольким дал возможность облегчить свое положение, скольким трудящимся приходил на помощь; сколько людей благодаря ему стали приносить пользу ближним и себе.

Вот те дары, которые принес покойный батюшка о. Иоанн родившемуся Христу Спасителю. Он заповедует и нам исполнять его заветы.

Будем же стараться исполнять их; будем любить Бога, ближних, будем стараться всем делать добро; будем стараться следовать его добродетелям и молитвам. И верим, и молимся, и надеемся, что дорогой батюшка помолится за нас и будет духом пребывать со всеми нами.

28 декабря 1908 г.

ШАМОРДИНСКАЯ КАЗАНСКАЯ АМВРОСИЕВСКАЯ ПУСТЫНЬ И ЕЕ ОСНОВАТЕЛЬ СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АМВРОСИЙ

За алтарем соборного храма древней обители Оптинской находится небольшая часовня, в ней мраморное надгробие, и на нем начертаны слова Священного Писания: «Я был для всех всем, чтобы спасти хотя некоторых». И эти слова вполне выражают и характер, и направление деятельности того человека, который мирно покоится в недрах земли под этим надгробием.

Батюшка старец о. Амвросий был действительно олицетворением здесь, на земле, самоотверженной христианской любви и всю свою жизнь до последнего вздоха отдал ближним, спасая их из пропасти неверия, уныния и отчаяния. Здесь, в этом зале, несомненно, есть много людей, которые хорошо помнят батюшку, которые пользовались его советами и наставлениями и которые, может быть, спасены им от великих житейских тягостей. Они являются живыми свидетелями истинности моего рассказа, но еще лучшим, вечно живым, свидетелем этого является основанная им Шамординская Казанская Амвросиевская женская пустынь. Но прежде чем говорить о ней, скажем несколько кратких слов об Оптиной пустыни, где подвизался о. Амвросий, и о старчестве, которого он явился выразителем.

Древняя Оптина пустынь находится в Калужской губернии, недалеко от г. Козельска, и, по преданию, основана неким отшельником Оптой. В древности она процветала, но с течением времени стала хиреть и едва не была закрыта. Восстановителем ее явился в начале XIX столетия некто игумен Моисей, человек глубокого внутреннего опыта; он понял, что монастырь без духовного руководства не может процветать; для того, чтобы научить братию молиться, бороться со страстями, совершенствоваться духовно, необходим опытный духовный руководитель. Вот почему он постарался отыскать такого руководителя и нашел его в лице некоего иеросхимонаха

Леонида, ученика знаменитого Паисия Величковского. Учеником о. Леонида был иеросхимонах Макарий, а учеником о. Макария – батюшка о. Амвросий.

В чем же заключается старчество? Оно заключается в духовном руководстве старцем ученика: ученик всецело подчиняет себя воле старца. Он каждодневно открывает ему все, что он сделал за весь день: все свои мысли, чувства, недоуменья, и на все получает надлежащий ответ. Это отношение любящего мудрого отца к своему сыну. Старец может не иметь никакого иерархического положения в монастыре, но он за свою духовную мудрость пользуется глубоким авторитетом: перед ним преклоняется даже и сам настоятель.

Старческое влияние стало благотворно действовать на дух оптинской братии; она стала процветать и в то же время, благодаря этому, стала делаться все более и более известной и среди мирян. Кого только не перевидала Оптина пустынь в своих стенах! Киреевские, Хомяков, Гоголь, Достоевский, Леонтьев, Толстой и множество других людей всяких возрастов и состояний приходили к старцам, раскрывая им свою душу, получая мудрый совет и духовные исцеления. Молодым человеком пришел в Оптину пустынь и Александр Михайлович Гренков – впоследствии о. Амвросий. Происходя из духовного звания, он получил прекрасное образование в Тамбовской семинарии и был назначен в Липецкое духовное училище учителем греческого языка. Но с юных лет его влекло к монашеству, – всюду и везде слышал он голос Божий, призывающий его к подвижнической жизни. Некоторое время в нем происходила борьба между миром, с его удовольствиями, и его призванием, влекущим его в обитель. Но вот он тяжело заболел и дал обет: если выздоровеет – немедленно идти в монастырь. Когда он исцелился от болезни, то исполнил его. По совету известного троекуровского затворника Иллариона он ушел в Оптину пустынь. «Там ты будешь нужен», – пророчески вещал ему затворник. В Оптиной пустыни его приблизил к себе старец Макарий, приготавливая в его лице себе преемника; он сделал его своим секретарем и келейником. Здесь-то о. Амвросий и научился любить людей так, как умеют немногие.

Перед ним ежедневно проходили целые вереницы людей – скорбных, унывающих и ждущих, как палимые жаждой, глотка воды, духовного совета и утешения. Здесь из переписки старца с его духовными детьми, переписки особого рода, совершенно откровенной, в которой человек открывал перед старцем свои духовные раны, тщательно скрываемые даже от самых близких лиц, он познал всю глубину страданий, все море слез человеческих. С другой стороны, находясь в общении со старцем, он постоянно присутствовал при его мудрых беседах, участвовал в переводе на русский язык святоотеческих писаний и, таким образом, постепенно возрастая из силы в силу, он наконец возрос в того духоносного старца, которого знала и почитала вся верующая Россия.

Но вместе с духовным ростом телесно он все более и более ослабевал; будучи и от природы не особенно крепкого здоровья, он несколько раз сильно простужался в Оптиной пустыни и еще в молодых годах должен был отказаться от радости совершать Божественную службу, а затем и вовсе зачислиться в заштат. Последние годы он почти вовсе не сходил с постели и к вечеру иногда от слабости терял голос, силы, и походил на умирающего; но «сила Божия, – говорит Священное Писание, – совершается в немощи человеческой» (2Кор.12:9). Это умирание для ближних продолжалось долгие годы, и он, сам стоящий на пороге гроба, духовно воскрешал духовных мертвецов, приходивших к нему со всех концов России. Скорбя и болезнуя о всех людях, о. Амвросий особенно страдал за тех, в которых он видел искру Божию, призвание иноческое и которые, тем не менее, не имели возможности поступить в монастырь вследствие слабости своего здоровья. Как сам больной телом, он так же страдал за всех обиженных судьбой людей: больных, калек (особенно много таких из женщин), сирот, брошенных родителями, – и задумал, если Господу угодно, основать такую женскую обитель, в которую принимались бы все те, которых люди считали ненужными, лишними, тяжелым для себя бременем. И Господь внял его благому желанию и, можно сказать, чудесным образом создал Казанскую обитель – Амвросиевскую.

2. ШАМОРДИНО

В двенадцати верстах от Оптиной пустыни в очень живописной местности, на берегу реки Серены, в середине прошлого столетия находилось небольшое поместье небогатого помещика Калыгина. Оно носило название Шамордино. Помещик этот, человек очень благочестивый, однажды видел следующее виденье. Ему казалось, что над его домом, в облаках, возвышается какой-то дивный храм и слышится какое-то неземное, ангельское пение. Пораженный этим видением, он открыл все это о. Амвросию, который сложил это в своем сердце. Прошло несколько лет, и Калыгин продает свое имение помещице Ключаревой – в монашестве схимонахине Амвросии, преданной духовной дочери о. Амвросия.

Переехав из Белевского женского монастыря на дачу близ Оптиной пустыни для воспитания своих малолетних внучек-близнецов – Веры и Любы, дочерей своего единственного сына, – по совету о. Амвросия она покупает Шамордино, строит там дом и поселяет там своих внучек с многочисленным штатом оставшейся от крепостного времени прислуги. Станным ей кажется, что о. Амвросий при постройке дома руководствуется, по-видимому, не столько удобствами его будущих обитателей, сколько какими-то особенными соображениями.

Девочки Вера и Люба Ключаревы, для которых было куплено Шамордино, были особенными детьми, не похожими на других. Всякому из вас, вероятно, приходилось встречать таких детей, при знакомстве с которыми невольно подумаешь: «Нет, не жильцы они на белом свете! Что-то в них есть особенное, отблеск какого-то неземного света, и посылаются они на нашу грешную землю для того, может быть, чтобы мы, бедные, оземлившиеся, жестокие сердцем, могли уразуметь, как прекрасны Ангелы на небе!..»

Они отличались глубокой религиозностью: их любимым занятием было посещение долгих оптинских служб и бесед с батюшкой, которого они горячо любили. Возвратившись домой, они пели церковные песни и читали церковные книги, подражая виденному в церкви, но это постоянное общение с монастырем и монахами не делало их угрюмыми, нелюдимыми; нет, они

были необыкновенно ласковые, кроткие девочки и в то же время – веселые, по-детски живые, любившие иногда и пошутить, и посмеяться, и позабавиться. Так, например, они очень забавлялись тем, что их бабушка (они называли ее «мама») не могла их отличить, до такой степени они были похожи друг на друга. «Ну, мама, – говорили они иногда, – закрой глаза, а потом открой и скажи, кто из нас Вера, а кто Люба», – и меняли свои места. Мать Амвросия часто ошибалась, и это девочкам доставляло большое удовольствие.

Тем не менее, очевидно, девочки носили в себе глубокую тайну – стремление к Небесной жизни. Так, например, когда они были совсем маленькими, Вера, обратившись к сестре, совершенно неожиданно, говорит: «Люба, ты хочешь долго жить на земле?». – «Нет, я хочу жить до 12 лет!» – «И я тоже», – отвечает другая. И желание бедных девочек было исполнено скоро: через некоторое время, заболев дифтеритом, они умирают одна за другой, кротко, тихо, с молитвой на устах.

Тогда-то и сделалось понятным, для чего прозорливый старец о. Амвросий предназначал Шамордино. Здесь открыл он женскую общину, первой настоятельницей которой была Софья Михайловна Астафьева, урожденная Болотова. Понятной сделалась и архитектура дома, ибо он предназначался для храма, и в зале была устроена церковь, в честь Святой Троицы, а в ней поставлена главная драгоценность – чудотворная икона Казанской Божией Матери.

История этой иконы замечательна. Она принадлежала матери Амвросии (когда та жила еще в Белевском монастыре), будучи принесена одной бедной женщиной за десять рублей. С тех пор мать Амвросия постоянно покупала на десять рублей масла для неугасимой лампы перед иконой.

Но вот, когда однажды у нее не хватило денег на масло, она в горести усердно помолилась Божией Матери, чтобы Она Сама нашла необходимые деньги. Чрез несколько минут после молитвы, когда она задумала растапливать печь старыми бумагами, она нашла между ними нераспечатанный конверт именно с десятью рублями. С этих пор она стала иметь особенное благоговение к этой иконе. Рассказывают также, что,

когда она находилась в Шамординском храме, один диакон усомнился в ее чудотворности и вдруг увидел исходящий от иконы такой ослепительно яркий свет, что был поражен и временно лишился речи.

Небогатое достоянье досталось первой настоятельнице, матери Софии: деревянный дом с домашней церковью да несколько деревянных хижин для жилья сестрам. Вот и всё! Ни денег, ни имущества, ни каких-нибудь запасов, а между тем население общины с каждым днем все увеличивалось. Много посылал старец здоровых и крепких девушек, способных к работе, в монастырь, но не менее (если не более) – больных, увечных, не способных ни к какому труду. Вот, например, подползает к старцу безногая, с уродливым горбом, вся трясущаяся от болезни св. Витта. Кроме обид, оскорблений, эта несчастная ничего не видала от людей. Понятно, почему в душе ее – раздражение, злоба против них. Видя несчастную, старец изменяется в лице и посылает ее в Шамордино. Вот другая – на костылях, чахоточная, в лице ее кротость, она терпеливо переносит свою участь, но ей негде жить, ее отовсюду гонят, она никому ненужная, лишняя! Старец поговорил с ней, прослезился над ее страданиями и посылает ее в Шамордино. Вот приносят к нему детей, брошенных на произвол судьбы преступными или несчастными родителями. Бедные детки, покрытые грязными тряпками, иногда с золотушными ранами на теле, протягивают к нему свои ручонки, и старец отправляет их в Шамордино. Таким образом, население Шамордина все увеличивалось, а средства обители к существованию все уменьшались.

Но не такова была ее начальница – мать София, чтобы смутиться и пасть духом перед этими затруднениями: недаром память ее благоговейно чтится до сих пор в Шамордине. Представительной наружности, с твердым характером, пламенной верой в Бога и глубокой покорностью к старцу, она все могла перенести во славу Божию и на пользу вверенной ей обители. Входя во все тонкости монастырского хозяйства, она не забывала духовного воспитания сестер. Она старалась воспитать веру в Бога, любовь к ближним, глубокую

преданность старцу, которая одушевляла все ее духовное существо.

«Смело, решительно, с молитвой на устах иди по пути христианского совершенства, – учила она сестер, – трудись, работай и не падай духом; если упадешь, Господь силен восстановить тебя; Он с тобой, а с Ним всегда и везде легко». Одного она не выносила и не терпела – это часто встречающейся в людях склонности злословить и осуждать ближних. Злословие, клевета, сплетня – один из самых любимых предметов разговора в светском обществе, к сожалению, часто и в монашеском.

Ты видишь, как человек грешит?! Но ты не знаешь, как он раскаивается в своем грехе! Ты издеваешься над ним, ты брызгаешь в него грязью, а он в это время перед образом оклеветанного и опозоренного врагами Спасителя плачет и рыдает кровавыми слезами и дает слово: более не грешить. И вот когда ты произнес на него свой беспощадный суд, Милосердый Господь, пришедший спасти не гордых праведников, но кающихся грешников, уже нарек ему Свое прощение: «Чад, отпускаются тебе твои грехи». Таким образом, ты бесстыдно предвосхитил суд Божий.

Как магнит притягивает железо, так обаятельная личность матери Софии стала привлекать в обитель много людей самых разнообразных образований, состояний и положений в обществе. Постепенно Шамордино стало отстраиваться, украшаться новыми зданиями; твердо водворился в нем Устав Оптиной пустыни.

Но – увы! – недолго наслаждалась обитель миром и духовной радостью под ее настоятельством. Тяжелые труды сломили ее крепкое здоровье, и она скончалась, предварительно постригшись в схимонахини, горько оплакиваемая сестрами.

По кончине матери Софии старец избрал настоятельницей мать Ефросинию Розову. Столь же глубоко верующая, столь же преданная старцу, она не имела блестящих талантов администратора и духовного вождя, какими отличалась мать София. И старцу пришлось взять на себя все хлопоты по

устройству обители, для чего он посещал лично обитель не один раз, где и скончался 10 октября 1891 года, зазимовав там по случаю своей болезни. Трудно передать ту радость, которая овладевала сестрами при вести, что дорогой батюшка едет к ним погостить. Ведь все они, можно сказать, и дышали им одним. Он был для них всё: их отец, их покровитель, их молитвенник, их свет, их радость. Как путник бодро идет вперед, видя перед собой мерцающий огонек, так и они, не смущаясь, шли тернистым иноческим путем, ибо в умирающем телесно старце сиял тот огонь, который освещал их путь и окрылял надеждами на вечные радости на Небе. Еще за несколько дней до приезда старца в монастырском муравейнике начинались хлопоты, как бы получше встретить и успокоить дорогого гостя.

Но вот прошел слух: «Батюшка выехал из Оптиной». Июньское благоуханное утро; пахнет цветами и скошенным сеном; всю картину ярко озаряет солнце; у врат маленькой деревянной церкви собрались насельницы общины во главе с начальницей, держащей в руках чудотворный образ Казанской Божией Матери, и священником с крестом. Сестры обители, дети-сироты из приюта, безногие, слепые, расслабленные из богадельни и больницы – все собрались встречать своего отца. Тихо показалась из-за пригорка карета, в которой возили батюшку, боясь за его здоровье. И вот из этой кареты медленно выходит, весь дрожащий от болезни, в теплом подряснике, в теплой шапочке, с костыликом в руках, батюшка; подходит он к иконе, опускается на колени, творит крестное знамение; слезы блестят в его чудных очах. Благоговейная тишина сменяется восторженными криками: «Батюшка, дорогой наш, родной батюшка приехал!» Да, такие минуты никогда не забываются теми, кто их испытал!

Каждодневно батюшка объезжал в монастырской пролетке все строения, указывал место, где должен быть, а теперь находится, новый собор. Дельно и метко делал замечания плотникам, рабочим, сестрам, а затем возвращался к себе для духовных бесед с сестрами, а также и с приезжающими богомольцами. Вечером, после молитвы, он выходил на общее

благословение в зал, как и в Оптиной пустыни, где его встречали сестры, которых он благословлял и почти каждой говорил что-либо полезное. Батюшка воплотил в себе два великих идеала: отречение от мира и служение человечеству, доказав всему миру, что одно не исключает другого. Все внешние монашеские подвиги, молитву и очищение сердца старец ставил высоко, но при этом он более требовал от своих духовных детей того, чтобы они прежде всего готовы были жертвовать собой, чтобы пользу ближнего ставили выше своей, чтобы о себе думали как можно скромнее, не увлекаясь своей мнимой праведностью. Этому он и учил своих духовных детей, и из добродетелей христианских он прежде всего старался воспитать в людях смирение:

«Долготерпите, за все благодарите, о всем радуйтесь, молясь за всех о всем непрестанно». «Страдания для человека необходимы: без них жизнь была бы пуста и бессмысленна, – страдания отрывают нас от пустой жизни и заставляют думать о Боге, о вечности, следовательно, о своей душе. Страдания неизбежны в жизни: страдают ведь и люди неверующие, но они страдают с проклятиями, с богохульством, подобно разбойнику, висевшему по левую сторону от Христа, иногда в припадке отчаяния лишают себя жизни, напрасно думая, что с прекращением земной жизни прекратятся для них страдания духа. Между тем, как человек верующий терпеливо переносит все, встречающееся на пути, ибо он верит, что это – наказание за его грехи и очищает его душу. В то же время сознание своих собственных недостатков заставляет его снисходительно относиться к недостаткам и своего ближнего. В самом деле, скажите: отчего расстраиваются всякие общественные союзы? Всегда от самолюбия и гордости! Сначала люди нравятся друг другу, а как увидят недостатки ближних, начинают злословить друг друга, оскорблять, и все дело рушится!»

Этому учил о. Амвросий сестер шамординских.

Замечательно, что в этот свой приезд о. Амвросий, может быть, в предвидении неурожаев и других несчастных бедствий, обрушившихся на нашу Родину, приказал изобразить Божию Матерь, сидящую на облаках и благословляющую людей, а под

Нею – поле, усеянное ржаными снопами и колосьями. Батюшка велел праздновать поклонение иконе 15 октября.

Замечательно, что это был день его погребения. При совершении празднования этой иконе «Спорительница хлебов» им указано читать обыкновенный Богородничный акафист, а припев петь следующий: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоя и яви милосердие Твое».

В 1890 году старец опять приехал в Шамордину пустынь и остался там до самой своей кончины. Опять та же ликующая радость сестер, те же поездки по строениям в сопровождении сестер и богомольцев, те же беседы и благословения с тем только различием, что благодаря продолжительности пребывания старца они вместе с ним провели день его Ангела – 7 декабря, Рождество Христово, Новый год и Святую Пасху. Как много впечатлений, как много света и радости! Недаром старец говаривал: «Попомните это времечко!»

1 января, рассказывают сестры, в самый первый день 1891 года, утром, после обедни, батюшка вышел к сестрам особенно задумчивый, серьезный; сев на диван, он неожиданно начал читать стихотворение: «Лебедь на берегах Меандра песнь последнюю поет». «А мы, – шутливо заметил старец, – могли бы так переделать это стихотворение: «Лебедь на берегах Шамандра песнь последнюю поет», – и объяснил, что лебедь поет только одну песнь – перед своей кончиной.

Тогда никто не понял печального значения этих слов, а между тем старец предсказал свою кончину в этом году. Предчувствуя ее, он особенно поспешно старался устроить монастырь. Так было построено много новых келий в Шамордине, благоустроен хутор Руднево, о котором старец предсказал, что в нем будет церковь, что и случилось после его кончины. В конце сентября старец заболел болезнью ушей, соединенной с инфлюэнцией, и, постепенно, стал таять. Пламенны были молитвы сестер, но воля Божия должна была совершиться, и 10 октября тихо, мирно, подняв руку для крестного знамения, он отдал свою душу Богу. После напряженной тишины вопль отчаянного горя раздался в

Шамордине: то плакали сестры, потерявшие в старце всё; и эти стенания не прекращались до самого перенесения его в Оптину. Множество духовных лиц во главе с архиереем, множество народа, иноков и инокинь собрались на его отпевание. Торжественно, великолепно было совершено отпевание многочисленным духовенством во главе с епископом Виталием. Особенно разителен был контраст между скромным гробом и убогими скромными одеждами смиренного старца и блестящим облачением и пением соединенных хоров – иноческого и архиерейского, множеством свечей, множеством высокопоставленных лиц, толпами богомольцев. Всех их объединяло одно чувство – любовь и благодарность. Поистине можно сказать: любовь не умирает, любовь нельзя заключить во гробе и закопать в землю, она вечно жива.

Торжественны были проводы о. Амвросия в темный осенний вечер в родную ему Оптину пустынь. Несмотря на пронзительный ветер и дождь, свечи у богомольцев не угасали; гроб все время несли на руках его почитатели, и трогательна была минута, когда гроб, высоко поднятый, как плывущий по воздуху, был встречен сонмом иноков в серебряных облачениях во главе с настоятелем – архимандритом Исаакием. Поистине казалось, что это – перенесение мощей, а не просто погребение.

Замечательна судьба Шамордина после смерти батюшки. Умер ее отец и кормилец. Лишилась она своей главной опоры. Настоятельница ее – мать Ефросиния от болезни ослепла. Средств в монастыре никаких, расход громадный: около тысячи сестер надо накормить, обути, одеть, – такое громадное количество народа!

Казалось, по человеческим соображениям, Шамордину окончательно грозило закрытие, а между тем оно не только не закрылось, а больше процветало, чем при жизни батюшки.

Достаточно сказать, что за это время построено множество прекрасных каменных строений, как, например, трапезная, колокольня, построен и освящен великолепный собор в самом Шамордине, каких мало в столице, а главное, из общины Шамордино возведено в Казанскую Амвросиевскую обитель, а

настоятельница, слепая и беспомощная, торжественно возведена в сан игумении и награждена наперсным золотым крестом.

Кто же взял на попечение осиротевшую обитель? Это были преданные духовные дети старца – наши дорогие москвичи: достопочтенный, в Бозе почивающий, Сергей Васильевич Перлов и поныне здравствующая его супруга Анна Яковлевна. Золотыми буквами написаны их имена в летописи Амвросиевской Казанской Шамординской обители, и никогда они не изгладятся из памяти насельниц этой обители. Молится за них старец, молится он и за всех тех, которые обращаются с любовью за его благодатной помощью; как при жизни, так и по кончине он всегда готов помочь всякому страждущему и скорбящему.

Из множества случаев его помощи благодатной мне припоминается такой.

Один господин был болен болезнью головы и ног, так что доктора отказались его лечить и ему грозила смерть. Но вот, прочтя в «Душеполезном чтении» об о. Амвросии, он мысленно попросил у него помощи и потом заснул. Во сне он увидел необыкновенный свет, и вот к нему подходит старец в мантии с золотым крестом, с четками в левой и посохом в правой руке; дотронувшись до его ног посохом, он сказал ему: «Чадо Николай, встань, поди в церковь, отслужи молебен Амвросию Медиоланскому», – и дал ему тут же кусочек просфоры. При этом он почувствовал страшную головную боль, но старец покрыл его своей мантией, и боль прошла. Когда тот господин спросил, кто он, старец отвечал: «Я старец Амвросий из Оптиной пустыни». На другой день господин встал здоровым, и болезнь не повторялась. Через несколько времени он видел опять сон: старец лежал в гробу и грозно упрекнул его, что он о видении этом молчит и не сообщает в Оптину пустынь.

Конечно, в Шамордине и теперь много недостатков, но мы веруем, что Господь Бог по молитвам старца не оставит ее без добрых людей, как не оставлял до сих пор. Я верую также, дорогие братья и сестры, что духом старец сегодня среди нас. В

самом деле, во имя чего собрались сегодня мы сюда? Во имя любви к ближнему.

Не скромный наш вечер сегодня, но его цель привлекла вас и ваши лепты сюда. Цель его – устройство глазной больницы в Сергиевом Посаде, куда собираются десятки тысяч богомольцев. В летнюю пору, когда их бывает большой наплыв, когда колосится рожь, от нее попадает пыль в глаза, раздражающая их и производящая глазную болезнь.

При недостатке лечения болезнь эта может породить слепоту. А что ужаснее слепоты? Не видеть этой чудной природы, не видать человека, быть погруженным в вечную тьму. Какое несчастье может сравниться с этим?! Вот почему наше Общество имеет целью предупредить слепоту и возвратить зрение, пока это возможно.

К сожалению, средства наши оскудели, и мы должны были бы закрыть лечебницу, если бы не помощь добрых людей.

Да благословит вас Господь Бог и да будет с вами и за вас молитва батюшки, старца о. Амвросия.

Недавно я прочел одно стихотворение, которое хотя и относится к другому лицу, именно к о. Иоанну Кронштадтскому, современнику батюшки о. Амвросия, тем не менее подходит к нему – родному по духу и по деятельности:

Он был жив – мы сердцем не робели,
Он был жив – и были мы сильней;
Умер он – и мы осиротели,
Умер он – и ночь еще темней.
Ночь темней, – а мы так одиноки,
В грозном море – слабые пловцы...
Миру нужны вещие пророки
И с душою детской мудрецы.
В злобном вихре беспощадной битвы
Мир совсем забыл бы Небеса,
Если б смолкли праведных молитвы,
Прекратились Божьи чудеса.
И нисходят в грешный мир святые,
И низводят с Неба благодать...
Подвиг их – целить сердца больные

И умы заблудшие спасать.
Умер он – молитвенник народный,
Умер он – народный иерей,
И ненастной ночи мрак холодный
Стал еще темней и холодней.
Пусть он с нами вечным духом ныне,
Но не слышим мы его речей,
Не сияет в жизненной пустыне
Свет его ласкающих очей.
Оросив горячими слезами
Мертвый камень гробовой плиты,
Шепчем мы дрожащими устами:
«Без тебя мы в мире сироты!»

Во время чтения Преосвященного хор Богоявленского монастыря исполнил древним распевом Оптиной пустыни некоторые духовные песнопения и между ними, в заключение чтения, стихотворение, посвященное памяти Оптинского старца о. Амвросия (слова Странника, музыка Н.С. Буйлова):

Блажен, кто, путь свершая тесный,
Кумирам тленным не служил,
В чьем чистом сердце Царь Небесный
Себе обитель сотворил.
Блажен, кто страсти победил
И чужд был суетных стремлений,
Кто средь житейских треволнений
Свой крест безропотно носил.

СЛОВО ПРИ ОТПЕВАНИИ Д.И. ФИЛИППОВА

Вечная тебе память, дорогой и незабвенный брат наш Димитрий Иванович! Коса смерти добралась и до тебя... Господь да ублажит тебя, и упокоит, и с праведными сопричтет!..

Поистине на тебе более, чем на ком-нибудь другом, оправдались слова церковной песни: «Вчерашний день я беседовал с вами, внезапно настиг меня час смертный – но прошу вас всех и молю – молитесь за меня Христу Богу, да не изведен буду на место мучений, но да вселит меня Господь Бог идеже есть свет неприступный».

И мы искренно верим, и с любовью и скорбью помня неизбежный смертный час, молились и будем молиться об упокоении души твоей и поминать тебя с редкой, радостной надеждой, что Господь примет тебя в Свои селения. Мы знали тебя, что ты был человек истинно добрый, необычайно сердечной доброты... Ты не скрывал своих талантов, а, по возможности, старался умножить, развивать в себе эти таланты. Мы верим, что Господь Бог примет тебя, как это читалось ныне в Евангелии. Некоторый господин устроил пир (Мф.22:2–14) и призвал на него только тех, которые имели брачную одежду, а тех, которые не имели брачной одежды, он изгнал вон. *«Ибо много званых, а мало избранных»*, говорит Господь. Мы и твои служащие знали тебя как человека милостивого, ты отличался любовью ко Христу; ты соткал себе брачную одежду, в которой ты войдешь в чертог... Мы верим, что она введет тебя, и Господь примет тебя!

Мы с любовью молились о тебе! Ведь любовь, дорогие братья, любовь вечна. Святой апостол Павел говорит: когда вера и надежда упразднятся, когда в них уже более не будет нужды, а любовь будет все более и более расти. Любовь, дорогие братья и сестры, нельзя заключить во гробе и закопать в могилу, она должна от любящего сердца воссылаться об умершем, и чем более будет в нас этой любви, тем более будет воссылаться молений ко Христу Богу об умершем.

Соединимся же все в одну семью вокруг его гроба и
вознесем искреннюю, горячую молитву об упокоении его души.
14 декабря 1908 г.

СЛОВО ПРИ ОТПЕВАНИИ Н.И. ПАСТУХОВА

Помолимся, дорогие братья и сестры, об упокоении нашего брата, новопреставленного Николая. Не по чувству холодного долга, не по каким-либо другим обязанностям, а истинно только по любви к почившему, мы собрались сюда, чтобы вознести о нем моление; ведь почившему теперь ничего более, кроме этого, и не нужно.

Плачут, скорбят, болезнуют о нем его родственники; но не только родственники скорбят о нем; не менее их сожалеют и скорбят его родные по духу, его друзья, сотрудники его. И единственным утешением нам в этой скорби может служить вера, что Милосердый, Человеколюбивый Господь тогда берет к себе душу человека, когда она наиболее всего подготовлена к вечной загробной жизни.

Затем утешением в нашей скорби может служить нам воспоминание о тех добрых качествах души усопшего, которые драгоценнее всего в очах Божиих, которые должны служить ему правильным добрым ответом на Страшном суде. Первой из этих добродетелей была искренняя, сердечная вера в Господа и вытекающая из нее любовь к Церкви Божией; эту любовь он выражал в усердной молитве – мне самому приходилось видеть его молящимся в храмах Божиих и в делах благотворения, о которых он не любил говорить. Поистине он может сказать словами церковной песни: «Господи, если я и согрешил, но, как христианин, я несомненно веровал в Тебя и исповедовал Отца, Сына и Святаго Духа». Как общественный деятель, он громко исповедовал свою веру: в своей газете он держался нелицемерно, неуклонно церковного направления; церковный отдел ее всегда отличался полнотой, разнообразием и точностью сообщаемых сведений.

Затем утешением для нас может служить то, что для нас, христиан, нет смерти, что любовь не умирает, что любовь нельзя заключить во гробе и закопать в землю, что если для нашего глаза и разрушается и умирает тело дорогого нашего

собрата, то для сердца любящего он не умирает и будет жить в нем до тех пор, пока бьется это сердце.

Дорогие братья, сотрудники, свидетельствовать ли вам об этом? Знаю, что вы отлично знаете это духом, что вы составляли одну семью, жили одними заботами, одними интересами, одной любовью... Любовь не умрет, – а эта любовь может быть выражена в усердной, горячей молитве, ему ведь теперь ничего более не нужно; ведь он сам, словами церковной песни, обращается ко всем нам, об одном просит и молит нас: «Прошу всех и молю, непрестанно о мне молитесь Господу Богу».

О дорогие братья, придет час, и, может быть, он близок уже, а для некоторых и неожиданно близок, когда и мы будем лежать в гробу и будем просить молиться за нас. И в самом деле, что может быть неустойчивее в жизни для нас? Что может предстоять ребенку в день рождения его, как не несомненная смерть? Если я существую, то я умру... Что такое история природы, как не наступление смерти? В самом деле, сегодня потеряли родных, вчера друзей, а завтра, может быть, злая смерть замахнется своей холодной косой и на нас – и все тогда будет кончено...

Так Святая Церковь заповедует, отходя ко сну, молиться этой чудной молитвой: «Владыко, Человеколюбче, неужели ми одр сей гроб будет? Или еще окаянную мою душу просветиши днем? Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит...». Вот когда мы теряем дорогих, милых родных или друзей, то эта молитва делается еще ближе нашему сердцу – и усерднее, и пламеннее шепчут наши уста: «Упокой, Господи, брата нашего Николая!» Вспоминая его любовь, видя его гроб, усердно помолимся мы об упокоении возлюбленного нашего брата Николая Ивановича: «Господь да ублажит его, да упокоит, с праведными сопричтет, и нас всех да помилует, яко благ и Человеколюбец».

31 июля 1911 г.

СЛОВО ПРИ ОТПЕВАНИИ Н.С. ПЕРЛОВА

Помолимся, дорогие братья, об упокоении души усопшего брата нашего; поистине можно сказать: «О чуде, что сие о нас бысть таинство: како предахомся тлению? Какое сопрягохомся смерти?» В самом деле, вот вчера еще был жив человек, беседовал с нами, а ныне он умер, он лежит во гробе... Да, поистине, смерть есть таинство. Если бы человек умирал постепенно, при постепенном истощении своих сил, тогда смерть можно было бы объяснить, как простое явление физической природы; но эта смерть – человека, полного сил, полного деятельности; невольно смущается дух.

Но здесь утешением служит вера: Милосердный, Человеколюбивый Господь тогда берет душу человека, когда она более всего подготовлена к вечности; так спелая пшеница собирается в житницу, так спелый плод снимается с дерева. Также утешением служит воспоминание о добрых качествах почившего, о его милосердии, о его радушии, которое соединяло вокруг него его друзей; а в особенности – его глубокая вера. Да, дорогие братья, я сам был свидетелем этой живой его веры. Я, по собственному желанию и по приглашению его друзей, был у него за несколько дней до его смерти, беседовал с ним, причастил его Святых Тайн, и никогда не забуду, с какой верой, с какой духовной радостью он согласился причаститься; а, надо сказать, у многих больных это причащение смущает душу; а затем, как он горячо молился во время чтения причастных и после причастных молитв! Скажу откровенно, я не мог удержаться от слез... Я тогда сказал ему: «Знаете ли, Николай Семенович, я вас всегда любил, а теперь еще более полюбил вас, видя вашу глубочайшую веру, смирение, покорность воле Божией». И вот последним утешением может служить для нас то, что для любящего сердца нет смерти, что любовь не умирает, что ее нельзя заключить во гробе, что для глаз только человек умирает и разрушается, а для сердца верующего он не умирает и будет жить, пока бьется сердце.

И вот, дорогие родные, друзья и знакомые, соединимся вокруг этого гроба, как бы в одно семейство, и вознесем о нем молитвы. Ты же, Милосердный Господи, прими его душу и упокой его с праведными, ибо к Тебе он взывал в час смерти своей. Аминь.

23 сентября 1911 г.

СЛОВО ПРИ ОТПЕВАНИИ ДОКТОРА В.Н. ШТУРМА

Мне не хочется обращаться к тебе, дорогой Всеволод Николаевич, с обычным приветствием, я хочу обратиться к тебе с приветствием самого любимого тобою святого, преподобного Серафима Саровского, которому ты старался подражать. Преподобный Серафим каждого, приходящего к нему, всегда приветствовал такими словами: «Радость моя, Христос Воскресе». Подражая ему, и я говорю: «Радость моя, дорогой мой друг, Всеволод Николаевич, Христос Воскресе».

Теперь ты, конечно, в этом вполне уверился, что эта жизнь на земле временна, а там, куда ты ныне перешел, все те, кого ты любил, все вместе; так и мы будем с тобой. От этого сознания делается сердцу отрадно при разлуке с тобой. Но невольно все хочется говорить о тебе.

Да, братья, вы все знаете покойного. Может быть, многие из вас были подняты с одра смерти благодаря его врачебной помощи. Покойный был большая душа, широкое сердце, редкий человек, это я могу поистине сказать. Его некоторые сравнивали с одним известным врачом, доктором Гаазом, о котором вы, наверное, читали в брошюрах и книгах, а я лично слышал от покойной моей матери, бывшей с семьей Гааза в близких отношениях; что сама она слышала, то мне передавала. Сходство между ними действительно есть, но есть и разница. Гааз филантроп, альтруист с некоторым оттенком сухого протестантского христианства, а Всеволод Николаевич прежде всего православный христианин, человек, всею душой любящий Святую Христову Церковь; все, что он делал, он делал ради любви ко Христу.

Я, как-то шутя, говорил ему: «В старину у нас были блаженные и юродивые Христа ради, а теперь вы – врач Христа ради». Он и поистине был таким, подобно Пантелеймону, Косьме и Дамиану и другим врачам-бессребреникам. Он, ради Христа, старался помочь больному, и не только его телу, но и душе. Он желал, чтобы больной проникся весь верой во Христа, и молился за каждого своего больного. И действительно,

помощью Божией нередко совершал чудеса. Но оказывать помощь отдельным личностям было мало для него. Ему захотелось, чтобы было устроено такое благотворительное заведение, где бы была оказываемая помощь всем бедным. Он особенно болел о них. О, скольких бедных я посылал к нему и с какой любовью он принимал этих монахов, монахинь и по целым часам с ними беседовал. Но этого, как я сказал, ему было мало. Ему хотелось, чтобы приходящие получали благодатное утешение и лекарство даром. Нужно было создать такое учреждение. И вот без протекции, без денег он взялся за устройство Серафимовского комитета. Он так же, как и Преподобный, был пламенным душой. Слово «Серафим» значит «огненный». Взявшись за дело, он не останавливался, пока не кончал его. Серафимовский комитет – это учреждение с чудесным характером. Говорят, многие тут получали Божественную помощь. Мне удивительно и чудесно кажется самое его создание без протекции и денег.

Батюшка о. Сергей говорил, что Всеволод Николаевич перенес в своей жизни много скорбей и не напрасно его называли многострадальным Иовом. Скорби поражали его в самое сердце. Но с великими чудесами создавший Серафимовский комитет, сам был чудо. Здоровье его было слабое, в последнее время склероз у него был отчаянный, сколько раз он падал с трамвая, с извозчиков. Товарищи-врачи говорили о нем: не может жить. Но он все жил. Чем он был жив? Молитвами и причащением. Он говорил мне: «Я прежде думал, что причащаться нужно один раз в год, Великим постом, до причастия не пить в этот день чая, что это почтенная, но утомительная церемония; словом, я смотрел так, как смотрит на причастие большая часть интеллигенции; но чтобы можно было причащаться так, не в пост, и часто, мне и в голову не приходило; только теперь я понял, какая сила в причащении. Тем, что я живу, я обязан причащению: причащусь, и целый день здоров». Так он жил поистине чудесным образом. Все доктора свидетельствуют, что по своим болезням он давно должен был бы умереть, но только ныне – день его погребения.

Братья! Посмотрите, как много собралось к его гробу помолиться за него. Но, конечно, собрались не все, некоторые не могут быть, многие еще не знают о его смерти; если бы знали, было бы здесь молящихся в десять, в сто раз больше. Вы все собрались к усопшему из благодарности к нему, самой чистой и бескорыстной. Все знакомые его всегда будут молиться за него. Вечная память да будет дорогому Всеволоду Николаевичу.

Как многие позавидуют тебе. О, как немногие оставляют такое незапятнанное имя! Ты не собирал имущества, но оставил в наследство близким своим доброе имя. Недавно я отпевал, сыновья почившего, вашу мамашу. Она тоже оставила вам доброе и незапятнанное имя. Но ее знали немногие, а отца вашего знали многие не только в Москве, но и в России.

Любовь вечно жива. Ее нельзя заключить во гроб и закопать в могилу. Точно так же бессмертна и жива душа, хотя тело наше по смерти и разлагается. Соединимся же теперь вокруг этого гроба и от всего сердца помолимся об упокоении со святыми раба Божия Всеволода.

Стенографирована протоиереем И. Полянским 14 (27) июля 1920 г. в Спасо-Песковской церкви.

Стенограф, почтительнейше преподнося проповеднику речь, просил прощения за изъяны в ее воспроизведении.

СЛОВО НА 40-Й ДЕНЬ ПО КОНЧИНЕ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ ЩУКИНА В ХРАМЕ СЯТТЕЛЯ НИКОЛАЯ НА ПЕСКАХ

Мы собрались сегодня помолиться об упокоении дорогого всем нам о. протоиерея Сергея. Немного лет пробыл он среди верующих москвичей, но оставил по себе добрую и долгую память. И, когда он так неожиданно отошел ко Господу, скорбью ударила его кончина по сердцу всех его духовных детей, а вместе с ними поскорбел и я. Мне вспомнилась тогда единственная церковная служба, которую я совершил с ним в храме святителя Николая Явленного, его тихий проникновенный голос, каким он возглашал молитвы, вспомнились вдохновенные страницы из его литературных произведений, с которыми мне случайно пришлось познакомиться как раз за несколько дней перед службой, вспомнились рассказы о нем близко его знавших и не ведавших о его поистине многострадальной жизни, и я от всего моего сердца помолился об упокоении его души. И чем больше я о нем думаю, тем яснее вырисовывается мне его образ, необыкновенно привлекательный своей высокой духовной чистотой, вместе с тем и великой скромностью, несмотря на большие и разнообразные его дарования. А он обладал ими в высокой степени. Вчитываясь в его произведения, поражаешься глубиной его мысли и чувств, высотой его мирозерцания, а особенно – глубиной его сердца. Ведь мне думается, что если бы в кратких словах передать главное его души содержание, то оно выразится в таких словах: любовь и жалость. В них-то и заключается, по его мнению, внутренняя движущая сила всякой религии. «Любовь и жалость явились на земле вместе с человеком, – говорит он в одном из своих произведений. – Это огонь, который согревал иззябшее, израненное сердце человека и давал силы жить. Любовь готова даже на ужас променять вечную бессмертную жизнь, лишь бы спасти другого. Суть ее в том, чтобы брать у себя и отдавать другим». Так писал он, так, вероятно, и жил. И везде, во всех его произведениях, красной

нитью проходит эта любовная жалость к страждущим, скорбящим, мятущимся в отчаянии людям.

Идет ли он на кладбище, он останавливается на могилах тех, кого особенно горько оплакивают живущие: мать – своего ребенка, жена – нежно любимого мужа. И сострадает он им, и жалеет их своим нежным сердцем. Вспоминает ли он годы семинарского учения – опять ему рисуется юноша-семинарист, спасающий своего виновного товарища от позорного изгнания из семинарии, хотя бы ценой собственной гибели, и опять сострадательное его сердце радуется, когда подвиг юноши удается. Изображает ли он последнюю службу священника, умершего в конце всенощной, он опять преисполняется тем же духом восторженной любви, уже на краю смерти, к пасомым.

И этот рассказ, как бы пророчески, предсказал его собственную кончину, тоже внезапную и тоже почти тотчас после совершения Божественной службы в день своего Ангела. И удивительно, что он, всю жизнь стремившийся к спасению других, своих ближних, и здесь ценой своей жизни спас жизнь двух людей: матери и ее малютки.

И мы твердо верим, что тот, кто жил только любовью к людям, кого не могли ожесточить и озлобить даже неслыханные страдания, перенесенные им в жизни от людей, мы верим, что он нашел себе великую радость и утешение у Самого Источника любви – Христа Спасителя. Ведь только одна мысль о Нем утешает умирающих: вот жил на свете Христос подобно нам, ходивший по дорогам земли, как мы, и любивший ее, как мы, одинокий в предсмертной муке своей. «О, – восклицает он, – пусть люди забудут меня и пусть земля забудет меня, но ведь я с Ним, со Христом, и Он уже знает, как провести меня через этот океан забвенья, спасти от потопа великого!» Эти восторженные слова его пусть дают нам высокое утешение и надежду в нашей скорби, что он обрел Его навеки, своего возлюбленного Христа.

Вознесем же о нем наши горячие молитвы. Я не сомневаюсь в их искренности. Я припоминаю, как после моей службы в храме святителя Николая Явленного я приветствовал почившего словом благодарности за его вдохновенные беседы с

пасомыми и как вы, его духовные дети, благодарили меня за доброе слово о вашем любимом пастыре. Я не сомневаюсь уже, что не только сегодня, в 40-й день по его кончине, но всегда будет за него молитва и не забудут его могилы. Всегда трогает эта память пасомых о своих пастырях. Много на московских кладбищах похоронено знаменитых при жизни людей, но смею думать, что ни одна могила не посещается чаще, чем могила любимого духовного отца. И в этом для пастырей великая награда за тяжелый наш жизненный подвиг, ибо это свидетельствует, что чистая христианская святая любовь не умирает, что она вечно жива. Аминь.

СЛОВО НА ОТПЕВАНИИ Д.П. ПОНСОВА

В Священном Писании говорится, что от избытка сердца бо уста глаголют. Да, в большинстве случаев это справедливо, но бывают такие неожиданные скорби, такие жгучие несчастья, как, например, наше горе: потеря горячо любимого человека, – что уста наши замолкают и только сердце изливается в горьких безутешных слезах: «Зачем он ушел от нас, он был нам так нужен, так дорог, а теперь мы никогда, никогда его больше не увидим – нашу радость». И законны наши слезы: Сам Спаситель плакал, когда узнал о смерти Своего друга Лазаря. Лишь бы только не были эти слезы слезами уныния и безнадежного отчаяния, лишь бы только одухотворялись они верой и надеждой, что Господь Бог по Своему бесконечному милосердию берет душу человека тогда, когда она наиболее созрела для будущей жизни. А когда она созреет, никто, даже самые близкие люди, не могут узнать. Это должно утешать нас, а затем, несомненно, должна утешать добрая память, оставленная покойным. В самом деле, не знаю человека, который бы иначе отозвался о нем, как о милом, добром, сердечном человеке, душа которого была открыта не только для близких и родных, которых он горячо любил, но и для всех прочих. Свидетель этому и я сам. В самом деле, кто я для него был? Посторонний человек. А когда я лишился угла, когда никто из близких не мог ничем помочь мне в моем горе и мне приходилось покидать с тяжелой болью в душе Москву и идти в беспросветную жизнь в провинцию, полную многих лишений, – он пришел ко мне, как Ангел хранитель, в самый день почитаемого им преподобного Серафима и предложил в своем доме комнату больному и скорбящему старцу. Я не забуду никогда, как он, добрый Димитрий Петрович, и супруга его относились ко мне за все эти годы моего житья в их доме: казалось, что я был не среди чужих людей, а жил как в своей семье, а как это дорого для старого, больного человека – поймет всякий.

И не только я, но и вы, насельницы Никитского монастыря, испытали его помощь: вспомните, как он болел душой, когда вам пришлось покинуть монастырь, как он старался помочь вам и обеспечить ваше положение, и его духовная связь с вами продолжалась и дальше – и в Хлынове, и здесь, у Малого Вознесения. Он любил ваше благоговейное чтение, ваше истовое служение, гармоническое монастырское пение и спешил сюда, на молитву (и сегодня мне все казалось, что он, дорогой Димитрий Петрович, стоит тут, в алтаре, с сыном Алешей, готовясь причаститься Святых Тайн Христовых, и молится за всех нас). И я, в то время взглянув на него, как-то особенно усердно молился за всю его семью и не думал, что мне, старцу, придется творить над ним, молодым, успокойные молитвы.

Поистине смерть есть тайна, которую мы поймем тогда, когда все соединимся в Царстве Небесного Отца, чтобы уже вечно жить одной любящей семьей, и пока мы здесь, на земле, будем верить, что любовь не умирает, что она вечно жива, что любовь нельзя заключить во гробе и закопать в землю. Правда, для глаза нашего разрушается и умирает любимый человек, но для сердца любящего он не умирает и будет жить в нас до тех пор, пока бьется это самое сердце. Соединенные этой любовью, усердно помолимся о нем, ибо ему нужны не похвалы, не венки, не пышные речи, а одни только горячие, искренние молитвы. Ведь он и в земной жизни не искал похвал, а находил удовлетворение в тихом и скромном исполнении своего жизненного долга. А теперь он говорит устами Церкви: «Вчерашний день я беседовал с вами, а сегодня нашел на меня страшный час смертный, но прошу вас всех и молю непрестанно, о мне молитесь Христу Богу, чтобы Он, Милосердый, принял меня в Свое Царство любви, истины, красоты и света». Аминь.

26 февраля 1934 г.

Москва. Малое Вознесение.

ВНЕБОГОСЛУЖЕБНАЯ БЕСЕДА В НЕДЕЛЮ ПО ПРОСВЕЩЕНИИ

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. В сегодняшнем Апостольском чтении святой апостол говорит нам, что Господь наш Иисус Христос, претерпев смертные страдания, сойдя во ад, воскреснув и вознесен на Небо, даровал нам благодатные дары Духа, наделил особой благодатью известных лиц, которые должны руководить нами, чтобы мы пользовались как следует полученными нами дарами, то есть чтобы сделаться лучшими, чем мы теперь, других делать лучшими, подражать во всем Христу Спасителю. Таким образом, должен в Церкви Христовой всякий делать свое дело, как в теле человека всякий член исполняет свое назначение.

Как в теле человека много членов и каждый из них исполняет свое назначение: ухо слышит, глаз видит, ноги ходят и т.д., так и в Церкви Христовой, которую можно уподобить телу человеческому, глава которой Христос, всякий ее член должен исполнять свое назначение, а для этого надо, чтобы каждый имел особые, нужные для дела, способности, даруемые ему Господом Богом. Дары эти получаются человеком в Таинстве Миропомазания, когда священник изображает крест священным миром на членах ребенка со словами: печать дара Духа Святаго. Тогда и естественные способности, например, ум, память и др., получают благодатное освящение, а главное, сообщатся каждому особые духовные дары (например, разум – разуместь слово Божие и др.), которые без этого Таинства не могли бы быть получены. Поэтому те христианские общества, которые не имеют этого Таинства, например, некоторые раскольнические секты, вера протестантская немецкая, – бездарные. Не всем в одинаковой степени даются дары эти – одному больше, другому меньше; как и в притче о талантах говорится: одному было дано пять талантов, другому – два, третьему – один – каждому по силам его. Но каждый получивший обязан умножить таланты эти: получивший пять приобрел другие пять; получивший два – другие два; и только

получивший один талант спрятал его в песок и скрыл серебро господина своего, за это он и потерпел строгое осуждение.

Эти «таланты», или дары, даются человеку не для него самого, а для тела Церкви Христовой, то есть для прославления Божия, поэтому и нечего гордиться этими дарами или завидовать тем, которые имеют больше, чем мы. Сами мы, как говорится в Писании, одного волоса на голове своей прибавить не можем (свт. Иоанн Златоуст, 249).

Что один получил больше, а другой меньше, это не имеет никакого значения, но дело безразличное, ибо каждый из получивших способствует к созиданию не ради собственного достоинства (один получил больше, а другой меньше), но для других, сколько кому Сам Христос распределил. Если иной имеет нечто большее в своем даровании, то ты этим не огорчайся, потому что и трудов у него более. Апостол говорит о себе: горе мне, если я не благовествую. Но потому и горе ему, что он получил, а ты свободен от подобной опасности. Святой апостол сказал, что Раздаватель этих даров – наш Иисус Христос, теперь он поясняет эту мысль.

Мы веруем, что Господь сошел на землю, претерпел крестные страдания, воскрес и вознесся со славою на Небо, но нас не оставил Он одинокими, Он послал нам Духа-утешителя, раздающего благодатные дары. Но как Господь есть глава Церкви Своей, то Он Сам знает, кому сколько необходимо этих даров, и Сам поэтому распределяет их. Для этого Господь сходил в ад, победил дьявола, смерть, грех, ад – и отнял у них всех, кого они держали в своем плену; это и подразумевается под словами «пленил плен» и над всем человеческим родом враги эти не имеют теперь уже власти, но кто уверует в Иисуса Христа, от того они тотчас отступают. Так Господь освободил людей от власти дьявола, под которой они находились, и, наделив их благодатными дарами, основал Церковь Свою, в которой и мы теперь находимся. Нам дана свободная воля, то есть мы вольны поступать, как хотим: можем пойти по правой дороге, следовать заповедям Божиим, можем пойти и по кривой дороге, то есть служить дьяволу, предаться греху и всякому нечестию; для того, чтобы нам указывать путь правый,

вразумлять заблуждающихся или сбившихся с прямого пути, утешать тех, которые приходят в отчаяние и уныние от своих грехов, от содеянных ими злых дел, показывать нам примеры богоугодной жизни, молиться за всех, освящать людей благодатью Духа Святого в Таинствах – наконец для того, чтобы обращать ко Христу тех, которые совсем Его не знают, поставлены Господом в Своей Церкви особые люди – названные пастырями, пророками, учителями, благовестниками, апостолами. Им – этим людям, даны особые, необходимые для их служения, благодатные дары. На первом месте поставил апостолов – это те двенадцать с присовокуплением и апостола Павла, которые удостоились видеть Господа, быть Его спутниками во время Его земной жизни, быть свидетелями Его страданий, смерти, воскресения и вознесения на Небо. На них, по обещанию Спасителя, сошел Дух Святой в день 50-й, и от них (преемственно) через рукоположение Он переходит и на их преемников – пастырей Церкви (то есть епископов, священников) и до наших дней. За апостолами следуют пророки, то есть люди, прозревающие будущее, они называются у святых отцов также прозорливыми. Много в Святой Православной Церкви было таких людей; да они и теперь, разумеется, есть, и всегда будут. Это угодники Божии, иногда неизвестные миру, иногда даже гонимые и презираемые миром. Трудно перечислить их всех: это пустынники, преподобные, знавшие душу человеческую, ибо они сами всю свою жизнь посвятили Господу. Им Господь открывает сердце человеческое, им Господь для пользы ближних открывает будущее: таков был и преподобный Сергей, наш покровитель и заступник, и множество других. Конечно, они и теперь есть, например, Серафим Саровский...

Обыкновенно они убегают славы людской, живут уединенно, скрываясь от людей, но их, говорится в Писании, не может город укрыть вверху горы – так и их добрые дела делаются всем известны, к ним приходят люди скорбящие, обремененные грехами, больные душевно и телесно: а от них уходят успокоенными, утешенными и исцеленными, а иные даже около них делаются их учениками и сами после долгих

трудов делаются наставниками других людей. Люди мирские, светские не понимают таких людей, смеются над ними, бранят их, называют себялюбцами, тунеядцами, потому что Спаситель сказал, что всякий, кто будет следовать заповедям Божиим, будет ненавидим миром, аще от мира бысти были, сказал Он апостолам, но славы их нельзя затемнить, и они вечно продолжают жить и после смерти, являя исцеление через свои нетленные мощи и таким образом помогая ближним своим.

Затем апостол называет благовестников. Благовестниками можно назвать и таких людей, которые не имеют своим исключительным делом благовествовать, и благовествовали, когда и где придется; в этом смысле, думается мне, и каждый из нас может быть благовестником: если кого-нибудь заблуждающегося поставим на путь истины, как раскольника или не знающему Закона Божия объяснить его – тогда по справедливости можешь быть назван благовестником, то есть сообщаящим благу весть – Света Божия. Называются так свв. отцами помощники свв. апостолов, посылаемые ими для проповеди в чужие страны; называются так и евангелисты, написавшие Евангелие, то есть благу весть о земной жизни Спасителя нашего; свв. равноапостольные Кирилл и Мефодий – просветители славянских народов; св. равноапостольная Нина, просветившая Грузинскую страну; наконец, св. равноапостольный Владимир, крестивший всю Русь Святую, Православную; теперь святой Иннокентий, который в Сибири с опасностью для своей жизни проповедовал Евангелие – благовестие. Есть ли и теперь благовестники?

Да, разумеется есть. Они называются теперь миссионерами и проповедуют Евангелие, обращают в истинную веру язычников, не знающих Бога, или раскольников, заблуждающихся в ней и удалившихся от Церкви Христовой; они строят училища, воспитывают детей, стараются и своими проповедями, и примером своей святой жизни обратить ко Христу целые тысячи душ человеческих, пребывающих во мраке душевном. Так, например, особенно усердно трудится в стране Японии небольшое общество монахов образованных, окончивших курс в духовных академиях, под руководством

архиерея Николая, которого уважают и почитают не только православные, но даже и язычники за его святую жизнь и непомерные труды.

На четвертом месте апостол Павел называет пастырей и учителей. Наши пастыри и учителя – это епископы (архиереи) и священники. Апостолы обыкновенно, проповедав Евангелие в каком-нибудь месте и крестив тамошних жителей, рукополагали себе преемников, сообщали им благодать Духа Святого, а те, в свою очередь, рукополагали себе помощников, и, таким образом, преемственно от времен апостольских и до наших дней благодать Божия живет в наших архиереях и священниках. Им поручено делать людей святыми, то есть поучать, как жить по-христиански, как исполнять заповеди Божии, они должны обличать заблуждающихся, наставлять их на путь истинный, совершать Таинства церковные, крестить младенцев, освящать браки, отпускать грехи во время исповеди, причащать всех Телу и Крови Христовой, молиться за всех людей, приготовить из своей среды благовестников или миссионеров, которые обходили бы все страны, обращая неверных к вере Христовой. Таким образом, под руководством пастырей церковных, возвращая данные нам таланты или дары духовные, мы все должны прийти к единой вере, сделаться мужами совершенными, достигнуть в меру полного возраста Христова.

Вначале всякий верующий подобен дитяти, ребенок не умеет отличать добро от зла, он не тверд в правилах жизни, ничего не знает из окружающего его. Вот почему нам и не надо удаляться от пастырей церковных, которые в церкви молятся за нас и нас научают таким образом молитве, слушать внимательно те поучения, в которых они указывают нам пути ко спасению, читать, кто грамотен, написанные ими книги, в которых объясняется нам вера Христова. Их устами Сам Господь изрекает благие указания всякому, кто с верой и молитвой обращается к ним... Кто самоотверженно идет путем Христовым, кто без согрешения ведет брань с врагом нашего спасения, тот всегда в своих пастырях найдет помощь и вразумления такие, каких со стороны нельзя было бы и ожидать, ибо не к человеку он приходит, а к Самому Господу,

всегда готовому вразумить и наставить через человек – пастырей своих, тех, кто искренне и с верой ищут у Него себе помощи. И вот когда в уме у тебя будут всегда мысли христианские, добрые, когда ты во всем будешь поступать по вере своей, когда твоя воля будет направляться к добру, а в сердце твоём чувства укоренятся христианские: смирение, любовь, кротость, воздержание, миролюбие и другие добродетели, – тогда ты сделаешься не ребенком, а мужем совершенным, по слову апостола. Да поможет же Господь всем нам дойти до такого состояния. Когда духовно воспитаем себя, в душе нашей мы найдем потерянный нами рай, – а рай этот есть любовь...

Но вот мы воспитали в себе духовного человека, искоренили страсти все, нашли потерянный рай – и Сам Господь поселяется в сердце нашем, по слову Своему Святому: *«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у Него сотворим»* (Ин.14:23). И когда поселятся в нас, мы достигли, по слову святого апостола, меру полного возраста Христова. А когда Господь с нами, то чего нам более желать. Христос, Свет Истинный, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир, – направит стопы наши к деланию заповедей. Аминь.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО К СЕСТРАМ ВЫКСУНСКОГО ИВЕРСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Когда я подъезжал к вашей обители и увидел сонм инокинь, вышедших к нам навстречу, то мне невольно слышались слова царя-пророка: *«За нею ведутся к тебе девы, подруги ея... введутся во храм царев»* (Пс.44:15). Действительно, это пророчество сбылось! В самом деле, какими ликами святых девственников украсилась Святая Церковь от дней апостольских и доныне: сколько чистых вдовиц и стариц взяты уже в Небесный чертог Христа Господа вслед Приснодевственной Его Матери, сколько подвизавшихся и подвигающихся войти в этот пренебесный чертог многообразными путями жизни человеческой. Один из этих путей и самый прямой и верный – путь иноческий, этим путем тщитесь вы, сестры инокини, достигнуть Царства Небесного. И вы достигнете, несомненно достигнете, этого вечного чертога славы, если будете идти вслед Пресвятой Матери вашей, ведь Ей посвящена ваша святая обитель, ведь Ее вы имеете своей Помощницей и Заступницей. Само собою разумеется, что идти вслед Пресвятой Девы – значит подражать не только некоторым внешним действиям Ее, а усвоить себе самый дух Ее добродетелей и совершенств, ибо *«Вся слава дщери царя внутри»* (Пс.44:14), как говорит пророк Божий. То есть усвоить себе Ее живую и крепкую веру слову Господню, Ее пламенную любовь к Богу и ближним своим, Ее всесовершенную преданность воле Божией, Ее глубочайшие смирение и кротость, Ее неисповедимое терпение и послушание слову Господню даже до смерти, но до этой высоты совершенства духовного нужно восходить, возлюбленные, путем долгого воспитания, как и Сама Пресвятая Дева восходила путем немаловременного воспитания при храме Божиим. Главным и наиболее любимым упражнением Пресвятой Девы была святая молитва, для которой Она часто уединялась внутри храма. Там Она беседовала Единая с Единым Отцом Небесным, там Она изливала перед Господом непорочную душу Свою, там

предавалась всесовершенной воле Отца Небесного, укреплялась на тот беспримерный подвиг жизни Своей, на котором ожидали Ее не одни высочайшие радости, но жестокие скорби, когда оружие проходит душу Ее. И для вас, возлюбленные сестры, святая молитва должна быть главным делом вашей жизни. Да, несомненно, молитва – славное дело инока. Это подтверждают и святые отцы. «Молитва, – говорит преподобный Сирин, – великое оружие, неоскудевающее сокровище, основание истины, корень, источник и матерь тысячам благ». Преподобный авва Пимен утверждает, что человек всегда должен молиться Богу и просить Его помочь ему, напутствовать его во Всяком деле, ибо человек не может приобрести никакой добродетели без помощи Божией. Молитвы ищут от нас и наши братья миряне. «Батюшка! Питай нас молитвами!» – недавно сказал мне один простой человек. Горе нам, если мы вместо этого хлеба духовного подадим камень алчущему брату! Ищите молитвенного Царства Небесного, все остальное приложится вам! И вы имеете великое подтверждение сего. Не молитвою ли создалась ваша обитель? Не суетным талантом, ослепляющим человечество, не богатством или ученостью создал ее вам Кормильчик наш возлюбленный авва, а молитвою веры, молитвенными вздохами и слезами. Будьте же верны его примеру, молитесь за себя и за весь мир. За всех страждущих, скорбящих, озлобленных и сокрушенных духом, не имеющих ближних, за них молящихся, за всех живых и мертвых, и Господь спасет ваши души, и не оскудеет ваша обитель. А молясь, не забывайте и своих собратий и сестер, иноков и инокинь, идущих одним с вами путем, скорбным и тернистым, наипаче же прошу вас молиться о тех иноках и инокинях, которых послушание заставляет жить вне святой обители, среди мирских людей. Здесь у вас располагают к молитве и подвигам церковные службы, самый строй и порядок монастырской жизни, пример, совет и руководство сестер и наставников. В миру же все, наоборот, влечет к мирским искушениям и соблазнам. «Как рыба, выброшенная из воды, умирает, так может умереть духовной смертью и инок вне спасительной ограды

монастырской», – говорят святые отцы. К таким инокам принадлежу и я, грешный, послушанием своим обязанный жить среди мира и лишь изредка имеющий отраду отдохнуть духом в святой обители. Прошу вас, возлюбленные сестры, молиться за меня и за всех моих собратий. Ты же, Всеблагая Мать наша, приведи нас всех с Собою к Сыну и Богу Своему и веди нас в Его Небесные обители. Аминь.

1898 г.

СЛОВО О. НАМЕСТНИКУ БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ИГУМЕНУ ИОНЕ ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕГО В СЕЙ САН

Сердечно приветствую тебя, возлюбленный брат, с саном игуменским!

Сегодня, по благословению высшего священноначалия, ты выдвинут из ряда обыкновенных священноинок и украшен особой честью.

Какие же надежды возлагает на тебя Святая Церковь, облакая тебя так быстро и неожиданно, по собственному твоему сознанию, честью игуменства?

Если ты вдумывался когда-нибудь в значение слова игумен, то ты сам ясно понимаешь, какие обязанности возлагаются на тебя твоим новым званием.

Игумен – слово греческое и означает предводитель отряда воинов; слово игумен также употребляется в значении пастуха, пасущего стада. То и другое значение указывает на начальственное положение лица, облеченного этим саном.

В духовном смысле значение этого слова еще шире: игумен – не просто начальник, он и воспитатель душ, вверенных в его управление иноков, ведущий их в Царство Небесное. Значит, не внешним только образом он управляет ими: назначая послушания, требуя внешнего благоповедения от братии и пр., он и духовный начальник, зорко следящий за их внутреннюю духовную жизнь, глубоко проникающий во все изгибы их душ, радующийся, как отец, их духовному преуспеянию, глубоко скорбящий о их духовных болезнях, сострадающий их скорбям, непрестанно возносящий пламенную молитву о них Господу Богу, как о самом себе. Его личная жизнь должна быть неотделима от жизни братии, или, лучше сказать, для него и не должно существовать личной жизни, он должен, по слову апостола, быть *«Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»* (1Кор. 9:22). Он должен быть, по слову Самого Господа, слугой всех, примером и образцом во всех добродетелях. Понятно поэтому, каких высоких, каких

великих добродетелей должен быть человек, украшенный званием игумена. Он должен иметь, собственно говоря, все христианские добродетели, или, вернее сказать, ту одну добродетель, в которой соединяются все остальные, – христианскую любовь. Не мнимую светскую любовь, которая выражается в любезных, ласковых словах да разве еще в делах холодного, внешнего милосердия, а ту самоотверженную любовь, которая, по слову Спасителя, *«Положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15:13), которая во всяком человеке, хотя бы и в великом грешнике, видит образ и подобие Божие и не горьким словом упрека встречает слабости и немощи человеческие, но все их несет на себе; та любовь, которая заставила одного преподобного начальника иноков с дерзновением молитвенно взывать ко Господу: «Господи, если я обрел благодать у Тебя, если я достоин Царствия Небесного, то вели и моим детям духовным идти со мною, а без них мне и в раю будет скорбно».

Конечно, кто из нас может похвалиться такой великой добродетелью? Поистине мы можем сказать словами святого апостола Павла: *«Я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова»* (2Кор. 12:9), но стремиться к достижению христианского совершенства должен всякий из нас – христиан, а особенно – из нас, иноков, полагающих задачу своей жизни в нравственном совершенствовании.

Ревнуй же, возлюбленный брат, о приобретении этой добродетели, работай над собой, борись с восстающими на нас греховными помыслами, особенно с помыслами гордости, тщеславия, жестокости: молись непрестанно, и благодать Божия, всегда немощных врачующая и оскудевающих восполняющая, да уврачует твои немощи и да восполнит недостающие в тебе совершенства, а я, как человек, уже немало лет знающий тебя как доброго инока, искренне ревнующего о своем спасении, со светлой надеждой взираю на тебя и верю, что ты вполне заменишь меня, обремененного многими трудами и немощами, в управлении возлюбленной нашей братией.

Еще несколько слов.

Наша обитель занимает особое положение сравнительно с многими другими; она находится не где-либо в пустыне, а среди многошумного, многомятежного столичного города, и это самое ее положение налагает на нее особенные обязанности.

Именно – она существует не только для иноков, а, отчасти, и для мирян.

Смотри, какое великое множество народа собралось сегодня в храм Божий! И ты знаешь, что в праздники храмы наши всегда полны молящимися, а бывают дни, когда наш обширный собор не в состоянии вместить всех богомольцев.

Почему же русский православный народ по преимуществу любит молиться в святых обителях?

В ответ на этот вопрос сделаю такое сравнение.

Подобно тому, как среди бурных, бездонных, готовых каждую минуту поглотить неосторожного путника морей и океанов, там и сям разбросаны острова, на которых спокойно и привольно чувствует себя достигший их путник, наслаждаясь сознанием, что он наконец на твердой суше и не подвергается опасности быть поглощенным морской бездной, точно так же, думаю, чувствует себя мирянин в благоустроенной обители.

Твердый чин церковный, во всей целости и во всем благолепии сохраняющийся с древних времен по преимуществу в святых обителях; истовое, осмысленное чтение, воодушевленное пение древних церковных напевов, убежденная проповедь слова Божия, основанная на святых отцах и учителях Церкви, – вот что, с одной стороны, привлекает к нам богомольцев. А с другой стороны, каждый из них осознает, что все это общество иноков, каковы бы ни были их личные недостатки, соединено одним духом любви к Господу Богу, одушевлено твердой верой в истинность и непоколебимость Святой Церкви, заждется на тех же твердых началах иноческой жизни, на каких основано было первоначальное православное монашество.

Вот что привлекает в святые обители народ православный, вот почему ныне приходят туда и издалека с некоторым даже понуждением себя.

Здесь они отдыхают душой, умиротворяются и успокаиваются после всевозможных мирских соблазнов, бурь, лжеучений, взаимно противоречащих друг другу, – словом сказать, после мирской жизни, неустойчивой, шаткой, маловерной, преданной призрачным интересам минуты, тщеславной, постоянно колеблющейся между добром и злом, унывающей и отчаивающейся.

Не будем же глухи и слепы к их духовным нуждам: они просят у нас хлеба духовного, – горе нам, если они получают от нас камень; они ищут от нас примера в молитве и добрых делах, горе нам, если они вынесут от нас соблазн; они ищут от нас слова назидания, горе нам, аще не благовествуем (см.: 1Кор.9:16).

Словом сказать, горе нам, если вместо утешения и духовной радости они выйдут от нас разочарованными, оскорбленными в своих лучших чувствах, с горьким упреком к нам в своем сердце.

Скажу же тебе словами апостола Павла, сегодня читанными: *«Внимайте себе и всему стаду»* (Деян.20:28). Воспитывай и самого себя и вверенных твоему попечению братьев в чувствах веры и любви к Богу и ближним. Я же непрестанно буду воссылать Господу Богу усердную молитву о нашем общем духовном преуспейании и с этой же просьбой обращаюсь к тебе, возлюбленный отец игумен, а в залог этого молитвенного общения прими сию икону нашей Любвеобильной Небесной Матери и Ее Божественного Сына. О Милосердый и Человеколюбивый Господи, по неложному Твоему слову: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф.18:20); пребудь с нами во все дни до скончания века!

Призри с небес, Боже, и увидь, и посети виноград сей и утверди, его же насадила десница Твоя.

1903 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ГОДОВОГО АКТА ИМПЕРАТОРСКОГО ЛИЦЕЯ

Приветствую вас, дорогие дети, с вашим сегодняшним праздником и сердечно радуюсь, видя ваше благоговейно-молитвенное стояние в святом храме сем, перед лицом Всемогущего Бога, перед алтарем, на котором только сейчас совершилась величайшая в мире тайна.

Как служитель Божий, я нахожу поэтому самым благопотребным предложить вам поучение о святом храме, и вот мое вам искреннее пожелание в этот торжественный для вас день: любите храм Божий!

Храм Божий – это земное Небо, это то единственное место на земле, где страждущая и скорбящая душа человека находит полное успокоение и радость.

Случалось ли вам заблудиться в мрачную осеннюю ночь в темном лесу; не правда ли, вы чувствовали себя одинокими, жалкими, беспомощными и отдыхали только тогда, когда достигали родного дома, где близкие, дорогие вам лица с любовью встречали вас, обогревали ваше измокшее тело, предлагали вам радушное гостеприимство? Так же тяжело и неприятно чувствует себя человек-христианин вне храма Божия и находит отдохновение лишь во время богослужения.

В самом деле, в мире, явно или скрытно, люди часто движутся гордостью, самолюбием и другими страстями. Здесь иными учеными уже открыто проповедуется, что в мире существует лишь один закон – борьбы за существование, что человек – зверь, что имеет право жить только сильный, а слабый и больной должен быть уничтожаем, что иного нравственного закона, кроме наших похотей, нет и человек без удержу может отдаваться всем своим страстям и порокам. Другие же, лицемерно прикрываясь словами любви и добродетели, в то же время преследуют свои низкие, себялюбивые цели. И человеку, который привык осмысливать свою жизнь, углубляться во все окружающее, человеку с нежной душой, чистым сердцем, с высокоразвитым религиозным

чувством, было бы подчас невыносимо жить на свете, если бы он не находил отрады, успокоения и утешения в храме Божиим.

Здесь исповедуется иное, чем в мире, начало жизни – начало смирения, любви и самопожертвования; здесь одна истина, одна правда. Об этом свидетельствуют: Священное Писание, читаемое в храмах, священные песни, воспеваемые в них, священнодействия, в них совершаемые, лики святых, изображенные на святых иконах.

Мы видим целые сонмы, тысячи тысяч святых, в самых разнообразных подвигах прославлявших имя Божие и Его святой закон. Святых апостолов, одухотворенных силой Духа Святого, проходивших в мире с проповедью слова Божия; они претерпевают всевозможные лишения, оскорбления, насмешки и, наконец, смерть с великой радостью за имя Христово.

Сонм мучеников – от малолетних младенцев и юных дев до дряхлых старцев, с блаженством идущих на самые утонченные муки от языческих властителей за Христа. Их святой кровью облиты первые алтари христианские, и на их святых костях созидаются и доныне святые престолы.

Сотни тысяч преподобных отцов и матерей, – претерпевая телесные лишения, они углублялись в такие неизмеримые глубины человеческого духа и поднимались на такую высоту мысли и чувства, какие недоступны и непостижимы для обыкновенного человека.

Сонм святителей Христовых, «вселенских светильников», как их именует Святая Церковь, соединявших в себе высокую внешнюю философскую ученость с величайшим богословским умозрением.

Здесь, в сонмах ангельских, мы видим Пречистую Деву, возвеличенную выше чинов ангельских, молебнo простирающую руки к Сыну Своему за всех скорбящих и страждущих.

Здесь видим Начальника нашего спасения – Господа Иисуса, – вся Его земная жизнь, страдания, крест, смерть, воскресение и славное вознесение, подъятые ради нашего спасения, как бы совершаются перед нашими глазами.

И ныне, как тогда, во время Своей земной жизни, Он непрестанно призывает к нам: *«Приидите ко Мне, все*

труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28).

Видя такое соединение земного с Небесным, имея вокруг себя такой облик свидетелей торжества веры христианской, в усердной молитве непрестанно сообщаясь с ними и получая через них и священнодействия благодатную помощь с Неба, христианин чувствует себя сильным и бодрым на всякое доброе дело, чувствует себя примиренным со всякой скорбью, со всяким страданием.

Взойдите в Церковь Божию, взгляните, всмотритесь в молящихся в ней, и вы сами уразумеее это сердцем. Вот, например, на коленях стоит мать, потерявшая горячо любимого ребенка, все ее существо выражает страдание.

Кто может ее успокоить и утешить?

Никто, кроме Того, Кто недаром именуется Утешением скорбящих, Надеждой отчаявшихся.

А там, – кто это прячется в толпе, – уродливое, больное существо, мало похожее даже на человека, – больной калека, искривленный, горбатый, слепой. Мир проповедует уничтожение таких людей, они презренны в глазах мира, а для Господа – они любимые дети, Он их утешает и успокаивает и веселит их надеждой на блаженную жизнь в Царствии Небесном. Но телесные страдания, но внешние потери не так ужасны, как внутренние муки возмущенной совести.

Вон там, на пороге храма, стоит современный мытарь; бури душевные раздирают его сердце, отчаяние готово захватить всего его, а злой демон-искуситель шепчет ему в уши соблазнительные речи о прекращении страданий самоубийством. Но вот до слуха его, может быть, и случайно зашедшего в храм, коснулось слово любви Божественной: его сердце раскрылось, подобно тому, как открывается цветок при лучах солнца, – благодатная помощь свыше снизошла в него и вмиг сделала новым человеком, истинным христианином. Да и всякий из нас в нашей жизни испытал и знает, что самые лучшие и святейшие минуты, когда мы чувствовали бы себя близкими к Богу и к небу, – были во время, проведенное нами в храме Божиим, особенно же во дни покаяния, во дни таинственного

соединения с Божеством – в причащении Святейших Тела и Крови Христовых.

Да и как бы ни старался неверующий человек измыслить такое учреждение, которое заменило бы Церковь Божию, он никогда и ничего не придумает взамен ее, ибо Церковь Христова – не дело рук человеческих, а дело Божие, – здание, имеющее краеугольным камнем Самого Христа.

Любите же, дорогие дети, храм Божий, приобретайте с юных лет навык к молитве. Молитва сохранит вас от всякого зла, утешит вас во дни скорби и печали, даст вам силы на все добрые дела. Верьте, что я говорю вам испытанное жизненным опытом. А кто из вас уже умеет молиться, кто из вас испытал и сладость молитвы за других, тот знает, что ничто на свете так не сближает людей, как искренняя сердечная молитва.

И вот вы, за несколько часов чужие для меня и далекие, теперь стали близкими и родными, и пламенно молился я о всех вас!

Да просветит вас Господь Бог светом Своей истины, да соединит Он всех вас под одним победоносным знаменем Креста Христова, и да укрепляется в вас наша вера, вера отеческая, вера апостольская, вера православная. Аминь.

1903 г.

СЛОВО В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ МОСКОВСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Сегодня мы присутствуем при знаменательном явлении в жизни города Москвы. Призываю Божие благословение на новую жизнь нового учреждения.

Поздравляем всех: и потрудившихся в этом деле, и только пришедших разделить нашу радость с этим светлым торжеством!

Чего же пожелаем в этот день этому учреждению?

Какое мне, как пастырю Церкви, преподать вам назидание?

От всего моего сердца молитвенно желаю, чтоб отсюда выходили люди не половинчатые, а цельные, не просто интеллигентные, как принято говорить, но вполне воспитанные в духе православной веры и в духе любви к своей Родине, русские граждане!

Но могут спросить: «Может ли светская школа, со светскими преподавателями светских наук, содействовать христианскому воспитанию?»

О, конечно, возлюбленные братья, может и должна!

Будем лишь сами стараться быть истинными христианами, будем лишь сами усердно работать над собой; поверьте, что тот дух, которым движется сам воспитатель, незаметно, без слов, таинственным образом передается всем учащимся.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Подобно тому, как человек, выходящий из комнаты, пропитанной благовонными духами, весь проникнут этим благовонным запахом, так и выходящий из благочестивого христианского семейства весь проникнут духом христианского благочестия».

И, с другой стороны, никакие науки, никакие книги, никакие наши старания не принесут пользы в нашем воспитательном деле, если мы прежде всего не будем показывать примера своей собственной жизнью.

Один схимник сказал молодому монаху, назначенному воспитателем духовного учебного заведения: «Поверь, сын мой,

что ты можешь сделать истинного добра лишь постольку, поскольку его заключается в твоей душе – ни больше, ни меньше». Если воспитатель проникнут этим христианским духом, то он в каждой науке видит для себя нечто поучительное!

Разве классическая древность, например, не рассказывает нам много назидательного о стремлениях древних людей, хотя ощупью, познать истину? Не рассказывает ли она нам, как и тогда теплилась искра правды Божией среди суеверий, как языческие философы сознавали великую истину – познания самого себя, и в правилах нравственности, заповеданных ими, уже чувствуется приближение христианства, и как все-таки их идеалы добра и любви мелки и ничтожны перед образом Вечного Добра и Вечной Любви, пригвожденной ко кресту, поруганной и облитой кровью, с него молящейся за своих злодеев: *«Отче! Прости им, ибо не знают, что делают»* (Лк. 23, 34).

А литература светская разве не изображает нам погоню человека за призрачным земным счастьем и неудачные попытки достигнуть его? Не изображает ли она с полной очевидностью, как ложь человеческая падает перед правдой Божией и как бедный, слабый человек, крепкими цепями прикованный к земле, плачет и тоскует о потерянном рае?

А в науке о земле и небоописании не раскрывается ли через рассматривание сотворенного Богом – Его вечная сила и Божество?

Указывайте же, возлюбленные воспитатели, в чем заключается высшая цель человеческой жизни, указывайте же вашим питомцам, что за этим голубым небом, за этой прекрасной землей есть новая земля и новое небо, в которых живет Правда Божия и которых гражданами должны сделаться все христиане.

Дай же Бог, чтобы и в вашем учебном заведении и во всех учебных заведениях России именно в этом духе – в духе христианской православной веры – велось воспитание, ибо в этом заключается залог благополучия нашего Отечества не только в настоящем, но и в далеком будущем.

Призри с небес, Боже, и увидь, и посети виноград сей, и
утверди, его же насадила десница Твоя. Аминь.

24 февраля 1903 г.

СЛОВО ПЕРЕД ВОСПИТАНИЦАМИ АЛЕКСАНДРО-МАРИИНСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ КАВАЛЕРСТВЕННОЙ ДАМЫ ЧЕРТОВОЙ В ДЕНЬ АКТА

Итак, заканчивается ваша школьная жизнь, дорогие сестры, и с сегодняшнего дня вы делаетесь уже самостоятельными, взрослыми людьми. Конечно, большинство из вас, а может быть, и все даже радуется светлой радостью при этом осознании. Кто из нас, учившихся некогда, не испытал этих чувств, но не ошибусь, кажется, если скажу, что это чувство омрачается, хотя, может быть, мимолетно, какой-то внезапно набежавшей на душу печалью, как на ясное небо иногда набегает облако, набежит и исчезнет, а затем снова набежит, откуда же это чувство печали? От осознания неизбежности будущего. Теперь дана свобода, но какое употребление из нее сделается – это неизвестно, и это всех страшит. Ведь навряд ли найдется в наше время много легкомысленных девиц и юношей, которые, видя окружающие их страдания и скорби, болезнь, считали бы, что жизнь полна лишь всевозможных развлечений и удовольствий, и они созданы лишь для того, чтобы веселиться. Жизнь, конечно, скоро образумит подобных безумцев, и они горьким опытом поймут, что жизнь не забава и не шутка. Дальнейшее направление вашей жизни зависит от того мирозерцания, которое вы здесь выработали себе. Оно укажет вам этот путь, по которому вы пойдете. Есть два жизненных пути, ведущих к различным целям: цель одного – я, цель другого – Бог. Иными словами, один человек исключительно стремится каким бы то ни было образом достигнуть личного счастья, – это путь язычника; другой человек во имя религиозного долга отказывается от него, – это путь христианина.

Путь себялюбия и путь самопожертвования – других путей нет. В чем же заключается христианское самопожертвование? Оно не в блестящих кратковременных подвигах, а в постоянной борьбе с самим собой, в постоянном побуждении себя к

доброму делу ради любви к Господу и ближнему, в самом бдительном наблюдении не только за своими поступками, но даже за мыслями при свете слова Божия, в развитии своих лучших благородных чувств и в подавлении всего злого, нечистого, тщеславного, гнездящегося в нашем сердце, молитвой и постом. Этот путь – тяжел, но при благодатной помощи Божией он изобилует необыкновенно светлыми радостями, минутами высокого духовного подъема: чувствуешь Бога в своем сердце, ясно осознаешь слова Спасителя, сказанные им во время земной жизни: *«Встаньте и не бойтесь, Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф.17:7, 28:20). Не думайте, что подобного рода примеры самопожертвования встречаются очень редко, что они почти невозможны в нашей жизни. В самой обыкновенной, будничной жизни много встретим мы их. Вот, например, богатая, молодая, знатная дама. Перед нею раскрываются всевозможные развлечения, ей доступны все самые утонченные великосветские удовольствия, а между тем ради религиозного воспитания своего ребенка она отказывается от всего: удаляется в детскую и дни и ночи проводит со своим ненаглядным дитятей. Ей не только не надоедают ее постоянные заботы и труды, нет, они ей бесконечно дороги и милы, она ощущает в сердце светлую радость и не променяет, конечно, никогда их на все блага мира. А не приходилось ли вам встречать молодых девушек – сестер милосердия, например, с великой христианской любовью ухаживающих за самыми ужасными больными, не гнушающихся никакими ранами, с необыкновенным терпением переносящих все раздражительные, капризные выходки страдальцев. А как часто приходилось мне видеть в моей жизни молодых инокинь, в мирской жизни изнеженных, не привыкших ни к какому труду, исполняющих самые тяжелые послушания, не гнушающихся никакой работой, удивляющих своим поведением и смирением, покорностью и скромностью самих инокинь-простолудинок. Да и на всех ступенях общественной лестницы среди лиц всевозможных положений можно видеть людей строгого религиозного долга. Теперь спросите, довольны ли они своей

жизнью, не желали ли бы они переменить жизнь свою на жизнь светскую, полную развлечений? Спросите их, считают ли они свою жизнь скучной, вялой, однообразной? Они вам ответят, что напрасно вы думаете, что их жизнь скучна и однообразна, она полна светлых и чистых небесных радостей, перед которыми жалки и ничтожны все обольщения мира, и чем больше работают они над собой, тем глубже проникаются они этим духовным началом, тем все радостнее и светлее делается их жизнь. Но посмотрите на тех, которые жили только для себя. Какое скорбное разочарование ожидает их: прошла молодость, изменили силы, обманули люди, а главное, постигло разочарование в самом себе; все то, что казалось таким доступным, ясным, оказалось простым миражом, все то, к чему стремились, дало обратные результаты; и те же страсти, только с несравненно большей силой, продолжают жить в душе, и негде искать помощи, ибо нет веры! Итак, вот вам два пути! На них указал Сам Спаситель: путь широкий ведет в пагубу, а путь тернистый – в Царство Небесное.

О, как искренне, молитвенно желаю я вам идти этим последним путем! Пусть вашей путеводной звездой будет Святое Евангелие. Если вы всегда будете следовать за этой звездой, то никогда не собьетесь с истинного пути.

Примите же от меня эту путеводную звезду всякого христианина, и да просветит Христос – Свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир: всех – и вас, вступающих в мир, и нас, прошедших большую половину нашего пути, – светом заповедей Своих, молитвами Пречистой Своей Матери и всех святых. Аминь.

Затем Преосвященный Трифон раздал всем воспитанницам Святое Евангелие.

24 мая 1903 г.

СЛОВО НА ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ ЧЕРНИГОВСКОГО В БОГОЯВЛЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Одно из самых светлых и радостных богослужений для меня – это освящение нового храма. В этот день испытываешь чувство, подобное пасхальному восторгу, и это потому, что в это время яснее чувствуешь, что Господь Бог только изволил избрать Себе новое место на земле, где преимущественно будет обитать благодать Духа Святого. Что среди тех капищ всевозможным страстям, которые в таком громадном количестве создаются людьми неверующими, погруженными в плотские страсти, создается как бы крепость, куда, как в безопасное убежище, может скрыться изнемогающий в борьбе с житейскими искушениями человек. Сюда, измученный, усталый, ослабевший духом брат, спеши, здесь, и только единственно здесь, найдешь ты те чистые утешения, те Божественные восторги, которых лишен мирской человек. Здесь найдешь ты утешение в скорбях, здесь приобретешь ты недостающие тебе добродетели.

Ведь потому и посвящаются храмы святым Божиим людям, чтобы они особенно усердно молились за всех приходящих в них и вдохновляли их духом своих добродетелей. О каких же добродетелях помолиться нам святителю Божию? Если вы внимательно вчитывались в его житие, то, несомненно, обратили внимание, что отличительной его добродетелью было глубокое смирение. Великий подвижник, украшенный высоким саном, пользовавшийся всеобщей любовью и почетом, он, тем не менее, в отношении к ближним был в высшей степени скромнен и смиренен, скрывая свои подвиги по возможности от всех. Помолимся же и мы святителю Божию, да исполняет он нас этой добродетелью, которая и составляет, собственно говоря, отличительный признак всякого христианина. Ведь та великая пропасть, которая разделяет Царство Божие от мира сего, и есть гордость.

Святитель Божий, в этом созданном в честь твою храме, моли за всех, призывающих имя твое, да исполнимся мы все боголюбезного смирения.

Наш храм – первый и единственный, посвященный этому святителю Божию. Создался он усердием и благоговением к угоднику Божию рабы Божией Елены. Твердо верую, что за это усердие к святителю Божию. он вознаградит ее своими благодатными дарами от Бога: утешая в скорбях, возвеселяя духовными радостями, водворяя мир в ее душу. Святителю отче Феодосие, моли Бога о нас!

17 мая 1904 г.

СЛОВО В ПРИЮТЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Сердечно приветствую вас, дорогие дети, с окончанием вами учебного курса.

Усердно помолился я о том сейчас, чтобы благополучно было дальнейшее направление вашей жизни. Сегодня вы выходите из уютного и тихого училища вашего, где каждый шаг вашей жизни направлялся опытной рукой ваших воспитателей, и пускаетесь в самостоятельное плавание по бурному житейскому морю. А каково будет это плавание: благополучно для вас или нет, каков будет его конец и скоро ли он наступит? Все это никому неизвестно, кроме Всеведущего Бога. Понятно поэтому, что в эти торжественные минуты вашего расставания с прежней жизнью и началом новой свободной жизни вы испытываете душевное волнение. Испытываем и мы его за вас, дорогие дети! И вот, снаряжая вас в это опасное плавание по житейскому морю, мы желали бы снабдить вас всем необходимым для более или менее безопасного путешествия. Духовный груз или багаж, которым бы мы желали вас снабдить, заключается в тех качествах духа, которые особенно необходимы для человека-христианина. В них вас наставляли в продолжение учебного курса, и о них в кратких словах снова упомянем вам. Эти качества духа все сосредоточены в одной главной христианской добродетели – любви: любите всех – и вам будет легко жить на свете; любите прежде всего Церковь Православную, к которой принадлежите, любите родной вам народ русский. Никогда не забывайте, что вы получили воспитание и все знания, необходимые вам для существования, на народные и церковные средства. Церковь пришла к вам, бесприютным, обездоленным, на помощь, она собрала народные трудовые гроши, которые с любовью вынимал простой бедный человек из своей убогой кошелек для вас. Любите же Церковь Христову, как вашу Небесную Мать, любите народ православный русский и, чем возможно, старайтесь ему помочь; не отказывайте в помощи бедняку, если он, в свою очередь, протянет к вам руку, ища у вас духовной или

вещественной поддержки. Продолжайте любить и не забывайте в ваших молитвах и всех тех, которые послужили вашему воспитанию и образованию, а я могу засвидетельствовать, и это, конечно, вы и сами подтвердите, что они относились к вам с трогательной материнской любовью и нежностью. Да, в наше сухое время редко можно найти таких преданных своему делу воспитателей, каковы Н.Ф. Александров, инспектор Е.А. Назаров и попечитель Н.Н. Шустов. Еще пожелаю, чтобы безошибочными указателями вашего пути – вашим компасом и путеводной звездой – были совесть и слово Божие. Горе тому человеку, который не следует голосу своей совести и не проверяет ее словом Божиим! Он быстро собьется с истинного пути, запутается во всевозможных противоречиях, станет принимать ложь за правду, черное за белое и наконец дойдет до совершенного разочарования во всем, до полного отчаяния!.. Но очень может быть, что и с любовью в сердце, с искренним желанием делать добро людям, с твердым намерением жить по заповедям Божиим, согласно своей совести и слову Божию, вы все-таки много встретите всевозможных преткновений, разочарований, обид и оскорблений на вашем жизненном пути. Ведь недаром русская пословица говорит: «Жизнь прожить – не поле перейти». Что делать, всякому из нас приходится страдать и скорбеть, а вам, лишенным зрения, может быть, даже и больше, чем другим, придется скорбей переносить. В этих случаях не падайте духом, не малодушествуйте, с терпением переносите все эти временные испытания и твердо верьте, что рано или поздно люди вас поймут, оценят добрые качества вашей души и за вашу любовь заплатят любовью. «Терпение и труд – все перетрут», – говорит другая народная пословица. Теперь, в начале вашего самостоятельного пути, вы особенно нуждаетесь в помощи Божией. Усердно же молитесь за себя и друг за друга, и мы будем горячо молиться за вас. А в залог нашего молитвенного общения примите от меня по святому образу нашей Небесной Матери – Пречистой Девы. Да охраняет Она Своим покровом всех нас – и воспитателей, и воспитанников! Аминь.

Март 1907 г.

СЛОВО О ЗНАЧЕНИИ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА В ДЕНЬ ПОДНЯТИЯ ЦЕРКОВНОГО КОЛОКОЛА

Сердечно приветствую вас, братья и сестры, с торжеством поднятия нового благозвучного колокола! Дело немалой важности совершили вы сегодня, ибо колокольный звон имеет большое значение в церковной жизни православного христианина, а особенно важен колокольный звон для села. И вот почему. В городах много храмов, в которых служба совершается ежедневно и в разные часы, так что, не застав службы в одной церкви, найдешь ее в другой. Не так в деревне, где храмов мало, они удалены друг от друга на большое расстояние, служба в них по необходимости совершается лишь в воскресные и праздничные дни. Поэтому там особенно дорог громогласный колокольный звон, который заблаговременно возвещал бы всем православным, что настало время, отложив всякие заботы о земном, соединиться всем в храме Божиим – этом земном Небе, дабы, подобно Ангелам на Небесах, воспеть Животворящей Троице трисвятую песнь: «Аллилуиа».

Да и, кроме указанной причины, вообще колокольный звон, как я сейчас сказал, имеет большое значение для церковной жизни: с ним соединяется многое, полезное для нашей души, и подающее спасительную печаль о грехах ее, и возвеселяющее ее духовной радостью. Вот, например, наступает Великий пост. Прошла масляная неделя – время, когда человек забывает часто, что он христианин, проводит дни свои в излишнем употреблении яств и питий, в пустых забавах, песнях, плясках, а иногда в сквернословии и буйстве.

Раздается унылый, редкий великопостный звон колокола. Этот звон, как бы так взывает к нам: христианин, встань, пробудись от твоего греховного сна, чтобы не постигла тебя вечная смерть! Вглядись в себя, в свою душу, спроси себя внимательно: как провел ты не только прошлую седмицу, но и все время твоей жизни? Восплачь о своих грехах, которыми ты осквернил свою душу, омой ее слезами и молись, о, молись, христианин, своему Владыке и Господу, дабы наставил Он тебя

на путь покаяния. Из глубины сердца воззови к Нему: «Откуда начну плакать окаянного жития моего деяний, кое ли положу начало нынешнему рыданию, но яко благоутробен, даждь мне прегрешений оставление. Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

И так изо дня в день вызывает колокол медным своим голосом. И у кого еще не вовсе заглохла совесть, кто еще осознает себя христианином, тот послушается, наконец, этого голоса, которым сама Церковь вызывает к людям о покаянии, и идет в храм Божий, смывает грехи свои покаянными слезами, дает слово начать новую жизнь, достойную христианина, и, получив прощение грехов от Бога в Таинстве Покаяния, и соединившись со Христом в Таинстве Причащения Тела и Крови Его, с помощью благодати Божией иногда действительно меняет жизнь и из грешника – соблазна для всех людей – делается примером и руководством для своих ближних.

А что может быть радостнее и торжественнее пасхального звона?! Тогда в полночный час с трепетом сердечным ожидают все православные удара колокола, возвещающего радостную весть о Воскресении Христа Спасителя. И вот, в ночной тиши, торжественно раздается он; вскоре к этому голосу присоединяются голоса других колоколов, и светло, и радостно гремят они над нами, как бы сливая Небо и землю в одном ликующем победном гимне: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробах жизнь даровал!»

Да, братья, тот не православный, тот не русский человек, кто не любит колокольного звона. Он пробуждает в нас осознание принадлежности к единой православной, христианской духовной семье.

В самом деле, когда в праздничный день слышишь в разных местах колокольный звон, призывающий верующих в церковь, то особенно ясно осознаешь себя и чувствуешь себя членом Святой нашей Церкви. И при мысли о том, что на всем широком пространстве матушки-России: и в холодной Сибири, и в жарком Крыму, и на диком Кавказе, по городам, селам, отдаленным иноческим обителям, – везде раздается славословие Богу, везде приносится бескровная жертва за грехи всех людей, а следовательно, и за мои грехи, – тепло делается на душе, ибо

чувствуешь, что ты не один на свете, что все люди – братья между собой, ибо связаны друг с другом единой верой и единой духовной любовью. Светлей делается на сердце от надежды, что, если моя молитва грешна и недостойна милосердия Божия, то за меня молятся и просят прощения у Бога и исцеления моих духовных болезней тысячи тысяч моих верующих братьев во Христе, из которых, несомненно, много праведных и святых. Но еще более окрыляется надеждой дух наш, когда вспомнишь, что не только наша земная Церковь, но и Небесная торжествующая Церковь – Матерь Божия, Ангелы – служители Божии, души святых и праведных – сливают свои молитвы перед Престолом Божиим с молитвами земнородных, и, подобно дыму кадильному, возносятся их молитвы к Царю Сил и Господу Славы! И пламенно веруешь тогда обетованиям Спасителя: *«И вот, Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф. 28:20).

«Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея» (Мф. 16:18).

С другой стороны, кому из вас приходилось жить на чужбине, в каком-либо иностранном государстве, где не услышишь нашего колокольного звона, тот знает, как тяжело для нашей души это лишение; особенно в праздничные дни тоскливо и горько делается на сердце, когда вспомнишь, что там, далеко, в родной матушке-России, теперь торжественно звучат колокола, совершается служба Божия и храмы полны верующих. Так тяжело чувствует себя сирота в чужом семействе. Все вокруг него радостны и счастливы, – он один тоскует, ибо чувствует себя одиноким, и его сердце больно сжимается при воспоминании о дорогих родителях, которых он никогда-никогда более не увидит.

В молитве на освящение колокола указывается и еще на одно его назначение. Освященный благодатью Святого Духа металл получает силу своим звоном очищать воздух от заразы, успокаивать бури. Это выражается в такой молитве: «О еже гласом звенения его утолиться и утишиться и престати всем ветрам зельным, бурям же, громом, и молниям и всем вредным безведриям и злорастворенным воздухом, Господу помолимся».

Но, кроме великого церковного, значения колоколов: пробуждать молитвенное чувство христиан, призывая их в храмы, – колокольный звон имеет значение и в нашей обыкновенной жизни, хотя второстепенное, но все-таки довольно важное. Так, например, ночью, когда все население деревни спит глубоким сном, утомленное тяжелым дневным трудом, колокол один не спит и своими медленными ударами как бы так говорит: «Спите спокойно, православные, отдыхайте, труженики, собирайтесь с силами для новых трудов! Я не сплю за вас, я охраняю вас и ваше имущество от злых людей, я на далекое пространство им говорю, что здесь есть страж неусыпный, который предупредит об опасности жителей и пробудит от сна спящих». А во время пожара колокол своими частыми беспокойными ударами возвещает жителям о пламени и собирает их всех для охраны своего имущества, а иногда и для спасения малолетних детей. В некоторых местах есть прекрасный обычай: в зимнее время, когда разбушует метель и вьюга, звонить в колокол и тем предупреждать заблудившегося в пути и изнемогающего в борьбе с непогодой путника, что вблизи есть селение, где ему готовы оказать помощь, дать приют и согреть его оледеневшее тело. В странах, расположенных близ моря (например, в Крыму) ударами в колокол предостерегают корабль об опасных местах с подводными камнями, чтобы капитан корабля был особенно осторожен и не дал судну своему разбиться о них.

Да, братья, велико значение колокола в нашей жизни, и благо тем людям, которые украшают храмы благозвучными колоколами.

Возлюбленные братья и сестры, в нашей душе живет некий тайный голос, призывающий нас к добру, обличающий во зле, предостерегающий от пороков. Этот голос вы знаете все, это – совесть. Но, к несчастью, часто спит она непробудным сном, усыпленная нашими грехами. Будем молиться усердно о том, чтобы она пробудилась от звона церковного колокола. Когда, например, в минуты душевной слабости человек уже готов решиться на дурное, порочное дело, пусть звон колокола грозно напомнит ему о правосудии Божиим, о смертном часе,

неизбежном для каждого из людей, о Страшном суде Божиим, куда должен прийти всякий смертный со всеми своими делами и мыслями. Или когда в минуты душевной тоски и томительного уныния человек, припоминая все содеянные им беззакония и неправды, осознает себя таким великим грешником, которому нет прощения, и он уже готов впасть в отчаяние, пусть торжественный звон колокола церковного возвещает ему о милосердии Господа Бога, пришедшего спасти кающихся грешников и за них пролившего Свою пречистую кровь.

Словом сказать, пусть во всех обстоятельствах нашей жизни колокольный звон напоминает нам о Боге, всегда готовом нам оказать Свою помощь на тернистом жизненном пути, и о том, что мы, христиане, предназначены к вечной блаженной жизни.

Благослови же, Господи, и освяти благодатью всеосвещающего Твоего Духа и этот колокол! Да будет звон его во славу Твою и на пользу созданных Тобою человеков!

«Ты ибо, Господи Боже наш, не только одушевленными созданиями Твоими, но и бездушными всеми, если захочешь, преславное творишь и чудодействуешь, все ибо Тебе возможно, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Произнесено 31 октября 1910 г. в селе Горбунове Московской губернии Дмитровского уезда.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ В СЕЛЕ АЛЕКСЕЕВСКОМ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братья и сестры, и искренне радуюсь, что Господь привел меня помолиться вместе с вами в этот радостный день нашего общего престольного праздника и принести за всех вас бескровную жертву.

Ныне празднуем мы чудо, которое за несколько столетий совершено было Богоматерью. Но, может быть, некоторые из вас станут в душе говорить: да, действительно, это было величайшее чудо, но ведь оно было очень давно, а вот мы желали бы узнать о таком чуде от Божией Матери, которое бы совершилось в наши дни, чтобы можно было сказать: оно совершилось на наших глазах, потому что такое чудо укрепило бы в нас веру, чтобы мы могли сказать, что Царица Небесная и нас слушает, и нам, грешным, помогает так же, как помогала нашим предкам.

Вот, дорогие братья и сестры, я поведаю вам вкратце о совершившемся недавно чуде от иконы «Умиление» Божией Матери, находящейся в Ростове: чудо это совершилось над одной бедной девочкой, по имени Елизавета. Это чудо засвидетельствовано тамошним архиереем, высокоуважаемым Преосвященным Иосифом; он явственно подтвердил, что он был свидетелем и очевидцем его, и, наконец, оно подтверждено теми, которые сами видели эту девочку, над которой оно было совершено.

В Ростове жило очень бедное, но очень благочестивое семейство: у них была единственная дочь, маленькая, десяти лет, по имени Елизавета, отец ее занимался извозом. Эта девочка отличалась большими дарованиями, имела прекрасные способности, отлично училась, были, конечно, довольны и родители: родители, как говорится, не нарадовались, не надышались, ибо она была их единственная дочь, их утеха. И вот в 1910 году под самый праздник Благовещения с девочкой

что-то сделалось; вернулась она домой от всеобщей все в жару, как будто простудилась. Затем боль стала все более и более усиливаться, перешла в судороги; больную стало как будто корчить, и в это время она проявляла в себе большую силу, так что несколько человек не могли ее сдержать, изо рта появилась у нее пена, глаза делались безжизненными – одним словом, вид ее был ужасен.

Можете себе представить горе ее преданных родителей при виде этого несчастья. Она не стала учиться... И родители только и могли делать, что плакать о ней, потому что медицинская помощь ничего не могла сделать, хотя ее показывали очень опытным ростовским докторам. Наконец в один из таких ее припадков отец, взирая на образ Царицы Небесной, в припадке отчаяния воскликнул: «Матерь Божия, Владычица наша Небесная! Или возьми ее в Свои руки, или исцели ее и отдай нам!»

После этих слов девочка утихла, и вот ее родители слышат голос, как будто не она говорит, а как будто кто-то другой в ней говорит тихим голосом: «Помолись перед иконой «Умиление» Божией Матери».

Ее родители были люди простые, и решили они, что надо совершить молебен перед иконой Божией Матери, что в Яковлевском монастыре.

Они отслужили молебен, окропили девочку святой водой, полагая, что она получит исцеление, но вместо этого ей стало гораздо хуже. Ее стало опять корчить, как никогда, судороги усиливались, она вся почернела – и вот опять в один из этих припадков раздался из уст ее голос: «Не той иконе молились: молитесь иконе «Умиление», эта икона против вас, в церкви». После этого девочку перенесли на руках на кровать. Долго она спала, вечером вдруг она просыпается и говорит: «Бодрствуйте, не спите! Я буду у вас в девять часов». Родители ясно слышали эти слова девочки. Около девяти часов они увидели, что девочка начала молиться, и вдруг отводит глаза в сторону, как будто следит за кем-то уходящим, потом опять повернулась к иконе и стала молиться. Потом она поцеловала пол и воскликнула: «Мама!.. Ушла!».

Родители спросили ее:

– Что с тобой?

– Да разве вы не видели, как из этого угла вышла Царица Небесная? Она была в огненном платье и в голубом покрывале на голове. Когда она шла мимо меня, то благословила меня, но ничего не говорила. А я все-таки удостоилась поцеловать Ее ножку. Тогда священник, к которому еще ранее, дня за два, обращались родители, зная, что за престолом находится икона Божией Матери, в красном платье, посоветовал совершить молебен перед этой иконой. И вот перед этой иконой совершили молебен, и когда окропили девочку святой водой, то голос сказал: «Вот Моя икона...» А когда прочитали Евангелие, то припадки стали ослабевать, и с тех пор девочка совершенно здорова, и радуется, и трудится.

Преосвященный Иосиф говорит: как многие ищут чудес и не могут их найти или увидеть, а эта девочка не искала чудес и удостоилась увидеть чудо.

Так вот, дорогие братья, видите, что и в наши дни Царица Небесная никогда нас не забывает; наоборот, чем больше в нас веры, молитвы и любви к Ней, тем чаще и чаще Она является к нам в Своем чудотворном образе. Не будем забывать одно условие, при котором мы можем надеяться на Ее помощь: Она сказала апостолам, а в лице их и всем нам, что Она будет помогать тем, кто будет веровать в Ее Сына. А затем Она, Смиренная, ищет добродетелей наших, Ей ни знатность, ни богатство не нужны, Ей нужно сердце кроткое, смиренное, любящее. Кто с чистым сердцем обратится к Ней, того молитву Она приемлет, и, верьте, он непременно получит Ее помощь, ибо Ее называют Предстательством нашим, Утешительницей, Помощницей нашей. Помогай нам, Царица Небесная, и ходатайствуй за нас к Сыну Твоему, Господу Богу!

26 июня 1911 г.

СЛОВО ПРИ ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА НА СХОДНЕ

Сердечно поздравляю вас, возлюбленные братья и сестры во Христе, с великим праздником и радуюсь, что Господь Бог привел меня совершить освящение этого благолепного храма. Всегда я радуюсь пасхальной радостью, когда приходится мне совершать освящение храмов Божиих, ибо осознаю, что среди всякого рода создаваемых домов нечестия создаются наши храмы, как бы крепости благодати Божией, новые места, где страждущий и скорбящий человек может находить себе утешение и отраду. Но в особенности сегодня, в этот радостный праздник радуется мое сердце: ныне мы празднуем Рождество Божией Матери. Этот праздник дорог для всех христиан, а для меня он имеет особенную ценность, ибо в том селе, где я провел свое детство, храм посвящен Рождеству Богородицы, и я с самых ранних лет знаю всю службу Божией Матери и привык встречать, как Святую Пасху, этот праздник; как Святая Церковь говорит: «Сей день Господень! Радуйтесь, людие: се бо света чертог и глас жизни из утробы произыде...». Этот праздник близок всем христианам. В самом деле, мы празднуем Той, Которая сподобилась быть храмом Бога Живого; быть Матерью Господа Бога, Иисуса Христа. И вот, дорогие братья, в этот праздник мне пришлось совершить освящение вашего храма. Усердно молился я, да приидет благодать Спасителя Бога и Его Пренебесной Матери на этот храм и на всех благодетелей, и на всех молящихся и требующих помощи Божией и заступничества Владычицы нашей Небесной. Как вам, конечно, известно, когда Ей исполнилось три года, то Она была отведена родителями в Иерусалимский храм, и там при храме жила до 15 лет, пребывая в молитве и добрых делах, приготавливая Себя быть Матерью Самого Бога... И пусть этот пример Матери Божией послужит всем нам на пользу. И мы, создавшие храм, будем прибегать к Господу с молитвами, прошениями и благодарениями, ведь Сам Господь Бог сказал: «*Дом Мой домом молитвы назовется*» (Мф.21:13). Здесь, в храме,

Господь Бог особенно слышит молитвы всех, призывающих Его с верой.

Нужно ли указывать, как Господь слышит молитвы?

Например, преподобная Мария была величайшая грешница; но вот, усердно помолившись при храме, она делается величайшей праведницей. А в Ветхом Завете – святая Анна молилась о разрешении неплодства и получила просимое, так что от нее родился пророк Самуил. Первосвященник Захария молился и получил извещение, что у него родится сын – Предтеча Господень, святой Иоанн Креститель. Грешник-мытарь молился о прощении своих грехов и получил отпущение прегрешений... Да и как не слышать Господу Богу наших молитв? Ведь здесь благодать Божия! Ведь здесь совершается величайшее Таинство, когда мы совершаем Божественную литургию! О дивное чудо! Сам Бог сходит к нам на землю, сходит, когда пресуществляется хлеб и вино в Его Тело и в Его Кровь... И мы, грешные, не только созерцаем это таинство, на которое с ужасом взирают Ангелы, но дерзаем причащаться Тела и Крови Христовой! Здесь святые Божии, изображенные на иконах, показывают нам, что хотя они были и грешные и слабые, но с помощью Божиею могли сделаться святыми и праведными. Здесь Сам Господь беседует и говорит Свою святую волю. Удивительно ли, что в храме Божиим человек находит отраду, успокоение и утешение? Нужны ли еще примеры? Вот, например, мать... Она потеряла любимого ребенка, вся душа ее полна тоски, скорби... Кто может ее успокоить? Никто, кроме Господа Бога, Которого называют Утешением плачущих, Радостью скорбящих. Приходит она в храм, усердно молится – и получает утешение.

Другой пример. Вот человек больной, горбатый... Мир таких презирает. Есть ученые, которые проповедуют, что таковых несчастных следует даже уничтожать; для мира они презренны, а для Бога они дороги. Он утешает их Своими небесными радостями. Но телесные болезни еще не так тяжелы, как душевные. А кто из нас не испытывал этих последних? Представьте, вот стряслось горе, несчастье... Называть ли их, этих несчастных? Сколько их ходит по миру. К кому обратиться

им? К людям? Но люди часто любят только тех, кто доставляет им радости, и отворачиваются от таких страдальцев.

Вот человек, с которым случилось несчастье, находится в отчаянии... А диавол уже нашептывает ему: «Надо прекратить жизнь самоубийством». Но вот приходит в храм этот современный мытарь; здесь доходит до него слово Божие – и, как цветок раскрывается под лучами солнца, так точно благодать Божия входит в его сердце: она успокаивает его, утешает его; он начинает чувствовать, что Господь Милосерд и что Он готов всегда оказать помощь всем, кто будет с верой прибегать к Нему. Но и без какого-нибудь несчастья мы знаем, что самыми светлыми, самыми лучшими минутами в нашей жизни бывали те минуты, которые мы провели в храме Божиим после исповеди и причащения Святых Христовых Тайн.

Любите храм Божий, любите молитву, усердно молитесь – и благодать Божия будет со всеми вами!

Благо и тем, которые употребляют достатки свои на украшение храмов! Украшать храмы – это закон нашего сердца, любящего Господа и благодарного Ему. Ведь и пророк Давид говорит: «Стыдно мне жить в роскошном дворце...». И пророк Нафан благословляет его построить храм Божий. И царь Константин, когда вера христианская распространилась и сделалась господствующей, решил прежде всего построить храм – построил великолепный храм, который называли золотым.

Конечно, сердцу человека отрадно подать милостыню ближнему, но еще отраднее подать на храм Божий, и Он, Господь Бог, благословит эту лепту, как благословил лепту бедной вдовицы, и не только благословил, но и одобрил, а не осудил, а о женщине, которая принесла литр драгоценного мира, Он сказал: «Благо она сделала», и пророчески возвестил: «О ней будет сказано там, где будет проповедано Евангелие» (Мф.26:10–13). Благо тем, которые старались украсить этот святой храм! Царство Небесное да будет и рабу Божию Иоанну! Молитва Церкви всегда будет о них, и Господь украсит их Своей Божественной славой.

...Дорогие братья, на память о вашем сегодняшнем торжестве прошу принять от меня, грешного архиерея, по маленькому листочку духовно-нравственного содержания, прочтете со вниманием и получите духовную пользу.

8 сентября 1911 г.

СЛОВО ПЕРЕД ВОСПИТАНИЦАМИ ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ В СЕЛЕ БОГОСЛОВСКОМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (В ИМЕНИИ В.К. САБЛЕРА)

Радостно мне было совершать сегодня богослужение среди вас, возлюбленные сестры, и всегда моему сердцу доставляет особое утешение совершать Божественную службу и беседовать среди учащейся молодежи. С одной стороны, в юных залог развития и крепости нашего общественного организма. Юность – наша надежда. За кого же и не помолиться поэтому, как не за тех, которые призваны в будущем совершенствовать нашу жизнь. С другой стороны, юные души и сердца восприимчивее к словам Божественной Истины, все высокое, все истинно прекрасное, что заключается в христианстве, – все находит себе отзвук в не испорченном еще сердце молодого человека. Много раз испытал я это в моих беседах и сношениях с молодыми людьми, как их воспитатель и руководитель, и поэтому я не могу верить словам одного писателя-юноши, который свидетельствует, что «его поколение юности не знает, – юность стала сказкой миновавших дней». Это, по моему убеждению, неправда, и хотя, конечно, встречаются прежде времени одряхлевшие душой молодые люди, которые потеряли всякий интерес ко всему возвышенному и благородному и смысл жизни видят лишь в одних грубых наслаждениях, и в разных преимуществах житейских, но это исключение, а громадное большинство по-прежнему горит священным огнем любви к людям, благородства, справедливости, большинство по-прежнему воспламеняется желанием осуществить эти высокие начала в жизни, оказывать истинную пользу людям.

И благо вам! Несите свет к людям, но не забывайте только всегда, что для созидания счастья людей мало лишь одного желания, – необходимо уметь его осуществить. А для этого необходимо каждому человеку иметь в душе высшее начало жизни, высший Свет, который принес нам Христос. Это христианское начало требует от нас самоотвержения и

самоотречения. Самоотвержение заключается в постоянной борьбе со злом, гнездящимся в душе каждого из нас, в его преодолении с помощью благодати Божией и молитвы, в усвоении Христовых добродетелей, – только тот может принести истинное добро людям, кто победил в себе зло, гордость, чувственность и укрепился в добре, любви, смирении.

«Поверь мне, – сказал один инок одному молодому монаху, назначенному начальником учебного заведения, – ты можешь сделать добра людям лишь постольку, поскольку это заключается в твоей собственной душе. Иди трудись и всегда это помни!» Этим путем и шли все святые люди Божии! Вот почему они и получали величайшие дарования: утешать страждущих духом, согревать своей любовью оледеневшее сердце озлобленного человека, восстанавливать к новой жизни падших и отчаянных и веселить светлой надеждой унывающих. Этим объясняется, что они, будучи в самых тяжелых обстоятельствах жизни, всегда были полны светлой радостью и ее всегда разливали вокруг себя. Таков был, например, преподобный Серафим, таков был старец Оптиной пустыни Амвросий, которого я знал лично. Иначе, стремясь лишь к одной внешней деятельности и оставаясь по-прежнему в душе своей злыми, жестокими, гордыми, люди никогда не сумеют в духовной нужде помочь страждущему брату.

Как искренне я молился о том, чтобы все мы подражали им в своей жизни! Не значит это, что я зову вас к пустынножительству, – это дорога только немногих людей исключительного призвания, но чтобы, подобно им, стремились к духовному христианскому совершенству. Тогда и только тогда вы будете истинно полезны людям в общественной и в семейной жизни.

Помогай же всем нам, святой угодник Божий Серафим, молясь тебе, усвоить и твои великие добродетели!

И в то время, когда я с вами говорю, мне ясно рисуются картины из его жизни. Вот представляется мне посреди глухого, дремучего леса маленькая деревянная келья святого, глухая осень, темная ночь. Жутко в это время в лесу, пронзительно завывает ветер, раздается вой голодных волков. Страшно! Но

святой пустынник ничего не страшится, он на коленях стоит перед образом, перед которым мерцает восковая свечка и едва теплится лампада, погруженный в чтение священных книг и молитву.

И в то время, когда у каждого из нас душа полна была бы смертельным страхом от осознания своего одиночества среди глухого леса, своей беспомощности, у святого пустынника светло и ясно на душе.

Не устрашают его ни грозные явления природы, ни страшные нападения злых духов; иногда ему казалось, что он слышит за стеной вой зверей, что точно скопище народа ломится в его двери, что рвутся к нему звери со страшным ревом.

Святой пустынник ничего не боялся – ни злых духов, ни злых людей. Однажды к нему ворвались трое злоумышленников, избили его, истерзали, окровавили, ища денег, которых у старца никогда не было, и тем не менее старец снова возвратился в свою возлюбленную пустыньку, прося только, чтобы не преследовали и не наказывали этих разбойников.

О, если бы мы хотя не в пустыню удалялись, а, по крайней мере, старались удалить себя от пустых, суетных, праздных развлечений и разговоров и старались сосредоточиться на себе, углубляться в себя!

Но чаще рисуется мне другая картина из его жизни, еще более близкая и родная моему сердцу. Представляется мне святой старец, уже согбенный от лет, трудов и болезней, в белом подряснике, в черной полумантии с палочкой в руках, окруженный своими многочисленными духовными детьми самых разнообразных положений – и богатых и бедных, и знатных и убогих, пришедших к нему нередко издалека, чтобы поведать ему свои скорби и страдания, нередко тоску и отчаяние. И здесь-то во всей силе проявлялись великие христианские добродетели святого: его любовь, смирение, милосердие, кротость, ведение тайн Божиих; всякого он утешал, назидал, исправлял кротким словом, давал добрый совет, и сколько-

сколько людей спас он от злой тоски, отчаяния, самоубийства, скольких возвратил к новой жизни во Христе!

И когда я об этом думаю, мне вспоминается, дорогие сестры, другой старец, также согбенный и от лет, и от недугов, также окруженный многочисленным народом, ждущим одного его ласкового взгляда, одного его мудрого слова; живо представляется его лицо, озаренное любовью, его светлый взор, дышащий невыразимой нежностью, – я разумею старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Амвросия, и среди многочисленных чад духовных вижу я и самого себя – юным, исполненным добрых желаний послужить Господу и людям. И уста мои невольно шепчут такую молитву: «Преподобный отче Серафиме, моли Бога, да упокоит Он душу иеросхимонаха Амвросия».

И когда от этих великих цельных образов героев веры и правды Божией я обращаюсь к современной действительности, к современным героям так называемого образованного общества, к этим изломанным, исковерканным больным самолюбием людям – без Бога, без самоотвержения, с хулой и проклятиями на устах, – мое сердце сжимается горечью, слезы наворачиваются на глазах, и в моем сердце слагается другая молитва: «Преподобный отче Серафиме! Непрестанно молись за весь мир, наипаче же о всех озлобленных и сокрушенных духом, отчаянных, малодушных, маловерных, – да не погибнет ни единая душа христианская, но да все приидут в познание твоей истины». Аминь.

3 июня 1912 г.

Впервые опубликовано: Прибавление к «Церковным ведомостям». 1912. № 24.

СЛОВО ПЕРЕД ПРИХОЖАНАМИ КСЕНИЕВСКОГО ПРИЮТА

Искренне был рад приглашению помолиться вместе со всеми учащими и учащимися Ксениевского приюта! Утешался прекрасным воодушевленным пением воспитанниц! Радовался их успехам в науках и искусствах!

Ничто на свете не сближает людей так, как молитва. Вот почему и Ксениевский приют, доселе мне незнакомый и чужой, после общей нашей молитвы стал близким и родным, и от всего моего сердца молитвенно желаю я ему благоденствия, успехов в трудах и, особенно, укрепления святой нашей веры и любви к Православной Церкви.

Сердечно благодарю дорогих детей за подарок, который сохраню на всегдашнюю о них память.

Прошу принять от меня сии святые иконы, Божие благословение да будет над всеми вами.

Ксениевский приют находился в Москве, в Хамовниках.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МИТРОПОЛИТА ТРИФОНА (ТУРКЕСТАНОВА)

Христианство есть религия, которая учит о воплощении Божества как о факте реальном, имевшем для жизни мира и, в частности, человека последствия огромной важности. Актом Боговоплощения снято проклятие, прощен первородный грех, оправдан человек. Обнаружена любовь, сокровеннейшая сторона Божества, доселе себя не проявлявшая с такой силой по отношению к человеку. Сообщено совершеннейшее познание о Боге, как о любвеобильном Небесном Отце, раскрыта тайна жизни Самого Божества и троичность Лиц. И эта тайна покоится на любви, как на принципе внутренней жизни Божества: Отец любит Сына. Люди в первый раз увидели Бога во плоти, слушали Его Божественное учение, видели совершеннейшую жизнь в Лице Богочеловека Иисуса Христа и убедились, что Он есть для них *«Путь и истина и жизнь»* (Ин.14:6).

Христос для человека есть путь, который ведет к вечной жизни. Предоставленные самим себе, люди искали себе идеалов низшего порядка: внешних успехов, богатства, славы, удовольствий, власти, знания. Никогда и нигде Христос не говорил людям об этих перспективах. Это второстепенное дело, и по мере их достижения перед человеком встает грозный вопрос: а что будет после этого? Путь Христа есть тот самый путь, который пройден Им на земле: путь самоотвержения, любви, милосердия, прощения, путь, создающий в душе человека Царство Божие, царство мира и радости, довольства, спокойствия совести, сердечной чистоты.

Христос есть Истина. Я пришел свидетельствовать об истине, сказал Христос Пилату, когда этот скептик не знал, что такое истина (Ин.18:37–38). Необходимо знать, о какой же истине говорил Христос, когда назвал Себя истиной? Истина есть точное отношение между двумя предметами. Мы называем истиной слово, когда оно совершенно и точно передает факты, научную формулу, когда она верно передает закон,

управляющий тем или другим явлением, арифметическое решение задачи, правильно сделанной.

Одним словом, всякая истина подразумевает отношение. Следовательно, истиной и в религии необходимо считать нормальное, гармоническое и совершенное отношение между человеком и Богом. Христианство убеждает нас, что Христос в Своем Лице осуществил это отношение и нас научил тому же. Он же дал людям религию, как теорию отношений между человеком и Богом, но Он сделал больше. И в личности, учении, делах, страданиях мы видим человека, достигшего Бога, и Бога, проникающего человека. И во Христе находим живую реальную истину указанных отношений.

Христос есть жизнь. Ходячее слово, которое мы часто повторяем, «жизнь», оказывается далеко не простым явлением. Когда в последнее время дарвинизм выдвинул в первую очередь вопрос о жизни и хотел определить ее сущность в точной формулировке, подчинив ее определенным законам, оказалось, что жизнь даже в биологическом смысле есть одна из самых непроницаемых тайн. Все ученые остановились перед этой задачей, как перед запертой массивной дверью. Объяснить органический процесс случайным движением атомов или электронов, сказать, что живые клетки тела обладают сознанием, – еще не значит решить вопрос о том, что такое жизнь. Всенаучные гипотезы могут иметь значение лишь в качестве более или менее удовлетворительного описания жизненного процесса, причина которого, очевидно, лежит вне, где-то за пределами самой жизни. Ветхозаветная иудейская религия указала, что причина космической жизни земной, растительной, животной, человеческой лежит в Боге, то есть в Существе самобытном, причина Которого находится в Нем Самом. Как истинный образ Божий, как Бог воплотившийся, Иисус Христос и в этом биологическом смысле имеет полное основание сказать о Себе: «Я – жизнь».

Но Христос назвал Себя жизнью в более тесном смысле. Он был и остается жизнью для человека и человечества. Дело в том, что жизнь человечества приняла уродливые формы. Даже органическая жизнь в человеческом теле протекает

ненормально. Своими излишествами человек губит свое здоровье, сокращая жизнь, подвергая себя смерти гораздо раньше того момента, когда она должна была бы наступить в естественном порядке. Но что касается духовной жизни, она со времени грехопадения пошла вопреки Божественному замыслу и воле Бога. Сын Божий Иисус Христос открыл человеку жизнь, согласную воле Божией, жизнь новую, разумную, осмысленную, ведущую к определенной цели. История Церкви полна описаний множества таких явлений, когда с принятием христианства люди морально и духовно перерождались, становились как бы другими существами.

МОЛИТВЫ, СОСТАВЛЕННЫЕ МИТРОПОЛИТОМ ТРИФОНОМ (ТУРКЕСТАНОВЫМ) ПРЕМИЛОСЕРДОМУ ГОСПОДУ НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ

О Премилосердый и Человеколюбивый, Господи Боже мой! От грешной души моей, от убогого сердца моего возношу Тебе хвалу и благодарение в сей День рождения моего, как благоволил от юности моей до старости охранять меня и соблюдать, как чадолюбивый Отец, не только добрые дела, но и злые обращая мне на пользу и спасение; и первее всего благодарю Тебя, что призвал меня на служение Тебе, Святой Церкви Твоей в чине иноческом, отстранив все искушения и соблазны мира, но Ты милостив, и больше этого сделал со мной, Ты меня, многогрешного и недостойного и многими страстями оплетенного, не только сана священнического удостоил, но, о чем же и помыслить не дерзал, украсил и величайшей степенью святительства. Чем отблагодарю Тебя за это?! Немеет язык, слово изнемогает, и только сердце благодарное безмолвно вопиет. Слава Тебе, Боже, Слава Тебе, Спасителю, Слава Тебе, Милосердный!!! Но Господи, мой Господи, не о себе едином только вспоминаю я ныне, но и о всех тех, кого Ты дал мне, которые Твои есть: о всех моих чадах духовных, о всей пастве моей – о юных и старых, о женах и мужах – соблюди их во имя Твое, сохрани от соблазнов и искушений их веру и благочестие, огради от скорбей и болезней, утоли рыдания и стоны безнадежных, унывающих и отчаянных, облегчи страдания страждущих, помоги бедствующим. Доведи целыми и совершенными до христианской кончины жизни, безболезненной, непостыдной, мирной и дай нам всем добрый ответ на Страшном суде Твоем, да представ перед Тобою возглаголю Тебе, как отец духовный их: Справедливый Господи, это я и дети мои, их же дал Ты мне, – прими нас всех под вечный кров Твой, простив нам наши грехи – вольные и невольные, словом или делом содеянные. Об этом ныне молю и на помощь своим слабым молитвам призывая святого первозванного апостола Андрея, святого мученика Парамона и

Филумена, их память совершаем, святых мучеников Трифона, Бориса и Глеба, от рождения моего охранявших меня. Наиболее же всех Тебя молю, о Святая моя, о Радость моя и Надежда – Пречистая Дева, Ты, любвеобильная Мать наша, прими же нас всех в Твои материнские объятия и доведи до вечных радостей света и блаженства в Царстве Божественного Сына Твоего. Ему же вместе с Отцом и Святым Духом да будет ото всех нас слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Из записной книжки митрополита Трифона. 24 ноября 1923 г. (в день рождения).

Господи Иисусе Христе, Боже наш, молитвами Пречистой Твоей Матери, святых Ангелов хранителей наших и всех святых, приими мою усердную молитву за всех моих чад духовных, живых и мертвых. Приими молитву за всех, благотворящих мне, милующих, и даруй всем милость Твою великую: живых соблюди в мире и благосостоянии, усопшим даруй вечный покой и бесконечные радости.

Господи, Боже мой, видишь Ты искренность молитвы моей, что ничем не могу отблагодарить их, только этой усердной моей молитвой. Прими же эти слова мои, как дело благотворения и помилуй всех нас.

5 июня 1934 г.

Господи Боже, Спасителю наш! Призри с неба святого Твоего и прими смиренное благодарение наше за великие щедроты Твои на нас, бывших недостойными, и услышь моление наше о рабах Твоих (имярек), которых избрал быть благотворящими нам и ими же явил на нас неизреченные Твои милости. Благодарим Тебя, Господи Боже наш, что не оставил нас, сырых, в скорбях и напастях, но послал нам слуг Твоих, благотворителей наших (имярек), да исполнят над нами благое Твое произволение.

Хвалим, благодарим, славословим Тебя, Господи, тепло припадаем к Тебе, поклоняемся Тебе и молимся. Благословением Твоим, Господи, благослови рабу Твою (имярек), сотворившую нам блага, и сторицею, Человеколюбче, воздай ей богатой Твоей милостью. Покрой ее, Господи, спасительной десницей Твоей во все дни жизни ее и будь ей

Помощником и Покровителем во всех делах ее. Ангелом Твоим, Господи, заповедай о ней сохранить ее во всех путях ее и милосердным к ней, Милостивый, будь, милосердия ее ради.

Веселия и радости исполни, Господи, сердца их; мир Твой, здравие и спасение подай им; спаси и помилуй рабов Твоих (имярек), благотворящих нам, благодатью Твоей во веки веков. Аминь.

Рукопись.

СВЯТОМУ ДУХУ

Царь Небесный! Утешитель всеблагий, Душе истины, от Отца превечно исходящий, и в Сыне всегда пребывающий! Призри на молитву рабов Твоих, приди к нам, вселись в нас и очисти души наши от всякой скверны. О всеблагий, не возгнушайся нашей нечистоты и ран греховных, но исцели их всеврачуяющим Твоим посещением. Отгони от нас духа неверия, уныния, блуда, празднословия, лени, нетерпения и всех страстей. Подай же нам духа веры, любви, терпения, кротости, смирения, утверди расслабленные сердца наши, чтобы избегая всякого греха, сподобились получить кончину жизни мирную и непостыдную, войти в светлый рай и поклониться Тебе с Отцом и Сыном, воспевая во веки: Троице Святая, слава Тебе! Аминь.

БОГОМАТЕРИ «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ»

Царица моя Преплагая, Надежда моя Богородице, сирот и убогих Заступница и Помощница, скорбящих Радость, обиженным Покровительница, призри Ты мою беду, призри Ты мою скорбь, помоги мне, немощному, бедному, унылому, скорбящему. Направь меня на истинный путь, как заблудившегося путника. Обиду мою горькую Ты ведаешь, разреши ее Своим смотрением и мудростью. Не о себе только молю я в этот день священный Твоего праздника. О Свет мой незаходимый, о Радость моя и Надежда, но и о всех моих братьях и сестрах: страждущих, скорбящих, плачущих, болезнующих, плененных, чающих небесного утешения и помощи, умоли Милосердного Сына Твоего, да утешит их, умиротворит, успокоит их смятенные скорбные души.

Молю Тебя, Мать вечной истины и правды, и за братьев моих неверующих, заблуждающихся, озлобленных сердцем, да уврачует их Он Своей силой, да откроет им Себя, да руководит их судьбами, да познают они заблуждения свои и да обратятся к Богу живому и истинному, и да никто из них не погибнет, да будут искуплены они драгоценной Кровью Христовой. Молю Тебя, о Заступница рода христианского, и за родину нашу – Святую Русь православную, да утвердится в ней мир, тишина, любовь братская, наиболее же укрепляется вера живая, твердая, пламенеющая. Церковь же Православная да сияет неизменно своим благодатным светом на всю страну нашу.

Молю Тебя, Надежда ненадежных, и за души усопших отцов, братьев, матерей и сестер наших, да упокоит их правосудный, но и благий, и Человеколюбец Господь в Царствии Небесном, да дарует им радость вечную, свет и покой, да простит им всякое прегрешение вольное и невольное, так как нет человека без греха на земле.

Молю Тебя, о Мать милосердия, в горький и страшный час кончины нашей не оставь нас, но прими нашу трепещущую тогда страхом великим и ужасом смертным душу в Твои

материнские объятия, доведи ее до Престола Божия и оправдай Твоим всемогущим заступничеством.

Ты некогда прорекла о Себе, да ублажают Тебя все роды, и мы – люди, любим Тебя всем сердцем нашим, почитаем Тебя и взываем: не имеем мы иной помощи, ни иного заступничества, только от Матери всех скорбящих и обремененных, на Тебя надеемся, Тобою хвалимся и к Тебе из глубины души и сердца вопием: радуйся, Благодатная, радуйся, Препрославленная, радуйся, Скоропослушница, скорбящих Радость, радуйся, Радость наша, покрывай нас всегда Твоим Святым покровом. Аминь.

28 февраля 1921 г. Рукопись. Читал во всех храмах.

БОГОРОДИЦЕ В ЧЕСТЬ ЕЕ ОБРАЗА «СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ»

О Всепочитаемая Мать, о надежда всех христиан, ныне в этот день священный Твоего Праздника всей душой и всем сердцем чувствуем мы Твое невидимое среди нас пребывание. Созерцаем душевными очами Твой Покров, распростертый над нами, грешными детьми Твоими, и с весельем и радостью восклицаем тебе: «Откуда нам это, да придет Мать Господа нашего к нам». Так некогда говорила святая праведная Елизавета, и вострепетал младенец радостно во чреве ее (Лк.1:44–50). Светлой надеждой трепещет и наше сердце в груди, ибо Ты не оставляешь нас, Споручнице грешных. Поручаем мы Тебе, нашей Небесной Матери, себя самих: слабых, унылых, непрестанно падающих во многие великие согрешения, теряющих от уныния нашего и веру, и надежду, жестоких сердцем, не имеющих любви к ближнему. Помогите нам, Споручнице грешных! Поручаем Тебе, Мать Милосердная, наших братьев и сестер скорбящих, плачущих, болезнующих, впавших в отчаяние. Помогите им, Споручнице грешных! Поручаем Тебе, о Мать Человеколюбиваго Бога, всех дорогих и любимых наших усопших отцов, матерей, братьев и сестер и всех христиан, наиболее тех, о которых некому помолиться. Защити их и помоги им, Споручнице грешных. Ныне день, именуемый Торжеством Православия, умоли Всемогущего Бога, да торжествует непрестанно в земле нашей вера апостольская, вера отеческая, вера православная. Ею же крепки и сильны были праотцы и отцы наши, да и все русские люди, имея Тебя Заступницей усердной, восклицаем Тебе победную песнь: Радуйся, Споручнице грешных, Надежда крепкая земли нашей.

ИОАННУ КРЕСТИТЕЛЮ

О Креститель Христов, о проповедник покаяния, ныне, во дни покаяния Великого поста, в храме этом, тебе посвященном, именуем тебя своим покровителем и молитвенником, молим тебя и просим: помолись за нас – слабых, маловерных, унывающих, печальных, во многие беды и скорби впадших, Владыке и Богу нашему Господу Иисусу Христу, да утешит Он нас Своей благодарной помощью, да дарует нам покаяние и терпение, да озарит наши грешные и темные души светом Своей любви и истины, ибо много может твоя молитва, ты первый воззвал ко грешным людям: покайтесь и веруйте в Евангелие, обнови наши души покаянием, как вторым крещением, ибо обоих ты являешься начальником: крещением омывая прародительский грех, покаянием очищая души от греховных скверн и очистив нас, грехами оскверненных, и просветив благодатью Святого Духа, введи с собой в Царство Небесное, Царство любви, света и вечной истины и правды. Аминь.

В храме Троицы в Серебряном переулке, в Москве, 29 августа 1931 г., обедня.

ИСПОВЕДАНИЕ ГРЕХОВ

Исповедаю я, многогрешная раба Божия (имя), Господу Богу моему Иисусу Христу и тебе, владыко и отче, все согрешения мои, все злые дела мои, которые содеяла во все дни жизни моей, которые помыслила, которые говорила, которые волей моей сотворила и неволей, которые ведаю и которые не ведаю, прости мне все их. Согрешила малодушием, маловерием, несоблюдением христианских заповедей Закона Божия, ленью к молитве и к посещению храма Божия, кощунством, ропотом и хулой на Самого Господа Бога, осуждением всех людей, живых и мертвых, завистью, гневом, яростью, ненавистью, злопамятством, клеветой, корыстолюбием, желанием славы, чести и почитания, тяжбою, утаением чужих вещей, обвинением во всем ближних, а не укорением самой себя в своих проступках, рассеянностью ума, холодностью и окаменением сердца, услаждением и укоснением в скверных, нечистых, сладострастных помыслах, греховным воззрением на лица; зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и всеми моими чувствами душевными и телесными, но о всех сих каюсь, жалею и виновной себя перед Богом представляю и имею волю впредь сколько возможно с помощью Божией сохранять себя от всех грехов.

Ты же, прости меня, владыка и отче, благослови, разреши и помолись обо мне, грешной (грешном).

«ПРЕДСМЕРТНАЯ» МОЛИТВА МИТРОПОЛИТА ТРИФОНА

Господи, Иисусе Христе, Боже наш, молитвами Пречистой Твоей Матери, святых Ангелов хранителей наших и всех святых, прими мою усердную молитву за всех моих чад духовных, живых и мёртвых.

Прими молитву за всех благотворящих мне, милующих, и даруй всем милость Твою великую: живых соблюди в мире и благосостоянии, усопшим даруй вечный покой и бесконечные радости.

Господи, Боже мой, видишь Ты искренность молитвы моей, что ничем не могу возблагодарить их, только этой усердной моей молитвой.

Прими же эти слова мои, как дело благотворения и помилуй всех нас.

5 июня 1934 г. Написано под диктовку митрополита Трифона М.А. Гусиной.

Примечания

¹ - Митрополит Филарет (Дроздов) был известен своими вдохновенными проповедями, редким умом и строгим образом жизни. Пушкин оставил о нем следующие строки: Но и тогда струны лукавой Невольно звон я прерывал, Когда твой голос величавый Меня внезапно поражал. Я лил потоки слез нежданных, И ранам совести моей Твоих речей благоуханных Отраден чистый был елей. И ныне с высоты духовной Мне руку простираешь ты И силой кроткой и любовной Смиряешь буйные мечты. Твоим огнем душа палима, Отвергла мрак земных сует, И внемлет арфе Серафима В священном ужасе поэт.

² - Еп. Трифон. Памяти иеромонаха Варнавы. – М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1906.

³ - Поучения о святом храме и о христианском воспитании детей, произнесенные Преосвящ. Трифоном, еп. Дмитровским. – М., 1903.

⁴ - Воспоминания о праздничных торжествах в Иверской Выксунской женской обители Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, 7–9 июля 1903 года, впечатления странника-богомольца. – М.: типолит. И. Ефимова на Б. Якиманке, 1903.

⁵ - В 1996 г. иеромонах Никон (Беляев) канонизирован в сонме преподобных Оптинских старцев для местного почитания. – Ред.

⁶ - См.: Памяти Оптинского старца Варсонофия. – М.: Козельская Введенская Оптиная пустынь, 1913.

⁷ - См.: Исторический очерк Московского Богоявленского монастыря/ Сост. Д. С. Дмитриев. – М., 1902.

⁸ - См.: Освящение храма во имя прп. Симеона Столпника при больнице-приюте для монашествующих в Даниловом монастыре. – М., 1903.

⁹ - Христос Воскрес! Слово, произнесенное Преосвящ. еп. Трифоном 26 марта 1914 года. – М., 1914.

¹⁰ - Еп. Трифон. Святитель Иоанн Златоуст – страдалец и друг страждущих. – Сергиев Посад, 1913.

¹¹ - Ставропигиальный Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. – М., 1914.

¹² - В первой части этой книги уже говорилось, что митрополит Трифон был воспитанником Оптиной пустыни и хорошо знал ее последних старцев. С о. Варсонофием его связывала тесная дружба. Поэтому нам хотелось бы сказать о двух ошибках, Допущенных в книге И. М. Концевича «Оптина пустынь и ее время» (Джорданвилль, 1970). В книге говорится, что о. Варсонофий остановился в Москве у епископа Анастасия, который посвящал его в сан архимандрита. Тот же епископ, как сообщается в книге, и отпевал о. Варсонофия (с. 391, 399). На самом деле посвящение в сан и отпевание Оптинского старца совершал не епископ Анастасий, а епископ Трифон. Смотрите брошюру «Памяти Оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни (М, 1918)»: «Началось отпевание по иноческому чину, которое совершал Преосвященный Трифон соборне с сослужащим духовенством» (с. 33 указанной брошюры). Он же отпевал старцев о. Варнаву и о. Аристоклия, а также о. Валентина Амфитеатрова. – Сост.

¹³ - Иеродиакон Штурм, автор одной из биографий митрополита Трифона.

¹⁴ - По этому поводу иеродиакон Феофан вспоминает: «Я в то время был болен, и Владыка писал мне, что он не добивался такого высокого сана и принимает его со смирением, как новый этап в его служении Русской Православной Церкви».

¹⁵ - Эта мысль все больше подтверждается современной наукой. В последнее время много пишут о необходимости ограничить потребление мясных продуктов, о лечении голодом, о пользе физического труда, забывая о том, что излишества и ненормальности цивилизации вызываются прежде всего нравственными причинами (религиозный индифферентизм и, как следствие, эгоизм и изнеженность).

¹⁶ - Этим, конечно, не отрицается и другой путь к Богу рассматривание творений (Рим. 1, 20).

¹⁷ - Среди некоторых верующих у нас в стране распространилось мнение, что этот акафист принадлежит не митрополиту Трифону, а протоиерею Петрову. Но авторство митрополита Трифона подтверждается статьей епископа Мануила, а также свидетельствами лиц, знавших Владыку (архимандрит Герасим и др.).